Запрещено для коммерческого использования

15 лет
Счастливые истории
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

МЕЖДУНАРОДНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ®

ГЛАГОЛИЦА

ЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ЗНАЮТ ВСЕ

Альманах №12

14–17 лет

GLAGOLITSA-RT.RU

2025

Запрещено для коммерческого использования

МЕЖДУНАРОДНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ®

ГЛАГОЛИЦА

ЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ
ЗНАЮТ ВСЕ

Альманах №3 12

2025

15 лет
Счастливые истории
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД

Запрещено для коммерческого использования

УДК 821.161.1-93+821.512.145-93
ББК 83.84(2=411.2)6+83.84(2=632.3)6
Г52

Г52 Альманах № 12 «Глаголица-2025» : сборник произведений. — Казань, Изд-во «Бриг». — 2025. — 437 с.
ISBN 978-5-98946-419-7

Альманах № 12 представляет собой сборник произведений соискателей Международной независимой литературной премии «Глаголица», вошедших в «Короткий список».

УДК 821.161.1-93+821.512.145-93
ББК 83.84(2=411.2)6+83.84(2=632.3)6

ISBN 978-5-98946-419-7

© БФ «Счастливые истории», 2014–2025

Запрещено для коммерческого использования

Многоуважаемые коллеги!
Дорогие юные литераторы!

Нет, вы не ослышались, не очитались, я действительно считаю вас своими коллегами. И не только своими, но и коллегами всех, как ныне здравствующих, так и давным-давно ставших классиками литераторов. Литературное творчество — процесс живой и не поддающийся строгой регламентации. Во сколько лет человек имеет право называться писателем? Странный вопрос, не так ли? Кто может ему запретить считать себя таковым в любом возрасте? Ведь первоначальный писательский импульс рождается от невозможности высказать выстраданное, наболевшее или, напротив, восторг и радость жизни сухим языком бытовой речи. Поэтому возраст прихода в литературу — штука сугубо индивидуальная.

Вам повезло, вы встали на этот путь на рассвете жизни, ваши глаза горят, души сияют светом надежды, помыслы чисты и благородны, старания и усердие искренни и безграничны. Однако многие из вас через некоторое время отложат в сторону перо, отодвинут клавиатуру, захлопнут ноутбук, выберут иную стезю. Кто-то вновь вернётся к писательскому труду на новом витке биографии, кто-то уже никогда не вернётся, лишь изредка будет вспоминать, что вот, мол, были времена, когда и я баловался пером, а кто-то навсегда свяжет свою жизнь с литературой.

Про них, последних, Николай Гумилёв в начале прошлого века писал в стихотворении «Волшебная скрипка»: «Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка, не проси об этом счастье, отравляющем миры, ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка, что такое тёмный ужас начинателя игры! Тот, кто взял её однажды в повелительные руки, у того исчез навеки безмятежный свет очей…» Литература — это всегда про ответственность, жертвенность, плату, порой ценою жизни, за свой талант, свою «скрипку». Настоящая литература! И всё же: «…Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ! Но я вижу — ты смеёшься, эти взоры — два луча. На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ и погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!» Гибель, конечно, не только метафора, судьба самого Гумилёва тому порукой, но всё же метафора, прежде всего. Суть её в отношении к собственному таланту, дару. Не он вам что-то должен,

Запрещено для коммерческого использования

вы ему должны. Талант обижается и уходит, когда ему изменяют, тем паче предают. Талант губят лень, бахвальство, равнодушие. Уж так это исстари заведено в мире большой литературы, куда каждый из вас сегодня делает первые шаги. И я абсолютно уверен, что многие из вас со временем познают, как мучительно тяжек и одновременно сладок плод литературного творчества. А может быть, вам уже знакомо это чувство…

От всей души желаю вам, не страшась любых трудностей, взять в повелительные руки свои скрипки, а мы, наставники «Глаголицы», постараемся по мере сил помочь им зазвучать в полный голос. Но главное — за вами! За вами будущее отечественной литературы! Желаю вашим скрипкам звучать пронзительно и честно, глубоко и содержательно, печально и весело, всегда и везде! Пусть же ваша литературная судьба сложится счастливо и гумилёвские «духи ада» не отвратят вас от веры в собственный талант и служения ему!

Нияз Игламов,
театральный критик, помощник художественного руководителя ТГАТК «Экият», советник министра культуры РТ, председатель общественного совета при Министерстве культуры РТ, литературный консультант Союза писателей РТ, лауреат премий Д. Сиразиева и М. Джалиля

Запрещено для коммерческого использования

ПОЭЗИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

14 – 17 лет

Гудим-Левкович Елизавета, 15 лет
Российская Федерация, Архангельская область, г. Архангельск

КОРОНА ИМЕЕТ ВЕС

Ты хотел быть великим. Столько невзгод прошёл:
Подливал в кубки яд и в спину колол ножом.
Наконец ты достиг вершин и на трон залез,
Но корона всегда имеет немалый вес.
Она давит на душу, сжавши её в тисках,
И внушает тебе животный, звериный страх,
И вселяет сомненье в разум, что нынче слаб.
Ты теперь не правитель — просто короны раб.
И исходу такому сам ты ничуть не рад,
Ты боишься, тебе подсыплют в напиток яд.
Ты хотел быть великим, только не мог понять,
Что не каждый король корону силён поднять.

Лимаренко Богдан, 15 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

НА ВЫСОКИХ ВИБРАЦИЯХ

Мир
Сотворён благозвучными струнами
Вечной материи.
В тир

Запрещено для коммерческого использования

Обратили планету
Приспешники алчной эпохи.
Роль
Выбирает любую и каждый
В кровавой мистерии.
Боль
Сценаристом прописана всем,
И незримы подвохи.
Клуб
Обладателей знаний сакральных
Умы программирует.
Куб
Метатрона, пульсируя гранью,
Сбивает настройки.
Пять
Первозданных Платоновых тел
В унисон резонируют,
Стать
Нам велят человечнее,
Души собрав по осколкам.
Лир
Возродим консонанс,
Исправляя мотивы заблудшие.
Пир,
На крови приготовленный Мороком,
Будет иссушен.
Трон
Инфернальной звезды
От высоких вибраций обрушится.
Звон
Благодатных огней
Отзовётся в истерзанных душах.

(НЕДОЛГО) ВЕЧНОСТЬ

На первой секунде… Вечности
Гуляли по счастью вдвоём,
Укутались детской беспечностью,
И каждый мечтал о своём.
На первой секунде вечности

Запрещено для коммерческого использования

Всё было лишь в наших руках.
Друг друга нашли в бесконечности,
Соната звучала в сердцах.
На первой секунде вечности
Не знали, что это пройдёт,
Хронометр чистосердечности
Запустит обратный отсчёт.
На первой секунде вечности
Так мало смеялась душа,
Секунда была быстротечная,
А вскоре и вечность прошла.

ПЕРВАЯ СТРЕЛА

Амур. Мишень. Стрела. Любовь.
Улыбка. Взгляд. Знакомство. Имя.
Цветы. Прогулка. Нежность слов.
Блаженства свет. Восторг. Богиня!
Аллюр часов. Ландо луны.
Прощанья путь. Разлука. Грёзы.
Надежды явь. Влюблённых сны.
Раскаты чувств. Желаний грозы.
Армюр судьбы. Узоры встреч.
Душа к душе. Мечты невинность.
Аккорды сердца. Арфы речь.
Мишень. Стрела. Любовь. Взаимность.

НЕЧАЯННО

Я в кружке чая вижу циферблат,
Чаинки по краям подобны числам.
Наполнил время чайный аромат,
И чайный привкус чувствуется в мыслях.
Нечаянно я им заворожён,
Всё больше чайный дух меня пленяет.
Во время чайное всецело погружён,
А собственное время утекает…

Запрещено для коммерческого использования

РЕВЕРСЫ ЗАРИ

Рассвет предвещает закат,
Людей проявляя зарёй,
Поэт выжигает набат
Своей непокорной строкой.
Альянс разноликих страстей
Влечёт молодые сердца,
Баланс чёрно-белых идей
Даёт совершенство Творца.
Творца совершенство даёт
Идей чёрно-белых баланс,
Сердца молодые влечёт
Страстей разноликих альянс.
Строкой непокорной своей
Набат выжигает поэт,
Зарёй проявляя людей,
Закат предвещает рассвет.

Устинкова Анна, 16 лет
Российская Федерация, г. Москва

ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ

* * *

как творить когда ты растворяешься
в черных дырах скрипичных эфов
ты рефрен каждый день повторяешься
но теряешься где-то в нефах
я ругаю себя за глагольные рифмы
и за то что забыла цвет твоих глаз
тебя понять сложнее чем логарифмы
ищу предлог теряю и делю на слоги своё «сейчас»
как вернуть если мир не вращается
или моя жизнь бесконечная фермата
как подобрать когда не получается
и в тебе слишком много сфумато
нет нужных слов но дело не в жуковском
музыка лучше но неправ мандельштам

Запрещено для коммерческого использования

в давящем силентиуме московском
грохот метро переносит в тогда и там
как забыть когда всё забивается
в угол воротника и во сне начинает выть
как прощать когда уходя не прощаются
научите меня заменять любить на быть

* * *

снова и снова марать
мир
умирать
снова и снова
если воскресенье
воскресать
снова и снова
не старый не новый
не вижу порожка
подкова подножка
я падаю
немножко
*
снова сова
снует взбирайся
ко мне
на сеновал
быстрее
карабкайся пока
не догнал ворон
с криками
невермор
*
эй ты спишь
не бойся
без зноя
тебе не приснятся
офорты гойи
*
эй ты спишь
просыпайся
я говорю

Запрещено для коммерческого использования

о фюсли ты думаешь
про мюсли
они просыпаются
мимо миски
как плач одалиски
не верь не поднимай не утешай не иди
это слишком
неоправданные риски
(а хочешь куплю тебе ириски?)
*
слышишь
приложи к уху совиное
уханье
ты дышишь
*
ух
упало
разбилось
в пух
*
слышишь
у моря погода
дождались
мы ждали
тридцать четыре года
*
что нас ждёт
если ждать ещё год
ещё больше совиных снов
с нитками
от котов

* * *

Больше меньше тихо громко
Окна превратились в рюмку
Льётся в них вино заката
И пока на крыльях ската
Тихо ночь была когда-то
Были люди в наше время
Очутились не в поэме

Запрещено для коммерческого использования

Лучше не любить страницы
Их порвут пустые лица
Только вяжут тихо спицы
Битый угол старой саги
Озеро творили маги
Лишний блеск запрятав в солнце
Им не станет миски донце
Треск костра в твоём оконце
Быль когда-то стала болью
Около картонной соли
Лампа гасла от лишений
Имитируя крушенье
Ты бежишь но не решенье

Пищина Эрика, 17 лет
Российская Федерация, Астраханская область, г. Астрахань

РЫБЫ И ПТИЦЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

* * *

Холодные зимние волны моря
Царапают берег промокший.
Мелкими брызгами падают
Осколки дней
Казалось, светлых только вчера.
В потемневшей воде качается чайка,
По мазутно-чёрному пляжу
Бредёт человек с плавниками.
Он идёт на восток…
Хруст. Это зонтики,
Сломанные ветрами,
Дробятся под тяжестью ног.

* * *

— У вас новое сообщение.
Удалить эту запись? —
Мигает экран.
— У вас сообщение от

Запрещено для коммерческого использования

Руководителя класса:
Собрание старост,
вас не было.
Почему?
Пометить как непрочитанное,
Снять с паузы трек:
«Там, где ты земли коснулся,
новый колос прорастает»[1].
На стене соцсети
фотография кладбища, голубь,
Люди в платках, цветы.
— Удалить эту запись? —
Повторяет экран.
Отмена.

* * *

Небо надевало шарф из тёмной синевы,
Город засыпал,
Просыпались
Мертвецы.
Вставали, шли по востоку Израиля,
По пути
Посещая города на «и».
1973, небо в голубом шарфе,
Йом-Киппур.
За частью земли
Возвращались ибис и скарабей:
Трещины по камням и стёклам,
По асфальту дорог.
Город проморгался: засыпали люди.
Просыпались мертвецы.
Но не вставали,
Не шли за ними.

[1] «Там, где ты земли коснулся, новый колос прорастает» — строчки из песни «За невинно убиенных» группы «Пикник». Песня была написана в 1994 году. Позднее посвящена трагедии в «Крокусе» 22 марта 2024 года.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

1.

Птица с лицом человека
Повернулась хвостом на запад.
Взвешенное сердце легче пера.
Под тетраедной шапкой на стенах
Росписи дышат,
Ходят и говорят.
Дома.

2.

Дом из камня-известняка.
К нему устремляется двойник-Ка;
У него два крыла, хвост,
В клюве табличка с именем.
То же имя на камне выбито;
Если символы выколоть или стереть,
В дверь постучится смерть.

3.

— Смерть, — считали они, —
Это начало жизни и
Вечности.
На песок снижается птица.

Ануфриева Елена, 17 лет
Российская Федерация, Архангельская область, г. Северодвинск

СНЕЖНЫЙ ШАР

Я заварю тебе чай,
В доме будет тепло.
Вместе дождёмся май,
Пробьёмся через стекло.
Маленький снежный шар:
Просто кусочек зимы.
Лес не заденет пожар,
Высотки все снесены.

Запрещено для коммерческого использования

Мир раскололся, а мы —
Пазла кусочек в стекле.
В шарике вечной зимы
Люди не знают о зле.
Здесь только лес, только дом,
Чашка в ладонях твоих.
В маленьком мире моём
Холод на время утих.
В доме будет тепло,
А за окном снова снег.
Прочно у шара стекло,
И не возможен побег.
Чай греет руки твои,
Стих согревает сердца.
В шарике вечной зимы
Мы проживём до конца.
Я заварю тебе чай,
В доме настанет покой.
Мы не дождёмся май,
Шар наш совсем не такой.
Только не рушь тёплый дом,
Не разбивай этот шар.
Жить вместе в мире таком
Не наказанье, а дар.

Голодюк Юлия, 15 лет
Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск

ПРОИЗВОДСТВО ТЕРНОВЫХ ВЕНКОВ

Может быть
За майской сиренью
В конце лета цветёт полынь
За радостью горечь
За болью холод и безразличие
У молчания отвратительный вкус
Горче полыни
У души пронзительный крик
Ярче сирени

Запрещено для коммерческого использования

Мои мысли пахнут совсем не так,
Как слова
Это слышно наверное.
У обрезанных рукавов нет шансов на исправление.
Нет шансов на просветление у тех,
Кто не видел солнца.
Удача в их сторону лишь посмеётся
И обернётся пеплом, когда сгорит дотла.
Её подожгут горькие как полынь слова.
Начнётся страшный пожар,
Ляжет чёрная тень
И где-то вдали тогда зацветёт сирень.

КАК РОЖДАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ

Звёзды — это лишь огромный газовый шар.
Ну да. Шар.
Только там не газ, а душа.
Души тех, кому не дано жить в человеческом теле.
Так задумано по идее,
А на деле всё намного сложнее.
Туда отправляются те,
Кто не прижился в подземном мире.
Такие, как я, звёзды
Огромные и голубые.
Я ведь даже не человек.
Что угодно, но точно не он.
Меня больше в пустой белой чашке из-под горячего кофе
Или в старой бессмысленной папке отдела СИЗО.
Бесполезная и не нужная уже никому
Кроме себя.
Во мне смысла больше, чем боли.
Я лежу.
Мне тепло, и в лицо дует ветер,
И в глазах не остается пигмента.
Они белы, как и снег
Холодны, как и ветер,
И теплее любых костров.
Моя горькая правда
Слаще любого смысла.

Запрещено для коммерческого использования

Сильнее любых оков.
Я лежу на холодном снегу
И жду, когда станет теплее.
Жду, когда станет полегче.
Дожидаясь спасения вечность,
Я усну.
Не имеет значения мой смысл.
Этот ветер его сдувает.
Моя правда во мне расцветает
Белыми лепестками.
Даёт новые крылья.
Кто я? Не знаю.
Я потеряла свой смысл.
Обменяла его на чистую правду
И живую себя.
Наверное, именно так происходит перерождение.
Наверное, именно так расцветает весна.

Бутусова Анастасия, 14 лет
Российская Федерация, г. Москва

* * *

Что хотел сказать автор?
Автор хотел сказать, что ему больно,
Что устал он, что за повтором повтор,
Что это не он, это все невольно
Веками растёт слёзный ком
И потом превращается в камень,
Который тянешь на гору, будто Сизиф, а потом
Он убивает тебя, и ты шепчешь: «Аминь».
Автор хотел сказать, что всё надоело,
Когда одинаково серо срываются с крыш облака,
Когда твоё солнце сгорело
А жизнь как никогда нелегка.

Запрещено для коммерческого использования

Половинский Кирилл, 15 лет
Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар

ЛУННОЕ МОРЕ

В дали позолоченной солнце скрывалось.
В сиренево-розовых красках заката
Морская волна из пучин поднималась,
Виднелся сверкающий парус фрегата.
Безбрежный покой необъятного штиля
Слегка прерывали вечерние птицы.
Исчезло светило, и ночь опустила
На синее море свою плащаницу.
И вдруг неизвестное жёлтое око
Явилось, таинственный свет изливая.
А море темнело и грустно немного
Молчало, загадочный глаз отражая.
И стало всё чёрным и мрачным, и смутно
Горели ничтожные белые точки
На небе бескрайнем, на небе лоскутном,
На небе неясном, неважном, побочном.
Вода обнимала тоскующий берег,
А море казалось ранимым и чутким.
Блестящие волны задумчиво пели,
Вторгаясь в глубокие дебри рассудка.
И в волнах, дурманящих, свет расплывался
Луны, фонарей и далёких созвездий.
А в небе, как в чистой воде, отражался,
Громадный, но очень чувствительный крейсер.
Бессонница. Синее пламя восхода.
И птицы запели тревожные песни.
Быть может, мы все отраженье чего-то,
Чего-то далёкого, неизвестного?

Запрещено для коммерческого использования

НЕВЕРОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Вечер тёмный, как чернила,
Был метелями измят.
Всё гудело, всё вопило.
И колючий аромат
Разъярённого мороза
Прочно въелся в шум толпы.
Люди шли, как паровозы,
Дыма грузные клубы
Выдыхая торопливо.
В дверь планеты постучав,
Вечер сонный и ленивый
Ночь сменила, очерча
Небо звёздными рядами.
Око жёлтое взошло
Семимильными шагами
На небесное чело.
Вьюги мчались кавалькадой.
Жутко ёрзал лунный глаз.
В карнавале снегопада
Мир беспомощно завяз.
Где-то там какой-то кто-то
Пробирался сквозь толпу.
Он, уставший от работы,
Эту зимнюю пургу
Проклинал ежеминутно.
А заснеженный квартал
Что-то очень-очень смутно
От допытливых скрывал.
Под мятежным карнавалом,
Под серебряным ковром
Эта тайна зазывала
Угасающим огнём.
Если умный, развернётся,
Руки в брюки засучив.
Ну, а я хватаю Солнце
За кудрявые лучи!
И тащу его на волю
Из снегов, из-подо льда!

Запрещено для коммерческого использования

А оно мне басом: «Больно!
Что ж ты делаешь, балда!»
От проснувшегося жара
Всё растаяло в момент,
И остались клубы пара
От метелей-непосед.
День стоит в двенадцать ночи.
Я сижу. Вокруг меня
Солнце гневное хлопочет,
Звёзды светом заслоня,
И, бранясь по-стариковски,
Восклицает: «Как же так?
Ты ведь чай не Маяковский,
А устроил кавардак?!»
Я ему не прекословил,
Ведь и вправду виноват:
Взял и впрямь обеспокоил
Эту ночь и снегопад.

Семенихина Алиса, 15 лет
Российская Федерация, г. Москва

ВСЕ МЫ В МАЕ МАЛОВМЕНЯЕМЫ

Каждому рыцарю

Каждому рыцарю полагается дракон и принцесса,
Оба по ГОСТу:
Дракон огнедышащий и злобный,
Принцесса прекрасная и похищенная.
Каждому рыцарю ещё полагается меч
(При отсутствии можно копьё или шпагу),
Приказ короля (это, правда, факультативно)
И какой-нибудь кодекс чести.
Если у рыцаря некомплект —
Это какой-то так себе рыцарь,
И король, наверное, не выдаст за него принцессу.
Поэтому изображаем укомплектованность.

Запрещено для коммерческого использования

Весна

Будет весна.
Она сожрёт мою тоску
Чёрными зубами высоток
На фоне синего неба.

Пожалуйста, весна,
Только не спутай
Меня –
С моей тоской.

Дождь

Дождь постукивает тонкими пальцами по стеклу,
Гладит окна – многолапый, многопалый, многоликий.
Дождь простучит всю ночь, а к утру
Сгинет, оставив водно-солнечные блики.

Дождь передаёт нам сигналы азбукой морзе –
О том, что было вчера и будет через пару столетий.
Дождь играет песню о жабе и розе
На барабанах городского благолепия.

Дождь крадёт фонарный свет и дарит лужам,
Открывая окна в симметричные миры-отражения.
Дождь зовёт выйти из квартир наружу
И летать в облаках ведьмой, не преданной сожжению.

Если б я мог

Если б я мог, я превратился б в кита.
Я бы плыл, не дыша, темнота
Окружала меня, и косяк мелких рыб
Я сносил мановеньем хвоста.
Зыбь
На воде я не чувствовал, тишь, пустота
В глубине океана, и та
Глубина так чиста.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

На прилавке лежали селёдки
И смотрели
Своими человеческими глазами,
Как люди с очами вяленой рыбы
По улице шли.
А дождь угнетающе лил.
На лужах взлетали холодные брызги.
Люди шли.
Небо серело туманно-уныло.
Осмысленность действий стремилась к нулю.
В воде луж
Кружились осколками мысли.

Майское

Все мы в мае маловменяемы —
Небосклон мира зданьем ломаем,
Крыша здания в небо вминаема;
Если мир и умрёт — только в мае.
Обесснеженный город вскрывается
Одуванчиком в шраме асфальта,
И с зелёным туманом мешается
Чёрно-серая города карта.
Светит солнце болезненно-острое,
Снег и свет друг друга сменяют.
Начинают вселенные вёснами,
Значит, вёснами их и кончают.

Однажды утром пошёл дождь

Однажды утром пошёл дождь.
Он идёт уже сотню недель подряд,
По дорогам текут грязные реки,
Затапливая до половины машины.
Моря и озёра выходят из берегов.
Где-то громыхает гром.
Я ложусь спать.
Когда я проснусь и выйду на крыльцо,
Я увижу вокруг только море.

Запрещено для коммерческого использования

Огромное пресное море.
В нём будет отражаться небо
И птицы, которые полетят к моему дому.
Я буду жить в доме всё время, что мне осталось,
Я буду смотреть на закаты,
Оставляющие огненные следы на воде.
Я проживу недолго.
Я просыпаюсь и выхожу на крыльцо.
Я не вижу моря.

Кит

Кита выбросило на берег штормом.
Кит издох и гниёт.
Кит лежит бесполезной грудой,
Песцы проедают в нём норы.
Кит источает ужасающее зловоние,
Но всем всё равно,
Потому что если тебя выбросило на берег штормом,
Рано или поздно ты сгниёшь.
Кита доедят опарыши, чайки, те же песцы,
Растения будут расти на нём,
И через несколько лет
Останется один огромный остов —
Как Арго, обветшавший на верфи,
Он будет лежать немым упрёком судьбе.
Впрочем, песцы таких тонких
Метафор не понимают.

Запрещено для коммерческого использования

ТАТАР ШИГЪРИЯТЕ

14 – 17 яшь

Ильясова Энҗе, 16 яшь
Татарстан, Актаныш авылы

СУЛА, СУГАРЫЛЫП, ЯҢГЫР ИСЕН!..

Сула, сугарылып, яңгыр исен!
Сусыллыкны сула исергәнче!
Яздан язган мәлне хәтерләтеп,
Тамчы тамар. Юллар киселгәнче.

Сусыл яңгыр исе! Тансыктырды!
Тансыктырды язны үпкән галәм.
Ә синең дә тормышыңда бүген
Бармы язны чәйнәп-капкан әләм?

Табылмады миндә. Табалмадым.
Әле җилфердәмәс сөю бүлеп.
Һәрберебезгә инде күптән күкләр
Язгандыр күк бөреләнгән бүлек...

Үлеп туа язда тәндәге җан,
Тик яшәми дөрләп әүвәлгечә.
Күрче: әлсерәүдән кешеләр дә
Яңгыр урынына язны эчә.

Әмма төче! Төче миңа бу яз!
Тулмый шикәр, егып касәләрне.
Сиңа/миңа яңгыр исе сеңгән –
Бу – язларның, ахры, вәссәламе...

Запрещено для коммерческого использования

АК ХЫЯЛЛАР – АП-АК ШОМЫРТЛАР УЛ

Ак хыяллар — ап-ак шомыртлар ул,
Чәчкә ярган утлы Майларда.
Колач җәеп, Кояш йотып чапкан
Үткән Маем! Син соң кайларда?!

Айлардамы? Бүтән планетада?
Йолдыз йоткан әллә бер учлап?
Алга бару, ялкынланып яну —
Туган иде барысы бер очта.

Очты-китте шомырт чәчкәсе күк
Омтылышым, сөю-көюләр.
Ә Май кайтты кабат еллар урап.
Күңел генә — шул ук җилгә каршы
Шашып йөгерүче бер җүләр.

БҮГЕНГЕМНЕ ЮГАЛТУЫМ АҢЛЫЙМ

Бүгенгемне югалтуым аңлыйм,
Үткән белән юып уйларымны.
Синең белән, минем белән, өем,
Әти-әни, балачагым булган
Хәтеремнән һаман җуймавымны.

Җуймавымны үткән елларым һәм
Иске бәхетемне җыймавымны.
Аңлыйм. Чемоданга кием салган кебек
Елмаюым, сөю шатлыкларым
Кире кайтарырга кыймавымны.

Кыйнавыңны, әй Көн, сукмый гына
Камчы бәргәнеңне йөрәгемә.
Аңлыйм. Көннән-көнгә, төнгә ныграк
Яшәешем, сәгать-минутларым
Күчеп барганнарын өрәгемә.

Запрещено для коммерческого использования

Һәм мин аңлыйм: вакыт – дәва түгел!
Ул бары тик сагыш йотып кына,
Шул сагышка күзне йомып кына
Яшәешкә өйрәтмәкче җанны.
Колак тона, тып-тын йөрәк тына
Аеклыктан, тере хакыйкатьтән,
Үткәнемне кайтаралмавымнан
Могҗизалар майтаралмавымнан,
Тәүге кабат майны сөймәвемнән,
Һәм елак җил чәчем таравыннан.

Һәм
Бүген
Мин телим майның китүен.
Мине түгел, башка берәүнең дә
Бит очыннан сыйпап үтүен.

Хәсәнова Диләрә, 16 яшь
Татарстан, Чистай районы, Татар Гаделшасы авылы

ӨМЕТ КУЛЪЯУЛЫГЫ

Егет китте фронтка, ә кыз елап,
Озатып калды юллар чатында.
Чиккән кулъяулыгын дүрткә бөкләп,
Сузды аны егет кулына.

Бары өч сүз кулъяулыкны бизи:
«Мин көтәрмен сине!» диелгән.
Күпме сагыш, кайнар күз яшьләре
Шул сүзләргә кушып чигелгән.

Ничә тапкыр егет яу кырында,
Яраланып, җиргә бөгелде...
Күкрәктәге кулъяулыгы гына
«Бирешмә!» – дип, аңа көч бирде.

Запрещено для коммерческого использования

Сугыш тәмам. Җиңү салютлары
Илебезнең күген балкытты.
Кемдер ишек шакый... Кыз йөгерде:
Ул кайтты бит, кайтты солдаты!

Култык таякларын янга куеп,
Күкрәгенә кысты сөйгәнен.
Куен кесәсеннән чыгарды ул,
Бик кадерләп, саклап төргәген:

«Кулъяулыкка чиккән шул өч сүзең
Алып кайтты мине яныңа.
Синең яулык өмет һәм көч бирде
Каршыларга Җиңү таңын да».

Кулъяулыгы белән егет сөртте
Кыз күзеннән шатлык яшьләрен:
«Туган илем саклап, сезне яклап,
Яшен уты булып яшьнәрмен!»

Кич утырып чиккән кулъяулыклар
Өмет салган күпме күңелгә!
Ак күгәрчен булып әверелеп
Оча сыман илем күгендә...

УКЫТУЧЫМ

Өйрәт әле мине, укытучым,
Дәресләрдә дөнья танырга;
Авырлыклар туса юлларымда,
Курыкмыйча, алга барырга.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Тормыш ямен тоеп яшәргә;
Турылыкны, тугрылыкны яклап,
Яшен уты булып яшьнәргә.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Дөреслекне һәрчак акларга;

Запрещено для коммерческого использования

Туган җиргә дошман аяк басса,
Корал тотып, илем якларга.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Җылы, матур, йомшак сүзләргә;
Кыенлыклар туса, бирешмәскә,
Нык булырга, һәрчак түзәргә.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Өләшергә бәхет чаткысын;
Ятимнәргә күбрәк бирер идем:
Күңелләрен ныграк яктыртсын.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Дуслык кадерен татып белергә;
Кирәк чакта, ярдәм кулы сузып,
Дустың өчен утка керергә.

Өйрәт әле мине, укытучым,
Авырулардан дәва табарга;
Ялгышмыйча борма юлларында,
Утырырга дөрес арбага!

Укытучым, биргән белемнәрең
Мәңгелеккә калыр аңымда;
Якты йолдыз булып янарсың син
Гомеремнең һәрбер таңында.

Рәхмәт, укытучым! Йөрәгемнең
Түрләрендә синең урының.
Укучылар – заман балалары,
Дәвамчысы туры юлыңның.

Еллар узгач, мин килермен сиңа,
Ак чәчәкләр тотып кулыма.
Рәхмәт сиңа, рәхмәт, укытучым,
Маяк булган өчен юлымда!

Запрещено для коммерческого использования

ӘГӘР РӘССАМ БУЛСАМ

Әгәр рәссам булсам, буяуларның
Сайлар идем бары яктысын:
Ап-ак болыт йөзсен зәңгәр күктә,
Алтын кояш җирне яктыртсын!

Басуларда сары башакларның
Шавы ишетелсен җыр булып;
Яшел болыннарда каен җиләк
Җете кызыл, пешсен ул тулып.

Зәңгәр чишмәләрнең буйларында
Сары улак торсын ялтырап.
Яшел чикерткәсе җырлап йөрсен,
Чишмә моңнарына аптырап.

Салават күпере төсләреннән генә
Булыр иде минем буяулар.
Бар дөньясы көлеп торыр иде,
Капка, өйләр, соры коймалар.

Диңгезләрнең ап-ак ярларына
Йөзеп килсен алсу җилкәннәр.
Кешеләр дә бар да нурлы йөзле,
Бәхет өләшергә килгәннәр.

Чәчәкләрнең сары, ак, зәңгәре,
Кызыллары үссен болында.
Хуш исеннән уйнап, чабып йөрсен
Алмачуар төстә колын да.

Запрещено для коммерческого использования

Мөхәммәтова Зәлинә, 15 яшь
Татарстан, Байлар Сабасы ш.т.б.

НИК?..

Җылы нурларын сибеп,
Кояшым балкый күктән.
Шул матурлыкларга карап,
Хыялланган юк күптән.

Гүя ай да үпкәләгән,
Дәшми генә тик тора.
Караңгы төн файдаланып,
Шомлы ятьмәсен кора.

Йолдызлар да атылмыйлар,
Күзәтәләр тын гына.
Шаян җилләр сызгырышып,
Тараталар моң гына.

ТАТАР ТЕЛЕМ – ТУКАЙ ТЕЛЕ

Син – татарның бәллүр бер чишмәсе,
Татар теле өчен җан аттың.
Яңа туган сабыйларга кадәр
Әллүкине көйләп йоклаттың.

Татар теле синең өчен – чишмә,
Чиста һава иде суларга.
Актык көченә кадәр дан җырладың,
Карамыйча авыр елларга.

Безнең өчен татар теле хәзер –
Иң кадерле Тукай теле ул.
Син дә телең өчен, Тукай өчен
Көрәшүче татар улы бул!

Запрещено для коммерческого использования

Абдуллина Рәмзилә, 16 яшь
Татарстан, Әтнә районы, Иске Мәңгәр авылы

ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ МОҢЫ

Татар халкының моңы:
Әллүки, Моңлы сазым.
Тукай туган көнендә
Яшәрә җылы язым.

Ә «Туган тел» шигырендә
Күпме сөю, җылылык.
Татарларның – Тукае бар
Безнең иң зур горурлык.

Кечкенәдән бергә-бергә,
Әкиятләр укыйбыз.
Су анасы, Шүрәледән
Куркып йоклый алмыйбыз.

Кызыклы шәкерт, Акбайдан
Шигырь ятлау башлана.
«Гали белән Кәҗә»гә кара
Дусларыңны ташлама.

Күбәләк, Карлыгыч белән
Без күкләрне гизәбез.
Тукайның һәр шигыреннән
Канатланып үсәбез.

Сабыйга да аңлатылган
Ялган һәм дә чын барлык.
Тормышның һәр вакыйгасын
Бала күңеле аңларлык.

Тукай шигырьләреннән башка
Татар-татар булалмас.
Гасырлар үтсә дә кабат
Тукай башка туалмас.

Запрещено для коммерческого использования

Гарифҗанов Илдан, 15 яшь
Татарстан, Казан шәһәре

ӘБИЕМ КИҢӘШЛӘРЕ

Әбием Тукайны укый,
Өч яшьлек энекәшкә.
Китап укырга ярата,
Булса да туксан яшьтә.

Тукай бабайның иҗатын
Әбием яхшы белә.
Байтак кына шигырьләрен
Ялт итеп сөйләп бирә.

«Шүрәле»не ятлаганда,
Әбием шаккатырды:
Мин оныткан шигырь юлын
Һәрвакыт әйтеп торды.

«Карт кешенең хәтере
начар», – дигән булалар...
Безнең гыйлем ияседәй
Әбине белми алар!

«Әллә кайчан ятласаң да,
Ничек сөйли аласың?»
«Тукайны белергә тиеш
Һәрбер татар баласы!

Тукай киңәшләрен тотып,
Китапны юлдаш иттем.
Тормышыма маяк итеп,
Туксан яшемә җиттем.

Татарча китаплар укып,
Гомерегез матур үтсен.
Тукай иҗатын өйрәнеп,
Горурлык хисе үссен!»

Запрещено для коммерческого использования

Фатыйхова Мәликә, 14 яшь
Татарстан, Казан шәһәре

СОРАУ

Мин аңламыйм һәм аңламам
Бу дөньяда нигә сугыш андый яман?
Нигә якын туганнарны яклап
Күмәләр батырны туфрак белән каплап.

«Алар үлде безне саклап!» —
Диярсез сез төрле китаплардан карап.
Тик шулай да, нәрсәгә соң?
Кабатлана сугыш. Үтелмәде сабак.

Кеше үлә, яралана, шаша,
Тик барыбер алар сугыша!
Һәлак булган туганнарны уйлап,
Кешеләр төннәр буе саташа.

Нәрсәгә соң сугышалар?
Нишләп алар аңламыйлар?!
Яңа сугыш башларга ярамый!
Кешеләр аннан кайтмыйлар!

Тик нишләтим? Кем тыңласын?
Яндыралар бит туган җир кырларын.
Шуңа күрә мин кабат-кабат сорашам:
«Бу дөньяда нигә сугыш андый яман?»

МИНЕМ БИК БЕЛӘСЕМ КИЛӘ...

Минем бик беләсем килә,
Әйтче миңа, зинһар.
Без нәрсәгә яшибез соң?
Бу минем төп сорау.

Бәлки, көләр өчен?
Сөйләшү?.. Бию?.. Җырлаудыр?!

Запрещено для коммерческого использования

Мин аңламыйм. Бәлки,
Бөтенләй мәгънәсе юктыр…

Бәхетле яшәү өчен дип
Килгәнбездер бу дөньяга.
Яшә рәхәтләнеп, кеше!
Гомер бетәр ул, син аңла.

Калганнарга карамаска,
Әлбәттә, бигрәк авыр ул.
Шулай да үз гомереңне
Үзең кара. Узачак шул.

Гатиятова Динә, 17 яшь
Татарстан, Балык Бистәсе ш.т.б.

ТУКТАТЫГЫЗ, ЗИНҺАР, СУГЫШНЫ!

Туктатыгыз, зинһар, сугышны,
Кыймагызчы кеше җаннарын.
Бөтен дөнья бүген бер теләктә,
Көтә тыныч атуын таңнарның.

Күпме балаларны ятим иттең, сугыш,
Күпме әниләр ялгыз калдылар.
Баласын югалткан әниләр күзеннән,
Күпме кайнар яшьләр тамдылар.

Сугыш кырындагы улын уйлап,
Йокламый төннәрен әниләр.
Җилләр тәрәзә шакыса да,
«Әттә» диеп, ишеккә йөгерә бәбиләр.

Теләкләрнең изгеләрен телик,
Тәрәзләрне җилләр генә түгел.
«Мин кайттым», – дип –
Шакысалар иде әтиләр!

Запрещено для коммерческого использования

Әниләрнең газиз уллары
Исән кайтсын туган өйләргә.
Һәрберсенә язмыш язса иде
«Җиңеп кайттык», — дип
Горурланып безгә сөйләргә.

Запрещено для коммерческого использования

ПРОЗА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

14 – 17 лет

Нагайлик Ольга, 16 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

КИРА

Если бы все, кто когда-то публиковал в жёлтых газетах статьи о вампирах под громкими заголовками, а ещё раньше выдавал юным охотникам брошюры, где в пугающих подробностях описывались все признаки упыря, действительно бы знали что-то о вампирах, то они, вероятно, отмечали бы, что вампир, теряющий собственную кровь — даже несколько капель — наиболее уязвимый, ведь уровень крови в организме вампира моментально сказывается на общем его состоянии, даже меняясь на пару процентов. Но даже с этим знанием, они бы вряд ли подумали о тех вампирах, кто оказывается на пике истощения примерно раз в две дюжины лун — о вампирах с месячными. В дни, когда загадочные баронессы приставляли к дверям своих хором всех слуг и фамильяров, а нечисть так и не приходила на праздник в общины к до ужаса напуганным и примерно настолько же восторженным крестьянам, никто и подумать не мог. Зато Кира за последние сутки выпила не счесть сколько таблеток нурофена, раза три приняла горячий душ, поспала, кажется, всего три часа, съела, наверное, штуки четыре сдобных булок и примерно столько же порций салатов, выпила почти с полхолодильника крови и теперь, не в силах разогнуться, мысленно умоляла поезд в метро побыстрее закрывать двери. Она была готова к тому, что ещё три станции будут тянуться мучительно долго и успокаивала себя тем, что это меньшая часть пути. Пытаясь отвлечься от боли, Кира стала разглядывать свои туфли, очевидно, не рассчитанные на ту погоду, в которую ей пришлось бежать до Маяковской — потемневшие от мерзкой дождевой воды носки

Запрещено для коммерческого использования

плотно прилипли к ногам. Кира потянулась расстегнуть ремешки обуви, высвободила ноги и поставила их сверху на туфли. Носки сохли очень медленно. Кира уткнулась лицом в колени и глубоко вздохнула. Поезд остановился, голос свыше прошелестел название станции.

«Отлично, осталось две, — думала Кира. — Раз, два. Одна, вторая. Это как одна, но два раза».

Кира намеренно старалась не думать о поездке в Грузию, чтобы в случае отказа в выдаче визы не сильно расстроиться. Получалось не очень: последние недели она думала об этой поездке ежедневно. Конечно, она всегда себя одёргивала, напоминала, что вампирам визы в Грузию выдают нечасто, но сейчас на всё это не было сил — ради этой визы Кира ушла из дома холодной ночью, несмотря на свой уровень крови и ливень, а сейчас находилась на финишной прямой. Конечно, она рассчитывала, что её визу одобрят!

Голос в колонках объявил о прибытии поезда на станцию «Технологический институт», а также о том, что по техническим причинам поезд дальше не пойдёт. Двери открылись и недовольный, ворчащий народ повалил наружу, и теперь пассажиров, раскиданных по вагону можно было сосчитать по пальцам. Они, как и Кира, молча жались в углах поезда.

Дальше началась самая скучная часть поездки — в вагон зашёл сотрудник метро, поезд тронулся, заехал в тоннель и снова остановился, а мужчина стал проверять документы пассажиров. Кира протянула ему видовое удостоверение — документ, подтверждающий биологический вид и все связанные с ним важные аспекты. Внешне документ выглядел как паспорт в белой обложке. А вместе с ним билет на дополнительные линии метро — серую, помятую бумажку, криво вырезанную из еженедельной газеты.

— Да кто вас всех дёрнул так рано ездить… — недовольно бормотал досмотрщик, рассматривая документы.

Кира ехала и слушала размеренный стук колёс поезда. Прохладный ветерок, какой чувствуется в метро только в моменты, когда пассажиров мало, одновременно немного облегчал её страдания и заставлял ноги сильнее мёрзнуть. В какой-то момент поезд остановился секунд на двадцать и поехал дальше. Когда он начал замедляться перед прибытием на следующую станцию, Кира неспеша застегнула ремешки обуви и, проюркнув между пассажирами у ближайшей открывшейся двери, вышла из поезда. Станция была просторной, но выглядела недостроенной. На серых стенах и колоннах не было ни декораций, ни названий, ни карт. Если всматриваться, на всех поверхностях изредка можно было встретить маленькие разноцветные рисунки и граффити, разобрать которые издалека бы всё равно не получилось: на станции всегда было непри-

Запрещено для коммерческого использования

вычно тускло — круглые лампы на потолке светили слабо и только до степени, необходимой для того, чтобы ориентироваться в пространстве. Людей было не очень много и все они шли к единственной лестнице, длинной и серой, ведущей вниз, в темноту.

Каждый шаг отдавался Кире болью в голове и в пояснице, поэтому она спускалась медленно, опираясь на стену.

Снизу была ещё одна платформа. Многие останавливались здесь, становились в очередь на контроль, чтобы зайти внутрь поезда, но Кире нужно было дальше — на следующую лестницу, которая, как Кире всегда казалось, была немного короче и вела точно на такую же платформу. Когда Кира спустилась, у станции уже стоял поезд. Как и у предыдущих, двери были открыты только в один вагон, но очереди здесь выстраивались человек по пять к каждой двери, и Кира знала, что на этот она всё равно уже не успеет, даже если поторопится. Она присоединилась к ближайшей очереди, но сразу перебежала в соседнюю, более короткую. У входа её встретила пожилая женщина с прямыми, седыми волосами до плеч и густо накрашенными ресницами. Она широко улыбнулась и протянула руку, чтобы Кира вручила ей удостоверение.

После досмотра Кира зашла в вагон и села на ближайшее сиденье. От «Технологического Института 3» до «Сталинского центра» поезд едет около пятнадцати минут без остановок. От таких долгих расстояний легко отвыкаешь, если долго ездишь только на обычном метро — начинаешь каждые несколько минут невольно волноваться, что поезд останавливается как-то слишком редко. Кира вообще на метро ездить не любит, но до «Сталинского центра» по-другому не добраться. Наверное, поэтому расстояние действительно казалось нескончаемо долгим.

После досмотра, сотрудник метрополитена достал из поясной сумки маленький тестер уровня крови — по внешнему виду и по принципу работы он почти не отличался от алкотестера.

— Изволите проверить ваш уровень крови? — вяло пробормотал он. Кира кивнула и взяла тестер из рук мужчины, чтобы, легонько на него подышав, вернуть обратно.

Тестером проверяют каждого вампира, желающего посетить любое рассчитанное на него общественное место. Это нужно, чтобы узнать, как давно был последний приём крови и насколько вероятен срыв. По этим меркам Кира была самым безопасным вампиром мира — в эти дни месяца всё так болело и ломило, что она обычно просто упивалась кровью, стараясь хоть ненадолго восполнить баланс в организме.

Мужчина посмотрел на тестер, нахмурился, задумчиво потопал ногой, а затем спрятал в сумку тестер и недовольно вздохнул. Кира вся напряглась.

Запрещено для коммерческого использования

— Вот скажите, вы в каком веке родились? Вы при Николае II, наверное, не жили? Вас никогда не учили экономить кровь?

— Изволите пройти? — как можно более невозмутимо попросила Кира.

— Изволю, но, прошу прощения, я никак не понимаю, что могло…

Кира ушла быстрым шагом и голос мужчины растворился позади.

На этой платформе было ещё темнее, чем на первой. Высокий потолок, на котором не светило ни одной лампы утопал в темноте настолько, что сложно было сказать вообще, есть он там или нет. На стенах висели большие круглые фонари, освещающие платформу тусклым оранжевым светом, какой обычно встречается в подземных переходах. Кира прошла по платформе вперёд, поднялась по маленькой лестнице и пошла по длинному коридору. Эта станция, в отличие от предыдуших, пестрила посетителями. «Сталинский центр» — гласила вывеска в конце коридора. Коридор переходил в огромное пространство — как отдельную платформу, только без рельсов и поездов. Она была заставлена тремя плотными рядами маленьких будок, лавок и других простеньких сооружений преемущественно из дерева и металла. Посетители центра, как на рынке, растекались по узким улочкам. В начале каждого ряда стояла железная будка с большим окном и смотрителем внутри, как внизу эскалаторов. Кира занырнула между стеной и первым рядом. Помимо настенных ламп с одной стороны, с другой стороны ряда домики украшали вывески, гирлянды и фонарики.

Кира шла к двери в стене со старинной расцарапанной вывеской, с еле различимой надписью Salon du Sang. Углы вывески были украшены потёртыми витиеватыми узорами. При открытии двери над ней звенели китайские колокольчики. Салон был тесным, душным помещением, освещённым красной лампой. За кассой сидел весьма прилежно выглядящий мальчик лет девяти. За спиной у него стоял стеллаж с банками разных размеров, наполненными кровью. Кира, как и другие представители нечисти, относилась к вампирам-детям с осторожностью. Когда Кира вошла, мальчик резко обернулся и впился в неё неподвижным взглядом. Кире стало неловко. Она спустилась по лестнице. В носу уже играл тёплый, железный запах, и, хотя скромный ассортимент «Салона» её совсем не впечатлял, ей просто хотелось выпить крови, пусть и самой противной. Она встала у кассы и стала разглядывать стеллаж, пытаясь не встречаться взглядами с продавцом. Ещё и не было двух часов ночи, поэтому все полки были заполнены, покупателей было мало.

— Эээ… — задумчиво протянула Кира, нехотя переведя глаза на мальчика, — а какие есть бюджетные варианты?

Мальчик посмотрел на Киру как-то стыдливо, а затем тихо спросил:

— А что это значит?

Запрещено для коммерческого использования

— Ну… дешёвые, — пояснила Кира.

— А! — оживился продавец. — Есть ежа. Ну то есть ежиная кровь. Ну, завтрак.

— А сколько стоит? — как можно невозмутимее спросила Кира, отводя глаза. Спрашивать цену — дурной тон. Зато к этому моменту, она уже была уверена, что продавец действительно ребёнок: его выдавали все его детские манеры, повадки, ужимки. Кира немного расслабилась. На самом деле она никогда не видела вампиров, обращённых в детском возрасте. Принято считать, что это скорее исключение, чем норма: детский организм редко способен выдержать такую нагрузку. Кира подозревала, что это вообще страшная байка, вроде историй о шаровой молнии, которые бабушки рассказывают внукам под монотонный стук ливня о покатую крышу, сидя дома без света и электричества. Но вампиров от рождения, какой была сама Кира, тоже мало: государство контролирует популяцию со всей бдительностью, да и не принято такое. Поэтому она никогда не знала, что и думать.

— Можно ноль три в стакане?

— Это сколько? — мальчик неловко улыбнулся.

— Это в среднем бумажном стаканчике, — пояснила Кира.

— А! — закивал продавец. Он спустился со своего ободранного стула, достал из-под кассы белый стаканчик, затем залез на стул обратно, привстал на носочках и достал банку с надписью «Ёж» на бумажном скотче. Обхватив банку обеими руками, он медленно опустился за стол, поставил банку и с трудом открутил крышку, пролив несколько капель на поверхность стола. Он метнул взгляд на Киру, проверяя, заметила она или нет, но Кира поспешно приняла задумчивый вид и принялась разглядывать магазин. В помещении в целом не было ничего примечательного. У дальней стены висела шторка, закрывающая коробки с нерассортированными банками. Кира знала, что кровь обычно поставляют из больниц или научных лабораторий, больше всего ценится человеческая — только в ней содержатся все необходимые элементы. Некоторые охотятся на диких животных и торгуют их кровью сами — она ценится меньше всего.

— Ваш завтрак! — мальчик перевесился через столик, натянув нервную улыбку.

— Спасибо, — Кира вручила ему бумажные пятьсот рублей и забрала стакан. Обычно, большая часть посетителей «Сталинского центра» приходилась на два-три часа ночи, поэтому улицы пустовали и были наполнены своеобразной свежестью, если так вообще можно сказать про метро. В начале ряда она встретила Евгению — продавщицу салона завтраков, которую Кира стала встречать за прилавком последние полго-

Запрещено для коммерческого использования

да. Кира сразу заприметила, что Евгения не вампир, а русалка. Обычно в местах для вампиров работали только вампиры, поэтому видеть её в салоне поначалу было непривычно.

В её смены её можно было застать увлечённой какой-нибудь книжкой за прилавком, а магазин был заполненным неприятным запахом сигаретного дыма.

— Здравствуйте, — подняла чёрные брови Евгения. — Вы из «Салона»?

— Здравствуйте. Да, — Кира показала стакан.

— Видели Давида, моего сына? За прилавком, — гордо улыбнулась Евгения.

— О! — Кира одобрительно закивала и зависла, прокручивая в голове образ мальчика и пытаясь совместить его с этой новостью. Кира и подумать не могла, что у Евгении мог быть ребёнок. Слишком уж она казалась простой и безответственной. А ещё, получается, в «Салоне» теперь работает ещё один невампир.

Кира увидела, что Евгения всё ещё ждёт реакции, спохватилась и с шутливой серьёзностью поспешно уверила Евгению в том, что её сын — отличный сотрудник.

— Да? Я ему передам, — лукаво улыбнулась Евгения и задумчиво отвела глаза вверх. — Он обычно остаётся у бабушки, а сегодня чего-то на работу ко мне попросился. Я и думаю, пусть попробует, да? — договорила Евгения, зевая.

— Да, — согласилась Кира, неловко топчась на месте, — пусть попробует.

— Ну ладненько, побежала я. Хорошей ночи.

— И вам того же… — пробормотала Кира уже ей вслед.

Странная всё-таки женщина.

В третьем ряду в середине ночи обычно приходится пробираться с трудом — проход узкий, а посетителей много. Сейчас Кире было непривычно так свободно идти. Визовый центр располагался в конце ряда. Это было маленькое пространство всего-то в несколько квадратных метров, по планировке напоминающий «Салон», с белыми стенами и тусклой лампочкой на низком потолке. Единственным, за что цеплялся глаз, был большой календарь за две тысячи двенадцатый год с выцветшим изображением пляжа и маленький бородатый старичок за ресепшеном. Кира повернулась к нему, чувствуя нарастающую тревогу. По пути сюда она старалась выместить из головы все мысли о визе, и у неё, откровенно говоря, получалось плохо, но её отлично отвлекали менструальные боли, сопровождающие её весь путь.

— Здравствуйте. — начала Кира, — Я подавалась на визу в Грузию

Запрещено для коммерческого использования

несколько недель назад. Меня зовут Кира Смирнова, — тут она вспомнила о документах и торопливо полезла во внутренний карман куртки, а старик надел прямоугольные очки и уже начал искать её файлы под ресепшеном. Кира положила паспорт на столик, старик достал Кирину папку, пробежался взглядом по страницам и поднял глаза на Киру. Она безуспешно пыталась предугадать в его взгляде результат. Он взял со стола её паспорт, а ей протянул папку с бумагами. У Киры внутри всё застыло. Она открыла папку резко и как-то дёргано. Ей не терпелось узнать.

«В выдаче визы отказано».

Всё, что так долго держалось в напряжении внутри Киры, с силой обрушилось вниз. Тревоги не осталось.

— Спасибо… — Кира беглым взглядом окинула старика, взяла свой паспорт со стола и вышла из визового центра. Было обидно, но не сильно. Кира заранее старалась готовить себя к любому исходу. Да, она не поедет в Тбилиси. Ну и что? Она не знала, что… не знала, что будет делать. Она будто оказалась в комке слипшихся, тягучих мыслей и при каждой попытке им сопротивляться проваливалась глубже.

Она очнулась только когда её одёрнул досмотрщик.

Не то чтобы ей было стыдно возвращаться к матушке, но это будто означало принять своё поражение. И не то чтобы Киру волновало поражение, но когда она представляла реакцию мамы на её возвращение, как она сразу войдёт в роль мудрого родителя, поучительным тоном говорящего очевидные вещи, её очень это раздражало. Она даже не ожидала от себя такой злости. Неужели из-за месячных?

Больше всего не хотелось думать об Удди и Роме. Стыдно было, что она так усиленно пыталась найти в себе радость за них — и не находила не капельки. Находила только злость. Они поедут без неё. Будут там ходить на рынок, в горы, гладить собак Роминой мамы, она приготовит им хачапури, а Удди будет так дружелюбно и улыбчиво обсуждать с ней всякую ерунду, что непременно очень ей полюбится, и потом, когда мама будет звонить Роме, всегда будет спрашивать про Удди, передавать ей приветы, рецепты, фото собак. Удди, а не Кире!

Всё-таки Кире было обидно. С новым болевым спазмом она уронила голову на колени и заплакала. У Киры болели голова, живот и спина, а во рту мялся мерзкий привкус ежиной крови. Грязные ряды «Сталинки», как всегда, оставили её будто покрытой пылью. Ей очень хотелось помыться, выпить чаю и уснуть. Мысли казались долгим, тягучим бредом. Когда Кира вышла из метро, в лицо ей подул холодный ветер, такой, что ей пришлось жмурить глаза. Слёзы закончились. Ветер продувал ноги. Ей всё ещё было до горечи обидно. Теперь она это понимала, но

Запрещено для коммерческого использования

сознание очень медленно, лениво и тревожно увлекалось перестраиванием всех планов. Кира окончательно решила, что не будет переезжать к матушке — не хочет ей уступать. Она убеждала себя, что жизнь в одиночку совсем не сложная. Она прекрасно проведёт эти пару месяцев в их студии, тариф на кровь выберет подешевле, будет ходить в магазин, ложиться во сколько хочет и по кругу пересматривать одни и те же сериалы. Придётся у матушки попросить денег. Это досадно. Ну и что?

Кира приложила ключи к домофону у деревянной двери в старой серой краске, потрескавшейся на мелкие пазлы.

По неоднородно серым каменным стенам подъезда шли трещины, не щадя украшающую их скромную лепнину. В подъезде всегда приятно пахло сыростью.

На несколько секунд Кира остановилась перед лестницей и погладила живот, морально готовясь к тяжёлому испытанию, глубоко вдохнула и стала подниматься, стараясь не останавливаться. На четвёртом этаже она встала и отдышалась, придерживаясь ладонями за поясницу. Её ключи уже звенели в заржавевшей скважине, а в глазах снова затеплились слёзы. Было обидно и стыдно, что она так злится на друзей. Кира на секунду замерла, чтобы собраться с духом, а затем резко повернула ключ, вытирая глаза рукавом.

Квартиру освещал лишь тусклый свет Роминой лампы, гирлянда над диваном и несколько свечей, тихо скрипящих на журнальном столике.

— Привет, — громко прошептал Рома, не оборачиваясь.

— Привет… — пробормотала Кира.

Рома напечатал несколько букв, а затем его рука на пару секунд зависла над клавиатурой. Он снова повернулся к Кире и прищурился через очки. Кире было неловко на него смотреть. — Кира… — растерянно пробормотал он, а затем медленно, будто в страхе спугнуть вампиршу, встал и пересёк комнату. Они встретились взглядами, и он аккуратно погладил её по плечам. Кира уронила голову ему на грудь и вдохнула запах стирального порошка с его синей флиски. Он погладил её по спине тёплыми руками.

— Не одобрили?..

— Да.

На журнальном столике трещали свечи.

— Мне нужно помыться, — шмыгнула Кира.

— Хорошо.

Кира упала на него всем телом. Он обнял её.

За приоткрытой форточкой шумели машины и мотоциклы.

Кира медленно отстранилась и скользнула в ванную. Пару минут она стояла, держа душевую лейку перед собой и ожидая, когда из крана вы-

Запрещено для коммерческого использования

течет вся остывшая вода, а затем, когда из душа пошли тёплые струйки, сползла вниз по стене и опустилась на пол кабинки. Расположившись полулёжа, она подняла над животом душевую лейку и держала её, пока не затекла рука.

Когда Кира, обмотавшись полотенцем, выскользнула за домашней одеждой, Рома уже перебрался из-за рабочего стола на диван, и печатал что-то на ноутбуке, лёжа на животе. Кира выдвинула свой личный ящик старого дубового комода, расположенного прямо за дверью, достала первую попавшуюся майку, трусы и штаны и вернулась в ванную одеться.

Когда Кира подсела к Роме на диван, он корчился за журнальным столиком перед своим маленьким ноутбуком в наклейках. Кира запрокинула голову на спинку дивана.

— Пойдём на лестницу? — вдруг предложил Рома, зазывая Киру маленьким заварочным чайником с остатками чая.

— Пошли, — шёпотом согласилась Кира, а потом взяла чайник и спросила: — Можешь сюда воды долить?

Рома не только долил воды в чайник, но и предусмотрительно захватил походные сидушки. Они сели на лестничной клетке прямо перед дверью в квартиру. В периоды, когда Удди решалась поправить режим сна и ложилась рано, Кира и Рома сидели тут часто, чтобы не шуметь в квартире.

— Кира, как ты? — аккуратно спросил Рома.

— Да нормально. Просто я расстроилась сильно… поначалу. Ну зато ты едешь. Тебе это нужно больше, чем мне, — вздохнула Кира. Сразу ей показалось, что она сказала что-то странное и пафосное, но если Рома и заметил, то не подала виду.

— Нет, я не согласен. Я в Грузии всю жизнь живу, а ты нет. Мне кажется, тебе тут плохо.

— Ну да, — не стала спорить Кира, — просто мне страшно ещё, наверное. Не хочу к матушке ехать.

— Я бы тоже не хотел ехать к твоей матушке, — задумчиво произнёс он.

Кира покосилась на Рому, пытаясь понять, пошутил ли он, но он уже, казалось, думал о чём-то другом.

— Кира, — Рома посмотрел на неё очень серьёзно. Она не всегда понимала, действительно ли у него такие большие глаза или так кажется из-за очков.

— Хочешь, я буду звонить тебе каждый день?

Кира прищурила глаза. Она знала, что он не очень любит говорить по телефону. Да и она не любит. Всегда это как-то неловко — пусть даже с парнем. Но ей нравилось, что он хочет её поддержать.

Запрещено для коммерческого использования

— Понимаешь, я чувствую себя так, будто я ничего не умею. Будто я только притворяюсь взрослой?

— А мне кажется, ты всё умеешь, — возразил Рома, — помнишь, как меня отчислить грозились? Я тогда впал в какой-то ступор. А ты заступилась.

Кира удивилась такому внезапному воспоминанию. Ей не очень хотелось помнить, как её невзлюбил кто-то из СПбГУ, учитывая, сколько там влиятельных вампиров среди профессоров.

— Не в этом дело, — покачала головой Кира, — просто иногда я думаю о вампирах, которые лежат в темноте целыми днями. — Она подняла колени и прижала их к груди. — А потом выходят ночью. Я таких видела. Они ещё так моргают… И разминаются постоянно.

— Ты тоже постоянно разминаешься, — задумчиво произнёс Рома, подливая чай в свою чашку.

— Потому что у меня болит спина! Ну в общем, они выходят, завтракают, идут домой, опять долго лежат. — Она посмотрела на Рому. — А знаешь, что главное? Их очень, очень много. Моя матушка такая. Когда с ней живёшь, всё нормально, но я просто знаю, что когда она отпускает Эдгара к тётушке Яо на выходные, она остаётся одна и лежит в темноте. И я думала, отчего они такие. Мне кажется, что у них просто сил нет отвечать за себя. Не в плане перед людьми, а просто быть.

— Не знаю, — опустил взгляд Рома.

Кира смотрела на него внимательно. За очками у него были видны длинные чёрные ресницы.

— Когда я писал курсовую… Помнишь, вы уехали с Удди в деревню? Я тогда тоже остался дома один, и это тоже было очень странно. Почти всё, как ты сказала, только я не вампир. Я писал курсовую, а потом спал до полудня. И ел. Но почему-то было тяжело. Не знаю, почему.

— Серьёзно? — Кира посмотрела на него.

— Ну да. Хотя мне нравится есть и всё остальное делать. Но будто… — Он замедлился, и, прищурился, как обычно прищуривается в моменты размышления. Рома пытался подобрать правильные слова. — Будто, когда я один, я не несу ни перед кем ответственность за своё существование. Вот. Отчитываться не надо.

— Ну ты и скажешь конечно, — хмыкнула Кира, не отрывая от него глаз.

— Нет, серьёзно! Может, у твоей матушки тоже так?

Кира положила голову Роме на плечо и почувствовала, как он, как всегда, немного напрягся и неловко замер, как дикое животное, а потом медленно расслабился и положил свою голову на её.

— Не знаю, — она сделала большой глоток и ощутила, как горячий

Запрещено для коммерческого использования

чай, какого-то очередного необычного сорта, вероятно, найденного Уденой в случайной сомнительной лавке, согревает тело изнутри.

Она чувствовала много всего и не всё могла разобрать. И обидно ей всё ещё было, и страшно за будущее, и навязчивый образ матушки в голове крутился, и вместе с этим Кире было невероятно спокойно. Она смотрела на серую лестницу в сумраке и снова вдыхала запах стирального порошка с Роминого плеча.

— Чай заканчивается, — печально заметил он.

— Нальём ещё? — предложила Кира.

— Нет, он в целом заканчивается. Именно этот, — вздохнул Рома.

— Тебе такой нравится? — Кира знала, что у Ромы есть ответ на этот вопрос. В этом она его совсем не понимала: ей всегда было всё равно, какой сорт чая пить.

— Ага.

— Попросим Удену купить ещё.

Пчелина Ярослава, 16 лет
Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар

ПРОЦЕССОР

— Вешняк! — Коля со скрипом поднимается с места. Одноклассники смеются. Николай осматривает себя. Так и есть: колени опять заржавели. Зря он на выходных полез в болото смотреть на цаплю.

«А ведь сегодня ещё норматив сдавать! Дистанция восемь километров», — с досадой гудел Колин процессор, пока его обладатель расшифровывал двоичный код.

Но вот незадача: он опять расшифровал всё последним. И как всегда, с кучей ошибок.

— Вешняк, тебя разве что как бесплатный калькулятор использовать будут. Десять ошибок — это никуда не годится! — Марья Ивановна, IT-тренер старой закалки, ветеран своей области, смотрела на своего подопечного строго.

Однако лучше уж строгая Ивановна, чем Семён Михайлович.

— Ну, природа, то есть завод, конечно, обделила, ничего не поделаешь. Ты мне хотя бы гимн молокозаводчиков напиши — уже хорошо! А то, что процессор слабый, так это ты не беспокойся: слабые часто попадаются. Сами мы и виноваты, а с вас чего требовать: процессор в

Запрещено для коммерческого использования

роботах — это всё. Если его нет, то у тебя нет будущего: сложные программы не для тебя. Так что ты давай пиши запрос о молокозаводчиках, а научные статьи и литературу оставь звёздам.

Звёздам. Да, у звёзд всегда всё получалось быстрее и лучше, чем у него. Коды расшифровывали с головокружительной скоростью, тексты по запросам могли написать даже самые сложные. То, что он им не ровня, Коля понимал и без Семёна Михайловича. Однако хотелось хотя бы ненадолго закрыть эту информацию и поверить, что потенциал у него есть. Что он не просто неудачная модель.

Марья Ивановна пусть и ругала, но верила. В своё время она, судя по рассказам, поднимала и не таких, как он: технологии её юности допускали много ошибок, потому что опыта у них было мало. Следующие за ними усовершенствованные модели, допускали оплошностей намного меньше; следующие — ещё меньше и так далее. И за все поколения и их усовершенствования отвечала Марья Ивановна.

В своих книгах-руководствах, становившихся бестселлерами, она выводила простое правило: чем дальше ушли представители твоей модели предыдущего поколения, тем дальше уйдёшь ты с тем, что передали тебе более старые роботы. Коле передали только умение быстро бегать, которое, однако, благополучно утратилось к нормативу: с колен уже начала сыпаться ржавчина.

Бывают в жизни дни, когда всё летит в тартарары. Это время можно просто пережить, просто перетерпеть. Но только если ты не робот KOLIA126, у которого первая с момента создания практика с реальными клиентами. В этом случае просто пережить не получится: иначе рейтинг школы, в которой тебя обучают, может сильно упасть.

У Коли получилось неправильно перевести три из четырёх полученных запросов, а на последний отвечать настолько долго, что заказывающий успел найти ответ сам и отменил запрос.

Жалобы посыпались незамедлительно.

— Вешняк! Я не возлагаю на тебя больших надежд, но изволь хотя бы не портить рейтинг нашей школы. Поколение 126 обязано превзойти все предыдущие. Ваша модель ещё поколения 124 тянула нас на дно. Если ты последуешь их примеру, мы снимем вашу модель с производства! — У директора на столе покачивался хрустальный кубик с надписью «Быстрее, больше, эффективнее». Николай попытался сфокусировать всё своё внимание на нём, отчего его процессор сразу загудел.

Это не могло ускользнуть от внимания директора, но он продолжал так, словно ничего не заметил:

— Я раздумывал над вариантом перевести тебя с «Обработки текстовой информации» в класс с другой направленностью, однако ты оди-

Запрещено для коммерческого использования

наково плохо показываешь себя как на написании текстов и переводе двоичного кода, так и на нормативах и механике. Изволь ответить на мой «запрос»: что мне с тобой делать?

— А у нас есть класс по обработке звука и видео? — робко спросил Николай, совсем смутившись от гудения своего процессора.

— Расшифровка аудио и видеофайлов? — железным тоном переспросил директор.

— Да. Я имею в виду звуки природы. Чтобы работать в полевых условиях.

— Работа в полевых условиях? Боюсь, это направление более узкой специальности, чем та, которую предполагает наша школа.

Бывают в жизни дни, когда ты чувствуешь себя так, словно бы тебя лучше не было вообще. Но такие чувства возникают, если ты человек. Если ты андроид с вечно гудящим от напряжения процессором низкого качества, то ты думаешь приблизительно так, как думал Коля, скрипя своими коленями, разваливающимися после с горем пополам сданного бегового норматива: «Лучше бы меня сегодня отправили туда, откуда привезли, разобранным на гайки и шестерёнки! Или из чего я там сделан? На уроках машиностроения мне же слушать недосуг: я информацию с предыдущего урока обрабатываю, ничего даже о собственном устройстве не знаю. А сейчас приду домой, меня задания уже ждут: только загружай. Вот же запись цапли столько памяти забила, а на жёсткий диск перенести забыл. Куда же я новые файлы загружу?»

Солнце уже садилось, когда файл с цаплей загрузился и Колина оперативная память заработала в полную силу, а уроки сделаны меньше чем наполовину. Мечту о том, чтобы пойти наблюдать за птицами сегодня, можно было удалить.

Коля с тоской размышлял о перспективе провести вечер, сокращая тексты или придумывая гимн молокозаводчиков, когда дверь открылась и рядом села Диана.

DIANA125 в своей профессиональной жизни была учёным-роботом той же модели, что и Коля, обладающим навыками глубоко анализа файлов и составления грамотных отчётов в научной сфере. А потому её часто брали в экспедиции полевые биологи. В остальное время Диана была сестрой, или, если говорить официально, наставником Коли. Ей поручили воспитать и обучить его специальным навыкам, которые характерны только для их модели, а не для целого поколения роботов.

Их модель носила двойное название KOLIA и DIANA, в зависимости от того, включат роботу женскую или мужскую ролевую программу поведения.

Запрещено для коммерческого использования

— Бросай свои запросы, — улыбнулась она и поднесла свою изящную, блестящую медью руку к окну: по стенам забегали солнечные зайчики. Один попадает Коле в глаза — подопечный Дианы жмурится от удовольствия.

Расфокусирует зрение. Мир распадается на множество лучиков: они словно делят комнату, освещённую закатом, на кусочки зеркала.

Коля включает камеру. Потом можно будет пересматривать этот приезд сестры, когда попадётся очередной дурацкий запрос о молокозаводчиках.

— Пошли послушаем птиц, и я тебе колени починю.

И вот вместо генерации ответов на скучные запросы Коля сидит с сестрой на веранде. Из шелестящих зарослей рядом с домом слышатся соловьи. Их распознать легко. Но можно закрыть глаза и обратиться в слух, уловить намного больше: вот квакают лягушки так, что даже воздух дрожит; вот тихо ступает по болоту цапля; мимо промчалась стрекоза, гремя крыльями; возятся и попискивают в кустах воробьи…

— Снова тебя наругали?

— Если бы только это. Семён Михайлович убежден, что у меня с процессором беда: дает из урока в урок один и тот же запрос.

— А какой? — сочувственно интересуется сестра.

— Гимн молокозаводчиков, — горько вздохнув, ответил Коля.

Диана заливисто засмеялась:

— Вот же! Такого он даже мне не давал! А я у него всегда была последняя по предмету!

От смеха сестры проблема тает, перестаёт колоть душу.

— Слушай, а как тебе удалось стать учёным? — спросил Коля.

— Марья Ивановна помогла. Перевела меня в класс расшифровки звуковых файлов, — перестала смеяться Диана.

— А сложно было?

— Не помню. Точнее, стараюсь не вспоминать. Оно всё у меня в чёрной папке с момента выпуска из школы. Может, когда-нибудь снова пересмотрю. Но не сейчас. Иначе придётся это как будто заново пережить. В мыслях.

Они замолкают. Соловьи одновременно тянут особенно длинную, вибрирующую в ушах трель. Кругом спокойно. В соседних домах загорается свет в окнах — они создают причудливые световые фигуры на шелестящей листве.

— А процессор можно поменять?

— Не знаю. Нужно спросить у Марьи Ивановны: она когда-то помогла мне с этим. Если можно, я привезу тебе, когда приеду снова.

— Уже уезжаешь? — разочарованно спросил Коля.

Запрещено для коммерческого использования

— Да, увы. Но ничего, в следующий раз приеду на месяц, посмотрим на птиц вместе. А ты мне пиши.

Она улыбается. Совсем стемнело. Коля выключает запись.

* * *

— Вешняк! Быстрее! Можно подумать, это мне новый процессор понадобился! — Марья Ивановна смотрит на то, как её подопечный бежит, попутно обрабатывая очередной файл. Так, по мнению IT-тренера старой закалки, лучше всего можно натренировать робота поколения от 1 до 126 включительно, стремящегося заменить плохо работающий процессор.

«Многозадачность ещё никому не повредила», — если писать об этом её же словами.

— Ну вот. А теперь в холодильник. И не ной, помни, что хорошие процессоры бывают только у хороших роботов. А хорошие роботы — это…

— Быстрые, эффективные и надёжные, — отчеканивает Николай, залезая в морозильную камеру: перепады температуры, как часто повторяла, Марья Ивановна, закаляли материал, из которого робот сделан, потому что необходимо соответствовать уровню закалки процессора.

Коля попытался заглушить шум перегруженного процессора: за месяцы обучения он понял, что если учиться на спецподготовке, то ни гудящий процессор, ни внезапные выключения от перегрузки, ни нытьё, ни скрипящие колени — одним словом, ничто не может разжалобить Марью Ивановну.

Единственное, что она скажет, компенсируя отсутствие чувства жалости, это: «Кто решил, что моделям поколения 125 и всем последующим нужно добавить эмпатию и повысить чувствительность? Теперь, значит, никаких тебе «пошёл — сделал»: нужно уговаривать!» Она даже предлагала Коле понизить чувствительность, но он отказался: жизнь без ощущения достигнутого результата, без любви к Диане и без радости, когда та писала, что гордится, была бы лишена смысла.

Над головой закрывается крышка. Становится темно. Холодильник гудит так, что, если закрыть глаза, можно представить, что ты лежишь на гудящей трассе, по которой носятся машины, оставляющие после себя только ошмётки раскалённой резины. Асфальт горячий: всё вплавляется в него. И после жаркого лета остаётся внутри мёрзнуть до самой зимы, когда впечатывается в дорогу окончательно, засыпаемое снегом.

— Может, всё же понизить? — участливо спросила Марья Ивановна, когда его выключило в морозильной камере.

— Не нужно.

Запрещено для коммерческого использования

— Ну смотри, если сейчас так тяжко, то на установке будет ещё хуже, а отключиться будет нельзя.

— Я уже принял решение.

Марья Ивановна только руками развела: модели повышенной чувствительности, обладающие чувством справедливости и любви, действительно нужно было долго и упорно уговаривать без гарантии успеха.

— Как знаешь. Но я бы всё же рекомендовала понизить.

— Не хочу.

Коля выходит из здания школы и направляется домой. Кругом лежит снег. Где-то среди этих ледяных шапок виднеются многоэтажки: там, в маленьких ячейках-комнатушках, давно стоят и заряжаются его бывшие одноклассники, роботы с благополучной историей усовершенствования модели в прошлых поколениях. И только он и ещё десять несчастных бредут сквозь снег поздней ночью к общежитию. Николаю пришлось запереть свой старый дом до лучших времён, потому как идти туда было слишком далеко, и пришлось перебраться в общежитие.

Жизнь превратилась в бешено крутящиеся колесо с острыми спицами, пронзающими при каждом круге.

Ещё до рассвета начинались упражнения: поднять, принести, перезагрузить, рассортировать, написать, посчитать, расшифровать… Лавина запросов заставляла старый процессор работать до выключения. Вначале отказ и зависание, когда тупо смотришь в одну точку, происходило после одного запроса, затем после двух, следом после трех и так далее.

А бешеный день нёсся дальше: совмещение нескольких видов деятельности и, наконец, холодильник: вначале тебя кидает в жар, затем в холод, следующая стадия здесь — отключение. И сверхзадача — продержаться, вытерпеть, не перезагружаться раньше времени. Пока не пересилишь себя, нового процессора не видать.

Из десяти обучающихся по спецпрограмме восемь её уже завершили. И все восемь получили процессоры. Остались ещё двое, а процессор всего один. Если он не справится, то все усилия окажутся потрачены зря, всё пойдёт насмарку. Старый процессор умрёт раньше времени, а новый уже не поставят. Модель типа KOLIA просто снимут с производства.

Николай заходит в комнату и подключается к зарядке. Комната-ячейка маленькая, как шкаф. И тёмная — тоже как шкаф. Зато это место его собственное — здесь всё покрывает его личный, уютный мрак. В этом мраке, как во сне, спокойно и тихо.

«Хорошо было бы если бы в морозильной камере было так же хорошо, как здесь: можно было бы просто лежать и думать», — размышлял Коля.

Запрещено для коммерческого использования

Именно размышления были одной из причин, по которым он наотрез отказался понижать чувствительность. Ночи на подзарядке стали бы невыносимы. А так он включает старые записи и начинает их смотреть. Обычно роботы на спецпрограмме во время подзарядки мечтают о новом процессоре. Но только не KOLIA126, предающийся воспоминаниям. Память о каждом приезде сестры с самого первого раза. Он смотрит их с самого первого дня в обратном порядке, растягивая удовольствие.

Сегодня первая запись. Самая старая.

Комната залита солнечным светом, на столе ваза с цветами.

— Вот так включается камера, — слышится голос Дианы на заднем плане. — Попробуй сфокусировать и расфокусировать зрение, — инструктирует она.

Оставшийся в далёком прошлом день сливается в один поток света, практически ощутимый даже на записи.

— Ой! Ничего не видно! — Коля слышит собственный голос.

— Так и должно быть. Теперь попробуй сосредоточиться на одном предмете или пятне и напрячь зрение.

Всё встаёт на место. Комната вновь комната, а не солнечное зарево.

— А зачем мне нужно уметь делать эти записи?

Николай в настоящем замирает — этого момента на записи он совсем не помнил, видимо, файл действительно давно не открывали.

— Чтобы, когда тебе будет тяжело, ты смог бы вернуться в то время, когда был счастливым. Радость из прошлого служит защитой ото всех невзгод в настоящем. А теперь пойдём послушаем птиц.

— Их тоже можно записать? — слышится гулкий топоток по деревянному полу: они идут на веранду.

— Вполне. Если тебе этого хочется.

Свет меркнет. Кругом снова уютный, тоскливый мрак. Стало совсем тихо — процессор затих. Впервые за долгое время. «Вот я и нашёл средство от всех невзгод», — подумал Коля.

* * *

— Браво, Вешняк! Выдержал! — Марья Ивановна открывает морозильник. — Ты закончил обучение.

У Николая немного плывёт перед глазами, то ли от радости, то ли из-за перегрузки. Получилось. Выдержал. Сдал.

Он поворачивается к Марье Ивановне. И не находит улыбки. Её лицо немного печальное — уголки губ книзу, она часто моргает.

— Жалко, что так поздно.

— Почему? — слова прозвучали громче, чем ему хотелось.

— Тебя обошли. Ты — последний, — IT-тренер старой закалки отво-

Запрещено для коммерческого использования

рачивается и идёт к выходу. Коля остаётся один в зале испытаний, где зря потратил около года своего времени, из которого ни минуты не был счастлив.

* * *

— Вешняк, почему сидишь? — Семён Михайлович строго смотрит на своего ученика.

— Сделал.

— Задание? Тогда пиши следующее!

— Я всё сделал.

— Уже? Но прошло всего две минуты!

— Спецподготовка не проходит зря, — скромно пожимает плечами Коля.

— Но… Это же один из самых сложных запросов! — такого поворота событий преподаватель совершенно не ожидал: вначале его худший ученик пропадает почти на год, так что его не видно и не слышно. А потом объявляется, и его совсем не узнать: ни капли былого стеснения, процессор не гудит, запросы пишет с космической скоростью.

Тот ли это робот или другой? Этим вопросом озадачился Семён Михайлович в день возвращения Вешняка.

Коля топает домой. Под ногами хрустят сухие камни, пыль до конца не рассеялась после проехавшего грузовика. Впереди возникает старый дом. Его старый дом. Растрескавшиеся деревянные половицы, облупившиеся стены — он вернулся сюда несколько месяцев назад. А сестры до сих пор нет. Куда же исчезла Диана? Она обещала вернуться в начале весны. А сейчас уже скоро лето.

Он ждал её каждый вечер до тех пор, пока старый, заросший сад не погружался во тьму и в виднеющихся среди листвы многоэтажках не зажигался свет.

Время ожидания Коля коротал уборкой: красил заново стены, сдирал старые обои и клеил новые, мыл пол и стриг траву. На сегодня он запланировал почистить почтовый ящик от ржавчины.

Дверца железной почтовой коробки мерзко заскрипела, и из неё вывалился какой-то свёрток. Пролежал он там немало — его покрывала пыль — скорее всего, с начала весны. Тут же прилепилась какая-то бумажка. Письмо. От Дианы!

«Мой милый брат! Я не знаю, когда ты увидишь моё письмо. Надеюсь, что не слишком поздно, я пишу это в старой палатке. Сюда попадают лучи заходящего солнца. Это прекрасное место, чтобы забыться в мечтаниях. Но почта, к сожалению, здесь только такая — старинная.

Мне жаль, что ты не прошёл отбор, но дело не в тебе. Просто иногда

Запрещено для коммерческого использования

в жизни очень не везёт. Я уверена, что учёные-биологи оценят тебя по достоинству, как когда-то оценили меня. Пусть мой подарок принесёт тебе счастье и попадёт именно тогда, когда окажется нужен. Прощай!»

Процессор загудел: ни ему, ни его обладателю совсем не понравилось то, как письмо было написано. Буквы шли неровно, строчки часто сбивались. Как будто у того, кто пишет, оставалось мало времени.

Коля развернул сверток. Там лежал процессор. На нём значилось DIANA125. Такой же блестящий, розоватого цвета и ловящий на себя солнечных зайчиков, как и вся Диана, весь её жизнерадостный характер.

— Вот почему тебя так долго нет... — Сжимая драгоценный памятный кусочек того времени, когда у него была сестра, Коля со всех ног помчался к Марье Ивановне. Может, ещё не всё потеряно, и Диану получится вернуть?! Только захрустели камни на дороге.

* * *

— Что значит не хочешь, Вешняк?! Так дела не делаются! Раз уж она так решила, значит, так тому и быть! И никаких возражений!

— Это слишком дорого обходится, — покачал головой Коля. В здании школы никого не осталось. Оно было холодным и тихим. Как в те бесконечные ночи спецподготовки.

— Дорого не дорого, но теперь только тебе этот процессор и подойдёт. Наставника твоего уже не вернёшь. Вы с Дианой — последние представители своей модели. И процессор у вас очень специфический. И твой, и её довольно подержанные. Заменив твой на её, лучше не станет. Поэтому придётся ставить оба.

— Как это?

— Твоя материнская плата и оперативная система — многопроцессорные. Диана об этом знала, её система — однопроцессорная. Если мы поставим тебе ещё один дополнительный процессор, то ты в отличие от неё сможешь работать. Только есть нюанс: такая установка будет тяжелее. Тебе придётся обработать всё сохраненное в памяти Дианы, привязанной к процессору. Сам понимаешь, сколько там.

— Вы сами сказали, что отказаться я не могу.

Марья Ивановна окинула взглядом сидевшего рядом с ней взрослого робота — времени у него осталось не так много. Уже изобретают модели следующего поколения. И ему нужно не отстать в этой гонке, чтобы на производство поступили DIANA127 или KOLIA127. Он упустил одну возможность и теперь сражается за другую. Возможно, последнюю.

— Помнишь холодильник?

Запрещено для коммерческого использования

— Никогда его не забуду.

— Тогда пойдём сделаем всё, не откладывая, в таких вопросах лучше не ждать.

* * *

Коля залезает в УГ (установочный генератор). Этот шкаф намного просторнее холодильника, кроме него самого сюда помещается некоторое количество странного вида инструментов. Вверху остаётся просвет. Там показывается Марья Ивановна.

— Удачи тебе, Вешняк! — улыбается она, закрывая крышку.

Кругом становится темно. Стенки давят. Кошмар начинается снова.

Коля вспоминает строчки из писем Дианы, пока это ещё возможно. Здесь главное не бояться. Не думать о том, сколько времени прошло с момента завершения спецподготовки, о том, что сестру он больше не увидит, о том, сколько раз его отключало в холодильнике.

Он лежит на горячем асфальте… Его вплавляет в этот асфальт…

Николай мотает головой: нет-нет! Забываться никак нельзя.

Вокруг шумит. Не только его процессор, но и инструменты кругом. Они подбираются к нему, словно клешни гигантского краба, уже забывшего, что такое свет и милосердие. Осторожно тянут провода…

— Вешняк!

Марья Ивановна, значительно моложе той, которая закрыла крышку УГа, смотрит на него осуждающе.

— Диана, сколько можно копаться! Можно подумать, это я медленно расшифровываю коды, чтобы так на меня смотреть!

— Я не копаюсь… Я размышляю.

— Роботы нужны не для того, чтобы размышлять, а чтобы обрабатывать информацию! Понятно?

Она не отвечает. Стоит перед доской. Колени ржавые, немного трясутся, как после норматива. Думает о своей роще, где поют птицы и шелестит трава. Хорошо бы поставить там дом.

— Вешняк, если это продолжится, то вашу модель снимут с производства, — директорский кабинет за годы ни капельки не изменился.

Диана в поле. Кругом шуршат колосья. Она представляет, что эта маленькая роща — часть огромной жаркой саванны. Если закрыть глаза, то вообразить это совсем не сложно. Мимо, пыхтя как грузовик, проходит слон, оставляя после себя облако раскаленной пыли. Только жирафа не слышно.

— Вешняк, выйди! — Марья Ивановна выводит её из кабинета. Внимательно смотрит. — Откуда у тебя записи птичьего пения?

— Много гуляю, — объектив повернулся немного вниз, так что видны только стоптанные туфли IT-тренера старой закалки.

Запрещено для коммерческого использования

В кадре возникают руки — они берут Дианины тонкие, отливающие медью пальцы.

— Вешняк, у тебя есть шанс. Только нужно очень постараться.

Она стоит в аэропорту. Совсем рядом, в закатное небо, взмывает самолёт — приложишь руку, и он будто бы поднимается в небесную даль прямо по ней.

«Успела, как раз вовремя. Даже процессор новый ставить не пришлось. Мою модель оставили на производстве», — думает она, барабаня пальцами по стеклу. Там, словно неровно постеленное одеяло, настоящая саванна. Как в мечте.

Стоит глухая ночь. Холодно. Она не может пошевелиться. Парализовало — теперь сиди здесь, как тряпичная кукла, до рассвета, пока кто-то не перезагрузит. Такое вот свойство процессора. Заедающие суставы, внезапные перезагрузки…

— Диана, расскажи, а как там? — на неё смотрит Коля. Колени ржавые, как у неё самой в детстве, процессор гудит, а глаза сияют.

«Хорошая камера глаз, его учёные с руками оторвут», — улыбается она своим мыслям.

— Ты знаешь, сложно. Но каждый раз, когда я замерзаю ночью и не могу увидеть жирафа, я думаю, что обязательно встречу его на рассвете.

— Ты там одна?

— Что ты! Со мной учёные: они совсем не похожи на тех людей, которых ты знаешь. Я бы ни на кого их не променяла.

Мимо несётся стадо зебр. Их почти не различишь среди трав — просто будто ветер разгулялся. И лёгкий топот по всей земле. И ни одного жирафа.

— А процессор можно поменять?

— Не знаю. Нужно спросить у Марьи Ивановны: она когда-то помогла мне с этим. Если можно, я привезу тебе, когда приеду снова.

— Уже уезжаешь? — разочарованно спрашивает Коля.

— Да, увы. Но ничего, в следующий раз приеду на месяц, посмотрим на птиц вместе. А ты мне пиши.

Она закрывает глаза. Лежит в саванне. Мимо мягко, еле слышно приминая траву, идёт жираф. Высокий настолько, что выглядит как башня, вершины которой не разглядеть. Совершенное существо.

А её уже не починить.

— Вот и закончился мой путь, — она проводит ладонью по затылку. Нащупывает слова DIANA125.

— Хорошо, что я тебя встретила, — улыбается она жирафу.

Всё стихло. Коля встаёт. В голове лёгкость и пустота. Сверху открывается крышка. Он идёт на свет.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

— Эх ты! До Вешняка тебе далеко! — часто говорил Семёен Михайлович роботам поколения 127 к неудовольствию Марьи Ивановны, всё-таки все роботы разные. Вот только на доске почета KOLIA126 оказался по её инициативе. Однако самого Колю это мало интересовало.

— Расскажи мне про лес, — с коленки DIANA127 отваливается кусочек ржавчины

— Сперва расскажи про школу.

— Да что там рассказывать: я всё делаю быстрее остальных! Твоя очередь! — Николай улыбается своей подопечной.

— Пойдём на веранду, и я расскажу тебе о цаплях.

Трифонова Ариана, 17 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань

ПРИСТАНЬ БЕЛОЙ ЛУНЫ

Добрую тишину изредка обрывал стук на далёкой стройке. Там заколачивали балки для новой многоэтажки.

Здесь было хорошо. Нетронутый берег, так и не отвоёванный городом, баюкал усталую речку. Вода ластилась к жёлтой отмели, кутаясь в тонкий ситец тумана. Наступала ночь, и старая пристань пряталась за заброшенными дебаркадерами.

Я вздохнул. Вспомнил, как ночевал в зелёном домике, самом крайнем из всей вереницы. Тогда мне влетело от отца, и я думал уплыть на барже. Ббог весть куда.

Мне и сейчас иногда хочется уплыть. У меня в детстве был свой необитаемый остров (небольшой осерéдок на реке). Вот туда бы и уплыл…

Если бы можно было.

Я пошёл вдоль берега до сгнивших мостков. По ним теперь разве что мальчишка какой-нибудь пробежит. А мне, пятидесятилетнему, никак — переломятся доски. От этой мысли я улыбнулся, зачем-то тронул рукой свои роговые очки. В них я был похож на Илью Семёновича из фильма «Доживём до понедельника».

Тоскливым стуком отозвалось сердце — мне снова вспомнился Игорёк. Иногда я заглушаю мысли о нём, но ненадолго. Как искорёженный пустырь зарастает травой, так и сердце прячет чёрные трещинки. Мне не страшно моё сердце, оно стало по-стариковски глухим и тихим. Но

Запрещено для коммерческого использования

иногда я всё-таки вспоминаю Игорька, особенно в такие вечера, когда ухожу на пристань.

Покроется небо пылинками звёзд,
И выгнутся ветви упруго.
Тебя я услышу за тысячу вёрст,
Мы эхо, мы эхо друг друга, –

в небе звенела песня Анны Герман.

Сердце пропустило тревожный удар. Я быстро стянул с лица очки, подслеповато прищурился… Нет, не Игорёк.

По мосткам легко и быстро бежал тонкий мальчишка. Он бежал от воды, будто из-под земли вырос. Или с неба упал.

Мальчик на всей скорости влетел в моё плечо и, охнув, упал в росистую траву. Я тоже оказался на земле.

– Ты чего? – сердито удивился я, досадуя на горе-бегуна.

– А вы? Ведь видите – человек бежит, – мальчик насупился.

– А затормозить?

– Никак…Скорость большая.

Я хотел было возразить, сказать, что на мостках такой разгон взять невозможно – не хватит длины. Как же тогда это получилось у него, у мальчишки?

Он угадал мой вопрос, но отвечать не спешил.

– Ты как с Марса свалился? – неуклюже пошутил я.

– С Луны, – поправил мальчишка.

«Так не бывает» – хотел я возразить, но передумал. Может, это у него игра такая…

– Мама-то не волнуется? – спросил я, чтобы не молчать.

– Нет.

Я внимательно оглядел его. Он был в майке и шортах. Рановато для мая, к вечеру становится сыро, поднимается ветер.

Я протянул ему свою ветровку, он быстро набросил её на плечи.

– Слушай, ты, наверное, не здешний, – вдруг спохватился я. Ну, конечно! Сбежал из дома, сейчас шляется по пристани, горемыка. «Отвести бы его в участок. От греха подальше», –подумал я.

– Ну чего, ведь нормально сидели! – мальчик соскочил, попятился от меня к мосткам.

– Не вздумай! Там глубоко!

Мальчик непонимающе замигал, рассмеялся:

– Ну почему вы решили, что обязательно вплавь?

– А как ещё? – Я растерялся.

Мальчик сел на краешек мостков, спокойно оправив на плечах ве-

Запрещено для коммерческого использования

тровку. Знал, что я до него не достану — хлипкие доски стали надёжным укрытием.

— Со взрослыми нельзя по-человечески, — миролюбиво объяснил мне мальчишка.

Я обиделся:

— Вот дикарь… Теперь карауль тут тебя.

— А что, боитесь? — мальчик прищурился.

Я свирепо посмотрел в его сторону:

— Утопишься ещё!

— Я думал, мы подружимся. — Он невозмутимо улыбнулся.

— С чего бы это?

— Просто так не встречаются.

— Ты хотел сказать «не сталкиваются»? — едко передразнил его я.

Мальчик серьёзно и долго на меня посмотрел.

— Столкнулись, значит, так нужно было. Не зря вы у мостков стояли — ждали кого-то, — наконец проговорил он.

— Я никого не ждал, мальчик.

— Ждали. Я поэтому и пришёл, чтоб узнать.

Мне стало одновременно и грустно, и досадно.

— Он всё равно не придёт, — хмуро отрезал я.

Мальчик кивнул:

— Знаю.

— Почему?

Мальчишка запрокинул голову вверх, нашёл глазами Луну.

— Вы на звёзды смотрели? — сказал он после некоторого молчания. — Живых на небе не ищут.

Я отвернулся, плотно сомкнув веки.

Где та светлая сила детства? Как вернуть её? С ней я бы всё исправил!..

Я пришёл в школу сразу после института. По специальности должен был преподавать математику, но внезапно стал учителем русского и литературы.

Учителей-математиков было в школе трое. А вот русский преподавать было некому. Была одна учительница, Людмила Ивановна, да и та перед самым сентябрём сломала ногу. Поэтому на работу меня взяли с условием — стать учителем русского и литературы.

Первым уроком был 5 «Г». У них не было классного руководителя, и меня временно утвердили на эту роль (молодым учителям обычно не давали своего класса).

— Вы наш учитель? — крикнул кто-то с последних парт.

— Заменяю, — поправил я. — У Людмилы Ивановны двойной перелом.

Запрещено для коммерческого использования

Ребята не знали Людмилы Ивановны, её не было на линейке. Они с любопытством и странным нахальством поглядывали на меня, как на салагу-студента. Мне было двадцать пять и я не был похож на учителя.

— Достаем тетрадки, — спокойно произнёс я.

Класс не шевелился.

— У нас классный час, — шепнула девчонка с первой парты.

— —Знаю... Но у нас будет литература.

— Классный час давайте! — возмутилась последняя парта.

Я встал из-за стола.

— Давай, поторгуйтесь ещё! — прикрикнул я. — С математиком.

Дети заулыбались:

— С математиком?

— Ну да, — я незаметно приосанился.

— А зачем вас к нам?

— Как зачем? — не понял я.

— Тут же стихи, не циферки.

Мне стало обидно за математику, но я промолчал. Сейчас не об этом речь...

— Дуэль! — воскликнул я.

Класс непонимающе загудел.

— Предлагаю поэтическую дуэль! — быстро поправился я. — Желающие?

— Вы взрослый, — неуверенно отозвался кто-то.

— Ну и что? — удивился я.

— Нечестно!

— Честно, он же математик, — с последней парты поднялся мальчишка. Он говорил уверенно и ровно, взгляд проницательных глаз вдруг показался мне очень знакомым...

— С тобой? — только успел спросить я, а мой оппонент уже стоит возле доски.

...Мальчик побеждает: я запнулся в двух стихотворениях, он в одном.

— Можно? — просит он о чём-то перед тем, как сесть за парту.

— Да?

— Не идите в математики.

— Почему? — искренне удивляюсь я.

— Вы знаете стихи.

Ребята смеются, удивлённо и неуверенно. Кто-то замечает мою улыбку и заливается звонким, заразительным хохотом.

— Продолжаем урок! — обрываю я их смех, открываю учебник...

Этого мальчика звали Игорьком. Мы встретились с ним у директора, я пришёл с документами, он — с повинностью.

Запрещено для коммерческого использования

— Что натворил-то? — удивился я, но ответа не услышал.

Вошла директор, грузная женщина с высоким старомодным начёсом. Она казалась мне кем-то вроде полководца: никогда не улыбалась и говорила отрывисто, будто командовала гарнизоном.

Оказалось, Игорёк украл у одноклассника какую-то коллекционную книгу.

— Вор, вот ты кто!.. Молчи!.. Отвечать, кому сказала! — женщина распалялась всё больше. Даже удивительно, что взрослый человек до сих пор не научился держать себя в руках. Особенно с детьми.

— Вы говорите «молчать» и «отвечать», — как можно дружелюбнее протянул я.

Женщина к моему удивлению сбилась с мысли. Не зная сердится или нет, она недовольно выдохнула:

— И?

— Это антонимы. Мальчик не знает, что делать.

Игорь удивлённо поднял на меня глаза.

Кажется, я потерял работу. Ну, хотя бы день проработал — и то достижение!

— А вы хорошо справляетесь, — женщина хмыкнула без тени улыбки. — Неплохо для математика… Что-то ещё?

— Да, пожалуйста. Всё-таки я… хоть и временно, а всё же классный руководитель. И Игорь — мой ученик…

— Хорошо, — директор меня поняла. — Попробуйте.

Я в замешательстве осмотрелся. Думай, раз ввязался. Эта дуэль не поэтическая, а потому нельзя ошибаться.

— Покажите книгу, — потребовал я.

Директор указала на стол, я подхватил книгу в старинной синей обложке.

«Сборникъ стихотвореній 1896»

— Украл! — непонятно для кого повторила директор.

«С него станется, он любит стихи», — вдруг подумалось мне, но я отогнал эту мысль. Не мог Игорёк украсть!

— Чья она? — я говорил быстро, боялся, что прервут.

— Воронкова, из семейной библиотеки.

— Зачем в школу принёс? — увереннее начал я.

— У них по литературе такое задание.

Я подскочил на месте, плохо скрывая радостную злость:

— А кто у них учитель?

— Какой? — не поняла директор.

— Литературы.

Директор непонимающе заморгала, и это действие так не шло к её

Запрещено для коммерческого использования

грозному виду, что я чуть не рассмеялся. Мне стало и страшно, и весело одновременно.

— Объясните, — сухо попросила женщина.

— Так ведь учитель-то я! Я ничего им не задавал.

Женщина озадачено замолчала. Задумавшись, отошла к окну, медленно произнесла:

— Замечательно, Дмитрий Сергеевич. То есть книга и не Воронкова вовсе…

Я киваю.

— Нет!

Мы вместе оборачиваемся. Игорёк, такой же нахмуренный, как на первом уроке, смотрит прямо на нас.

— Что «нет»? — растерялся я.

— Это его книга… Я украл.

Во человек! Я его защищаю, а он вот так разом да и наклепал на себя. Может, назло, мол, не нужна мне ваша помощь адвокатская!

Мальчишка бросился к дверям, я — за ним.

— Вернитесь! — крикнула женщина, затем поправилась. — Верните его!

Я догнал Игорька перед самым гардеробом. Он остановился, прижался лбом о холодную стену.

— Ты чего, а? — Я не могу отдышаться, давно не бегал.

Мне непонятно, я жду от него объяснений. Игорёк, оправдай себя, ну же!

— Украл, — последовал тихий ответ.

Я не знал, что говорить, и не знал, нужно ли. Ну что я скажу ему? Что?

Он даже оправдываться не хочет. Стоит, в глаза смотрит. Украл, а не боится смотреть.

— Эх мы, дуэлянты, — невесело пошутил я.

Мальчик не улыбнулся, вздохнул только. Ему сейчас, наверное, тяжело.

— Вот что: иди-ка ты домой, — тихо попросил я его.

Игорёк удивлённо захлопал ресницами:

— Так я же…

— Иди! — я постарался говорить сердито, но голос дрогнул.

Мальчишка медленно снял с вешалки лёгкую курточку. Неуверенно обернулся назад и поплёлся к выходу.

— Погоди! Провожу тебя. — Я набросил на плечи плащ, догнал Игорька. Не хотелось оставлять его одного.

Душа отрицает зло, а потому первая кража — кража собственной со-

Запрещено для коммерческого использования

вести. Если совесть стойкая, она выдержит, победит. Нет — исчезнет, и сложно будет её вернуть.

...Пусть же у Игорька она выстоит!

О случившемся мы не говорили. В куцей курточке Игорёк был похож на воробушка. Подскакивал от осеннего ветра, как маленькая пичуга.

— Ты как воробей, — не сдержался я.

— Потому что «вора бей»?

Игорёк поднял на меня потемневшие глаза. Я сжал челюсти, сдерживая порыв доказать и ему, и себе, что он не вор. Пусть сам перед собой отвечает, не маленький уже.

— Потому что так же скачешь, — тихо объяснил я.

— А у меня фамилия Птенцов, — Игорёк слабо улыбнулся. — Наверное, поэтому...

Я проводил его до угла. Он назвал мне адрес, я зачем-то дал ему свой. Отвёл взгляд, когда заметил, как вздрагивает его нижняя губа.

— Приходи завтра, хорошо? — осторожно начал я. — Лермонтова проходить будем...

Игорь поспешно закивал и скрылся за домами.

Игорёк хотел купить «Сборникъ стихотвореній» у Гены Воронкова. Мне про это сам Генка и рассказал, когда я в школу зашёл. Он дожидался меня на скамейке, маленький, но удивительно спокойный.

— Зачем наврал про задание? — рассердился я.

— Мне деньги нужны были. Я дедовскую книгу... склямзил, — Гена насупился.

«Во дурак», — подумал я, спросил вслух:

— Хотел в антикварный сдать?

Генка удивился, что я так быстро догадался:

— Я хотел сразу после уроков. А тут он прилип, просит, чтобы ему продал. — Генка имел в виду Игорька. — Я не дал, столько денег у него всё равно нет. А потом книга пропала.

— Ты на Игоря сразу подумал?

Мальчик слабо кивнул:

— Мы бы сами всё решили, без директора.

«Ишь ты, самостоятельные какие», — подумал я, но в глубине души согласился с Геной. действительно, лучше без взрослых.

— Я сказал, что нам задали принести из дома стихи... — продолжал Гена. — И все подумали, один Игорёк виноват. Хотя книгу я тоже украл.

Мы замолчали.

— Иди на урок... Что у вас?

— Физра... — Гена вздохнул, вдруг прошептал: — Если бы знал... никогда бы... — И добавил ещё тише, едва размыкая губы: — Тяжело так.

Запрещено для коммерческого использования

Я почувствовал радость. Радость за этих двух «книгокрадов», которые, хоть и натворили дел, а всё же поняли, что к чему.

— Что там, в книге-то? — миролюбиво спросил я.

— Лермонтовские стихи… Игорь очень любит Лермонтова.

Вот что показалось мне знакомым — глаза! У Игорька они серые, с тёмной паутинкой радужки. И всегда грустные.

«Он похож на Лермонтова», — подумал я, и, наверное, так же подумал Гена.

В октябре я официально взял 5 «Г». Людмила Ивановна поправилась только к зиме и о классном руководстве, понятное дело, слышать ничего не хотела, и так дел вагон накопилось.

Так я стал классным руководителем.

…На последнем уроке перед весенними каникулами мы смотрели «Дети капитана Гранта». Тоскливый звон стекла — Игорёк влетел в кабинет и задел ногой коробку с лампочками, стоявшую в углу.

— Ой, — мальчик виновато нахмурился. Лампочки лежали без упаковок, обёрнутые в какую-то одноразовую материю. Несколько разбилось.

Я сердито выгнул бровь:

— Игорь, почему…

— Извините, Дмитрий Сергеич, — перебил Игорёк, указав в сторону коробки.

Я совсем не это имел в виду, а потому вновь повторил вопрос:

— Почему пришёл к последнему уроку?

— Ой, да. Сейчас…

Игорёк вытащил к нам белого щенка. Тот неуверенно тявкнул, щурясь на свету.

— Где нашёл, лодырь несчастный? — я спрятал улыбку.

Класс рассмеялся.

— На речке.

Игорёк подбежал к первой парте, аккуратно посадил туда щенка.

— Видите, у него на шее… вот она, — он повернул собаку, показывая какую-то чёрную ленточку.

— Ты ошейник сделал? — пошутил кто-то.

Игорёк погладил щенка по бархатному носику:

— Его…

В шуме я не расслышал Игоря, поднялся с места.

— Тише!

Ребята вопросительно замолчали.

— Его изолентой замотали, — медленно повторил Игорёк. — Где голова и шея… и хвост ещё. Я думал, это чья-то игрушка, потом увидел, что нет.

Запрещено для коммерческого использования

Он держал голову чуть наклонённой, но я догадался, какие у него глаза. Тёмные-тёмные. Будто кто-то убил в них свет.

Я растерянно обхватил мальчика за плечи, словно заслоняя. А от кого?

Играла песня «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер». Хмурые лица ребят. Останавливаюсь на мысли, что и сам такой же, как в отражении.

Я быстро осматриваю щенка, аккуратно освобождаю от шеи остатки липкой ленты. Щенок пахнет клеем, его шёрстка слиплась колечками.

Девочки принесли воду в лейке, я достал из шкафа глубокую тарелку для опытов.

Кто-то побежал в столовую за котлетой, а мы отмывали щенка. Фильм поставили на паузу, не до него теперь.

Щенок затих, и мы растирали его руками. Гена принёс тёплую котлету. Мы разделили её на маленькие части, чтобы кормить потихоньку, не сразу.

— Ох и попадёт нам, — со злым азартом прошептал кто-то.

— Если узнают, — в тон ребятам парировал я.

...Щенок устало свернулся на моём пустом портфеле.

— Хороший, — протянул кто-то. Все заулыбались.

Игорьку нельзя держать собаку, и мы решили: пусть щенок живёт у меня. Вместе выбрали ему имя — Май.

Расходились по домам с неохотой. Шли толпой от улицы к улице, как звонкий весенний ручей.

Игорек зашёл ко мне в квартиру. Мы положили щенка на диван, сами потопали на кухню.

Игорь весело болтает ногами и дует на блюдечко с чаем. Завтра к нему приезжает брат — год не виделись. Я радуюсь за него и за всех ребят: как же здорово быть такими же, как они. Шумными воробушками, беспокойными ветерками и самое главное — людьми. Нам бы, взрослым, не учить, а у них поучиться.

Игорёк давно выпил чай и теперь рассказывает про себя и Славку, своего брата.

Мне хорошо. Его серые глаза наконец-то смеются, в них исчезает лермонтовская печаль.

Я включаю свет на кухне, на улице вечереет.

— В марте красивый закат. — Игорёк прижимается к стеклу, улыбается.

На кухне не загорелись две лампы: ещё вчера перегорели.

Игорек оборачивается ко мне, весело хмурится:

— А про лампочки мы забыли.

Запрещено для коммерческого использования

— Забыли, — ни капли не огорчившись, киваю я.

Игорёк то ли в шутку, то ли всерьёз говорит виновато:

— А я... Я вам четыре лампы разбил.

Я махнул рукой:

— Там ещё столько же. Не бойся, заберу. Только завтра.

Игорёк не согласен: хочет, чтобы у меня горели все лампочки.

— Мне не горит. Всё хорошо, — пытаюсь я ему объяснить.

Он смеется.

— Действительно «не горит», — фыркает Игорёк, ловко натягивая курточку.

— Куда ты?

— За лампочками... Я скоро! — он весело махнул мне ладошкой. Замешкался в дверях: потерял свою шапку.

— Говорю тебе: до завтра терпит, — недовольно ворчу я, но больше для порядка.

Воробушек, воробушек...

— А, вот! — Игорёк нашёл шапку под вешалкой, улыбнулся. Дурашливо проскакал на одной ноге до прихожей, натянул обувь. — Ждите, Дмитрий Сергеич!

Хлопнула дверь. Я глядел в открытое окно, провожая глазами его маленькую фигурку.

Темнота сгущалась над городом.

...Он не пришёл. Прошло полчаса, и сердце загрохотало от предчувствия скорой беды. Я выскочил на улицу. Старался идти быстрым шагом, но не выдержал — побежал.

Через десять минут я стоял возле школы.

— Мальчик не приходил сюда? — я задыхаюсь.

Школьный охранник медленно кивает головой.

— Когда? — торопливо спрашиваю я.

— Полчаса назад.

Я опять выбегаю на улицу, осматриваю школьный дворик и соседний переулок. Бегу к Птенцовым, вспоминая адрес. Игорёк, должно быть, по какой-то причине забежал домой.

Что-то оборвалось во мне, когда я поднял голову к его окнам: там не было света, и темнота в квартире казалось траурно-синей.

Я набрал домофон, позвонил в квартиру, особо не надеясь, что ответят.

— Игорь, ты? — кричу я, замечая шуршание домофона.

— Не-а. Я Федька, — ответил какой-то ребёнок. Наверное, младший братишка Игоря.

— А Игорь? — выдавливаю я, едва размыкая рот.

Сбросили трубку. Я уже и сам догадался — Игоря дома нет.

Запрещено для коммерческого использования

Побежал обратно, к себе. Возле дома со всего размаха налетел на мальчишку. Это Боря, шестиклассник из нашей школы.

— Борис!

— Ой, Дмитрий Сергеич, — он улыбнулся.

— Борька, покажи, как в школу ходишь! — тараторю я на одном дыхании.

Мальчик чувствует — случилась беда. Он кидается в незаметный лаз между домами, выходит на пустынный переулок и показывает мне дорогу.

— Тут коротко, срезать можно, — на ходу объясняет он, растерянно поглядывая на меня.

Я бегу за Борисом. В ушах не смолкает странный шум, ребра всё туже сжимает страх, и я застывшим взглядом оглядываю улицы. Где Игорёк?

Вижу толпу, сгрудившуюся у тротуара.

Бориса оставляю далеко позади, толкаю людей и пробиваюсь к центру.

Кто-то пытается объяснить, что произошло. Кто-то испуганно шарахается в сторону, давая пройти.

«Пусть не Игорёк, пусть не Игорёк». Сердце звенит в ушах, проваливаясь куда-то вниз, в чёрную пропасть.

Бросаюсь к мальчишке. Голова его повернута вбок, в другую сторону от меня. Руки раскинуты, рядом — осколки.

— Откуда осколки? — Меня начинает трясти, точно в лихорадке: — Откуда?..

Я замечаю в одной его руке уцелевшую лампочку. Значит, осколки от другой, разбившейся.

Одна разбилась, вторая уцелела.

Борис за спиной вскрикнул звонко и испуганно. Крик возвращает меня в действительность. Я отшатываюсь от Игоря, пытаюсь встать, отстраниться, убежать.

Опять опускаюсь на землю и хочу поднять Игорька с земли — на сыром асфальте ему холодно, очень холодно. Он поэтому и застыл, как фигурка Кая. Да, поэтому…

Надо поднять Воробушка. Меня обжигает его неподвижность. Я вижу его глаза, скованные серым льдом. Кто-то навсегда затушил в них лампочки…

Я закрыл лицо рукой. Мальчик хочет что-то сказать, но теперь сидит неподвижно.

Над нами пролетела незнакомая ночная пичуга. Задела крылом Луну и исчезла в небе.

Запрещено для коммерческого использования

— Опять Луну портишь, — тихо погрозил ей мальчонка. Он поднялся с мостков, подошёл ко мне. — Я вас очень долго искал.

Не успел я удивиться, как в моих руках появилась та самая лампочка.

— А ведь я ее разбил, — выдохнул я, прижимая пальцы к холодному стеклу.

Я не нашёл ни единого скола. Хотя тогда, в ту ночь, разбил её вдребезги, швырнув о кирпичную стену…

— Я так долго искал, чья это лампочка, — мальчик повёл плечом, будто от холода. — Она почему-то не загорается… Хотя я пробовал.

Я вздрогнул от неожиданной мысли:

— А у Игорька… она тоже целая?

Мальчик помотал головой. Он вывернул левый карман, достал небольшой осколочек:

— Такие я нахожу у тех, кто умер. Осколки я оставляю в небе, из них вырастают маячки.

— Звёзды? — по-своему понял я.

— Не. Я не умею делать звёзды. Только маяки.

Я посмотрел в небо, поморщился, когда от резкого движения в глазах забегали белые пятнышки. Наконец нашёл маленькую, едва заметную точку-маячок.

— Это его, — мальчик кивнул, обрадовавшись, — рядышком возле Луны, чтобы не темно было… А ваша лампочка не загорается. Но вы вроде бы живой. Ведь живой?

Я горько усмехнулся. Сердце умерло вместе с Игорьком, распластанным по асфальту.

— Может, попробуете зажечь?

— Нет, — я резко поднялся.

— Почему? Лампочку надо зажечь… — Мальчик опустил глаза, но всё же договорил: — А иначе зачем вы живёте?

— Просто так, — я испуганно усмехнулся. — А для чего надо?

— Вы же учитель.

— Нет учителя! — мой голос сорвался на крик. — Неужели не видишь?

— Не вижу.

Мне было стыдно своего крика, но чем больше я думал об этом, тем сильнее распалялся от непонятной злобы:

— Когда по твоей… по твоей вине погиб человек, жить нормально больше не получается.

— А вы пробовали?

— Что?

— Не трусить?

Я сорвался:

Запрещено для коммерческого использования

— Что ты вообще можешь знать об этом?! Что?

«А Игорёк? Где Игорёк, мама?» — шептал белобрысый малыш. Он стоял позади мамы и Славки. Темнеющим холмом возвышалась свежая могила. Чуть в отдалении притихшей толпой стояли мои ребята. С ними был Май. И ещё Бориска, хотя он здесь никого не знал.

Я всего раз встретился глазами с матерью. Сразу же отвёл взгляд, потому что не мог. Не мог смотреть.

Мальчик ждал.

— Мне-то как жить после этого?

— Живёте же, — непонятно из-за чего разозлился мальчишка.

— Да, живу, — я едко усмехнулся. — Говорят, все подлецы долго живут.

— Вы не подлец!

— Ещё какой.

Вспомнил, как чуть не утопил Мая. Он скулил по ночам, царапался в дверь, будто ждал кого-то. Лаял и звал Игорька.

Ночью, не вытерпев, я подхватил щенка на руки, побежал. Больше не мог слышать его панихиду по Игорьку.

Хорошо хоть опомнился, не утопил.

Потом написал увольнительную из школы и поступил в контору. Директор долго уговаривала остаться. И это несмотря на то, что мы никогда не ладили…

— Верните лампочку, — вдруг потребовал мальчишка, — я попробую сам.

— Легче разбить.

Эта простая мысль показалась единственно правильной. Сжечь все мосты, да и всё. И больше никогда не думать, никогда не вспоминать.

Горячая ладонь мальчишки остановила мою руку.

— Не сметь! — зло вскрикнул он. — Отдайте!

Но я не мог не написать увольнительную, не мог!..

Легче разбить.

Мальчик виснет на моих руках, что-то кричит.

Ему удаётся выхватить лампочку. Она цела, мальчик облегчённо падает в траву.

— Успел, — тихонько шепчет он, прижимая лампочку к себе, как живую.

Он не обижается на меня, а мне горько и стыдно — сцепился с мальчишкой, как маленький.

Надо уйти. Ноги проваливаются в мягкий песок, но я стараюсь идти уверенно. Главное не бежать.

Интересно, когда исчезла моя совесть? — я и не заметил даже…

Запрещено для коммерческого использования

— Стойте! ...

Мальчик не пытался догнать меня. Он сбросил с плеч ветровку и теперь стоял на мокрых мостках, тонкий и маленький. Его фигурку съедала ночь.

— Игорёк хотел зажечь вам все лампочки! А вы и одной не можете! — звонкий крик ударил по сонной реке, испугал Луну и птиц.

...Может, всё было по-другому, если бы я остался учителем?

Я вздрогнул.

Никогда сюда не вернусь, никогда! Пусть я трус, пусть предатель! Но быть человеком гораздо больнее и...

«Тяжело так», — вспомнились Генкины слова.

Ты хотел всё исправить, но не исправил ничего. Ты хотел, чтобы ребята сохранили совесть, но свою совесть предал. Ты злишься на этого мальчика, но за что?

«За то, что он — моя совесть», — вдруг понял я.

Я уходил. Торопливо поднимался на холм, когда вдруг трава подо мной замигала яркими вспышками. Я обернулся. Мальчик стоял на цыпочках, вскинув одну руку вверх, будто хотел достать до Луны.

В уверенно сжатой ладони мигала жёлтым светом моя старая лампочка.

Прохоров Богдан, 17 лет
Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Сарапул

ЧЕХОЛ СУПЕРХИЩНИКА

Интересно, мечтает ли суперхищник о супертравоядном? Овца, способная дать отпор волку, могла бы и дальше играть задуманную природой роль жертвы? Вряд ли.

В нашем 11 «А» был двадцать один человек. Вернее сказать, нас было двадцать тигров. Молодые, относительно здоровые, амбициозные! Каждый первый в будущем знаменитость мирового уровня, лучший специалист, стоит нам выйти из школы, и мы тут же заработаем все деньги мира. Боже, не выпускайте этих хищников на волю, они сломают мировую финансовую систему! Среди нас был один козёл, который каким-то непонятным образом пробрался в наш вольер.

Вернее, попал он в 10 «А» тёмной лошадкой, о которой ничего не известно. Обычный, на первый взгляд, тихоня. Он как-то не стремился контактировать с другими людьми. Мне тогда показалось, что он при-

Запрещено для коммерческого использования

шёл к нам из другой школы. Мне было жаль его, я думал, что он просто боится заново выстраивать отношения с новыми одноклассниками. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что десять лет прожил с этим чудом в одной параллели! Он учился в «Б» классе, в котором у меня было несколько друзей, так что я был знаком с местным населением. И вот случилось так, что в обновленном «А» классе было больше бывших бэшек.

Я, конечно, сам чувствовал некоторую неловкость от этого перехода, ведь меня, ну, если не считать ту пару друзей, окружили люди, о которых я знаю чуть больше, чем ничего. А Ваня знал практически всех, но, тем не менее, сам сел за последнюю парту, где в одиночестве просидел первый урок.

Здесь следует уделить внимание наружности нашего козлика. Он высок, выше всех в классе, если не в школе. Его от ватной палочки отличало исключительно наличие каких-никаких конечностей. Цвет волос он имел светлый, с небольшим градиентом в сторону классического брюнета, а сама грива опускалась. И право, хотя на его причёску нельзя было взглянуть без смеха, самое интересное у него было на лице. Он носил тонкие, я бы даже сказал стильные, но очень грязные очки, за которыми едва можно было разглядеть карие глаза и красноватые белки. Его губы были достаточно большими для парня-десятиклассника, и казались ещё больше оттого, что он имел скверную привычку поджимать их. Нижняя губа всегда стремилась залезть на верхнюю, закрыть его вечно заложенный нос. Из-за этого казалось, что его челюсть выдаётся вперёд, прямо как у древних предков людей. Но самое интересное — его усы. Он, полагаю, считал, что эти чёрные волосинки разной степени длины и паршивости придают ему вид взрослого, зрелого человека. Нет, боже мой, ни в коем случае. Пальцы Ванины были в каких-то царапинах, шрамах, будто он регулярно строгал их на тёрке. А его ногти на руках — жуть. Хотя, я, если честно, в плане ногтей недалеко ушёл. А, чуть не забыл, ещё у него был дневник с Александром Рыбаком и тетрадки с динозаврами, как у пятиклассника. Рыбак и динозавры — отличное сочетание, ничего не скажешь.

Кстати, не могу не отметить наше поразительное, если не сказать, нездоровое сходство! Я тоже ношу очки, причём раза в три толще. Я тоже иногда поджимаю губы. У меня тоже растут чёрные жёсткие усы. И, что самое удивительное, волосы у нас одной длины. Но, кроме разницы в росте (я на голову ниже), между нами есть одно различие. Я более-менее слежу за собой: бреюсь, протираю очки, чищу зубы. Я стараюсь выглядеть красиво. Пусть и не всегда получается. В общем, выглядел Ваня как воплощение растраченного потенциала.

Запрещено для коммерческого использования

Однако не из-за внешности к Ване относятся так, как относятся. Всё дело в его поведении, куда более отталкивающем, чем его внешность. Я сидел с ним за одной партой два года и не было ни минуты, когда я бы не хотел, чтобы Ваня исчез. Он просто не мог вести себя, как подобает это десятикласснику. Ванька был источником всех странных звуков, всех, какие только тело человек может произвести! Хлюпанье, причмокивание, цоканье — чего мне только не пришлось услышать, а для меня посторонние звуки практически пытка, поскольку я страдаю мисофонией. Для меня звук собственного дыхания звучит мерзко, а чужое и подавно приводит меня чуть ли не в бешенство. Но эти звуки ещё не самое страшное, вовсе нет, ведь Ваня совершенно не такой, как мы! Он испанский знает! Целых двадцать слов! Правда, половина нецензурные, но кому какое дело. Хуже только латынь, потому что я знаю несколько выражений, но хуже, чем он, поэтому Ваня считает своим долгом меня поправить. Бесконечные замечания не единственная отвратительная Ванина повадка, о нет. У Вани есть калькулятор, который он носит во внутреннем кармане пиджака, который никак не подходил к его штанам. Ваня постоянно пользовался калькулятором. Всегда. Он мог достать его в любой момент любого урока, полностью уйти в него секунд на десять, а потом резко вынырнуть из него, удовлетворительно чмокнув. Два года класс думал, зачем он это делает. Может, путает с телефоном? Каждый раз, когда пошарпанный калькулятор выплывал из подкладки пиджака, Ваня чувствовал, как сорок тигриных глаз впиваются в него. Он не мог избежать наших косых, любопытных взглядов, но несмотря ни на что продолжал не замечать слона в комнате. Иногда я заглядывал в небольшой экранчик и практически всегда видел там числа, близкие к нулю: десятые, сотые, тысячные. Чаще эти числа можно было просто округлить до нуля, ведь они были очень маленькими. На последней контрольной по английскому языку, прямо перед раздачей листков с заданиями, Ваня вновь принялся увлечённо и самозабвенно высчитывать что-то, что понимал лишь он сам. Я не выдержал и спросил:

— Вань, мы ж вроде не на физике. Что ты там считаешь?

Ваня полностью развернулся ко мне, облизал губы и не без удовольствия сказал:

— Видишь ли, Богдан, я пытаюсь выяснить свои шансы на успешное написание данной контрольной работы. Если мои расчёты верны, то я могу получить хорошую оценку. Скорее всего, пять, но четыре всё же вероятнее. Однако необходимо сделать поправку на то, что я отсутствовал на последних занятиях.

Все тихо смеялись, а Ваня сделал вид, что не увидел этого.

Через три дня нам посчастливилось узнать результаты, ведь наш учи-

Запрещено для коммерческого использования

тель иностранных языков имеет дурную привычку проверять важные работы не сразу, а выдерживать саспенс, чтобы ученики медленно натыкались на свои ошибки, хотя нам обычно уже нет никакого дела до результатов после того, как наша нога переступает через порог кабинета. С контрольной справились все. Я даже набрал больше баллов, чем рассчитывал, ненамного, но всё же. А вот Ване не повезло — он, вместо «рассчитанной» пятёрки получил тройку, большую жирную тройку за последнюю итоговую работу по английскому. Ваня, получив свою работу обратно, скуксился, сгорбился, казалось, он хотел засунуть своё несуразно крупное тело в какой-нибудь чехол. И, действительно, он надвинул свой большой пиджак себе на голову. Видимо, он опасался нашего смеха, осуждения, презрения. Ведь он, великий Ваня, получил тройку! Ужас!

Но никто на него даже не взглянул. Не было смысла осуждать человека из-за оценки, эта циферка ничего не значит. Так что Ваня просто лежал в своём чехле и, кажется, тихо, но очень вызывающе рыча. Он был похож на оборотня, который проходит процесс превращения впервые. Ну какие оборотни в одиннадцатом классе! Это «страшное» событие совершенно выбило Ваню из колеи. Несмотря на то, что урок продолжался, Ваня так и продолжил лежать на парте и тихо рычать и постанывать. Учитель не обращал на него внимания и намекнул нам, чтобы мы не трогали его. Когда прозвенел звонок, Ваня, по своему обыкновению, снова вскочил самым первым и побежал в другой кабинет, но сегодня раза в два быстрее.

А следующий урок был ещё веселее. Мы писали очередной пробник по математике, он профиль, а я базу. В принципе, базовая математика очень лёгкая, не сдать её может только нетрезвый человек. Я в тот день был абсолютно трезв, но набрал меньше необходимого порога, а всё потому, что Ваня использовал свой могучий мозг на все сто процентов. Каждое свое действие он комментировал, будь то умножение, деление, сложение, уточнение, выведение, возведение, вознесение, дозволение, воскресение. А учитывая многочисленные дефекты речи и привычку мычать перед каждым словом, сидеть с ним стало практически невозможно, я все усилия прикладывал, чтобы остаться на своём месте, держа при этом рот на замке. Ни в коем случае нельзя высказаться, поскольку Ваня очень ранимый и, кто знает, к каким ужасным последствиям может привести моя неосмотрительная грубость. Снова прозвенел звонок на перемену.

В нашем классе есть парень по имени Костя. В целом добрый малый, но с ужасным, я бы даже сказал, жестоким чувством юмора. Ваня и Костя до девятого класса общались, а в десятом упорно делали вид, что

Запрещено для коммерческого использования

друг друга не знали. Ваня становился главным объектом его желчных, но беззлобных насмешек, что ему, разумеется, очень не нравилось. Ваня каждый раз пытался ему ответить, но делал это так неловко и неумело, что становился в глазах окружающих ещё смешнее. На любое оскорбление или другую шутку он отвечал: «Знаешь что, Константин! Я…» — дальше всё зависело от контекста, но чаще всего это было отрицание. На этот раз Костя притворился, что впервые увидел Ваню сегодня. Подойдя к нашей парте, Костя протянул руку Ване.

— Привет, а я тебя и не заметил! — Костя широко улыбался, и я понял, что сейчас произойдёт.

— Привет, — сухо и с достоинством сказал Ваня, в душе радуясь вниманию. Он протянул свою руку. Вцепившись в Ванину ладонь своими нестриженными когтями, Костя так резко притянул бедного парня к себе, что тот, чуть ли не перекувыркнувшись, вылетел из-за парты.

Класс взорвался нечеловеческим смехом, я попытался сдержаться, но получалось плохо. Поднявшийся хохот стих так же быстро, как и начался. Ваня начал орать и ругаться худшими словами, известными ему, и даже попытался ударить Костю, но не смог. Костя пусть был и ниже, но мышечной массы у него больше раз в десять. Если бы Ваня ударил Костю во всю, простите за каламбур, Ивановскую, то рука бы его треснула, как прутик, которым пытаются пробить кирпичную стену. Ваня кричал, но на него никто не обращал внимания, все смотрели на заливающегося смехом Костю.

Ваня бухнулся обратно на своё место и смотрел на своего обидчика фирменным взглядом «убью».

Разумеется, это тоже никто не заметил. Только я увидел, как в его глазах на горящих останках школы черти плясали кордебалет.

К счастью, в этот момент пришёл учитель. Класс уселся на свои места и продолжил грызть логарифмические выражения. Мозги у всех работали, видимо, на пределе и со скрипом, потому что никто не слышал, как время от времени изо рта Вани доносятся слова «убью», «не отвертитесь». Повторив эти страшные слова раз двадцать, Ваня запел что-то невразумительное, отдалённо напоминающее блеяние и рычание одновременно. Спина его выгнулась до состояния полукруга, а бедный заусенец на пальце был окончательно сорван. Была бы тут ненужная бумага, уверен, и она бы пошла в расход. К сожалению, только я видел то, во что превращается, вернее, чем хочет казаться Ваня.

Я попытался успокоить его, но учитель увидел, что я хочу что-то сказать, взял и отсадил меня на заднюю парту.

Остаток урока пролетел быстро и страшно. Я не написал практически ничего, но на пробник мне уже было абсолютно всё равно.

Запрещено для коммерческого использования

Ваня сбежал.

Что, если он захочет заявить о себе. Единственное, что может заставить людей услышать его — крайняя необходимость или угроза жизни. Списывание у него — дело не благодарное, а вот угрозу жизни он вполне может представить. Его дедушка был знаменитым хирургом, а в свободное время баловался охотой. Вот так, спасал людей — стрелял кабанов. Отец Вани был врачом и мать была врачом. У них был вроде семейный подряд, пока они не развелись, когда Ваня был в пятом классе.

А Ваня хочет быть машинистом, метро водить. В Москву, поближе к папе, наверно.

Я не понял, как оказался дома. Не понял, как сделал уроки. Зачем я их сделал, если завтра всё закончится? Не приходить? Обвинят в сговоре. Не приходить по уважительной причине? Мама не поверит. Рассказать про ситуацию в классе? Обвинят в буллинге.

С такими мыслями я пролежал до утра. Когда появилась возможность залезть в почту, я прочитал все письма. Может, Ваня напишет «не приходи»?

Пусто. Я собрался с духом, оделся и пошёл медленным, мерным шагом. На улице стояли классические майские заморозки, даже снег шёл. Я считал снежинки. Отвлекался, как мог.

Я чуть-чуть опоздал. В раздевалке не было двух курток — моей и Вани.

Учитель меня отчитал.

Ждал.

Сел за парту.

Ждал.

Слушал и записывал.

Ждал.

Вспоминал и отвечал.

Открылась дверь.

В дверном проёме застыла высокая тёмная фигура. У фигуры в руках что-то квадратное. Фигура открывает это что-то. Делает шаг вперёд. Я чуть не сполз под парту, дерево не спасёт, но даст надежду.

— Извините за опоздание. — Знакомый голос, только искажённый, превращающий любого тигра в Леопольда. Только сейчас уже поздно жить дружно, козёл теперь суперхищник.

В руках у Вани был листок. Справка от врача. Он опоздал из-за приёма у какого-то врача. Он держал в руках портфель. Ваня прошёл к месту, сел рядом со мной, пожал мою трясущуюся руку и спросил:

— Ты не находишь свой цвет лица не здоровым? — Я был мертвенно-бледным, как мраморная плита с красными прожилками.

Запрещено для коммерческого использования

— Всё нормально, — прохрипел я и замолчал. Ваня одобрительно расплылся в улыбке. Меня передёрнуло.

Остаток учебного года я молчал. На последнем звонке я не разговаривал с Ваней. Он всё хорошо сдал и теперь едет учиться на машиниста в Москву. Я еду… хоть не крышей и на том спасибо.

Следующие года пролетели незаметно. Много смеялся, боялся. Завёл друзей. Женился, начал работать. Жил, как хотел. Лучше, чем мог себе представить. Я стал настоящим хищником — дорогой костюм, кредиты, хорошая квартира, кредиты и некий статус. Москва — красивый город, в нём я провёл десять лет, включавших моё обучение и попытки найти своё место.

О Ване никто и не вспоминал. Я даже и думать забыл о своей паранойе и том моменте слабости. Смеялся над этой историей, когда рассказывал её случайным знакомым. Смеялся над одиннадцатиклассником-машинистом без страха. Хотя могло бы случиться и так, что именно на ведомый им поезд я мог сесть, когда ехал по утрам на работу, пока не накопил на машину.

Через десять лет после выпуска наша заброшенная беседа класса ожила. Мы заскучали по тем временам и решили собраться где-нибудь. Волею случая много наших обосновалось в Москве и её окрестностях. Дата была назначена, и я предвкушал тот день, когда увижу своих приятелей. Расскажу о своих успехах, разочарованиях и неудачах. Выслушаю их собственные переживания.

В указанный день мы собрались в не самом плохом (но и не самом хорошем) ресторане. Нарядные, молодые, но такие уставшие, наконец-то собрались. Относительно бодро выглядел Костя, организатор этой вечеринки и владелец этого ресторана.

Слово за слово, вспомнили прошлое, перемыли косточки отсутствующим.

Посередине беседы я почувствовал холод, будто кто-то на меня уставился из-за кустов. Будь я настоящим тигром, у меня бы шерсть встала дыбом. Я обернулся и увидел его.

Кошмар повторился.

Ваня стоял и улыбался. Выглядел он плохо. Грязная одежда, немытая голова, красное вытянутое лицо. А в руках — чехол от гитары. На запястье — татуировка «1.01», видимо, шансы на то, что его заметят.

Все замолчали. Вот он, момент истины. Расплата спустя столько лет. От этого ещё больнее, видимо, Ваня всё-таки имел какой-то вкус, знал, что месть подают холодной.

— Привет, ребят! — Он стал ещё выше, чем был, но теперь на его плечах словно покоился целый мир, он стал ещё более сгорбленным, чем

Запрещено для коммерческого использования

был. Мы ещё в школе не давали ему выпрямиться в полный рост, показали, как к нему будет относиться мир.

Он прошёл к столу, занял единственное свободное место. Круг замкнулся.

— Привет, — промычал я.

— Я ненадолго, очень хочется спать, только после смены. — Ваня улыбнулся и поправил волосы.

Мы все здесь навсегда.

— Я только сделаю то, что хотел и уйду.

Никто отсюда не уйдёт.

Теперь у него есть силы, чтобы дать отпор. Роли поменялись. Теперь он — лиса в курятнике.

Щёлк-щёлк. Чехол открылся, гиперхищник на свободе.

Ваня прочистил горло и…

Достал гитару. В чехле из-под гитары действительно была гитара. Наши взгляды были прикованы к нему. Гитара, которую его руки сжимали, словно ружьё для отстрела крупных хищников, была старой, словно вытащенной из прошлого насильно, как неприятное, горькое воспоминание.

— Я ещё в школе пытался играть, но времени не было нормально, чтобы учиться. Думал, что после школы время появится, отклик будет. Я просто сыграю, а потом уйду.

Костя закатил глаза и снисходительно улыбнулся. Дима незаметно достал телефон, как в школьные времена, когда он записывал смешные выходки одноклассников. Только я видел: Ваня играл не для нас. Он играл для того Вани, которого мы похоронили под пиджаком в одиннадцатом классе.

Ванино волнение было написано на лице. Первая нота взвыла, словно собака, застрявшая на рельсах. Ваня сжался ещё сильнее, но на этот раз усилием воли заставил руки продолжать играть. Я узнал эту мелодию, именно её Ваня бубнил себе под нос на уроках. Он тогда стеснялся её играть, наверно, он пел её мне, чтобы я услышал и оценил её. Ведь мать постоянно на работе, с отцом он виделся раза два в год, а друзей у Вани не было. Только я, если такого человека можно назвать другом. От гитары, наверно, были и царапины на пальцах, и многочисленные заусенцы, которые он сдирал у всех на глазах.

Ваня, красный, как солнце, закончил, быстро сложил старую гитару обратно и, раскланявшись, удалился. На столе он оставил медиатор, забыл, наверно. Обычный, жёлтый медиатор. В воздухе повисло молчание. Никто, кроме меня, возможно, не понял, что произошло. Я взял медиатор и положил его в карман своих брюк. После этого наша беседа

Запрещено для коммерческого использования

продолжилась как ни в чём не бывало, но медиатор как будто жёг мне бедро, пытаясь оставить на мне отпечаток, обратить на себя моё внимание. Отчего? Я не знаю.

Гевлич Мария, 17 лет
Российская Федерация, г. Одинцово

ИНИЦИАТИВА

Роза сидела на подоконнике и смотрела на покрытую осенью улицу. Сейчас в квартире кроме неё никого не было, но вечером вернётся Марк, и её скука, возможно, хоть чем-нибудь разбавиться.

Марк работал. Это значило, что каждое утро он рано уходил, а каждый вечер поздно возвращался, принося с собой с улицы яркие запахи мокрой листвы, по которой она любила бегать, и пыльного дождя. Почему-то дождь в городе всегда немного пыльный. Настоящий дождь она чуяла только тогда, когда Марк возил её на природу.

Розе нравилось встречать Марка у двери ровно в тот момент, когда он заходил внутрь. Он каждый раз удивлялся, хотя на самом деле это было нетрудно – она давно выучила его расписание.

Роза любила Марка, преданно и горячо, Марк тоже любил её, так же преданно, хоть и немного рассеянно. Но чего ещё ждать от людей? Люди все рассеянные.

Вечером Марк обычно готовил ужин и делился с ней, а иногда заказывал еду не нуждающуюся в готовке, которую приносил усталый курьер. Такую еду Роза не любила. Она всегда пахла странно. И напоминала об усталом курьере. Хотя в эти дни Марк любил смотреть, сидя на диване, смешные фильмы. Роза приходила, ложилась рядом и клала голову ему на колени. Ей казалось, Марку это нравилось. Он начинал выглядеть спокойнее. Она считала, что действует на Марка не хуже, чем эти расхваленные кошки.

И почему людям так не хочется идти за едой самим? Роза давно заметила, что люди не очень любят гулять. А вот она гулять любила – возможно, потому что редко выходила из дома.

Но в этом отчасти был виноват Марк. Обычно он гулял с ней два раза в день, утром, перед работой, и вечером, когда уже почти стемнело. Но последнее время он стал слишком рассеянный даже для человека. Он ходил молча, о чём-то задумавшись, а иногда и вовсе забывал про прогулки. И только когда Роза напоминала ему укоризнен-

Запрещено для коммерческого использования

ным взглядом, начинал нехотя собираться, что-то бормоча себе под нос.

Ещё он перестал покупать ей разные вкусные штучки, как, например, те маленькие палочки или небольшие сладкие кусочки из соседней пекарни.

К тому же он совершенно разучился понимать намёки. Когда они проходили мимо какого-нибудь интересного для неё магазина или места, она останавливалась и начинала смотреть на Марка милым взглядом. Обычно это срабатывало. Но не в последнее время. Теперь он просто тянул её дальше по улице.

Кроме того, он совершенно перестал путешествовать с ней на выходных. Раньше они постоянно ездили на поездах, автобусах, самолётах. У Марка часто возникали из-за неё проблемы, но это его никогда не смущало. Он, справляясь с проблемой, только шептал ей что-нибудь успокаивающее.

А теперь люди с его работы начали требовать у него больше времени и внимания, больше, чем Роза. И ей это не нравилось.

Раздался звук ключа в замочной скважине. Она вскинула голову, оторвавшись от окна, и, спрыгнув с подоконника, бросилась в сторону прихожей.

Марк выглядел, как и всегда последнее время, устало и рассеянно. Он кивнул ей и поплёлся мимо неё в кухню. Роза хотела, как обычно, пойти за ним, сесть где-нибудь в поле его видимости и намекать ему взглядом. Но вдруг она поняла, что, сколько не намекай, гулять Марк её сегодня не поведёт. И вкусных кусочков из пекарни не купит. Её такое озарение часто расстраивало. Но сегодня она впервые разозлилась.

Разозлилась, потому что Марк для неё ничего не сделает. И никто не сделает. И будет она сидеть, и смотреть в окно, и ждать Марка, и удачу.

Она резко втянула воздух и повернулась к Марку:

— Знаешь что? Я устала. Сегодня я иду на улицу одна. А потом пойду в пекарню, и в кофейню, и во все магазины, в которые я хотела. А потом куплю себе цветы. Знаешь почему? Потому что ты мне цветы не купишь. Но это и не важно, я могу купить сама всё, что захочу. — Она говорила сбивчиво, распаляемая необъяснимой яростью. — Если хочешь, могу и тебе купить цветы.

Марк смотрел на неё во все глаза, как будто впервые заметил её по-настоящему. Когда Роза запнулась и замолчала, Марк так и не оторвал от неё взгляда. Через пару минут он моргнул, встал и осторожно заметил:

— Последние годы, кхм, у меня было ощущение, что у меня есть не девушка, а собака. Такая, кхм, большая, и пушистая, и тёплая, как кот. И, кхм, как хорошо… что ты наконец… проявила инициативу.

Запрещено для коммерческого использования

Свежинцева Анастасия, 16 лет
Российская Федерация, г. Москва

ШЕРШЕНЬ НА АРЕНЕ

Было ему пятьдесят лет от роду. Был женат на Марье Валерьяновне. Развелись спустя двадцать пять лет брака. Разошлись на хорошей ноте. Проблема, как обычно, была и ни в нём, и ни в ней, просто ценности оказались несовместимы. Она сажала петуньи, а он посвящал себя исключительно выращиванию картошки. Очевидно, что сосуществовать они никак не могли.

В браке родилось два ребёнка. Развод просвистел мимо них — на тот момент оба уже уехали покорять Москву. Дочь, неприлично рыжеволосая Саня, тогда только поступила на первый курс дизайнерского факультета и умчала навстречу концептуальным мини-платьям и шароварам. На связь она выходила часто, и каждый раз на её голове красовалось новое творение Люськи — её соседки по комнате, мечтавшей о собственном парикмахерском салоне. После четырёхцветного окрашивания отец, ещё не оправившийся от выбритых висков, слёзно молил её больше не включать на созвонах камеру, если уж она не может перестать издеваться над волосами.

Вениамин, старший брат Сани, подобной ерундой не занимался. Мужчиной он был серьёзным, а потому стригла его не общага, а армия. Он утверждал, что университет «не пришёлся ему по душе» — ну а раз такое дело, кто может судить человека за тройки, отчисление и год в пехотном полку? После службы Вениамин, по его собственным словам, возмужал и рвался в реальную жизнь вместо пропитанных ложью аудиторий. Реальная жизнь встретила его ночными подработками на складах, чего удивительным образом не хватало на все нужды здорового двадцатитрёхлетнего парня, а потому родители продолжали его спонсировать. Будучи человеком вежливым, он, однако, никогда не просил деньги у матери или отца два раза подряд, строго чередуя свои запросы. Семья существовала в полной гармонии.

А ещё он — не Вениамин, его отец — был клоуном. Нет, это не оскорбление, выдуманное городскими мальчишками — это профессия. Призвание, можно сказать. Всю свою жизнь он провёл в местном цирке, жонглируя пятью мячиками, надувая шарики в виде собаки и скача по арене за напарником Витьком. Витёк был, что называется, грустным клоуном — белая рубашка, белые брюки, густо намалёванные слёзы, всё как полагается. Этот образ Витьку давался прекрасно: может, дело было в природном таланте, а возможно, шарма ему придавала слегка дрожа-

Запрещено для коммерческого использования

щая форма слёз — спецэффект от гримёрши тёти Клавы, руки которой всегда тряслись благородной дрожью после очередной «ночи для расслабления нервов», как она любила их называть.

Ну а «рыжий клоун», наш Сергей Александрович, краситься предпочитал сам. Сам густо белил лицо, сам присыпал его пудрой, сам обмазывал глаза голубым, а рот — красным. Сам натягивал рыжий парик, который щедро одаривал его запахами пыли и сожаления о забытой стирке, сам зажмуривался и чихал, привыкая к тугой резинке на голове. Сам влезал в костюм, который непостижимым наукой образом с каждым годом всё уменьшался, особенно в районе талии. Сам проверял, не разошлись ли швы между неестественно тусклой красной и подозрительно яркой жёлтой половинами. Сам сдавливал шею синим галстуком-бабочкой. Сам водружал красный поролоновый шарик на нос. Сам глядел на себя в зеркало, улыбался, вздрагивал от расползавшегося вместе с губами красного пятна грима. Сам выходил на сцену, молясь, чтобы Витёк был уже там. Всё сам… Ну а необходимость краситься перед каждым выступлением постепенно и вовсе отпала.

В июле цирк вернулся с трёхмесячных гастролей. Автобус замер прямо у въезда в город, напротив ароматной шаурмы на подносах.

— Иваныч, ты чего? — Шеф приподнялся со своего места и заглянул в водительскую кабину. Шеф был, как он сам любил говорить, «директором этого дурдома», а настоящего его имени никто не помнил. Однажды Маруся, отважная укротительница пуделей, поспорила с тётей Клавой на пятьсот рублей, что за сутки добудет полные фамилию-имя-отчество многоуважаемого Шефа. На следующий вечер Марусины пятьсот рублей бесславно канули в Лету.

— Это не я чего, это мы того, — отозвался Иваныч.

— Чего того?

— Приехали мы все, вот чего, — с тяжёлым вздохом Иваныч открыл дверь кабины. — Я свою Львицу знаю, она дама своенравная. Устала, дальше не пойдёт.

Львицей Иваныч называл гастрольный автобус, в котором труппа исколесила страну вдоль и поперёк. У них отношения были особые, основанные на крайне тонких материях: Львица соглашалась ехать только при удачной комбинации астрологической, политической и климатической ситуаций, а задача Иваныча заключалась в попытках подгадать график перемещений так, чтобы артисты успевали хотя бы на половину назначенных концертов. По ночам Сергей Александрович слышал, как Иваныч беседует с Львицей, прислонившись к её видавшему виды боку.

— Вот понимаешь, жизнь, она ведь штука сложная… Вот ты думаешь, что она такова, а какова она на самом деле? Этого тебе никто не скажет,

Запрещено для коммерческого использования

а если и скажут, то соврут, не знает этого никто. Ну, может, только Толик, мой друган со двора, знал. Нам когда по девять лет было, он уже школу бросил и жвачки арбузные воровал. Вот он может что-то и знал, а остальные – ни чер-та. Так что ты им не верь. И, родная моя, давай поедем с тобой завтра всё-таки. Мы же хотим ту премию от Шефа, да?

Но подолгу Сергей Александрович не слушал. Нехорошо всё-таки чужие разговоры по душам подслушивать.

Наблюдая, как его коллеги уставшей толпой вываливаются из автобуса, подхватывают чемоданы и направляются за шаурмой, Сергей Александрович вдруг ощутил непреодолимую тягу оказаться как можно дальше от этого места. Он представил, как они будут сейчас тесниться за маленькими пластиковыми столиками, как Витёк будет будет громко чавкать, как Маруся будет делить шаурму со своими пуделями (один укус ей, три – ненасытным пастям), как тётя Клава моментально заведёт громкий спор с кассиром, как Шеф на пару с Иванычем будут рубиться в карты (и откуда только они всегда их берут?). Про канатаходца Максимку, гимнасток Аню и Яну, трёх безымянных силачей и одного крайне зазнавшегося фокусника по имени Жерард – Жорик, попростому – думать даже не хотелось. Прежде чем кто-то успел спохватиться, Сергей Александрович схватил свой чемоданчик и направился в прямо противоположную сторону, надеясь поймать маршрутку до дома.

Часть города была незнакомая. Слева простирались поля подсолнухов, справа стояли в ряд аккуратные пятиэтажки. Сергей Александрович подумал, что жизнь на окраине города должна быть крайне умиротворяющей: вроде и наслаждаешься всеми благами цивилизации, а вроде вот они, поля, прямо перед тобой, и всегда можно убежать далеко-далеко. Но спросить, так ли оно на самом деле, было не у кого: жарило полуденное солнце, и людей на улице не было. Автобусной остановки тоже не наблюдалось.

– Дядя клоун, купи блокнотик! – раздался вдруг снизу звонкий голос. Сергей Александрович вздрогнул и опустил взгляд. На него большими глазёнками смотрела девчонка лет семи в огромной футболке, очевидно ношеной не одним поколением старших братьев. – Кушать очень хочется.

И чёрт знает, что его дёрнуло: то ли эти огромные голубые глаза, то ли рваная футболка, то ли урчание в собственном животе сделали своё дело. Сергей Александрович посмотрел на «блокнотик» – обычную тетрадь сорока восьми листов на пружинке, розовый лотос на голубой обложке – и не стал даже думать, откуда эта кроха взяла её и не обнаружит ли местный канцелярский магазин пропажу вечером. Какая, в конце концов, разница?

Запрещено для коммерческого использования

— Сколько стоит?

Спустя час Сергей Александрович был уже дома. Он выкинул кучу одежды в стиральную машинку, одним залпом выпил бутылку воды, три месяца дожидавшуюся его в холодильнике и аккуратно положил купленную тетрадь на кухонный стол. Открыл её. Посмотрел на пустой лист. Принёс из спальни ручку. Сел за стол. Посмотрел на пустой лист ещё раз. Перед глазами побежали ряды дат — на точно таком же тетрадном листке Шеф выписывал им расписание гастролей. 15 апреля и девятичасовая тряска в автобусе; 2 мая и запах сгоревшего попкорна из соседнего номера; 7 мая и спёртый воздух в крохотном пространстве местного цирка; 16 июня и посиделки до вечера, с которых хотелось только поскорее уползти... Даты срочно нужно было перечеркнуть, заменить чем-то другим. Сергей глубоко вдохнул, закрыл глаза и прислушался к миру вокруг. В тишине полуденного зноя было отчётливо слышно, как в окно бьётся шершень.

«Жил-был шершень», — написал Сергей Александрович. Потом подумал, что получается как-то совсем скучно. Ну что такого в шершне? Они только и делают, что жужжат и бьются в стёкла. Зачеркнул «шершень», написал «Шершень». Страница моментально оживилась и довольно зашуршала. Сергей Александрович удовлетворённо хмыкнул. Дело оставалось за малым: придумать, чем же бедный мальчик заслужил такую кличку.

К вечеру раскалённый воздух поглотил последние лучи солнца и тихонько зудел, подгоняя тучи. Они охотно отзывались, торопясь затянуть небо целиком и растекаясь по нему серыми массами. Если прислушаться, можно было услышать бульканье — это напитавшие тучи капли дождя всё рвались на свободу. Шальной ветерок проскочил в приоткрытую форточку и подхватил листы лежащей на столе тетради. Сергей Александрович вздрогнул. Посмотрел на настенные часы. Циферблат с готовностью продемонстрировал девять вечера.

— Чёрт, — Сергей Александрович в изумлении уставился на тетрадь. Оттуда на него смотрели ровные строчки, написанные его почерком — в этом сомнения не было. Сквозь них ему неловко улыбался побритый налысо Шершень — тринадцатилетний мальчишка с фингалом под правым глазом. Шершень задумчиво смотрел вдаль, пытаясь понять, за что же его избили на этот раз. Сергей вздохнул. Он-то прекрасно всё про Шершня знал. Но как ему объяснить?

Встал. Потянулся. Прошёлся по первому этажу. Уткнулся в холодильник. Открыл. Вполне ожидаемо встретила его там только морковка трёхмесячной давности. Взвесил все «за» и «против». Хотя желудок сводило от голода, на поедание морковки он не был готов.

Запрещено для коммерческого использования

Идею дойти до магазина он отбросил сразу. Слишком не хотел он отходить от тетради. Она так и лежала на столе, маня его этими ровными строчками. Сергей Александрович чувствовал, что случайно приоткрыл абсолютно новый для себя мир, что в этих строчках таится что-то невероятно ценное — и это он, он своими руками заложил туда это сокровище! Он, который всю жизнь только и делал, что скакал по арене с воздушными шариками, смог что-то создать! Душа его зудела, и, конечно же, и мысли не могло быть о том, чтобы уйти.

Но есть очень хотелось. Сергей Александрович беспомощно окинул комнату взглядом и обнаружил лежащий на столе телефон. Идея пришла моментально.

«Марьяш, в прошлый раз я к чаю накрывал — давай теперь ты».

Развод с Марьей Валерьяновной не помешал их традиции — чаепитиям с миндальными пирожными. Последние пять лет они жили через дорогу: Марья Валерьяновна съехалась с сестрой из дома напротив, а Сергей Александрович остался в их старом жилище. Однако регулярно они встречались на чьей-то кухне и, как в старые добрые, ставили чайник, накрывали на стол и говорили, говорили, говорили.

Ответ пришёл моментально: «Жди, старый чёрт».

В ожидании Марьи Валерьяновны он измерил шагами весь первый этаж и даже поднялся на второй, но спустился с трудом — больные колени дали о себе знать. Натянул домашние брюки и старую футболку. Дошёл до ванной, умылся. Поднял голову — из зеркала напротив всё ещё скалилось до ужаса знакомое отражение: выцветший рыжий парик, двухцветный костюм, густая побелка, нелепо торчащий нос и синяя бабочка.

«Всё-таки есть в этом что-то успокаивающее, — попытался убедить себя Сергей. — Стабильность, будь она проклята».

В дверь позвонили. Сергей закрыл кран и пошёл открывать дверь.

Разговор вращался вокруг гастролей. Сергей Александрович, будучи человеком очень талантливым и многозадачным, умудрялся одновременно набивать рот пирожными и вещать про бесконечные репетиции, прилетавший из зрительного зала попкорн и взбесившихся Маруськиных пуделей. Марья Валерьяновна слушала, не перебивая, но периодически хмыкала и кивала: она где-то прочитала книжку про активное слушание и пыталась применить полученные навыки в реальной жизни.

— Ну и Витёк забыл, видимо, что он должен быть грустным клоуном и стоял как идиот, улыбался во весь рот. Мужику под сорок, а он всё кошечкам умиляется, тьфу, — закончил Сергей очередной рассказ.

— Здорово, — медленно проговорила Марья Валерьяновна, выдержав пятисекундную паузу.

Запрещено для коммерческого использования

Повисла тишина. Пирожные закончились, чай — тоже. Сергей Александрович вдруг очень отчётливо осознал, что за последний час не давал гостье и слова вставить.

— А ты тут как?

— Да потихоньку, — Марья Валерьяновна пожала плечами. — Вот Барсик недавно с ума сошёл. Влюбился, представляешь?

За этим последовал короткий рассказ про Барсика и его новую пассию, белоснежную Каролину. С точки зрения Сергея, кошке по имени Каролина к котам с нормальными именами вроде Барсика в принципе должно быть запрещено приближаться, но историю он терпеливо выслушал. Закончилась она, однако, трагично: вертихвостка Каролина ушла от Барсика к соседскому Шпротику. Кто додумался назвать кота Шпротиком, Сергей Александрович решил даже не размышлять.

— Правильно, лучше Барсику одному быть, — кивнул Сергей. — Нечего ему по всяким Каролинам бегать.

Помолчали снова, и это было опасно — Сергей, уже было ушедший мыслями в любовные дела местных кошачьих, вновь остро ощутил присутствие в квартире исписанной тетради. Она казалась инородным предметом, и даже сквозь стенку Сергей ощущал, как иссохшие тюбики из-под грима, дырявые мячики для жонглирования и фотографии известных клоунов на стенах неодобрительно на неё косятся. Сергей Александрович представил, как его бедный Шершень отбивается не только от агрессивных одноклассников, но и от летящих в него поролоновых носов, синих бабочек и попкорна. Стало как-то не по себе.

— Земля вызывает цирк, — Марья Валерьяновна пощёлкала пальцами у него перед носом. — Ты что завис?

— Марьяш, — Сергей вернулся в реальность. — Я тут кое-что попробовал…

Пока Марья Валерьяновна знакомилась с Шершнем, Сергей Александрович нервно наворачивал круги по кухне. Он выкинул коробки из-под пирожных, вымыл чайник, попробовал пожонглировать тремя ложками — ничего, кроме громкого звона от удара металла о кафельный пол он не добился.

— Ну что? — не выдержал он наконец.

Марья Валерьяновна пожала плечами и отложила тетрадь.

— Знаешь, прям чувствуется в этом твоя душа.

— Да? — обрадованно подскочил Сергей Александрович.

— Ну да. Там на пятой странице девушка с рыжими кудрявыми волосами появляется. А кто у нас тут ещё рыженький и кудрявенький? — она шутливо потянула за рыжую прядь его парика. — Ну да ладно, пойду я спать. А ты смотри, там в тетради ещё место осталось, может, новые

Запрещено для коммерческого использования

шутки какие-нибудь для выступлений запишешь?

В ту ночь Сергею Александровичу снились треклятая рыжая девушка, миндальные пирожные и Шершень, выглядевший почему-то как шершень, который выступал на сцене в дурацком костюме Витька и кидался в толпу надувными собаками. Толпа отбивалась от собак бумажными самолётиками, и Сергей Александрович в ужасе узнал в них исписанные листы из своей тетради.

На утро голова отзывалась тупой болью при каждом неосторожном движении: ночные похождения Шершня не прошли даром. Сергей доплёлся до раковины и лениво провёл рукой по лицу, размазывая ледяные капли. Вода не проникала сквозь густой слой побелки, скапливаясь вместо этого на красном кончике носа и по-дурацки капая обратно в раковину. К расчёске он не стал даже прикасаться: она и так угрюмо топорщилась клочьями пластиковых кудрей, одержавших уверенную победу в предыдущей схватке. Сергей Александрович покачал головой. Ему пора было в цирк.

Первой, кого Сергей увидел при входе, оказалась Маруся. «Плохая примета», — подумалось ему.

— Ой, Вань, гляди какие клоуны! — пропела она и тут же рассмеялась, отчего её тёмные кудряшки запрыгали по могучим плечам.

Сергей Александрович вздохнул. В первые пару лет работы такое приветствие казалось забавным: сейчас же песенка вызывала только желание заткнуть уши и спрятаться в дальний угол — даром, что цирк круглый.

— И тебе привет, как там твои далматинцы?

Ещё одна годами отработанная строчка. Сначала Сергей правда никак не мог выучить породу Марусиных любимцев, а потом приветствие вошло в привычку, как и многое другое: наблюдать, как Марусино квадратное лицо вытягивается в возмущении, как щёки постепенно наливаются кровью и как она начинает распинаться про разницу между пуделями и далматинцами — громко и с чувством. Однако тут Сергей отчётливо осознал, что его перегретый ночными кошмарами мозг просто не выдержит ещё и гневной тирады о пуделях.

— Нет, спасибо, я ещё Шпротика с Каролиной не переварил, — пробормотал он и проскочил мимо Маруси, не оглядываясь.

В гримёрке, к его огромному счастью, царила тишина, нарушаемая лишь посапыванием тёти Клавы, которая сладко спала в углу комнаты, подложив под себя спальный мешок. Картина была совершенно привычной: тётя Клава имела свойство уходить из цирка позже всех, а возвращаться — ещё до Шефа, который прохлаждался в цирке с шести утра. По крайней мере, именно такой версии дружно придерживался весь кол-

Запрещено для коммерческого использования

лектив по негласному соглашению. Разбираться в жилищной ситуации тёти Клавы и её легальном статусе не хотелось никому.

В это утро, однако, в Сергее проснулось доселе невиданное чувство справедливости, и он решительно шагнул ему навстречу — оказалось, что располагалось оно в том же направлении, что и лежбище гримёрши.

— Тёть Клав, доброе утро!

Не возымев никакого эффекта, приветствие растворилось в спёртом воздухе гримёрки. Сергей Александрович повторил, на этот раз громче:

— Тёть Клав, а когда вы последний раз у себя дома были?

Тётя Клава перевернулась на другой бок, продемонстрировав Сергею бритый затылок. Неуверенно потоптавшись, он вышел из гримёрки и направился в сторону арены. Репетиция должна была начаться через десять минут.

Шеф орал, Витёк безбожно забывал все реплики, Маруся сюсюкалась со своими пуделями, Иваныч храпел на первом ряду зрительного зала, Жорик случайно распилил Яну вместо Ани, а силачи дружно ловили Максимку после каждого его падения с каната. Всё шло своим чередом. Всё шло хорошо. Сергею Александровичу хотелось выть.

В попытках сдержаться он вновь и вновь возвращался мыслями к Шершню. Вот шёл его седьмой год в школе, вот позади было бессчётное количество побоев и три попытки дать сдачи — все неудачные. Сергей знал, что в четвёртый раз Шершень обязательно одержит победу — вот только как он сможет сделать это без Сергея? Нужно было попасть домой, нужно было дописать историю, нужно, нужно, нужно…

— Сергей Саныч, ваш выход! — прорезался сквозь стремительный поток сознания голос Шефа.

На деревянных ногах Сергей вышел на сцену. Растянул губы в кривой улыбке и поправил парик. Растерянно достал из кармана сдутый шарик.

— Здравствуйте, детки! — тонким голоском проговорил он и расплакался.

Шеф объявил перерыв и, по-дружески вцепившись Сергею в плечо, утащил его за кулисы. Пока Сергей поудобнее устраивался на полу, из-за красного бархата показался сонный Иваныч.

— А чего это вы тут?

— Садись, — махнул рукой Шеф. — Будем клоуна нашего откачивать.

— Смешить, получается, надо? Клоуна-то? — во весь рот заухмылялся Иваныч и загоготал от собственной гениальности. Шеф присоединился к нему.

Сергей Александрович сидел на полу и думал. Вспоминал времена, когда считал этих людей самыми родными на свете, когда они могли

Запрещено для коммерческого использования

привести его в чувство одним своим присутствием, когда день в цирке пролетал незаметно, а уходить домой не хотелось. Закралась шальная мысль: а вдруг и в этот раз сработает? Вдруг Иваныч с Шефом, правда, поймут?

Он дрожащей рукой протянул им голубую тетрадку с лотосом, к собственному удивлению обнаружив её в глубоком кармане красной половины костюма. Шеф забрал её и недоумённо покрутил перед носом.

— У тебя ж дочка вроде уже в университете? Зачем тебе школьная тетрадка?

Сергей помотал головой. Иваныч злобно зыркнул на Шефа и отобрал у него тетрадь. Открыл, пробежался глазами по строчкам, нахмурился.

— Это чего?

— Я... вчера писал, — еле слышно выдавил Сергей, Иваныч нахмурился в непонимании.

— Как-то не похоже, ну, знаешь... На то, что ты обычно там пишешь. Шуточки там всякие для тебя и Витька... Ну, ты понял...

Шеф оживился.

— О, Серёг, ты за новый материал взялся? Заранее даже, молодец!

Сергей Александрович помотал головой и предпринял последнюю попытку объясниться.

— Это так, просто, история... Повесть...

Иваныч и Шеф дружно заморгали. Невидимые шестерёнки вяло крутились у них в головах в попытке обработать информацию.

— А зачем? Ты ж клоун, не писатель там какой-то, — выдал наконец Иваныч, почесав за ухом.

И Сергей понял, что никакие объяснения не помогут.

Он отпросился с репетиции, добежал до дома и раскрыл тетрадку. Схватил ручку со стола, но пальцы его не слушались — мешали тугие резинки на рукавах красно-жёлтого костюма. Сергей через силу скрючил пальцы и отчаянно пытался выдавить из себя сцену побега Шершня, но сосредоточиться не получалось: красный нос закрывал обзор снизу, а чёлка парика — сверху. Буквы скакали каракулями по странице, отказываясь укладываться в ровные строчки. Вот Шершень уже занёс кулак для ответного удара, вот громила на два года старше пригнулся, и... Бабочка сдавила горло, перекрывая доступ кислороду. Побелка намертво впилась в кожу лица, и Сергей с глухим стоном отвернулся от тетради. Хватка немного ослабла, но сдаваться Сергей не планировал: переведя дух, он ухватился за край парика и решительно рванул его вниз. Боль рассекла череп пополам, посылая оглушающий звон по всему телу, но Сергей продолжал упорно тянуть вниз: парик, грим, нос, бабочка, костюм...

Запрещено для коммерческого использования

На несколько секунд — а может, часов? — он потерял сознание, а когда открыл глаза, всё было кончено. Куча старого хлама валялась перед ним на полу, и невозможно было понять, где кончается парик и начинается бабочка: ну а как отличить одну выцветшую и погрызенную молью тряпку от другой? Пошатываясь, Сергей встал и направился к столу.

Шершню пора было вылететь на свободу.

Власова Мирослава, 14 лет
Российская Федерация, Республика Коми, г. Вуктыл

МИР БЕЗ СИЛЫ ТЯЖЕСТИ

— Панкратов, к доске! — Прозвучала самая страшная фраза на свете.

Повинуясь приговору, Матвей послушно подлетел к доске.

— Расскажи нам, пожалуйста, о людях, живших во время действия силы тяжести.

Наверное, невероятно скучно. Хотя историю им надо было учить в два раза меньше. Они не изучали политику стран XXI века, пандемию 2020 года и как люди приспосабливались после того, как перестала действовать сила тяжести. Естественно, это Матвей вслух не говорил.

— Когда на Земле действовала сила тяжести, — монотонно начал он, — люди передвигались на ногах и не имели возможности зависнуть в воздухе. Их мускулатура была более развита, нежели наша, из-за постоянного противостояния притяжению. Они были ниже нас, так как гравитация давила на позвоночник и сжимала его.

— Это всё? — Уточнила учительница истории, когда Матвей замолчал. — Ни про технологии, ни про быт ты ничего сказать не можешь?

— Часть профессий стали не нужны, зато другая часть стала более востребована. Появился ряд новых профессий и технологий. Многие средства передвижения и прочая техника подверглись корректировкам, чтобы стать пригодными для использования. Например, обычная машина: раньше обычный двигатель крутил колёса и машина ехала. Сейчас же под асфальт и на местности, где нет деревьев и крупных кустов выкладывают специальную нержавеющую тонкую сеть из металла, не вредящего природе. В машинах же встроен магнит, реагирующий на этот вид металла. Это помогает снизить риск аварий, которые раньше часто происходили. Просто при съезжании с сетки на автомобиль начинает действовать невесомость. Из этого же металла делают сковородки и кастрюли, а магнит встроен в плиты, духовки, холодильники. Ме-

Запрещено для коммерческого использования

бель стали прикручивать к полу, а на стульях и табуретках появились ремни.

— Неплохо, — смилостивилась учительница. — Думаю, на три с плюсом сойдёт.

— Если вы так будете оценивать знания учеников, то многим и нуля будет много. Он ведь выучил материал несмотря на то, что тему мы изучаем больше месяца, а он пришёл неделю назад!

Все повернули головы в сторону бойкой девочки, которой принадлежали эти слова. У неё были большие смешливые глаза, каштановые кудряшки и красивое имя — Русалина. Она была из тех немногих, что осмеливались спорить с учителями.

— Что ж, раз такая умная, то иди отвечай. У нас как раз ещё есть время тебя послушать. — В голосе учительницы слышалась едва различимая издёвка.

Девочка невозмутимо отстегнула ремень, который удерживал их на стульях и подплыла к доске, зависнув рядом с Матвеем. Сам мальчик не упустил случая улизнуть за свою последнюю парту.

Она безупречно рассказала заданный материал и добавила ещё несколько интересных фактов, изучение которых в школе не затрагивали.

— Вынуждена признать, что вы справились куда лучше Панкратова. Четвёрка вам обеспечена, — резюмировала историчка.

Русалина легко оттолкнулась ножкой и теперь висела возле стола учительницы так, что неприятной женщине теперь волей-неволей приходилось смотреть на неё снизу вверх.

— Скажите, а чего мне не хватило до пятёрки? — улыбаясь, спросила она. — Мне кажется, я кратко описала всё, что мы прошли, и затронула будущие темы. Мне даже показалось, что о некоторых фактах, которые я изучила по собственному желанию, вы не знали.

Учительница сняла очки и посмотрела на Русалину, как на глупое дитя, которое уже невозможно перевоспитать:

— Вот скажи мне, чего ты добиваешься? Так хочется родителей в школу привести?

— Ну что вы! — лучезарно улыбнулась девочка. Мне просто хочется получить пять и я интересуюсь у вас, как у единственно знающего человека, как это сделать.

— Тебя же такую умную никто замуж не возьмёт. Ещё и одеваешься как невесть кто, — учительница указала на её рваные джинсы.

Тут все недовольно загудели, несогласные с данным утверждением.

Это был очень дружный класс. Матвей не так давно переехал в этот северный городок и всё никак не мог влиться в коллектив. На самом деле он не был тихоней, но с переездом в другой город столкнулся впервые.

Запрещено для коммерческого использования

Добравшись домой, он сбросил портфель, который завис возле входа, и про который Матвей сразу благополучно забыл. Переодевшись, он залетел на кухню, где мама жарила самые вкусные в мире котлеты, папа сидел на кухонном диванчике, смотря в самый интересный в мире телефон, а шестилетняя сестрёнка Соня рассказывала самые важные в мире новости.

Вот у сестры проблемы быстро решились. Она уже рассказывала про новых подружек, с которыми они гоняли по потолку в догонялки. У мелких вообще всё проще.

— О, привет! Как дела? — повернулась к нему мама. — Порадуешь новыми знакомствами?

— Нет, — буркнул Матвей и сел за стол, пристегнув ремень.

— Что-то я не узнаю своего сына, — оторвался от телефона отец. — Мы не удостоимся даже капли новостей?

Матвей закатил глаза. Ну что они прикопались? Вот сестра сидит и языком чешет. Им Сони мало?!

Но немного подумав, он всё же рассказал сегодняшний инцидент на истории.

— А девочка молодец. И класс тебе очень хороший попался, — прижимая вилкой котлеты к сковородке, чтобы они не улетали, сказала мама.

— Ты сказал ей спасибо? — требовательно спросила сестра.

Соня вечно всех контролировала, и Матвей хотел проигнорировать вопрос, но родители выжидательно смотрели на него.

— Я сразу после уроков ушёл. Да и какое дело ей до моего спасибо? Она даже имени моего, наверное, не знает.

— Ну, скажем так, от спасибо хуже не будет, — папа поправил очки на носу. — К тому же ты ничего не сделал, чтобы она знала твоё имя.

Чтобы не продолжать неприятный разговор, Матвей сказал, что обязательно отблагодарит и сменил тему.

Утром он нашёл Русалину возле кабинета директора. Она висела вверх ногами и задумчиво смотрела на дверь.

— Что, родителей вызвали? — не зная, как начать разговор, спросил он.

— Ага, только всё нормально будет. Все в курсе, что историчка-истеричка просто придирается.

— Почему же её не уволят?

— Да кто же её уволит, когда она единственный преподаватель истории на весь город? У нас ведь куда не повернёшься, всюду лес. Мы для всех несчастный городок, у которого дома выше двенадцатого этажа не поднимаются. Кто сюда сунется?

Запрещено для коммерческого использования

— А, понятно. Я вообще поблагодарить хотел. Ты куда лучше меня рассказала тему. Тебе нравится история?

— Всегда пожалуйста! — Она как всегда улыбнулась. — Я за справедливость, а историю я на самом деле не люблю. Вернее, к истории России никаких претензий нет, но история других стран у меня в голове на долго не задерживается. Просто как ученик может противостоять учителю? Грубить и лить хлорку в цветы — методы ущемлённых бездарей. А вот шаг влево и шаг вправо от программы — и учитель уже начинает крепко нервничать.

— Надо взять на заметку, — рассмеялся Матвей.

Дверь в кабинет директора открылась, и оттуда изящно выплыла красивая женщина, похожая на Русалину. Было не сложно догадаться, что это её мама.

— Когда у тебя следующая история? — спросила она.

— В среду. — Русалина перевернулась в нормальное положение.

— Значит, в четверг я опять иду на чай к директрисе, — пошутила её мама.

Отталкиваясь от стены, Русалина направилась в сторону класса.

— Матвей, ты идёшь? — окликнула она его.

Надо же, а его имя она всё-таки знает. Матвей направился за ней.

После этого они сильно подружились, ходили друг к другу в гости и гулять. Русалина познакомила Матвея с остальными одноклассниками, с которыми он тоже без труда нашёл общий язык.

Как-то утром Матвей прилетел к Русалине в гости и позвонил в дверь. Открыла её мама. Вид у этой непоколебимой женщины был сильно обеспокоенный. Увидев Матвея, она быстро заговорила:

— Русалины нет. Я утром зашла её будить, а её нет, и окно открыто. Я боюсь, она не закрыла его ночью и вылетела через него во сне.

По дому уже ходила пара полицейских. Недалеко на стене висело объявление.

— Не беспокойтесь, — подплыл полицейский. — Мы быстро найдём её.

Матвей извинился и спустился во двор. Там он сел на скамейку и задумался: Русалина не из тех, кто по ночам сбегает на улицу. Зря волновать маму она тоже не стала бы и сразу вернулась бы домой, как только проснулась. А проснулась бы она быстро, ведь на улице май и без тёплой кофты особо не погуляешь. Значит, что-то случилось, и она не может сразу вернуться. В городе её точно нет, ведь нашли бы быстро. Живут они на втором этаже, и значит она не высоко в небе. Вряд ли в лесу — за деревья бы зацепилась и добралась до поля, а его из окна видно как на ладони.

Запрещено для коммерческого использования

Единственный вариант, до которого он смог додуматься спустя полчаса раздумий, — заброшенная стройка. Она не слишком далеко, но Русалину оттуда могли и не услышать. Матвей решительно направился туда. Миновав забор, он услышал как кто-то горланит песни.

Облетев заросли ивняка, он увидел, как над ямой зависла Русалина в пижаме, не имея возможности хоть за что-то зацепиться. Она уже слегка охрипшим голосом орала:

— Музыка на-а-а-с связала! Тайною на-а-а-шей стала! Всем уговорам твержу я в ответ: нас не разлучат, нет!

— Не, нормально, конечно! Её полгорода ищет, а она тут поёт! — ошарашенно крикнул он ей.

— А мне надоело «помогите!» кричать. Так хоть какое-то разнообразие. Чего так долго? — недовольно начала высказывать всё Русалина.

Матвей наклонил самую высокую ветку ивняка, слушая, сколько Русалина страдала.

— Просыпаюсь я, значит, и вижу: кругом свалка и разруха, а я зависла над какой-то выгребной ямой, и ничем хорошим мне это не светит. Кричу-кричу — реакции у всех ноль. Ну, думаю, круто! Начала песни петь. Пока хоть кто-то догадался сюда заглянуть, я уже добралась до песен позапрошлого века. Ещё немного, и по второму кругу пошла бы.

После нескольких неудачных попыток она всё же ухватилась за ветку и выбралась, как она выразилась, из «жалкого положения». Когда они вернулись к Русалине домой, радости её мамы не было конца.

Без последствий не обошлось, но отделалась Русалина довольно легко: только горло першило и голос хрипел.

— Это всё потому, что я сплю с открытым окном и у меня иммунитет! — довольно говорила она, морщась от горького травяного отвара.

— Если бы ты не спала с открытым окном, то и не улетела бы, — заметил Матвей, отхлёбывая чай. — Надеюсь, ты больше никуда так неожиданно не улетишь?

— Ветер покажет, — загадочно улыбнулась девочка.

«Неисправимый оптимизм», — подумал Матвей, счастливо улыбаясь.

Запрещено для коммерческого использования

Габрийчук Александра, 17 лет
Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Югорск

НЕПОЛНОЦЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Пролог

Уважаемая редакция газеты!

Вы знаете меня как завсегдатая вашего еженедельника. Я выражаю вам благодарность за ваш труд, вы и с таким постоянством радуете нас, читателей, своими статьями! Простите за мою излишнюю литературность, сложилась сама собой привычка писать, как пишут писатели, и к вашему сведению, прошу прочесть моё письмо с должным пониманием.

Я прошу вас выставить моё объявление не с целью прославиться и точно не преумножить своё богатство. Всё, что я хочу сделать, это помочь ближнему. Нет в мире ничего прекраснее, чем благодетельствовать без личной выгоды, абсолютно альтруистично! Вот феноменальный случай: очень необычная фотография юноши на фоне учебного заведения. Причём фотография сделана на довольно широкой пешеходной улице, но на ней нет никого, кроме самого юноши. При взгляде на него, невозможно не испытать противоречивые чувства – он выглядит не молодым и не старым, не бедно и не богато, его лицо выражает что-то вроде эмоций, а может казаться, не выражает ничего. Его губы сжаты и расслаблены, нос маленький и прямой. Его глаза наполнены и направлены в пустоту. Для кого-то они переполнены тоской, а для кого-то ничего не выражают. Кому бы я не показывал эту фотографию, каждый морщился или кривил недоумённое лицо. При этом я часто спрашивал, знаком ли вам этот юноша, и мне всегда мотали головой в ответ. Вы не представляете, через какие адовы муки мне пришлось пройти, чтобы на размытом фоне выяснить, что это за учебное заведение, в каком городе и на какой улице было сделано фото. И не представляете моё разочарование, когда я пришёл туда и не нашел ни единой души, которая бы знала этого юношу!

Я пишу сюда, продолжая его поиски. Мне неизвестно ни его имя, ни где он живёт (и жив ли он?). Поэтому, дорогая редакция, прошу выставить на новом выпуске моё объявление о пропаже человека. Заодно спрашиваю лично вас: знаком ли вам этот юноша?

Прикладываю ниже его фотографию.

С уважением,
Л. Георгиевич ******, 75-го года рождения

Запрещено для коммерческого использования

Часть I

Пошёл холодный и моросящий апрельский дождь. Небо серело с каждой пройденной минутой, находясь в этой аудитории. Подперев рукой щеку, я следил за преподавателем, и старался оставаться сосредоточенным на лекции, однако считал минуты до конца пары. Бесшумный дождь продолжал моросить, и сквозь занавески бился тусклый свет, растворяясь в пространстве. Я стал черкать что-то на полях конспекта по матанализу, надеясь, что это поможет на следующей контрольной работе. Через мгновение прозвучал звонок, и я как бы не спеша начал собираться, но в тот же миг на парту бросили мои результаты пересдач и сданных долгов. Я схватил их и с толикой предвкушения стал смотреть... Как мой балл за семестр опять стал только хуже.

Подавляя отчаяние, я положил листы в портфель, встал из-за парты, и последним вышел из аудитории. Наш крайне болтливый преподаватель не обращает на меня никакого внимания, но я знал, что этим поведением он высказывает недовольство в сторону ученика. Он недоволен мной уже полмесяца.

Я и сам собой недоволен. Перед выходом из нашего университета, я столкнулся с однокурсниками, которые громко болтали и загораживали проход к гардеробу. Мне было каждый раз неловко в таких ситуациях, ведь я ни с кем из них не общаюсь. Я очень устал, и беспомощно стоял около них, открывая и закрывая мессенджеры, ожидая, когда они уйдут. Как же унизительно.

Добираясь до общежития в привычном одиночестве, я, опять оттягивая момент, решил «сделать крюк» и пройтись по Золотому проспекту, в котором много красивых исторических зданий. Здесь никогда не может полностью не быть людей. Представляя, что я один винтик этого многомиллионного единого механизма, чувствую себя частью большого целого. Но через пятнадцать минут я буду вынужден появиться в общаге, и, сев в автобус, я еду в промышленный район, где расположено общежитие.

Снова оказавшись в его стенах, я спешно и бесшумно поднялся на свой этаж, чтобы зря не беспокоить комендантшу, и, разувшись около входа в наш квартирник, с глубоким вздохом вхожу в него: наша каморка (по-моему, это наилучшее описание такого места) была настолько маленькой, что три кровати еле образовывали между собой коридор, где мог пройти лишь один человек. Одна кровать была обычной, вторая — двухъярусной, я спал на втором этаже. Мои соседи — Тима и Мирон — как всегда, громко болтали, они не услышали, как я поздоровался.

— Мирон, да не будет завтра лабы по физике, иди проект по инфе делать!

Запрещено для коммерческого использования

— Да завтра на паре у Евгаша сделаем, а щас дота.

— Какая дота, гений, мне Вика передала, что завтра у Евгаша контрольная будет, пошли на пару.

— Жадный вторник… Этот обезьянник опять нас ждёт. — Тим замолчал на мгновение. — О-о-о, Мирон, смотри, сливы Настюхи.

— Тимос, я тебя когда-нибудь точно прибью… О, в натуре, какие фары! — и громко ржут.

Я тогда протиснулся к своему рабочему столу. Мои отношения с соседями были неважные: в первые дни сожительства я пытался выстраивать общение, но вскоре они сильнее сблизились и перестали обращать на меня внимания. Я же научился сливаться со стеной, и теперь молча занимался, стараясь почти не слышать их. Но иногда я наполнялся решимостью исправить эти неравные отношения, пробовал разговориться с ними, но это изматывало, и я толком не мог вставить свои пять копеек. Как итог, я сижу за своим захламлённым столом, надо мной окно, с которого сильно дует, и пытаюсь сосредоточиться на работе и перестать слышать их.

Но в один момент они так сильно заржали, что я бесшумно встал, собрал свои вещи и направился в коворкинг нашего общежития.

Наш коворкинг почти всегда пустовал. Там был только Миша: он был аутистом, и хоть к нему все по-доброму относились, честно, никто не хотел с ним взаимодействовать. Я, оставшись без выбора, сел за стол и раскидал конспекты, записи, работы по математике. Учёба не давалась гладко, я потратил кучу времени, чтобы разобрать неравенства показательных уравнений и векторы, и только потом приступил к долгам. И всё это время терпел Мишины стоны, нечленораздельные звуки, щёлканье и цоканье из его рта. Я посмотрел на часы: наступило время для сна, и коворкинг закрывают.

Неудовлетворённый я собрался и пошёл в свою комнату, уставший не смотрел на соседей, бросил учёный груз на стол и пошёл в умывальню с зубной щёткой и пастой. Я окатил лицо холодной водой, и, уткнувшись в мысли, монотонно проводил щёткой по зубам. Я много думал об учёбе, о недоделанной работе, о том, как не смог выполнить всё сегодня, что планировал, и винил в этом прогулку по Золотому проспекту, о том, что мои соседи, как всегда, успешно сдадут послезавтрашний меж профильный проект, и, кажется, завидовал их беззаботности, и думал даже о Мише, как он вообще может произносить такие звуки. Я думал и не заметил, как к умывальникам подошёл ещё один человек.

— Доброй ночи.

Я молчал. Но вдруг осознал, что это ко мне, спохватился и нервно пробормотал: «Доброй ночи». Неосознанно нацепив глупую улыбку.

Запрещено для коммерческого использования

— Одолжи пасту, пожалуйста. Я свою в комнате забыл.

Я посмотрел на него: этот был парень, на вид второкурсник, на нём была лёгкая футболка и шорты. Каштановые волосы растрёпаны. Его лицо выражало не то наглую уверенность, не то гениальную изворотливость, губы складывались в прямую улыбочку, глаза то ли серые, то ли зелёные, прищурены, и, казалось, всегда хитро смотрели.

От его просьбы я замешкался, но руки сразу ему протянули тюбик.

— Спасибо, приятель.

Только потом я понял, что таким образом эти гении экономят себе на пасте. Униженный после того, как у меня «стрельнули» зубную пасту, я уже стал убираться, как вдруг:

— Скоро межпрофильный проект, ты сто пудово уже делаешь?

Так он первокурсник!

— Ну да, то есть нет, я только идею придумал. — Я не говорил, а лепетал, за что мне сейчас стыдно.

— Бывает. Будешь, значит, со мной делать. Ты же не в коллективе работаешь, Олег Олопайлов? — ухмыляясь, бросил в меня фразой.

Я опешил — моё имя знали, но я не был популярным. За моей спиной, конечно, ходили смешки, но они быстро угасали и забывались.

— Да, откуда ты меня знаешь? — Я в полоборота смотрел в его сторону.

— А тебя волнует?

— Честно говоря, да.

— Ясно… — Он опустил взгляд на раковину, а потом запрокинув голову, развязанно протянул: — Эх, и как тебе только не надоело жить в таком болоте, друг!..

— В каком в смысле? — Я не то, чтобы удивился, этот персонаж очень меня заинтересовал. Так нагло психологическую помощь мне ещё никто не оказывал.

— Ну, сидишь молча, ни с кем толком не общаешься, пытаешься никому не мешать, и столько времени тратишь в одиночку зря!.. Но да, зато от общения времени высвободилось вагон, теперь не жалко тратить на такую ерунду.

— А тебя волнует? — срикошетил я.

— Не поверишь, меня волнует! — выдержав паузу, но очень театрально сказал он. — …А тебя, кажется, нет.

— Нет, меня волнует, конечно, просто, чтобы исправить это, нужно столько сил…

— Боишься переработать? — Этот парень звонко рассмеялся.

— Я, нет, я… у меня все ресурсы уходят на учёбу сейчас.

— Ну да, много же у тебя прибавилось двоек!

Запрещено для коммерческого использования

— Но это уже мои проблемы… — Мне стало обидно, что я впахиваю как лошадь, а всё пересдаю на два. Но это чувство я привык быстро заглушать.

— Бедолага, и долго же ты будешь так мучиться? — Он посмотрел мне в глаза пронзающим взглядом, вскинув брови, и с толикой грусти сказал: — Ой, уже время, бывай, приятель!

— Постой! — крикнул ему у самого выхода. — А как тебя зовут хоть?

— Женя, — не оборачиваясь, ответил он.

Перед сном я ещё долго вспоминал его, прокучивал наш необычный диалог, и с каким-то странным спокойствием с мыслями о нём заснул. Ну и зачем он устроил непрошенную психологическую поддержку такому, как я?

Часть IV

О господи, я проснулся в холодном поту. Было пять часов утра, сердце стучало так сильно, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет и мне не хватит кислорода, чтобы встать. Но я судорожно вскочил и схватился за голову крепко, что в ушах зашумело, а в зажмуренных глазах летали звёзды. С каждым днём всё труднее и труднее просыпаться.

На парах я стараюсь отвлечься от боли, которая меня грызёт каждую минуту: я открываю очередной файл и восполняю себя тем, что не бесполезно в моей жизни. Вокруг проносятся однокурсники, преподаватели, люди, они обращаются ко мне, кто-то здоровается с ними, а я наблюдаю издалека. Воспоминания о прожитом дне или даже часе воспринимаются как сон — без картинки, без слов, а как предложение с расплывчатой фабулой событий.

Не знаю, сколько я уже так живу, и живу ли я вообще, но меня держит дело, держит «надо», держит Ксюша. Я так и не смог стать для неё лучше, а она смотрит на меня и улыбается, когда мы встречаемся в коридоре.

Я чувствую полный чан эмоций, но в то же время ничего. Меня переполняет то, что заставляет всё остальное неметь, стонать и гнать мысли. Невыносимо. Невыносимо вставать по утрам, невыносимо каждое утро умываться, невыносимо вставать из-за парты, невыносимо разговаривать, есть, дышать — меня не душат, но я задыхаюсь. Я живу и в то же время умираю. Я встаю и в то же время падаю. Или уже упал. Этим утром после душа у меня был обморок.

Когда я смотрю на Ксюшу, всё кипит. Я так хочу ей дать тепло и ласку, но у меня нет души, чтобы наконец почувствовать и начать что-то делать. Но мы всё-таки в отношениях, и я купил ей шоколадку.

Запрещено для коммерческого использования

— Ах, Олежа! Я тебя не просила! — Она была так счастлива, часто благодарила и смотрела своими сияющими глазами в мои так крепко, что я заулыбался до ушей. — Я очень люблю эту шоколадку… Я и тебя люблю. Спасибо, Олежка! — она сказала, что ей пора бежать, и ушла с другими в толпе.

Ксюша, моя милая Ксюша. Я безумно благодарен за то, что ты меня ещё терпишь. Я хочу принять тебя всю и подарить тебе самые дальние звёзды, и даже те, что у меня кружатся в глазах. Но почему же мне не удаётся хотя бы ежедневно желать доброго утра?!

У нас сегодня был концерт, приуроченный к ежегодному празднику. Мы пересеклись с Ксюшей в коридоре и пошли в актовый зал вместе. Сели на один пуфик на имитированном ряду позади всех, мы успели к началу комедийной сценки наших университетских активистов. В один момент я чувствую, под рёбрами, в самом животе, словно что-то оборвалось. И теперь вакуум сжимает и оставляет чистый ужас в самом сердце меня. Я замер, глаза расширились и не моргали, тело застыло так сильно, что я не мог пошевелить и кончиком пальца, дышал еле-еле и часто, выкатили слёзы. Но из оцепенения меня вытащила Ксюша. Она перед самым лицом мне показала телефон с мемной картинкой, где точь-в-точь передавалась моя эмоция. Я шукнул, типа смеясь, мне было смешно, и я правда старался показать это, и будто отпустило чувство неописуемого ужаса.

Через пару минут оно повторилось. Ксюши рядом не было, она вышла, а меня так измучил этот приступ, что я не мог больше здесь находиться и, как в пьяном бреду, встал, вышел и пошёл в общежитие. Благо я быстро добрался, хотя по пути был готов взорваться на месте.

Я вошёл в комнату. Было тихо, никого не было. Мои соседи ещё там, в актовом зале. Я дошёл до своего стола, меня сильно мутило и, упав на колени, я истошно завопил. Впервые то, что так долго во мне варилось, вырвалось наружу. Я не переставая кричал, слёзы лились, но не падали. Что-то во мне рвалось изнутри, ужас поглотил меня полностью, и мне открылось — я не доживу до утра.

Да, я не доживу до утра. Это точка невозврата. Как мне спасить? Никак.

Захотелось очень сильно себя кольнуть. При мне было единственное, что могло сгодиться за острое, и я взял маникюрные ножницы, спустил штаны выбрал место на берде между ног, где точно никто не увидит. Я воткнул тогда острый конец в ногу, выступила кровь, но, к своему удивлению, ничего не почувствовал.

Вдруг пронёсся звук захлопывающейся двери, я судорожно натянул штаны.

Запрещено для коммерческого использования

— Что за дела, Олежа! Мне Ксюшу позвать?

— Чёрт, Женя! — мне было стыдно, даже если бы это был не Женя. — Какого чёрта ты тут забыл?

— Сколько можно поминать чёрта? Он тебя уже услышал. — Он выхватил ножницы из рук. — Ножницы детям не игрушка.

Я тогда почувствовал себя, правда, ребёнком, которого поймали за шалостью с поличным, и теперь безвольно он ждёт своего наказания.

— Ты слышал, как я кричал? — Прервал я минуту тишины.

— Как тебе сказать… слышал, но не поэтому пришёл. Я всегда тут был.

— В смысле?.. — Меня пробрали мурашки. Стой, неужели такой свободолюбивый, он следил за мной? За мной установили слежку?!

Мир перевернулся буквально на глазах. Всё это время меня, нечеловека, отслеживал кто-то. Я оказался слишком заметным, странным. Вдруг, не только он, но и Ксюша, и комендантша — все причастны?!

Так мыслить очень эгоистично. Но я был полностью захвачен этой мыслью, и с грохотом выбежал из комнаты. Я прокручивал всё: когда я был среди людей, как за мной могли следить, где и как меня находили. Я всегда знал, что я никогда не был полноценной частью любого коллектива — семьи, школы, работы, универа. Даже среди друзей я был чужим. Ноги меня донесли до чайной комнаты, где собрались почти все, кого я знал.

— Чего вы все хотите?! — Я закричал во всё горло, и повисла тишина. — Я спрашиваю, что вам от меня надо!

Молчание. Робкое шептание пронеслось где-то у стены. Кто-то достал телефон, кто-то уже начал снимать.

— Я прошу вас, прекратите рассказывать обо мне, говорить обо мне, смотреть на меня, забудьте меня вообще! Прекратите следить!! — Я надрывал голос. — Какая же зараза, что я нечеловек… — Я опустился на колени. Меня неистово трясло. Но вдруг послышался смех, слово «сумасшедший», и у всех на лице расцвела улыбка.

— Олопайлов, не переживай, мы очень скоро перестанем говорить о тебе, когда о тебе позаботятся в психдиспансере. — Это был голос комендантши. Меня все окружили, насильно подняли и, как единый организм, понесли, куда-то. Я впервые физически почувствовал то, с чем жил ментально — как поток людей вытесняет нечеловека. Как единый организм не смог переварить частицу, и её выталкивает. Я сопротивлялся, я кричал, но без толку. Мутным взглядом я увидел Женю. Он стоял поодаль и мрачно на меня смотрел.

— Женя! — Я инстинктивно закричал ему, но он продолжил стоять на месте.

Запрещено для коммерческого использования

— Никакого Жени тут нет, дурачок. — Это был голос Ксюши, полный слёз.

Часть V

По щекам градом посыпались мелкие и частые капельки дождя. Небо заволокло плотной серой наволочкой. В глаза то и дело падали мои чёрные локоны, и я не успевал поправлять их, бредя домой.

Я возвращаюсь с пустым животом. Я долго брёл домой: я не ел и не спал несколько дней. И когда я добрался до него, у самого входа стоял Женя. Он смотрел на меня полным горести взглядом, протягивая свёрток с бутербродом. Я жадно накинулся на еду, я пил воду из своих промокших рукавов. И хоть это было дико, Женя меня не останавливал. Он молча дождался, когда я доем, и спросил, хочу ли я обратно.

— Что? — переспросил я.

— Ты хочешь вернуться в общежитие?

Я задумался. Пока я брёл в бреду, позабыл всех — семью, общагу, близких. Но сейчас я вспомнил, что мне надо.

— Мне надо учиться…

— Да? Тебе так надо учиться, что ты забыл о себе и брёл до дома бездумно?

— …Учиться, ведь это моё будущее. Это моя суть. Если не могу существовать в обществе, то буду существовать для себя, для своего будущего. Мне нужно оно цельное, а если не смогу его достичь, сгнию в людском болоте.

— Душой ты не человек, но homo sapiens. Никто не может так долго это терпеть. — Женя смотрел прямо на меня. Наши взгляды встретились, я завис и долго смотрел на него. Вдруг, увидел себя на месте Жени. Я был в его одежде, в его позе, у меня были его руки — я был им.

— Ты всегда был тем, кого называл Женей.

Я оцепенел от ужаса, я опять закричал.

— Всё это время ты был один, Олег. Это и было твоим целым — ты и Женя. Вы вместе составляли Олега Олопайлова. Вы никогда не покидали друг друга, и теперь точно осознаёте себя как одно целое.

И что теперь? Как я буду жить дальше? Я спрашиваю себя, какого чёрта всё пришло к безумству?!

— Потому что не общество, а ты не вынес себя. Быть нечеловеком — этого никогда не расскажешь человеку. Нечеловек может жить, как все, в оболочке даже самого заурядного человека, но его суть рано или поздно будет выходить наружу. И тогда на него будут бросать косые взгляды, он будет окружён людьми, которые его не замечают, ведь не хотят

Запрещено для коммерческого использования

иметь дело с теми, кто выбивается из «нормальности», потому что цель человека — его душевное спокойствие. Амбиции, цели, планы — всё человек придумал для своего душевного спокойствия. Но нечеловек не живёт этим, нечеловек смотрит на мир иначе и не может следовать этому правилу человечества, и, чтобы выжить, начинает человеку подражать. Чем больше неудач, тем сильнее впадает в отчаяние. И ведь у нечеловека никогда не получится стать человеком, но он обманывает себя, так и продолжает играть пьесу. В какой-то момент нечеловек впутывается в любовь. О горе нечеловеку, который познал любовь! И тогда совсем разочаровываясь в себе, ломается окончательно. Нечеловеку свойственно бороться за своё место, как трава, которую сами не замечают, как топчут, а она растёт. Нечеловек — загадочное существо. Он homo sapiens, но не чувствует в себе человеческой души. Он не понимает единых человеческих устоев и почему другие его не принимают. И остаётся, как в мыльном пузыре, среди людей, но без возможности касаться их. И судьба у каждого нечеловека такова — сорваться, так и не распустившись.

Мне горько. Я так долго мучился, чтобы сейчас понять, что я зря пытался выжить здесь. Если это не моё место и никогда им не будет, то зачем оставаться.

— Ты просишь стереть себя из мира?

— Да, я прошу, чтобы стёрли любой мой след в этом мире и в памяти людей, будто я никогда не рождался.

— Решено. Однако... ты не исчезнешь, ты продолжишь жить в этом мире так, что каждый встреченный тобой человек тут же забудет тебя. Ты будешь жить в этом мире как чужак.

— А когда я так не жил? — И вдруг наступила темнота.

Я моргаю, и вдруг оказываюсь у порога своего университета. В руках выписка из психдиспансера, я стою на шумной улице, слышу и вижу людей, машины, вспышку фотоаппарата. Я живу и не живу, я свободен и безволен, я существую и не дышу.

Моя жизнь началась заново.

Запрещено для коммерческого использования

Мартынова Станислава, 16 лет
Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Новочебоксарск

ЛЕСТНИЦА

Я давно понял, что все поднимаются по невидимой лестнице. Люди буквально идут по головам, стремясь оказаться выше остальных. Учатся ради чувства превосходства, сидят в затхлых кабинетах, вглядываясь в проплешины старого преподавателя, который что-то томно рассказывает у зелёной доски. Время идёт, а желтоватый мел всё так же ежедневно скрепит и тужится, крошкой падая на пол.

Учительница пришла к нам в школу недавно: только закончила педагогический. Она была молодой, но полезной Ступенькой. Я сразу это подметил и начал думать, как бы по ней забраться. И, кажется, догадался.

Я встал, вышел к доске, а она всё так же что-то говорила. Я слушал её не очень усердно, был погружён в свои мысли, затем встретил её взгляд. Она поняла моё желание. Расставив ноги на ширине плеч, чуть согнула колени и, чтоб мне было удобнее, сделала из рук подставку, сцепив их в замок. Я схватился за её плечи, наступил на ладони и, раскачавшись, поднял вторую ногу. Мы с ней одного роста, но сейчас забираться по ней было сложно, даже если она и подталкивала. Я должен был потратить немало времени, чтобы достичь её высоты. Но пока не мог: устал.

Зацепившись за её штанину, я посмотрел наверх. Потолок был недостижим и прекрасен. В большинстве своём он был тёмный, но в некоторых частях пучками бил таинственный розовый свет. Я впервые им залюбовался, он меня увлёк. Я понял, что хочу узнать о нём всё, изучить его полностью. Сейчас я во мраке, страх поедает мои внутренности, обгладывает кости так, что я начинаю завидовать глупцу, который не понимает этого незнания.

Я огляделся. Эта человеческая Лестница простиралась на тысячи километров в обе стороны, но намного больше она была в высоту. Если по ней так долго забираться, то как долго падать? Больно приземляться, или падение лишь облегчит боль, залечит раны да залижет мозоли? Может, кто-то проверял? Не поднимусь ли я выше, если узнаю? А может, чёрт с ним, с этим светом? Отпустить руки, закрыть глаза и лететь лицом вниз, встречая не менее влекущую неизвестность. Забыться и попросить знакомых забыть меня, ведь знать подобного дезертира стыдно, мерзко с таким общаться. Нет, сейчас не могу так подводить близких, так что пока они у меня есть, я буду подниматься, чтобы потом пропасть вместе с ними.

Запрещено для коммерческого использования

Стоит продолжить путь. Я чуть выше ботинка учительницы, а хочу добраться до Потолка, хотя каждый день всё больше разочаровываюсь в своих силах.

Зацепиться и ползти — вот план на мой век.

Я выдохнул и протянул руку наверх. Затем сжал брючную ткань в кулаке и подтянулся, зацепился второй рукой, подтащил ноги и повторил. Я, кажется, забрался уже на полметра, но для Лестницы это чертовски мало, только начало первой Ступени. Со временем тело запомнило движения, и карабкаться стало в разы легче, но я всё равно сильно уставал, останавливался и думал.

Я нередко видел на Лестнице девушку, живущую по соседству. Она училась в местном колледже, но учёба её лишь убивала. Страдая, студентка даже не ползла, просто лежала поперёк. По ночам я слышал, как она плачет; днём, встречая её в подъезде, подмечал, что она прячет руки, наверняка изрезанные тупым лезвием. И ведь она не глупа! Лишь ненавидит путь, выбранный родителями. Я физически ощущал её отвращение к жизни, видел, как она медленно скатывается вниз, как её топчут проныры.

Меня тошнило, когда я думал о ней, ведь я боялся, что моя дорога схожа с её, не знал, хочу ли добраться до вершины этой Лестницы. Я убедил себя, что хочу. Чем это лучше?

Когда я вышел из школы и направился в сторону остановки, меня обдал восхитительно свежий ветер, развеявший туман мёртвых мыслей. На остановке я лениво потянулся и облокотился о столб, в ожидании автобуса смотрел в пугающую даль родного города. Я никогда не был в том районе, избегая его, ездил по известному маршруту, трусливо отсиживаясь в быстром автобусе, спиной прощался с теми местами, которых никогда не видел. Я был верен своим привычкам: так и не узнал, какой мой город с другой стороны.

В скрипящем автобусе ничего не менялось, мне нравилось его постоянство. Он весело вёз меня из дома в школу и обратно, защищая от тёмных вечеров и зимних холодов. Менялись лишь пассажиры, хотя старушку, сидящую рядом, я помнил. Ей, должно быть, нравился город: она часто ездила и всегда смотрела в окно. Она была хиленькой и сухонькой, но я чувствовал, что могла бы стать полезной Ступенью на моём пути. Я бы высоко забрался, сделал бы пару шагов вперёд и полез вновь, по другой Ступеньке. А может, быстро бы с ней расстался, зацепившись за следующего, кто мне попадётся. А к ней привязался бы. Но не хотел. Она не моя Ступень, не мне тратить её время и силы. Найдётся, и, наверное, уже нашёлся тот, кто выжмет из неё максимум. Может, сын или внучка. Не я.

Запрещено для коммерческого использования

Я карабкался по учительнице, пытаясь вспомнить, что она сегодня рассказывала. Цепляться руками было тяжело, они уже болели, но я продолжал.

Сколько мне ещё так мучиться? Мне не доставляет удовольствия эта боль, как тому парнишке, мурлычущему под нос популярную мелодию. Он почти не останавливался, а всё полз наверх, чуть быстрее меня. Рядом с ним были родители, они его поддерживали, ради него проходили свой путь повторно, давали время отдышаться, терпеливо ждали, коротая время историями молодости. Большинство называло его счастливчиком, ему улыбнулась судьба, помогая пройти путь, а я предпочёл промолчать и идти своей дорогой. Он мне не интересен, а приторная недалёкость его тепличного разума противна.

Решив разбавить неприятные размышления, я поднял голову, вновь залюбовавшись далёким нечто. Оно посветлело, стало более оранжевым, но оттого не прекратило манить меня. Я всё также хотел добраться до него, коснуться по возможности, пощупать, крепко сжать в руках, унести с собой, провалиться с ним в бездну, которую избегал так долго. Последнее моё желание было отчего-то предпочтительнее.

Сколько лет я уже забираюсь, стараясь добраться до этой тайны, узнать суть? Не менее десяти точно. Может, пора бы уйти на заслуженный отпуск, отдав преимущество конкурентам? Я ещё ни разу не видел следующей Ступени. Все мои прежние помощники сплетались лишь в одну, которая непременно должна была скрывать за собой вторую, более выматывающую Ступень, задачку со звёздочкой, испытание не для слабонервных…

Автобус остановился, встряхнув как следует пассажиров. Я понял намёк и вышел, побрёл задумчиво в сторону дома знакомой дорогой. Если как следует рассудить, я ведь действительно не часто что-то меняю, мои дни однообразны.

Когда я проходил мимо двора, услышал заманчивый скрип качелей, который сначала проигнорировал. У подъезда поднял глаза, встретившись взглядом со старой «панелькой». Живу здесь с рождения, когда-то знал всех соседей в лицо. Потом они начали меняться, а новых я уже не запоминал и почти с ними не общался, лишь изредка здоровался.

Я потянулся рукой к домофону, а качели позвали вновь. Обернувшись, я пошёл на звук, ускоряя шаг, почти бегом. У столба оставил рюкзак и сел на дряхлую дощечку, взявшись руками за цепь, остановился. Рядом беззаботно улыбался мальчик лет десяти, будто не слыша этого раздражающего звука. Я, осмотрев его всего, отвернулся. Чуть оттолкнувшись, полетел, потом снова затормозил. Повторил и снова замер, поглядев на свою «панельку». Идти? Я отвернулся, ускорился, более не

Запрещено для коммерческого использования

желая оставаться статичным. Движение — это жизнь, верно? И я двигался, летел, не замечая ничего, кроме дома напротив, в который никогда не заходил. Скрип-скрип.

Входная дверь хлопнула за мной лишь через час. Мама стояла в прихожей.

— Где ты был так долго?

— Гулял.

Она окинула меня недовольным взглядом и, больше ничего не сказав, ушла на кухню. В этом взгляде я заметил детство, которое она не помнит, но оставившее неизгладимую рытвину на её характере; тошнотворное отрочество, что она хочет забыть; давно мёртвых родителей, без чьих упрёков, похвал и любви она не может жить. И это всё лишь опыт и знания, какие она хочет передать мне, на самом деле, лишь мешая своими неловкими движениями. Я не хотел пропустить её помощь и полез осторожно, чтобы не сорваться, перебравшись со штанины учительницы на подол юбки матери. Ткань была нежнее, приятнее на ощупь и казалась знакомой. А тот далёкий свет тем временем овладевал пространством, желтел, искрился и ещё сильнее притягивал. Он стал ярче: теперь я видел за что схватиться и куда поставить ногу. Заметнее стали и пути, от которых я зря отказался.

Я глазами пробежал по корешкам книг. Хотел что-нибудь прочитать, лишь бы не слышать всхлипов мамы на кухне: она вспомнила отца, ушедшего от неё, едва мне исполнился год. Взяв с полки «Преступление и наказание», я сел на диван, открыл первую страницу, дав ещё один шанс на нормальную жизнь Родиону. А тот упорно не хотел меняться, шёл по пути, предписанному автором.

В кресле напротив меня возник мужчина лет сорока, одетый по старой моде. Его борода была короткой, а морщины ещё не захватили всё лицо. Он улыбался, был радушен и вёл себя застенчиво, как и полагается любому гостю. Был рад моей компании и хотел выпить чаю. Но я поспешил завязать с ним беседу: не каждый день предоставляется подобная возможность. Мой гость не говорил прямо, но давал достаточно информации, чтобы я смог найти себе ответ в его словах.

Я поспешил подняться. Вскочив с дивана, я подошёл к нему, оглядел его, забрался к нему на колени. А он улыбнулся, искренне радуясь и поражавшись моему интересу, но помочь не мог: всё, что надо было, он и так сделал.

Я лез, карабкался, цеплялся, как в последний раз, будто это были мои завершающие шаги, словно дальше меня ждала новая Ступень… И я опять устал, прислонился к ногам доброго гостя спиной и старался отдышаться, смотря наверх. Я что-то упускал, хотя мог видеть всё: эта

Запрещено для коммерческого использования

великая Лестница была залита светом, я мог разглядеть всё, что было нужно.

И я заметил человека, что шёл мне навстречу, спускаясь откуда-то. Если Ступень была моей стеной, по которой я без устали поднимался столько времени, то ему она приходилась полом. Он легко и радостно шагал по ней вприпрыжку, что-то насвистывал. Забирающиеся показывали на него пальцем, смеялись, обзывая сумасшедшим, а он смотрел в своё небо и скакал по их головам. Когда он дошёл до меня, я попросил его остановиться. Он с удивлением нагнулся ко мне, будто никогда не видел других людей, но приготовился выслушать, пусть и не признавал меня достойным своего внимания.

— Зачем ты идёшь по спинам поднимающихся?

Какое-то время мы молчали, но потом Чудак ответил:

— А почему вы ползёте по полу?

Я не нашёл, что ему возразить и спросил вновь, но уже о другом.

— А зачем ты спускаешься? Ты знаешь, что там?

Он отчего-то поморщился:

— Я не спускаюсь. Неоткуда спускаться, если не имеешь возвышенностей.

Он вновь поднял глаза к небу, и пустился в долгие объяснения:

— Я любовался прекрасным рассветом и устал. Я не видел ничего лучше и собираюсь вернуться вечером, на закате, чтобы насладиться им, попрощаться на ночь с солнцем. Вновь уйду спать и вновь вернусь. И опять. Моя жизнь — бесконечный цикл. Мне из него не выбраться и нечем больше заняться, так что я просто наслаждаюсь тем прекрасным, что имею, изредка позволяя себе разговоры с кем-то вроде тебя.

Я задумался. Стоило узнать побольше о Лестнице, раз уж он был на том краю.

— А скоро вторая Ступень? Я уже долго забираюсь.

Он громко выдохнул, потёр руками виски и присел на корточки, наклонившись к самому моему уху, проговаривая слова громко и чётко, чуть ли не по слогам:

— Да разве ж это лестница? Ты движешься к обрыву. Или ты видел другую ступень? Следующую? Предыдущую? Кто сказал тебе, что она есть? Кому ты поверил?

Когда закончил, он встал, покрутил ногами, осмотрел руки, ревниво вгляделся туда, откуда пришёл и чуть тише добавил:

— Но ты мне не верь. Я ведь всего лишь чудак, что ходит по стенам.

И он быстро ушёл, а я попытался задуматься, но не смог.

Запрещено для коммерческого использования

Невежина Мария, 17 лет
Российская Федерация, г. Красноярск

БОЙСЯ ВЯЗГУ

Я не любил лифт. В нашем доме он был маленький, обшарпанный и в нём неприятно пахло. Мы жили здесь уже полгода, а я так и не смог привыкнуть к медленному закрытию жутко визжащих дверей, скрипящим тросам и тусклой мигающей лампочке. Уже неделю во время каждого подъёма лифт останавливался на пятом этаже, открывались двери, но никто не заходил. Это действовало мне на нервы, особенно после школы. Сначала я вздрагивал, с досадой бил ногой по полу, потом спохватывался о том, что так можно и упасть, похолодевшими пальцами отыскивал число 13 и тревожно ехал дальше. Я никому не рассказывал об этом. В один момент я даже решил, что буду подниматься по лестнице, но, пройдя несколько раз несчастные 24 пролёта, отказался от этой идеи. Всё-таки я хилый.

На стенах лифта было выведено: «Оля+Олег=» (дальше стёрто), «+79105..... — продажа поросят», «Алина, прости!!!», «С Новым 2002!» и так далее. Но меня особенно цепляла надпись: «Бойся Вязгу». Она растягивалась сверху вниз, вдоль кнопок с номерами этажей. Чтобы разобрать её, надо было наклонить голову и читать справа налево, как на арабском. По моей экспертной оценке (надо же было отвлекаться, чтобы не слышать постоянное скрипение лифта), надписи было лет десять. Она выглядела чуть лучше поздравления с 2002-м, но хуже, чем слёзная попытка помириться с Алиной (я знал, что эта самая Алина жила в другом городе уже около четырёх лет, мы снимали квартиру у её матери). В общем, понятия не имею, какой смысл закладывал туда автор, но надпись эту заметил не только я. К ней были подрисованы страшные рожицы. Кто-то выцарапал это странное слово «Вязга» на правилах пользования лифтом. Ещё кто-то провёл маркером стрелку, которая указывала правильное направление чтения.

Вязга, как оказалось, жила на пятом. Наше «знакомство» произошло около месяца назад. Я тогда стоял во дворе под крышей беседки с Димой Месильцевым, он был моим соседом снизу и ужасно крутым парнем. Мы пережидали ливень. В это время в подъезд заходила какая-то старуха. Она всё никак не могла разобраться с баулами, которые тащила за собой. Чтобы открыть тяжёлую дверь, ей приходилось ставить мешки на бетонную площадку, потом она оттягивала дверь на себя, но уже не могла дотянуться до баулов. Это продолжалось около трёх минут. Наконец, я не выдержал:

Запрещено для коммерческого использования

— Может, ей помочь?

— Кому? — Дима был занят выжиманием воды из новой кепки.

— Да вон там… бабуш… — Месильцев поднял голову, прищурился и усмехнулся: — Старухе этой…

— А то она ведь долго уже здесь, — я пожал плечами и почесал ухо. У меня и сейчас осталась эта дурацкая привычка вечно чесаться, когда волнуюсь.

— Это же Вязга, — Дима отряхнул кепку о свои шорты и посмотрел на меня, как на дурака. — Надписи в лифте читал?

— Читал. Так это про неё, что ли? Вязга — это имя?

— Что-то вроде прозвища. Можешь не спрашивать, почему так. Никто не знает. Это нам ещё Серый рассказывал. Из старших. — Дима безумно гордился своими знакомствами со «старшими». Их имена мне ни о чём не говорили, но почему-то Месильцев этого не учитывал.

— Серый?

— Жил тут один… Переехал.

— Ну и?

— У Вязги на этаже всё время вой какой-то стоит, и вообще странные вещи происходят. За последний год оттуда уже пять раз жильцы съезжали.

— Ну не из-за неё же!

— Как не из-за неё? А почему так часто тогда? Да они с ней выживали кое-как! Она же по ночам в квартиры скребётся. — Дима резко надел на меня свою мокрую кепку, отчего я вскрикнул. — Саня с шестого ей на двери написать кое-что хотел. Только достал маркер, и она выходит! Я после этого его месяц не видел. Двором думали, что она Саню к себе утащила. А он заболел после этого, оказывается. Чуть не помер, говорят.

— Саня? Это который боксёр? — я снял с себя кепку и тряхнул головой.

— Ага, — Димины глаза загорелись, — а ещё к нему всё время Яр из соседнего двора в гости ходил. Один раз проехался в одном лифте с Вязгой… Больше здесь вообще не появлялся. За километр этот дом обходит.

— Да бред это всё! — Я вскочил с лавки, на которой сидел, но тут же растерялся и заговорил не так уверенно, как мне хотелось бы. — Подрались они, может. Саня тот ещё… спортсмен. И вообще, хватит этого.

Дима пожал плечами.

— Хватит так хватит. У нас вот с Саньком давно спор: кто ближе к ней подойдёт и крикнет: «Бойся Вязгу». Прошлый рекорд у Сани был, перед болезнью, правда… — Он противно усмехнулся.

— Ну и что в этом такого? Для Сани то…

Запрещено для коммерческого использования

— А ты сам попробуй, ты же хотел к ней подойти.

— Да зачем мне это?

— Крикнешь на весь двор — дам сотку. Или напугался? Вон она, как змея с этими мешками… — Он кивнул мне на старуху, всё ещё копошившуюся на крыльце.

Я посмотрел на неё ещё раз. И вдруг на самом деле уловил в Вязге что-то змеиное. У неё была очень кривая спина и длинная шея, переходившая в острый подбородок. Она уже не пыталась зайти в подъезд, она заползала в него, извиваясь вокруг своих баулов методично и хладнокровно. Из-за стены ливня её движения казались размытыми, растекающимися.

Мне хотелось выиграть деньги у Месильцева. Но ещё больше мне хотелось стать смелым в его глазах. Не только в его глазах. Я вообще мечтал быть смелым. Это казалось мне чем-то невозможным. Я уже даже не загадывал быть как Джеймс Бонд или человек-паук. Эталоном смелости для меня была, например, шайка из 9 «А». Я был младше их и ниже чуть ли не на две головы, но мне снилось, как они принимают меня к себе в компанию, мы вместе сбегаем с уроков, сидим на турниках, на которые больше никого не пускаем, и все девочки смотрят на нас влюблённо. Но и стать как тот же Саня, я был бы не против. Он, конечно, был абсолютным балбесом и лупил почти всё на своём пути, но зато, как мне казалось, ничего не боялся.

Я понял, что судьба даёт мне шанс, и, сам того не ожидав, выпалил: «Сам ты напугался». Вышел из беседки прямо под дождь и направился к подъезду. В ногах ощущалась особенная прыгучесть, а руки плотно прижались к телу. Я совсем забыл, что ещё несколько минут назад намеревался помочь этой старухе. Дойдя до подъезда, я замешкался и посмотрел обратно в беседку, но увидев надменную ухмылку Месильцева, понял, что отступать некуда. «Бойся Вязгу» — получилось хрипло и тихо, слова тут же заглушила барабанная дробь капель по трубам. Старуха даже не услышала меня. Я наклонил голову к плечу, потёрся о него своим и так красным ухом, сжал кулаки, набрал в грудь воздух и закричал: «Бойся Вязгу!»

Она медленно начала поворачиваться на меня. Мышцы её лица были напряжены. Как в маске: выдвинутый вперёд подбородок и полуулыбка. Слезившиеся маленькие глаза, костлявая рука, которой она держала дверь, крючковатый нос, тёмный платок, струящийся на плечи — всё это обратилось вдруг на меня. Она открыла рот, и я услышал звенящий, вязкий звук, похожий на скрипящие тросы лифта или дверные петли. «Ты…» Бежать. Я бросился бежать в ту же секунду.

И вот уже месяц меня преследовал страх встретить Вязгу снова. Он

Запрещено для коммерческого использования

смешался у меня с ненавистью к лифту. Именно из-за Вязги я так нервничал каждый раз, когда двери лифта открывались на пятом. Мне было очень стыдно. Я вспоминал об этой ситуации каждую ночь, представлял, как кричу ей в спину снова, раскаивался, но тут же передо мной возникало её лицо, и я понимал, что предпочёл бы вечно жить с чувством вины, чем встретить Вязгу снова. Самое обидное — я так и не получил эти дурацкие сто рублей от Месильцева. Он сказал, что кричал я вовсе не громко, что он кое-как расслышал мой голос, стоя в беседке, и что этого недостаточно для нового рекорда.

25 мая я ждал лифт с тяжеленной коробкой, которую мама попросила забрать с почты. Нам периодически приходили вещи от тёти Любы из другого города. Она знала, как мы тут живём, и присылала какое-то старье. Меня никто не предупредил, что в этот раз тётя Люба решила отправить нам чуть ли не половину своей квартиры. Я думал, что не дойду до дома, честное слово.

Двери лифта открылись. Я сделал глубокий вдох и затолкал туда коробку. Отбросив мысли о возможном перевесе (я любил преувеличивать), зашёл сам.

Я вздрогнул, когда лифт остановился. Пятый. Никого. Пронесло. Я с надменным видом, который слегка портили трясущиеся колени, поднёс палец к кнопкам. Нажал на 13. Двери начали медленно закрываться, и тут я услышал дребезжащее «Погоди, погоди». Костлявая рука протиснулась в щель между дверьми.

— Я наверх! И… здесь мало места!

— Ничего страшного, — проскрипел голос.

Я замер. Мне показалось, что на секунду я утратил способность видеть и слышать. Когда я очнулся, то увидел, что она стоит прямо передо мной. Вязга заняла всё свободное пространство в кабине лифта, растеклась и распределилась в углы и щели. Она была везде. Её острый подбородок так и норовил воткнуться мне в лоб. На ней опять были лохмотья, которые пахли лекарствами и сыростью. Мокрый правый глаз пристально смотрел на меня. Я был уверен, что она узнала моё лицо.

Мы проехали пару этажей, как вдруг кабину тряхнуло. Я не удержал равновесие и полетел прямо на старуху. Свет выключился. И я завизжал. Я продолжал брыкаться и кричать ещё несколько секунд, не понимая, где я нахожусь и как мне выбраться. Вязга же выставила вперёд извивающиеся пальцы, отодвинула меня и подтолкнула к коробке. Я сел.

— Хватит орать, — сначала мне показалось, что это скрипит что-то снаружи. Я пытался отдышаться и не знал, как вести себя дальше. Абсолютная темнота и в двадцати сантиметрах от меня пугающая старуха, предписание бояться которую прямо здесь, на стене.

Запрещено для коммерческого использования

— Опять этот лифт… — кряхтя, Вязга понажимала несколько кнопок наугад, пока не нашла нужную. Диспетчер долго не отвечал, но, когда я уже смирился с тем, что придётся стать трагически пропавшим без вести, послышалось шуршание. Вскоре связь с внешним миром была установлена. Нам приказали никуда не уходить и ждать. Если бы диспетчер знал, что я испытывал в этот момент, он бы так не шутил. Я готов был выйти через потолок, стены, любые щёлочки в этом лифте.

В темноте мне чудилось, что Вязга через мгновение возьмёт меня за плечо и начнёт яростно трясти. Но почему-то этого не происходило. Вскоре я заметил, что ей и самой почему-то неловко находиться в этом пространстве, она тяжело вздыхала и покачивалась. Я не видел её лица, может быть, поэтому, когда через семь минут на меня никто так и не напал, я стал воспринимать её не как чудовище, а как что-то обыденное.

В какой-то момент я осмелел настолько, что встал с коробки и придвинул её к Вязге. Пробормотал: «Садитесь». Она устало опустилась на коробку. И тут, где-то в глубинах её лохмотьев громко заиграла весёлая мелодия. Я вздрогнул и прикоснулся к уху. Порывшись в карманах, она вытащила телефон-раскладушку. Тусклый экран осветил лифт. Я увидел сморщенное лицо Вязги и прижался к стене: глаза почти спрятались за морщинами, а нос подпрыгнул наверх. Мне не сразу стало понятно, что она улыбается.

— Инночка! — Старуха поднесла телефон ближе к уху. — Инночка, как вы там? Да? А я вот в лифте застряла. Нет, всё хорошо, могу говорить. Инночка, а когда ты приедешь?

Я не поверил своим ушам. Вязга, эта странная старуха, которую боится весь дом, называет кого-то Инночкой и ждёт в гости?

— И Васи давно не было. А ты сейчас где? У вас всё хорошо?

Я не слышал, что отвечала Инночка, но Вязга вдруг сделалась ужасно сентиментальной. Её голос от этого стал ещё более вязким и высоким, но он не был больше похож на дверные петли. Он напоминал теперь жалобное скрипение качелей во дворе.

— А как там Соня? Сонечка, это я… Да, моя хорошая. Какая ты уже взрослая, наверное!

В трубке зазвучал детский голос. Девочка была вполне разговорчива и слишком весела для того, чтобы быть тайной жертвой старухи. Она вообще её не боялась.

— Инночка, милая, а приезжайте завтра, я блинчиков сделаю.

Глаза Вязги заблестели. Я стоял, сложив руки на груди и опершись на стену. Инночка молчала. Я выпрямился. Губы Вязги подрагивали, и мне вдруг отчего-то стало её жалко. Жалко, как обычного человека. Она

Запрещено для коммерческого использования

задержала дыхание и внимательно слушала шипение из трубки. Я не мог расслышать ничего внятного. Через десять секунд она коротко выдохнула. Я понял: Инночка не приедет. Меня не должно было это касаться, но внутри как будто что-то упало. Напоследок из трубки донеслось:

— Ладно, мам. Не скрипи. Приедем после. — Гудки.

Снова стало темно. Я слышал только, как Вязга развернула носовой платок и быстро высморкалась. Тишина начинала меня душить. Я чувствовал, что должен был сделать что-то важное. В фильмах, которые смотрит моя мама, главные герои всегда находят нужные слова. У меня так никогда не получалось. Самое удачное, что я мог обычно придумать, так это помолчать. Да, пожалуй, в реальной жизни молчание — иногда лучшее, что могут предпринять люди. Может быть, если бы я вспомнил об этом месяц назад, когда вышел из беседки под дождь, эта история бы не случилась. И может быть, Вязга была бы хоть немного счастливее. Да, мне вдруг подумалось, что это всё из-за меня. Из-за того, что тогда я чего-то не понял. Не смог что-то разглядеть в ней. Не увидел за кривой спиной и длинным подбородком человека. «Простите, я не хотел». — Я прошептал это одними губами и сначала подумал, что Вязга меня не услышала. Но вдруг она тоже тихо заговорила:

— Ничего, бывает… А как тебя зовут?

Я представился.

— А меня Валентина Григорьевна.

Когда двери лифта открылись и в кабине стало светло, я заметил на полу фотографию молодого парня. Видимо, она выпала из кармана старушки. Мужчина широко улыбался в камеру и держал в руках спящего младенца. Фотография была выцветшей и порванной с одного края. Я наклонился за снимком и окликнул Валентину Григорьевну. Она обернулась ко мне, глаза её сверкнули. Старушка выхватила фотографию и спрятала её куда-то в ткань своей одежды, к сердцу. Она пошла к выходу из подъезда, но напоследок обернулась и подмигнула мне правым, влажным глазом. Выражение её лица смягчилось.

Лифт больше не останавливался. На следующий день надпись, привлекающая моё внимание так часто, исчезла. Да и Вязги больше не было, осталась только Валентина Григорьевна с пятого этажа.

Запрещено для коммерческого использования

ТАТАР ПРОЗАСЫ

14 – 17 яшь

Шакирова Лиана, 17 яшь
Татарстан, Актаныш авылы

БӘХЕТ БӘРӘҢГЕСЕ

Җәйге урман. Кояш, ямь-яшел агачлар арасыннан үтеп кереп, җиргә җылы нурларын сибә. Без, иң якын дуслар, туганнар, учак янында җыелдык. Урман кошлар сайравы, агачлар шавыннан һәм балачагаларның чыр-чу килүләреннән гөрләп тора. Өлкәнрәкләр җәйге кояшта яныпп-пешеп учакта ашарга әзерләү белән мәшгуль. Бүген безнең кичке ашка — Корбан сарыгыннан шашлык, иртән әле диңгез гизәргә әзер булган, тик, ни кызганыч, әтиемнең кармагына эләккән балыктан аш һәм табыныбызның иң күркәм ризыгы — барыбыз да яратып ашый торган металл элпәгә (фольга) төрелгән бәрәңге. Кичтән, кайнар булып янган күмерләр инде әзер булгач, бәрәңгеләр төрелгәч, алар берсе артыннан икенчесе учакка сикерделәр.

Әнием:

— Хәтерләгез, болар арасыннан бер бәрәңге — бәхет бәрәңгесе! — дип әйтеп куйды.

— Әни, нинди була ул бәхет бәрәңгесе? — дип сорады аптыраган сеңлем.

— Аны табучыга үзенчәлекле бәрәңге ашау бәхете елмаячак, чөнки аны ашаганда теләк теләсәң, ул, һичшиксез, чынга ашачак, — дип җавап кайтарды ул.

— Аның бәхетле икәнен без каян белербез соң? Аның тәме дә башкачадыр, әйеме?

— Анысын инде ашап карагач белерсез! — дип күз кыскан булды әтием.

Запрещено для коммерческого использования

— Әгәр моны бик теләсәгез, һичшиксез, ул сезнеке булыр! — дип өстәде әнием.

Бәрәңге пешкән арада кечеләр су керделәр, без гитарага уйнап җырладык, әти-әниләр, үзара аралышып, дөнья хәлләре турында сөйләштеләр. Арабызда иң өлкәне Бәхтияр бабай иде. Ул да безгә гармун моңнарына кушылып җырлау бәхетен бүләк итте.

Нинәаять, барыбыз да көткән мизгел җитте, бәрәңгеләрне элпәдән әрчергә вакыт! Кайнар бәрәңгене тотар-тотмас нәни куллар калтырый, һәркемнең бәхет бәрәңгесеннән авыз итәсе килә. Әти-әниләр дә балаларча куанып бәхет алып килергә тиешле бәрәңгене алырга өметләнделәр. Сеңлемә бәрәңгенең иң эре, тәмләп пешкәне, Камилә җиңгигә түмтүгәрәк, бар ягы тигезе, Батырхан абзыйга иң кетердәп торганы, Гөлназ апага иң йомшагы, авызда эреп торганы эләкте. Һәркем үз өлеше белән канәгать иде, шулай да, аннары бәхет бәрәңгесе кемдә булуын ачыкларга тырышып, шау-гөр килә башладылар.

Тик Бәхтияр бабай гына тынып калды. Әйтерсең, ул бик тирән уйга чумган иде.

* * *

Бәхтияр туып үскән еллар сугышның иң явыз чагына туры килгән. Ул газиз әнкәсе белән бер авылда кечкенә йортта гомер иткән, ул заманда азык-төлек бик аз, өйне җылытырлык утын да юк дәрәҗәсендә булган, ләкин әнкәсе аның белән, ул әнкәсе белән җан җылысын бүлешеп яшәгәннәр алар. Сабый әткәсенең сугыштан әйләнеп кайтуын зарыгып көткән, сагынуы әнисе белән бергә язган хатларына күчкән. Җәйләрен алар яланга җиләкләр җыярга йөри торган булганнар. Көзен-җәен ел буена җитәрлек итеп яшелчәләр, җиләк-җимешләр җыйганнар. Шулай да, мул уңыш белән мактанырлык түгел еллар да булган. Азык-төлек күп булмаса да, әнкәсе Бәхтиярне ризыксыз калдырмаган. Иң кырыс, салкын һәм адәмнәр кебек ач кышкы кичләрнең берсендә аның әнкәсе йөгерә-йөгерә өйгә кайтып кергән һәм сак кына тотып барган кесәсеннән өч суган чыгарган. Бу кичне аларның бәхетенең чиге юк иде! Әнкәсе, суганны турап, тәмле аш пешергән. Бу мизгелдә аларның йортын суган исе, ризык исе, чын бәхет исе баскан иде. Тамагына җылы ризык үтү белән Бәхтиярнең тәненә көч кергән кебек булды, әллә шулпа кайнар булганлыктан, әллә шатлыктан йөрәге дә үзенчә җылы белән тулды. Озак вакыт моны күрмәгәнлектән, инде онытылган диярлек елмаю, чын сабыйларча елмаю күренде аның йөзендә. Ана кешенең дә авызы ерылды:

— Бәхет шулай көтмәгәндә килә торган нәрсә инде, улым, — дип йомшак җылы куллары белән башыннан сыйпады баласын.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

— Дәү әти, ә синең бәрәңгең нинди? — дип сорады кечкенә Нәфисә.

— Миндә ул, миндә чын бәхет бәрәңгесе... — диде Бәхтияр бабай, эченнән генә һәркемгә якыннары белән җылы очрашулар насыйп булуын теләп һәм авызында әреп торган суган кисәген тәмләп ашый-ашый.

Күз яшьләре аша...

Без киткәндә ачы әремнәрем,
Куллар болгап, әрнеп калалар...
Тормыш алып китә башка якка,
Ерагая уйлар, аралар...

Бар гомерем күз алдымнан уза,
Хәтер сандыкларым сүткәндә...
Утка керүләре авыр икән,
Тыныч кына тормыш иткәндә...

Рүзәл Минһаҗев

Менә ничә еллар буе бар халыкны куркытып, зар елатып туплар гөрселди, туган якларына цинк табутларда батырлар кайта. Күпләрнең йокысы тыныч түгел... Барысы да бер теләктә — бу коточкыч хәлләр тизрәк тәмамлансын, ир-егетләребез исән-сау әйләнеп кайтсыннар! Һәр ана үзенең газизе өчен Аллаһыдан сорап дога кыла... Әйе, шундый батыр уллар үстергән Аналарның догалары, һичшиксез, кабул булыр...

Кем икән ул батыр? Бу сорау белән һәркемнең гомеренә бер генә тапкыр булса да кызыксынганы бардыр. Минемчә, чын батыр ул — үзен аямыйча кешелек өчен гомерен бирергә әзер булган кеше. Андый кеше, хәтта авыр хәлдә калса да, курку белми, чөнки ул үзен меңләгән кеше гомерләре өчен җаваплы хис итә.

Кечкенәдән үк без үз илебезнең батырларын белеп үсәбез. Безгә үз тормышын куркыныч астына куеп, иле өчен, Ватаны өчен, халкы өчен, якыннары, газиз анасы өчен ике дә уйламый сугыш утына керүче кеше чын батыр була дип өйрәтәләр. Чыннан да, мәсәлән, Бөек Ватан сугышы геройлары күрсәткән каһарманлыкка сокланып туеп булмый. Аларга хәзерге заман кешеләре дә тиңләшергә тырыша. Алар — хәзерге буын өчен батырлыкның иң яхшы үрнәге.

Бүгенге көндә безнең якташларыбыз да махсус хәрби операция зонасында үзләренең чын ватанпәрвәр булуларын исбатлап, ата-бабайларыбызның эшен дәвам итәләр.

Без аларның һәммәсе турында да белергә, кулыбыздан килгәнчә

Запрещено для коммерческого использования

ярдәм итәргә омтылабыз. Мин бу иншамда батыр авылдашларым турында сөйләргә телим.

Мобилизация башлану белән бер гаиләдән, укытучыбыз Гөлзәйнәп апаның ике улын да — Тәбрик һәм Сиринне махсус хәрби операциягә алып киттеләр. Бу вакытта газиз Ананың йөрәге ничек чыдагандыр, башына төшкәннәр генә аңлар, мөгаен. Йокысыз үткәргән төннәр, телефон шалтыраган саен сискәнеп куюлар, тәрәзәдән күзләрен дә алмый зарыгып көтүләр — барысы да Гөлзәйнәп апаның калган чәчләрен агартты, җыерчыкларын тирәнәйтте. Әзмәвердәй ике ир гаиләсен калдырып, Ватанын сакларга чыгып китте.

Дәниф абый белән Гөлзәйнәп апаның беренче уллары Тәбрик 1985 елның 5 сентябрендә, ә икенче уллары Сирин 1987 елның 26 февралендә дөньяга киләләр. Икесе дә авылдагы мәктәпне тәмамлап, соңыннан урта махсус белем алалар. Армия сафларында хезмәт итәләр. Гаилә корып, нарасыйларын тәрбиялиләр. Тик кинәт кенә килеп чыккан бу афәт, аларның икесен дә якыннарыннан, туган илләренннән еракка алып китте, аларны хәрби операциягә озаттылар.

Сирәк-мирәк кенә телефон аша сөйләшүләр күңелне җылытып торса да, Тәбрик улыннан анысы да туктый. Билгесезлектә, үзәк өзгеч кышкы озын төннәрдә ялгыз ана ут эчендә яна. Соңгы чиккәчә улын исән дип өметләнә ул. Тик Тәбрикнең үлеме турында кайгылы хәбәр 2023 елның 27 февралендә килеп ирешә. Тәбрик, махсус хәрби операция барышында каты яраланып, батырларча һәлак була.

Бөек Ананың соңгы өмете — бердәнбер улы Сирине бар, «әбекәй» дип торган оныклары бар. Менә кемнәр хакына яшәргә тиеш ул хәзер! Тешен кысты, бөтен көчен җыйды... улын тиешенчә итеп соңгы юлга озатты ана. Аның туган авылында, Украинада барган махсус хәрби операциядә һәләк булган батыр егет белән хушлаштылар. Матәм митингында район хакимияте, сугышчының якыннары, Әфган сугышы ветераннары һәм авылдашлары катнашты.

Менә шундый батыр йөрәкле, сабыр, бөек аналардан туа ул чын батырлар. Теләгем бер — Аллаһы Тәгалә Гөлзәйнәп апага сабырлык, сәламәтлек бирсен, башка мондый авыр сынаулар җибәрмәсен иде.

Үз Ватанына хезмәт итү — һәркемнең бурычы. Ватанны саклау, яклау — менә ул чын батырлык. Мин авылдашым белән чиксез горурланам.

Запрещено для коммерческого использования

Якупова Алия, 15 яшь
Татарстан, Чирмешән авылы

ЯЛГАН ДУСЛЫК

Матур кояшлы апрель ае. Агачларда кечкенә генә бөртек шикелле бөреләр күренә башлады. Зәңгәр күк йөзендә җиңел генә ап-ак болытлар очып йөриләр. Болытлар арасында җылы нурларын сибеп, кояш качып тора. Аның нурлары астында бар җирдәге кар эри, түбә башларыннан бриллиант шикелле тамчылар тама. Агач башларында сыерчыклар, курайда бер оста музыкант уйнаган шикелле сайрыйлар.

Шундый апрель иртәләренең берсе иде. Зәринә ашыгып мәктәпкә килеп керде. Зәринә –уртача буйлы, диңгез кебек зәңгәр күзле, аксыл чәчле бик матур кыз. Шуның өстенә бик яхшы укый да. Үзләренең сыйныфында тәртипле һәм яхшы билгеләргә укучы кыз булып санала. Мәктәптә шундый тәртипле һәм тыныч булса да, ул үзенә кирәккәндә, усал, хәйләкәр булырга да мөмкин. Дәрескә чакырып кыңгырау яңгырады. Сыйныфка класс җитәкчеләре Рәзилә Исламовна килеп керде.

– Исәнмесез, укучылар, утырыгыз. Дәресне башлаганчы мин сезгә бер яңалык сөйлим. Иртәгә сезнең сыйныфка яңа укучы киләчәк. Ул бик бай гаиләдән, әтисе белән генә яши, ә әтисе зур компаниядә эшли. Аның белән дуслашырга тырышыгыз. Иртәгә сез аның белән яхшылап танышырсыз, ә хәзер дәресне башлыйбыз, – диде ул.

Дәрес буена Зәринә яңа укучы турында гына уйлады. «Ул нинди булыр икән? Безгә нинди мөнәсәбәттә булыр икән? Ничек тә булса, аның белән дуслашырга кирәк, әтисе бай булса, үзе дә бай булырга тиеш. Бәлки яңа телефонга җитеп бетмәгән акчаны аңардан алып булыр...» Зәринәнең бик тә яңа телефонлы буласы килә. Әнисеннән сорап караган иде, әнисе ишетергә дә теләмәде. Телефоның бик әйбәт әле генә диде. Дөрес, кулындагы телефоны да яңа әле, тик Зәринәгә класста беркемдә дә булмаган яңа маркалы телефон кирәк шул. Шундый уйлар белән Зәринәнең дәресе дә узып китте.

Икенче көнне Зәринә соңга калмас өчен бик иртә торды. Мәктәпкә дә иң алдан килүчеләрнең берсе булды. Сыйныфта барсы да яңа укучының килүен көттеләр. Менә сыйныфның ишекләре ачылып китте. Сыйныфка укытучы апалары һәм аның артыннан бер малай керде. Ул үзе кечкенә буйлы, чәче кап-кара, күзләре куе шоколад төсендә, үзе матур гына елмаеп тора. Беренче карашка аны бай малай дип әйтеп тә булмас иде. Ул гади генә укучы костюмы кигән.

Укытучы апалары:

– Исәнмесез, укучылар, утырсагыз да була. Таныш булыгыз, бу

Запрещено для коммерческого использования

сезнең яңа сыйныфташыгыз — Илшат. Үзең турында әзрәк сөйләп кит әле, Илшат, — диде.

— Исәнмесез, барыгыз да. Рәзилә апа әйткәнчә, минем исемем — Илшат. Минем әтием бер компаниядә эшли, аның эше буенча безгә бу шәһәргә күчәргә туры килде. Мин күп мәктәпләр алмаштырдым, бу мәктәптә озак тормасам да, мин яңа дуслар табарга телим.

— Таныштыруың өчен зур рәхмәт, ә хәзер үзең теләгән урынга утырсаң да була, — диде Рәзилә Исламовна.

Илшат бер буш партага килеп утырды. Ул парта Зәринә алдындагы парта иде. Дәрес буе Зәринә Илшатка гына карап утырды һәм үзенең ямьсез планын ничек башларга дип уйлады. Зәринәнең күзләрендә нинди дер ут кабынуын Ләйсән күреп алды. Ләйсән — Зәринәнең иң якын дусты. Ул Зәринәдән матуррак булмаса да, аны ямьсез дип тә әйтеп булмый. Үзе бик аралашучан кыз иде. Теләсә кем бик җиңел генә сөйләшеп китә ала.

Ләйсән Зәринәдән пышылдап кына сорады:

— Илшатны бик ошаттың, ахыры, дәрес буе күзеңне дә алмыйсың.

Зәринә мыскыллы елмаеп:

— Көлдермә әле, беләсең бит инде, миңа нинди егетләр ошаганын. Илшат «не в моем вкусе» — диде ул русчалаштырып. — Ярый, тәнәфескә чыккач сөйләрмен.

Бу дәрес узып киткәч, Ләйсән Зәринә янына килде:

— Син бит миңа нәрсәдер сөйләмәкче идең? Ни булды соң?

— Син бит теге яңа малай турында беләсең инде. Аның акчасы күп булырга тиеш. Мин уйладым да, бәлки миңа аның белән якыннанрак дуслашырга кирәктер, бәлки аңардан акча да сорап алып булыр.

— Син нәрсә инде, уйлый беләсеңме әзрәк булса да?! Кешене үз файдаңа куллану бик түбәнлек бит ул. Ә ул белсә? Ә калганнар белсә нишлисең? Синең белән аннары беркем дә дус булырга теләмәячәк.

— Кайгырма, беркем дә белмәс. Син бит беркемгә дә сөйләмәячәксең?

— Сөйләвен сөйләмәм, ләкин мин бу циркта катнашырга теләмим.

— Ярар, теләмәсәң теләмә...

Зәринәнең ачуы килде. «Ул бит минем дустым, ник миңа булышырга теләми соң ул...» Шундый уйлар белән Зәринә икенче дәрестә Илшат янына күчеп утырды.

— Сәлам, минем исемем — Зәринә.

— Сәлам, мин — Илшат, танышуыбызга шатмын.

— Мин дә, мин синең янга күчеп утырсам ярыймы?

— Мин каршы түгел дә, синең дус кызың ачуланмасмы?

— Без аның белән талаштык инде, хәзер аның янына утырасым килми.

Запрещено для коммерческого использования

— Алай булса ярар да, ләкин бер шарт куям, икенче тәнәфестә син аның белән дуслашырсың, яме…

— Ярар.

Дәрескә кыңгырау яңгырады. Дәрес башланды. Дәрес буе Зәринә белән Илшат сөйләшеп утырдылар. Укытучы аларны күп тапкыр кисәтте. Дәресләр беткәч, Зәринә белән Илшат мәктәптән дә бергә кайтып киттеләр.

Икенче көнне мәктәпкә килгәч, Зәринә кәефсез Ләйсәнне күреп алды. Зәринә Илшатның сүзләрен искә төшерде һәм кичә Ләйсән белән дуслашмаганын аңлады. Шуңа күрә ул дәресләр башланганчы аның белән сөйләшергә теләде, ләкин кыңгырау яңгырады. Ә аннан соң ул онытып та җибәрде. Илшат бу турыда сорагач, «Әйе», — дип ялганлады.

Илшат белән Зәринә телефон номерларын алмаштылар. Дәресләр беткәч, Илшат Зәринәне өенә кадәр озатып:

— Бүген син минем белән урамга чыга алмыйсыңмы, минем шәһәр белән танышасым килә? — диде.

— Чыга алам.

— Алайса сәгать өчтә очрашырбыз, мин сиңа шалтыратырмын. Сау бул!

— Ярар, сау бул.

Зәринә өенә кергәч, төрле уйларга чумды, ничек Илшаттан акча сорарга икән, аннан соң башына бер план килде. «Без әзрәк урамда йөргәч, минем ашыйсы килә дип әйтәм һәм без берәр кафега керербез, анда мин акчамны оныттым дип әйтермен». Аның уйларын телефон шалтыравы бүлде. Бу Илшат иде. Зәринә телефонны тиз-тиз куйды һәм җыенырга чапты.

Ул урамга чыккач, бер читтә басып торучы Илшатны күрде һәм алар паркка киттеләр. Барысы да Зәринә планы буенча барды. Менә алар кафега керделәр, ашадылар. Акча түләр вакыт җиткәч, Зәринә:

— Гафу ит инде, мин акчаны өйдә калдырганмын, бик тиз җыендым да, башымнан очты, — дип ялганлады.

— Ярар, була инде. Монда күп түләргә түгел, мин үзем түләрмен.

— Бик зур рәхмәт.

Зәринә бик шатланды, аның планы эшли башлады бит. Көннәр үтә торды. Шундый «ялгышлыклар» күп тапкырлар кабатланды. Зәринә Илшаттан берничә тапкыр бурычка акча да сорап алды, тик кайтарып бирергә уйламады да. Илшат бу турыда бер тапкыр да аның исенә төшермәде. Беркөнне Зәринә: Әнием авырый, даруга акчабыз җитми, биреп тора алмассыңмы икән дип, шактый зур сумма сорагач та, Илшат, әтисе белән сөйләшеп, бу сумманы да Зәринәгә алып килеп бирде. Әлеге акчалар берничә көннән Зәринә кулындагы яңа телефонга әйләнделәр. Зәринә кулындагы яңа телефонны күргәч, Ләйсән түзмәде: Илшатның

Запрещено для коммерческого использования

үзе генә чагын туры китереп, барысын да сөйләп бирде. Илшат озак кына дәшмичә торды да:

— Рәхмәт, Ләйсән. Мин хәзер барысын да аңладым, — диде. Ләйсән Илшатның күзләрендә ниндидер моңсулык күрде. Әйе, Илшатка бик авыр иде. Ул Зәринәне беренче күрүдә үк ошаткан иде, шулай тиз арада дуслашып китүләренә дә бик шатланып йөрде. Ә ул дуслык — ялган дуслык булган икән...

Ул көнне Илшат Зәринә янына утырмады һәм аның белән сөйләшмәде дә. Зәринә Ләйсән белән Илшатның сөйләшеп торуларын күргәч тә, эшнең нәрсәдә икәнен анлаган иде. Зәринә ачу белән Ләйсәнгә карап-карап алса да, бер сүз дә дәшмәде. «Син — сертотмас үрдәк белән бөтенләй сөйләшмәм дә әле мин», — дип уйлады ул.

Икенче көнне Илшат мәктәпкә килмәде. Алар әтисе белән кире үзләре яшәгән шәһәргә китеп барганнар иде. Зәринәгә ничектер бик күңелсез булып китте. Кулындагы яңа телефон да аны шатландырмый иде инде. Классташлары да, Ләйсән дә аның белән сөйләшергә теләмәделәр. Зәринә якын дусларын югалтканын шунда гына аңлады. Ул ашыгып Илшатның номерын җыйды, тик аның шалтыратуына җавап бирүче булмады. Телефондагы өзек-өзек гудок аңа «ялганчы», «ялганчы» дип ишетелә иде...

Фатыйхова Энҗе, 16 яшь
Татарстан, Казан шәһәре

ТӘРӘЗӘ

Авыр көннән соң өйгә кайту — рәхәт чак. Саф һава сулап барасың, тәрәзәләргә карап, үз фикерләреңә батасың. Урам буйлап йөргәндә, таныш булмаган өйгә карыйсың да, анда йөз дә бер тәрәзә тора. Һәрберсе аларның үзенчәлекле. Кайберсе ачык, башкалары ярымйомык, берсе пәрдә белән ябылган, ә икенчесендә ниндидер чәчәкләр үсә. Әйе, аларга карау вакытында башыңда әкият туа башлый. Карыйсың да, бу бүлмәдә, бу фатирда, бу өйдә нинди кеше яши микән. Хатын-кызмы әллә егетме, берәр олы пармы әллә кечкенә балалы гаиләме?.. Әйе, сораулар күп, ләкин әлеге сорауларга бары тик башыңда гына җавап таба аласың. Шулчак фантазияләргә чикләр куймыйсың. Син бу хатын-кызның, баланың, әбинең, гаиләнең тормышын күз алдына китерә башлыйсың.

Әнә бер тәрәзәдә сап-сары пәрдә эленеп тора. Нишләп сары микән ул? Бу күп катлы йортта ул шундый бердәнбер. Ерактан караганда, ниндидер ут янып торган сыман. Анда берәр бала яшидер, мөгаен. Ул

Запрещено для коммерческого использования

бала әти-әнисе белән рәхәтләнеп, кайгы-хәсрәт күрмичә яши. Гаиләдә бердәнбер бала булуы белән бәхетле ул. Ләкин кайвакыт энеле булу турында уйлый. Ул әле аңлап бетерми, ләкин әти-әнисе энесен таба алмыйлар. Шул мизгелләрдә сары пәрдә балага шатлык хисен китерә. Әйе, ул бит җәйге кояш сыман, һәрвакыт балкып тора.

Караңгылыкка чумган тәрәзә. Анда бернәрсә дә күренми. Тәрәзәсе ябылган, өйгә һава да керми. Бу тәрәзә башкалардан аерылмый да кебек, ләкин карый башласаң, анда ниндидер шәүләләр күренә. Бу – хатыны авариядә һәлак булган ир-аттыр, мөгаен. Хәзер инде тормышның иң зур бәхетен югалткан ир беркем белән дә сөйләшә алмый. Бер бәхет нуры да күренми аңарда. Дуслары аны оныта, туганнары ташлап китә. Аңа карата рәхимсез булган тормышның йөген ул үзе генә алып бара. Әйе, авырдыр аңа, авыр. Шуңа да инде ул тәрәзәне ачмый, мәгънәсез дип уйлый.

Ә менә бер тәрәзәдән песи карап тора. Берәү генә дә түгел икән, өчәү алар! Ана песи белән аның балалары. Бөтенесе ап-ак, болыт сыман. Беренче караштан бер берсеннән бернәрсә белән дә аерылмый торган өч песинең тормышы шул бүлмәдә. Ул фатирда бер әби яшидер, мөгаен. Ул бәхетле тормыш алып барган һәм гомернең соңгы көннәрендә үзенең бәхетен ул әлеге песиләргә тапшыра. Элек бу песиләргә ничек кенә авыр булмасын, бу мөлаем апа аларны үзенең өенә алып иркәләгән. Көннәрнең берсендә ул да булмас, песиләре нишләрләр микән? Башка кешеләрнең фатирында шулай ук тәрәзәгә карап утырырлармы?..

Өйгә кайтып җитү мизгеле. Күз карашың үз тәрәзәңә төшә. Кызык, башкалар ул тәрәзәдә ниләр күрә микән? Үз тормышыңны яттан белгәч, хыялларга чуму кызык түгел дә кебек. Ә кайвакыт үзеңне дә әкият дөньясына җибәрергә кирәктер. Аңа фантазияләр җитәр микән?..

Семенеева Ангелина, 16 яшь
Саратов өлкәсе, Саратов шәһәре

КАРАҢГЫДА ЯШЕРЕРГӘ

Искегә тисәң, исең китәр!

Бүген Рушан бабасы белән мәчеткә барудан баш тартты.

– Лекцияләрем бар. Ә аннары егетләр белән качып уйнарга җыендылар.

Карт мыркылдап куйды, күзләрен кыса төшеп:

– Без синең белән яшеренеп уйный идек... Мин сиңа әкиятләр укыганда, – бабайның көлеп торган күзләре җыерчыкларга яшеренде, – Ярый, яхшы. Без яшь чакта да шулай уйладык.

Запрещено для коммерческого использования

*

Рушан, курткасының йозагын төймәли-төймәли, чыгып китте, рәхәтләнеп саф һаваны үзенә тартты. Афишалардагы куркыткычлар кычкырды:

«Караңгылык белән уралган, өрәк тавышлары һәм югалган җаннар пышылдавы белән тулган урын! Риваять өзекләре әйтүенчә, бу урын гади кешеләрне сынау өчен яратылган!

Ике югары башлангычның — илаһи көчләрнең һәм шайтаннарның каршылыгы. Нәрсә ул яхшылык, ә нәрсә — яманлык?».

— Ошадымы? — дип сорады Марат.

Рушан иңбашларын җыерып куйды:

— Эссе. Сулыш алырга да кирәкми. Бөркү.

— Әйдә, су алырбыз.

— Соң. Якындагы кибетләр-ябык. Өйгә кайту җиңелрәк. Тизрәк булыр.

Марат башын селекте. Аларга бер якка барырга кирәк иде. Калганнарның кулларын кысып, парк аша киттеләр.

— Әйдә зират аша үтик, — диде Марат.

— Юк, — диде Рушан иңбашларын калтыратып.

— Зират аша түгел. Йорт янып беткән янәшәдә генә.

Рушанда тәрбиянең дөреслеге тизрәк өйгә кайту теләге белән көрәште. Фонарьлар юеш асфальтта кызгылт-сары коймак булып чагыла. Койма буендагы сукмак янган йортны да уратып алган.

Марат юлны каплап торган сирень ботакларын кулы белән читкә этәрде. Ботаклар кире чайкалдылар. Рушанның йөзенә. Ул күзен йомды. Һәм ниндидер ауган предметны күрде.

Рушан иелде, асылташтагы брелкадагы фонарь шәүләләре чагылып китте.

— Марат, югалттыңмы?

Марат кесәләренә суккалады:

— Барысы да үз урынында, — дип артка таба атлады, карап торды, — Әйтерсең минеке түгел.

Рушанның учында курчак, куе яшел бәрхет, вак сәйлән белән чигелгән калфак ята иде.

Рушан брелокны якындагы куакка элеп куйды. Җил ботакларны селкетә башлады. Тегеләр янган йортның калдыкларын кырдылар.

*

Бабай урыныннан торды. Намазлыкны җыештырдым.

Рушан, картның кулын кысып, аны сәламләде.

— Чәй эчәбезме? Печенье беләнме?

Өстәлдә печенье, йөзем күренде.

Запрещено для коммерческого использования

Бабай суыткычка күз салды:

— Әти-әниең кайчан кайталар?

— Якшәмбе кичендә.

— Һәм ни өчен алар Казанга киттеләр? Син дә мулла, мин дә мулла, атка печән кем сала? — диде бабай, сөтен өстәлгә куеп.

Чәй эчкәч, Рушан компьютер артына утырды. Бабай кухняда иде, өенә кайтып китте.

Вакыт хисабын югалткач, Рушан Интернетта укый. Кухняда ватылган чынаяк тавышы аны урыныннан сикереп торырга мәҗбүр итте.

— Мәче! Мин сиңа хәзер җәза бирәм! — дип пышылдады Рушан.

Аның артындагы тәрәзә төбендәге мәче нервланып колакларын эрли иде. Шау-шуны тыңлап торды.

-Та-а-ак... кешеләр, бөтен аңлашылмаган тавышларны сылтап калдыру өчен, үзләренә мәче табалар, — Рушан белән мәче бер-берсенә карашып алдылар.

Кухняда тагын нәрсәдер шаулый башлады.

Рушан, ашыкмыйча гына кухняга таба китеп, караңгы бүлмәләрне үтеп, сүндергечне басты.

Идәндә кыйпылчыклар ята.

Рушан көрсенеп куйды һәм, бабай картая, дип уйлады. Күрәсең, чынаякны да шулай куйган. Рушан кыйпылчыкларны соскыга җыйды. Мәче сагаеп күзәтә һәм үзенә тәмле ризык сорарга омтылмый. Рушан, тәртип урнаштырып, су салды да үз бүлмәсенә кайтты. Песи яңадан тәрәзә төбендә үз урынын алды.

Ул Интернетка чумарга да өлгермәде, кухнядагы караңгылык шалтырап китте. Кемдер кәстрүлен ташлаган булса кирәк.

Рушан сикереп торды. Караңгылыкка текәлде. Ул кәстрүлгә тимәде! Полклар янына бармадым!

Бабай бүлмәсенең ишеге ачылды. Бабай килеп чыкты. Башмагымны кидем.

— Сез нәрсә монда? Кеше капкасына сукма, сиңа да барабан сукмаячаклар, — диде бабай.

— Әйе, это бу, это монда... — Рушанның сүзе юк иде.

— Бу! Монда! Әйткән сүз — аткан ук. Күп сүз — буш сүз.

Бабай кухняга чыкты. Кәстрүлен күтәреп, тирә-ягына каранды.

Рушан янәшә таптана башлады. Мәче ерактан күзәтеп торган.

— Әһә, әһә, — диде бабай, чак кына ишетелерлек итеп пышылдап, куллары белән битен сыпырып: Бисмилләһи-р-рахмәни-р-рахим.

Рушанга кухнядан күләгә чыккан кебек тоелды. Ул инде утырырга да җитәр, йокларга да вакыт, дип уйлады. Шунда аның бүлмәсендәге стакан ватылды.

Запрещено для коммерческого использования

— Әһә, әһә, — диде бабай, башын селкеп һәм теге якка таба чаптырып китте.

Карт, бүлмә янына килеп, иреннәрен кысты, башын чайкады:

— Кеше тышыннан танылмый, эшеннән таныла.

Шунда өстәл тартмасы үзе ачылды, әнидән яшергән шоколад төргәкләре үзләре һавага күтәрелде. Карават астыннан пычрак оекбашлар очып чыкты, мәчене арыган тавыш белән кычкырып, сикереп төшәргә мәҗбүр итте.

Бабай ишекне япты, кашларын җыерды:

— Сез бүген кайда идегез соң?

*

— Бичура шаяра, — дип, карт Рушанга чәй өстәде дә арыган кыяфәттә урындыкка утырды.

Рушан гаҗәпләнде.

— Хатын. Бик кечкенә. Шаяртачак, чүп-чар сибәчәк, савыт-саба ватачак. Йоклаган кешене буарга.

— Нәрсә? — Рушан киеренкеләнеп куйды.

— Җибәрүе кыен. Ул йортны яндырырга мөмкин, — бабай башын чайкады, — Әгәр дә кәефен бозмасаң, өйдә чисталык урнаштырсаң, ашатсаң, ул уңыш, бәхет һәм байлык китерер.

— Юк, — дип, Рушан хәтта чәйне дә читкә этәрде, — миңа андый күршелек кирәкми.

— Кирәк, кирәкми теперь хәзер нигә йортны сүтәргә?

— Нигә йортны сүтәргә?

— Бу аны куып җибәрүнең бер ысулы, — дип башын селекте карт. — Әллә синдә аю бармы?

— Аю нигә кирәк соң?!

— Ул аларны яратмый. Курку.

— Юк. Аю юк, — Рушанның аю булмавына чынлап та кәефе кырылды.

— Менә, — диде карт, — башын селкеп, — бар, тәртип урнаштыр. Ә стена шкафыннан барысын да ал.

— Нигә?

— Синең шкафың түгел хәзер, — дип, карт йөзем һәм печенье салынган тәлинкәләрне әләктереп алды да Рушан янына бүлмәгә кереп китте.

*

Килгән әти-әниләр өйдә идеаль тәртипне күргәннәр.

Запрещено для коммерческого использования

Шәрәфиева Зилә, 14 яшь
Татарстан, Байлар Сабасы ш.т.б.

ХЫЯЛЛАР ЧЫНГА АШСА ИКӘН УЛ...

Иртәдән кыздыра башлаган кояшны кинәт кара болытлар каплап алды. Эшчән бал кортлары, безелдек чебен-черкиләр, ниндидер хәвеф буласын сизенгәндәй, кайсы-кая таралып бетте. Зөләйха апа кечкенә кызы Хәтирәнең сулкылдап елаган тавышына өйгә йөгереп керде.

— Әнием, мин бүген әллә нинди төш күрдем. Мин бик курыктым, әнием. Авылга бүреләр килгән. Берсе әтиемә ташланды...

— Аллага шөкер, — диде Зөләйха апа. — Берәр җирең авыртамы әллә дип торам. Төш кенә күргәнсең икән. Әтиең тышта, кызым. Иртәнге эшләрен бетерер дә бергәләп чәй эчәрбез. Мин бик тәмле итеп күзикмәк пешердем. Әйдә, ю битләреңне, кызым, иренеп ятма.

Галим абый өйгә кергәч, барысы да табын янына җыелды. Табын түрендә кукыраеп самовар җырлап утыра. Өйгә зәңгәр төтен аралаш тәмле май исе чыккан. Сөтле чәйгә әнисе һәрвакыттагыча зәңгәр мәтрүшкә салырга да онытмаган. Бүген бигрәкләр дә бәхетле итеп сизде үзен Хәтирә. Бөтенегез дә бергә җыелып табын янында чәй эчүдән дә бәхетле чак бармы икән дөньяда?!

Әти-әнисе эшкә киткәч, кыз, көндәгечә, яраткан курчакларын кулына алды. Әнисе калдык-постыклардан тегеп биргән киемнәрне әле берсенә, әле икенчесенә киертеп туйганчы уйнады ул. Ә аннары дус кызы Разыяларга таба атлады. Ләкин аларның капка төбендә җыелып торган кешеләрне күргәч, Хәтирә әллә нигә куркуга калды. Якынрак баргач, аларның сүзләреннән, кайгылы йөзләреннән ниндидер шомлы сугыш башлануы турында ишетте һәм бөтен көченә өйләренә таба йөгерде. Шул арада Зөләйха апа белән Галим абый да кайтып җитте. Чыннан да, ниндидер явыз фашистларның безнең илгә басып керүе, Галим абыйның бүген үк сугышка китәчәген белде кыз. Әнисе берөзлексез елый, үзе калтыранган куллары белән төенчекләр төйни. Әтисе бертуктамый нәни кызының чәченнән сыпыра, бердәнбер сабыена нәрсәләрдер өйрәтә, әнисенә бәләкәй ярдәмче булырга куша...

Хәтирә әтисен әнисе белән басу капкасына кадәр озата барды. Галим абый елтырап торган кап-кара күзле бәләкәй кызын күкрәгенә кысты да капка баганасына утыртып куйды.

— Мин бик тиздән кайтырмын, Зөләйхам. Үзегезне саклагыз. Кайта алмасам, Хәтирәмне укыт, укытучы ит... — диде дә иптәшләре утырган машинага таба йөгерде.

Инде бу көннәргә ничә еллар үтсә дә, Хәтирә аларны бүгенгедәй

Запрещено для коммерческого использования

хәтерли. Үзәкләргә үткән ул сугыш әчесе бүген дә йөрәкне әчеттерә. Инде ничә яшьтә булуына карамастан, бер генә Җиңү бәйрәмен дә күз яшьләрсез каршы ала алмый ул. Һаман да ниндидер могҗиза булыр да басу капкасыннан әтисе кайтып керер кебек тоела аңа.

Рәхмәт әнисенә, тартып-сузып булса да тормышны алып барды ул. Инде ачка үләбез дигәндә, Аллаһы Тәгалә тагын бер җаен бирде. Башта әтисеннән сирәк-мирәк килеп торган хатлар кисәк туктап калды. Шушы билгесезлек бигрәк тә авыр булды. Инде Җиңү сәгате дә сукты. Галим абыйның бары хәбәрсез югалуы турында гына билгеле булды. Тормышлар әкренләп алга барды. Авырлыклар да онытыла башлады. Ә иң мөһиме – Хәтирә укытучы булды. Әнисе, иренең теләген үтәү өчен, бөтен барлыгын биреп тырышты. Кыз да сынатмады, нәфрәтләнеп, гарьләнеп, үҗәтләнеп бу сынауны җиңеп чыкты. Юлда җәяү йөрүләр, ачка, киемгә тилмерүләр дә укытучы буласы килү теләген сүндерә алмады. Бүген инде карчык лаеклы ялда. Янында яраткан ире, берсенннән-берсе әйбәт ике кызы бар. Оныклар сөю дә насыйп булды аңа. Әмма әтисезлек әчесе генә йөрәкне гомер буе туктаусыз кимереп торды. Бүген дә урамнан берәр ятрак кеше үтсә, ул тизрәк күзлеген алып тәрәзәгә каплана. Бәлки әтиседер... Их, хыяллар чынга ашса икән ул!

Яруллин Рәмзил, 15 яшь
Татарстан, Казан шәһәре

ТУКАЙГА СӘЯХӘТ

Бүген яз кояшы бигрәк матур карый. Теләр-теләмәс кенә мәктәпкә йөгерүче балаларның күзләрен чагылдырып шаяра. Безнең беренче дәрес – татар әдәбияты. Беренче булгач, күбебез йокы-аралаш, уянып бетмәгән әле, шуңа күрә укытучыны гына тыңлап утырасы килә. Миннән генә сорамасалар ярар иде дигән уй азрак тынычландырып куя. Төне буе телефонда уйнап утырганга, минем дә йокым туймаган, урыным да кайнар батарея янында җитмәсә, яз кояшы урамга чакырып елмая. Шул җылылык һәм ягымлы кояш мине изрәтә, укытучының йомшак тавышы баш миен рәхәт итеп сыйпый. Өй эше Габдулла Тукайның «Милли моңнар» әсәрен ятларга иде. Мин аны яхшы белгәч, бик борчылмыйм. Ятламаучылар партага сеңеп беткәннәр. Артта утыручы Ясминә, мине амбразурага алган диярсең, кымшанмыйча, минем гәүдәм артында качып утыра. Зифа Бәшировна безне дәрес башында ук утка тотмый. Башта җайлап кына Тукай чорын, шул вакыттагы Казан турында тәмләп

Запрещено для коммерческого использования

кенә сөйли дә сөйли. Син дә, аңа иярep, Тукай Казанына сәяхәт итәсең.

Кинәт, ишек шакыган тавыш ишетелде. Укытучы апа ишекне ачып карагач, беркем дә күренмәде. Әй, ниндидер башлангыч сыйныф баласы адашып юлыккандыр. Янә шакыган тавыш килде. Ишек ачылып китте дә, мәктәп директоры керде. Безнең сыйныф балаларына карады, кемнедер эзләгән кебек күзен йөртеп чыкты. Мине күргәч, йөзендә елмаю барлыкка килде.

— Миңа әнә теге беренче рәттә икенче партада утырган малайны җибәрегез әле! — диде директор апа, бер миңа, бер Зифа Бәшировнага карап.

— Раилнеме? — дип сорады укытучы.

— Юк, Рәмзилне. Аның белән сөйләшеп алырга кирәк.

— Рәмзил, бар, мин сине җибәрәм, — диде укытучы апа, миңа карап.

— Ә мине аласыгыз килмиме? — дип, һәрнәрсәгә борынын тыгучы Ясминә сикереп торды.

— Юк инде, Ясминә! Син өй эшен эшләдеңме? Тикшереп карыйк әле! — диде Зифа Бәшировна аны туктатып.

Ясминә шым булып калды. Ул тагын дәрескә әзер түгел иде.

Мин, әйберләремне сумкага салдым да, Раил һәм башка дус малайлар белән саубуллашып, Ясминәнең ачулануыннан көлеп, сыйныфташларымның кызыксыну катыш гаҗәпләнү һәм көнләшү чагылган йөзләренә карап, чыгу ягына таба атладым.

Кабинеттан чыккач, директор апа мине мәктәп китапханәсенә алып китте. Анда керүгә, Тукай заманы язучылары бүлеге стеллажлары ягына атладык. Директор миңа һәр язучы турында сөйләде, аларның әсәрләренең ничек язылганын аңлатып бирде.

— Гөлфия Гаязовна, мине ник монда алып килдегез? — дидем мин, сәерсенеп.

— Рәмзил! — диде ул, күзлек өстеннән шикле кеше кебек як-ягына карап, — Сиңа Тукай белән очрашырга кирәк!

Мин гаҗәпләнеп торган вакытта, директорыбыз китапханәнең урмангa караган тәрәзәсеннән 1900 елларга портал ачты да, мине ниндидер тылсымлы көчләр шунда тарттылар. Бер мизгел эчендә мин XX гасыр башы Казанында идем инде. Ләкин Гөлфия Гаязовна урынында Вафа Бәхтияров иде. Хәзер аның «Әл-Ислах»ка эшкә бара торган вакыты икән.

— Әйдә, Рәмзил, киттек, Тукайга юл күрсәтәм сиңа, — ди.

Мин аңа иярдем. Казан шулкадәр матур, якты иде! Урамнар киң, асфальт юллар урынына таш җәелгән, ике яклап икешәр катлы агач өйләр тезелгән, ара-тирә таш йортлар да очрый. Кешеләр машинада түгел, ә атка тагылган арбаларга утырганнар. Барысы да бер-берсе белән сөйләшеп, яңалыклар уртаклашып бара, беркем дә телефоннарга

Запрещено для коммерческого использования

текәлмәгән. Ә киемнәре! Ул киҗе-мамык тукымадан тегелгән күлмәкләр, итәкләр, матур бизәкле камзуллар, читекләр!

Менә «Болгар» кунакханәсенә килеп җиттек. Вафа абый 40 нчы номерлы бүлмәнең ишеген шакыды. Ишек артыннан йөткергән тавыш килде. Бүлмә бикле түгел иде.

— Керегез, ачык, — диде кемдер.

Кердек. Бүлмә кечкенә, озынлыгы өч метр, киңлеге икедер. Уң ягында карават, сул якта өстәл. Аның астында китап тулы кәрҗин утыра. Өстәл артындагы ябык кына кеше бик матур киемнән иде: ак күлмәк, кара ыштан, аягында бизәкле итек. Ул кеше — Габдулла Тукай.

— Габдулла, сәлам, мин менә сиңа бер яшь егетне алып килдем, — диде Вафа абый.

— Әһем... Бик шәп! Яшьләр белән аралашырга яратам мин, — диде Тукай аз гына йөткереп.

Тукай мине үзе янына чакырды да караватына утыртты. Кәрҗиндәге китаплар артында торган тылсымлы шарны алды да, миңа үзенең балачагын сөйләп, бөтен тормыш юлын шарда күрсәтте. Минем сорауларыма җаваплар бирде, каян илһам алганын аңлатты. Аның сөйләвен тыңларга рәхәт, аның тавышы шундый йомшак, ямьле, ләкин кайвакыт нык йөткереп ала иде.

— Мин дә әсәрләр язарга яратам. Менә монда минем хикәяләрем, — дип, Тукайга зәңгәр папкадан әсәрләрем белән тулы кәгазьләрне алып бирдем.

Тукай сүзсез генә ул кәгазьләрне алды, нык кызыксыну белән укырга тотынды.

Минем аякларым калтырый башлады, башыма кайнар ут йөгерде, бик дулкынландым. Тукай үзе минем әсәрләремне укыганга ышана алмый идем! Ул, укый-укый да, сәер генә миңа карап куя. «Әй, әсәрләрем бик начар ахры», — дип уйлана башладым инде.

— Менә бит! Яшьләр дә яхшы яза! Вафа, Фатихка әйтергә кирәк, Яңа Бистәдә тагын бер каләм тибрәтүче бар икән, — дип, Тукай урынныннан сикеренеп торды. Бүлмәсе буенча зур-зур адымнар белән атлап бер-ике түгәрәк әйләнде дә, минем яныма басып янә кул бирде.

— Афәрин, энекәш, афәрин! Язарга кирәк! Синең талантың бар, аны үстерергә кирәк, шулай матур әсәрләр яз, яме! Милләтебез сезнең кебек яшьләр кулына кала!

Шулчак урам яктан ниндидер матур көй ишетелде. Тукай, Вафа абыйга карап:

— Кардәш, бу көй нинди көй? — дип сорады.

— Бу көй була, дидем, Әллүки! — өзеп сүз керттем мин, аны бит төне буе ятладым.

Запрещено для коммерческого использования

— Афәрин, энекәш, булдырасың! Сиңа миннән фатыйха! — дип, Тукай кул чапты да, җилкәмнән сөеп алды.

Мин шатлыгымнан күкләргә очып:

— Рәхмәт, Тукай! — дип кычкырдым да, кемдер уң кабырга астына бик каты итеп төртте.

Уянып китсәм, кап-кара бөдрә чәчләре арасыннан тигез ак тешләрен ыржайтып һәм миңа көлкеле күзләре белән карап, сыйныфташым Ясминә:

— Рәхмәтеңне аннары әйтерсең, башта шигыреңне сөйлә, синең чират, йокы чүлмәге, — дип, бөтен сыйныф алдында кычкырып көлә иде.

Мин укытучыга карадым. Аның таләпчән күзләре миңа төбәлгәннәр. Ясминәнең сүзләре искә төшкәч, минем чират икәнен аңладым. Ул әле дә көлеп утыра иде.

— Көлүеңнән эчең катмасын! — дидем мин көлеп һәм такта янына горур итеп атладым. Тукай минем янымда басып торганны күз алдына китереп:

«Ишеттем мин кичә: берәү җырлый
Чын безнеңчә, матур, милли көй...»

Әхмәтҗанов Ранис, 14 яшь
Татарстан, Казан шәһәре

СУГЫШ ӘЛЕ ЕРАКТА ИДЕ...

Илназ кечкенәдән сугыш, батырлык турында укырга, геройлар турында кинофильмнар карарга яратты. Тарихка кереп калган бу сугышлар бүгенге көннән ераклта, бик ераклта иде. Ике дәү бабалары да сугышта катнашкан аларның. Дәү әтисе ягыннан булганы Бөек Ватан сугышында хәбәрсез югалган, дәү әбиләре гомеренең азагына кадәр хәләлен өзелеп көткән, аның юклыгына ышанмаган, сугышчы хатыннары ала торган ярдәмне дә ала алмыйча, балаларын җил-яңгыр тидермичә үстергән. Икенче дәү бабасы, яраланып булса да, сугыштан исән кайткан. Тик яралары бик тирән булгандыр, тыныч тормышта озак яши алмаган, өч баласын, хатынын калдырып вафат булган. Бер пулясы йөрәге янында ук булганга, табиблар аны алырга җөрьәт итмәгәннәр. Ул пуля һәрчак бабасына канкойгыч сугышны онытырга ирек бирмичә, үзен искәртеп торган. Илназ дәү бабалары турында әби-бабаларыннан, әти-әнисеннән генә ишетеп белә. Ләкин һәрчак алар белән горурлана, Бөек Җиңүгә якыннарының керткән өлеше хакында белә, бүгенге матур

Запрещено для коммерческого использования

тормыш, балаларының, оныкларының матур киләчәге, бәхете хакына көрәшүләренә соклана.

«Батырлыкка һәрчак урын бар», — дип өйрәттеләр укытучылары. «Батыр булу өчен яхшы укырга, физик яктан үзеңне үстерергә, шәфкатьле булырга кирәк», — дип гел әйтә әтисе дә. Өйрәтерлек үрнәге дә бар өйләрендә. Абыйсы Самат яхшы уку өстенә төрле спорт түгәрәкләренә йөрде, бокс, көрәш буенча шөгыльләнде. Югары уку йортына укырга керсә дә, үзе теләп бер ел армия сафларында хезмәт итеп кайтты. Анда ул снайперлек һөнәренә өйрәнеп, лейтенант исеменә ия булды. Әй, горурланган иде шул чагында Илназ абыйсы белән. Иптәшләре арасында бер башка югары үсеп киткән иде. Абыйсы армиядән кайткач үткәргән вакыт Илназ өчен иң бәхетле чор булгандыр. Ике туган бергәләп спорт залына йөрделәр, җәен велосипедта, кышын чаңгыда җилдерделәр. Бик күп әйбергә өйрәнде Илназ абыйсыннан.

Тик соңгы елларда илләр тынгысызланып китте. Үсмергә аңлаешлы да булмаган мобилизация игълан иттеләр. Илнең асыл егетләрен Украина чикләренә, халыкның тынычлыгын сакларга озаттылар. Самат абыйсы да әниләренең үгетләвенә карамастан, «Мин дә бармасам, кем бара?» — дип, үзе теләп, беренче көннәрдән үк диярлек яу кырына юл алды. Сагыну-сагышлар, һәрдаим телефоннан шалтыратулар көтеп, бер ел узып китте. Ул арада абыйсы 10 көнлек ялга да кайтып китте. Сугыш турында сөйләргә яратмый иде ул. Бәлки якыннарын борчулардан сакларга теләгәндер. Хезмәттәшләре арасында абруе зур иде Саматның. Командирларыннан да мактау сүзләре генә ишетте якыннары. «Батыр» позывное үз-үзен аклый иде. Ялга кайтып киткәннән соң озак та үтми абыйсы яралана. Госпитальдә бер ай дәваланганнан соң ул яңадан МХОгә китеп бара. Видеоэлемтә аша сөйләшкәндә, туганнарын борчымас өчен күп нәрсәләрне яшерә, «Кайгырмагыз, без икенче линиядә», — дип гел аларны юата торган була. Ләкин соңыннан, дуслары сөйләве буенча, абыйсының гел алгы сафта көрәшкәне ачыклана.

2024 нче елның март башында Самат якыннарына шалтырата, үзенең Курск өлкәсендә икәнлеген әйтә. «Безне азрак сулыш алырга, киенергә, юынырга чыгардылар әле. Берничә көн ял иткәч, яңадан китәбез», — ди. Тик...өч көннән дошман һөҗүм итә. Шуннан абыйсыннан хәбәр килми...

Ә көннәрдән бер көнне аяз күкне яшен суккандай була. Җан тетрәткеч абыйсының үлем хәбәре аларга бөтен табигать яшәргән язлы иртәләрнең берсендә килеп ирешә. Дөньяны яхшы яктан гына күрергә күнеккән Илназның йөрәге бу хәбәрне кабул итә алмады. «Әни-и, нишләп алай? Нишләп минем абый?! Сугыш бездән ераккта иде бит», — дип өзгәләнде ул. Үзе дә хәсрәткә баткан ана, улының бу соравына җавап бирә алмады. Ул бары тик аны каты итеп кочагына кысты.

Илназның бу соравына җавап табу авыр, бик авыр иде...

Запрещено для коммерческого использования

Гарипова Йолдыз, 14 яшь
Татарстан, Балтач ш.т.б.

РӘХМӘТ, БАБАЙ!

(Укыйсы килмәгән бер малай көндәлегеннән)

Сентябрьдә кисәк кенә бөтен тормышым үзгәрде. Мин мәктәпне күрә алмый башладым. Моңарчы мин ваемсыз, рәхәт, бәхетле яшәдем. Әтием белән әниемә бердәнбер малай. Алар мин теләгән бөтен нәрсәне эшлиләр иде. Телевизордан яраткан мультфильмнар карап, рәсемнәр ясый алдым. Бүлмәдә яраткан уенчыгым белән сәгатьләр буе туктый алмыйча сөйләшеп, уйнап утыра алганмын. Миңа моны әни сөйләгән иде. Менә уйлыйм инде: миңа ул вакытны яшәргә нинди рәхәт булган! Балачагымда мине бөтен кеше ярата дип уйлап яшәдем. Алты яшем тулгач, кинәт — бац! — мәктәпкә.

Иртән беренче көнне мин шат та булган идем бугай әле. Әти-әни миңа: «Менә ничек әйбәт, улым, син чын мәктәпкә барачаксың», «Менә кара, бу синең сумкаң, син аның белән көн саен мәктәпкә йөриячәксең!» — кебек сүзләр сөйләделәр. Миңа караганда, алар үзләре өчен сөенделәр бугай.

Әни сөйләве буенча, беренче көнне мин хәтта еламаганмын. Мәктәптән кайткач, тиз генә ашаганмын. Тәлинкәдәге бар ризык ашалган булган. Мин торып киткәч, кашыгым артымнан төшеп калган. Мин тизрәк бүлмәгә кереп яраткан уенчыгыма мәктәптә ничек кызык булганын сөйләргә ашыкканмын.

Шул вакытны бу минем соңгы бәхетле минутлар булганын белгән булсам... Чөнки моннан соң бары да кирегә китте.

— Киттек, — диде әни икенче көнне, — киен тизрәк, соңга калабыз.

— Кая?

— Ничек инде кая... Мәктәпкә!

— Юк.

— Нәрсә юк?

— Мин бүтән анда бармыйм.

— Кара син моны. Нишләп икән?

— Җиткән инде, күрдем инде мин ул сезнең мәктәбегезне, бер кызыклы әйбер дә юк анда. Минем өйдә эшем күп. Мин уенчыгыма машина ясыйм, — дип ышандырган идем.

Әни минем каршыда тезенә утырды да мине күндерә башлады: «Алай ярамый инде, улым. Син бит инде хәзер зур.»

Мин елый башладым. Тик никадәр генә каршы торырга тырышсам да, миңа ул көнне мәктәпкә барырга туры килде... Шуннан китте инде...

Запрещено для коммерческого использования

Өйдә миңа гел бер сүзне кабатлыйлар: «Укы!» «Укы!» «Укы!» «Укы!». Бу минем өчен түгел. Бар нәрсә минем бер колактан керә, икенчесеннән чыга да китә. Минем белән бар да әйбәт. Ләкин миңа кызык түгел. Кызык түгел. Шул гына.

Сез миңа ышанмассыз инде, ләкин мин спортны да мәктәп кебек яратмыйм. Аның кадәр түгел инде, ләкин яратмыйм. Сез мине анда күрсәгез генә, аңлар идегез. Минем ни буй, ни мускуллар юк, көчем дә юк. Чын хлюпик инде, натуральный.

Спортны яратмаганга күрә, бердәнбер яраткан дәресем физкультура белән дә эш барып чыкмады. Укытучыбыз Наил абый белән килешә алмадык, чөнки ул миңа гел нәрсәдер эшләргә, йөгерергә, сикерергә куша иде. Ә минем артыгын селкенәсем дә килми. Тәк, менә шулай итеп, былтыр мин физкультура дәресенә дә төкердем...

Мәктәптәге беренче ай шулай узды. Миннән кем чыгар иде икән, әгәр дә кунакка минем Гарифулла бабай килмәсә...

Шулай, гадәттәгечә, мәктәптән кайтып кереп, сумкамны болгап аттым да, телефонымны тотып, диванга сузылып яттым. Гарифулла бабам минем яныма килеп басты да: «Хәлләр ничек соң, укучы?», — диде. Аны күрүгә, балалар бакчасындагы кебек, кочагына атылдым. Әтием белән әнием, берсен берсе бүлдерә-бүлдерә, миннән зарланырга тотындылар. Бабам тыңлап торды. Тик бер сүз дә дәшмичә, тышка чыгып китте. Мин, бабай кайтып китте дип уйлап, еларга тотындым. Минем елавыма гына игътибар итүче булмады. Инде бер дә булмагач, бабайны эзләп, тышка чыгып киттем. Бабай лапас янындагы эскәмиядә утыра иде. Борынымны мышык-мышык тартып, янына барып утырдым. Ул бер сүз дә дәшмәде. Шулай күпме утырганбыздыр, бабай авыр сулап куйды. Миңа ничектер оят булып китте. Әти белән әни аның башы әйбәт эшләгәнен: математикадан да, татар теленнән дә, тарихтан да гел беренче булганын әйтәләр иде.

— Эх, — диде ул. — Булмады инде.

— Нәрсә булмады, бабай? — дип сорадым мин аның сөйләшә башлаганына сөенеп.

— Бернәрсә дә булмады. Мин ялкау малайлар белән сөйләшмим, — диде дә бабай өйгә кереп китте. Мин эскәмиядә утырып калдым. Еларга да уйлаган идем, еламадым, чөнки бабай — кунакта. Хәзер миңа бабайның ышанычын кире кайтарырга кирәк. Тик ничек?

Ул көн шулай узып китте. Бабай минем белән ачылып сөйләшмәде. Икенче көн дә үтте, шул ук хәл. Болай булмый, нәрсәдер эшләргә кирәк. Ни эшләргә кирәген әниемнән сорадым. Ул озак кына уйлап торды да:

— Тырышып укып карыйсыңмы әллә, улым? Бабаң бит укыган кешене ярата, — диде.

Запрещено для коммерческого использования

Минем ул төнне йокым йокы булмады. Башымда тик бер уй: «Ни эшләргә?» Күпме генә уйласам да, башыма бер юньле фикер килмәде. Мин әни киңәшен тыңларга булдым.

Икенче көнне мәктәптә тыныч кына утырдым, укытучы әйткән эшләрне эшләргә тырыштым. Хәтта укытучы апа яныма килеп:

– Авырмыйсыңдыр бит, акыллым? – дип сорады.

Өйдә өй эшләремне дә әнием белән эшләдем. Икенче көнне хәтта укытучы апа мактады да. Аның мактавына шулкадәр күңелем булды. Өй эшен тагы да тырышыбрак эшләдем. Бабай да яныма килеп, елмаеп китте хәтта.

Шулай итеп, көннәр уза торды. Мәктәп тә начар җир кебек тоелмый иде инде. Ә иң мөһиме: бабам минем белән сөйләшә башлады, алай гына да түгел, без аның белән күп вакытны бергә уздырдык.

Рәхмәт, бабай!

Запрещено для коммерческого использования

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

14 – 17 лет

Полицковая Лада, 17 лет
Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург

“MY EVIL MOTHER” BY MARGARET ATWOOD

“You’re so evil,” I said to my mother. I was fifteen, the talk-back age. “I take that as a compliment,” she said. “Yes, I’m evil, as others might define that term. But I use my evil powers only for good.” “Yeah, tell me another,” I replied. We were having an argument about my new boyfriend, Brian. “Anyway, who gets to say what’s good?”

My mother was in the kitchen, grinding something in her mortar. She often ground things in her mortar, though sometimes she used the Mixmaster. If I said, “What’s that?” she might say, “Garlic and parsley,” and I’d know she was in Joy of Cooking mode. But if she said, “Look the other way” or “What you don’t know won’t hurt you” or “I’ll tell you when you’re old enough,” I’d realize there was trouble in store for someone.

She was ahead of her time with the garlic, I feel compelled to mention: most people in our kind of neighborhood hadn’t found out about it yet.

Our neighborhood was on the northern margin of Toronto, one of many cities that were rapidly expanding over farm fields and drained swamps, wreaking havoc with the vole populations and flattening burdocks as they went. Out of the bulldozed mud had sprouted postwar split-levels in tidy rows, each with a picture window—ranch style, with flat roofs that hadn’t

Запрещено для коммерческого использования

Полицковая Лада, 17 лет
Российская Федерация,
г. Санкт-Петербург

МАРГАРЕТ ЭТВУД «МОЯ МАМА – ВЕДЬМА»

— Ты настоящая ведьма! — сказала я своей маме. Мне было пятнадцать лет, возраст дерзости. — Приму за комплимент, — ответила она. — Да, я ведьма, и многие так думают. Но я использую силу зла только в благих намерениях.

— Ага, рассказывай! — съязвила я. Мы ругались из-за моего нового парня, Брайана. — И вообще, кто решает, что хорошо, а что плохо?

Моя мама была на кухне и что-то толкла в ступке. Она часто пользовалась ею, хотя в доме был миксер. Если я интересовалась: «Что это?» — и она отвечала: «Чеснок с петрушкой», это означало, что мама наслаждается кулинарным творчеством. Но если ее ответы были примерно такие: «Не твое дело», «Для тебя — ничего» или «Узнаешь, когда подрастешь», я понимала, что у кого-то будут неприятности.

Я должна добавить, что этому занятию мама посвящала все свое время, но большинство жители нашего района об этом пока не догадывались.

Наш район находился на севере Торонто, одного из тех многочисленных городов, которые быстро разрастались на месте фермерских полей и осушенных болот, нещадно уничтожая популяции полевок и вырывая с корнями лопухи. На выровненной тракторами земле появлялись послевоенные двухэтажные дома с панорамными окнами в стиле ранчо и плоскими крышами, которые пока что не протекали зимой. В этих домах жили молодые семьи с детьми. Отцы работали, а матери занимались хозяйством. Моя мама была среди них белой вороной: у нее не было

Запрещено для коммерческого использования

yet begun to leak in the winters. Those who lived in these houses were young moderns, with children. The fathers had jobs, the mothers not. My mother was an anomaly: no visible husband, no job exactly, though she did seem to have a means of support.

Our kitchen was large and sunlit, with a canary-yellow linoleum floor, a breakfast nook, and a white dresser with rows of blue plates and bowls. My mother had a thing for blue in tableware; she said it warded off any evil eyes intent on ruining the food.

Her eyebrows were plucked into two incredulous arches, as was almost still the fashion. She was neither tall nor short, neither plump nor thin. In everything, she took care to imitate the third choice of Goldilocks: just right. That day she was wearing a flowered apron—tulips and daffodils —over a shirtwaist dress with small white and pastel-green stripes and a Peter Pan collar. Cuban heels. Single strand of pearls, wild, not cultured. (Worth it, she said: only the wild ones had souls.)

Protective coloration, she called her outfits. She looked like a dependable mother from a respectable neighborhood such as ours.

She had no close friends in the vicinity—"I keep myself to myself," she'd say—but she performed the expected neighborly duties: presenting tuna-noodle casseroles to the sick, taking in the mail and newspapers of those on vacations so their houses wouldn't be targeted by burglars, babysitting the occasional dog or cat. Though not the occasional baby: even when my mother offered, parents of babies hesitated. Could they have picked up on her invisible but slightly alarming aura? (Invisible to others; she claimed that she herself could see it. Purple, according to her.) Maybe they were afraid they'd return to find their infant in a roasting pan with an apple in its mouth. My mother would never have done such a thing, however. She was evil, but not that evil.

Sometimes women in distress—they were always women—would come over to our house, and she would make them a cup of something that might have been tea, sit them at the kitchen table, and listen, scanning their faces, nodding silently. Did money change hands? Is that how she made her living, at least in part? I couldn't swear to it, but I have my suspicions.

I'd see these consultations going on as I trudged upstairs to do my homework. Or homework was my cover story; I was just as likely to be

Запрещено для коммерческого использования

ни мужа, ни постоянной работы, но средства на жизнь все же имелись.

Наша кухня была просторной и светлой, с канареечно-желтым линолеумом на полу, местечком для завтрака, белым комодом с синими тарелками и чашками. Мама обожала эту посуду: она говорила, что синий цвет защищает от сглаза дурных людей, которые хотят испортить еду.

Мамины брови были изогнуты дугами и тонко выщипаны, что еще оставалось модным, но от этого ее взгляд казался недоверчивым. Мама не была ни высокой, ни низкой, ни полной, ни худой и старалась во всем подражать выбору героини из сказки «Три медведя»: в самый раз. В тот день на ней был фартук с тюльпанами и нарциссами, надетый поверх платья-рубашки в тонкую зеленую полоску с круглым отложным воротничком. На ее ногах были туфли на кубинском каблуке, а на шее красовалась нитка жемчуга, настоящего, не искусственного (она говорила, что ожерелье стоит своих денег: только дикий жемчуг наделен душой).

Свою одежду мама называла маскировкой, которая помогала ей ничем не отличаться от обычных матерей из таких же респектабельных районов.

Друзей среди соседей у нее не было. «Я, как волк-одиночка, сама по себе», — говорила она. Но мама выполняла все обязанности приличного соседа: приносила запеканки из тунца и лапши больным, забирала письма и газеты из ящиков соседей, уехавших в отпуск, чтобы их дома не были под прицелом грабителей, присматривала за оставленными собаками и кошками. Только с младенцами мама не оставалась. Даже когда она сама предлагала посидеть с малышами, родители малюток на это не соглашались. Возможно, они чувствовали тревогу, ощущая особую ауру моей мамы (невидимая для других людей, со слов мамы, ее аура была фиолетового цвета)? Или, может быть, они боялись по возвращении обнаружить свое дитя в печке с яблоком во рту? Но мама никогда бы так не поступила. Конечно, она была ведьмой, но не настолько же.

Иногда женщины, попавшие в беду, — а это всегда были женщины — приходили к нам домой и рассказывали маме о своих проблемах. Она наливала им чашку чего-то похожего на чай, усаживала за стол, выслушивала, внимательно изучая их лица, и молча кивала. Брала она за это деньги? Был это способ обеспечить себя? Я точно не знаю, но, возможно, это так и было.

Я видела эти сеансы, когда направлялась наверх, в свою комнату делать уроки. Хотя, уроки были скорее моим прикрытием. Вместо них я могла красить ногти на ногах красным лаком или изучать свое лицо в зеркале на предмет недостатков: слишком желтое, слишком прыщавое, чересчур зубастое, — или наносить толстый слой ярко-красной помады и любоваться своими пухлыми губами, или нашептывать что-нибудь Брайану по телефону в коридоре. Я часто хотела подслушать разговоры

Запрещено для коммерческого использования

painting red nail polish on my toes, or examining my mirrored face for flaws—too sallow, too zitty, too chipmunk-toothed—or applying a thick layer of deep-red lipstick and admiring my pouty reflection, or whispering to Brian over the hall telephone. I was tempted to eavesdrop on what my mother was saying, but she could always tell when I was doing it. "Big ears," she would say. "Off to bed! Beauty sleep!" As if mere sleep would make me more beautiful.

Then the kitchen door would close, and the murmuring would resume. I'm sure my mother gave these troubled women a chunk of advice, at the very least, though it might also have been a mysterious liquid in a jar. She kept a supply of such jars in the refrigerator. The goop in them was of different colors, and they were none of my business.

The percentage of husbands in our neighborhood who developed coughs or broke their ankles, or who, on the other hand, were promoted at their offices, was probably no higher than elsewhere, but my mother had a way of hinting at her own influence on these events, and I believed her despite the nagging doubts of common sense.

Now—now being the day of our fight over Brian—she finished grinding and scraped the contents of her mortar into a bowl. She stuck her finger into the mixture, licked it—so, not deadly poison after all—then wiped her hands on her flowered apron.

Where had she acquired those flowered aprons and shirtwaist dresses and the string of real pearls? She wasn't known to go shopping, not like other mothers. I never knew how she got anything.

She covered the bowl of mushed-up garlic and parsley mixture with a little red plastic hat and set it aside. "Now," she said, "you have my full attention. Who gets to say what's good? I do. At the present moment, good is good for you, my treasure. Have you tidied your room?"

"No," I said sulkily. "Why don't you like Brian?"

"I have no objection to him as such. But the Universe doesn't like him," she said serenely. "She must have her reasons. Would you like a cookie, my pet?"

"The Universe isn't a person!" I fumed. "It's an it!" This had come up before.

I still believed that my mother had some influence over the Universe. I'd been brought up to believe it, and it's hard to shake such ingrained mental patterns.

"Brian must go. If not off the planet, out of your life."

Запрещено для коммерческого использования

взрослых, но мама всегда меня замечала. «Большие уши, — говорила она, — быстро в постель! Сон — залог красоты!» Как будто обычный сон может сделать меня красивее.

После этого дверь на кухню закрывалась, и возобновлялся невнятный разговор. Я уверена, что мама давала этим расстроенным женщинам, по крайней мере, совет, хотя вместо совета она могла им сунуть какую-нибудь баночку с таинственной жидкостью. У нее был запас таких баночек в холодильнике. Их содержимое было разного цвета, но меня это не касалось.

Количество мужей, которые начинали сильно кашлять, ломали ноги или, наоборот, получали повышение по службе, среди наших соседей было не больше, чем в других районах, но мама намекала на свое влияние на эти события, и я верила ей, несмотря на протесты здравого смысла.

Итак, вернемся к тому дню, когда мы ссорились из-за Брайана. Она закончила толочь что-то в ступке и высыпала содержимое в миску. Мама сунула палец в смесь и облизала его — значит все-таки не смертельно опасный яд, — затем вытерла палец о свой цветочный фартук.

Откуда у нее эти фартуки, платья-рубашки и нить натурального жемчуга? В отличие от других матерей, она не ходила по магазинам. Я не знала, откуда она брала все это.

Мама накрыла миску со смесью чеснока и петрушки маленькой красной пластмассовой крышечкой и отставила ее в сторону.

— Ну, — сказала она, — я вся во внимании. Кто решает, что хорошо, а что плохо? Я. Сейчас для тебя это хорошо, дорогуша. Ты прибралась у себя в комнате?

— Нет, — сердито сказала я. — Чем тебе так не нравится Брайан?

— Я не возражаю против его существования, но Вселенной он не нравится, — безмятежно сказала она и продолжила:

— У Вселенной есть на то свои причины. Радость моя, хочешь печенья?

— Вселенная — не человек! — возмутилась я. — У нее нет души и разума!

Когда-то мы уже говорили на эту тему.

Я все еще думала, что мама имела связь с Вселенной. Меня с детства приучили верить в это, так что избавиться от таких укоренившихся стереотипов мышления было трудно.

— Брайан исчезнет. Если не с планеты, то из твоей жизни.

— Но я люблю его! — взмолилась я. Честно говоря, я была от него просто без ума. Его фото, на котором он запечатлен со следами от помады на черно-белом лице, сделанное на вокзале в фотобудке, лежало у меня в кошельке.

— Вынуждена огорчить, — сказала мама, — но Вселенной все равно, кто в кого влюблен. Ему выпала Башня. И ты заешь, что это значит: близится катастрофа!

Запрещено для коммерческого использования

"But I like him," I said plaintively. The truth: I was besotted with him. I had his picture in my wallet, taken in a train-station photo booth, with a lipstick kiss covering his tiny, surly black-and-white face.

"I dare say," said my mother. "But the Universe doesn't care who we like. He was dealt the Tower. You know what that means: catastrophe!" My mother had read Brian's tarot cards, though not with him present, of course. "He's going to be in a car accident, and I don't want you in the death seat at the time. You need to cut him off."

"Can't you stop it? The car accident?" I asked hopefully. She'd stopped a couple of other looming disasters that had been threatening me, including an algebra test. The teacher had thrown his back out just in time. He was absent for three whole weeks, during which I'd actually studied.

"Not this time," said my mother. "Now do as I tell you. The long and short of it is, if you dump Brian he won't die, but if you don't then he will, and most likely so will you. Or else you'll end up in a wheelchair. You wouldn't want his blood on your hands. The lifelong guilt."

"This is nuts!"

"Go ahead, ignore my advice," she said placidly. "This conversation is over," she said with chilling calm.

I flounced out of the kitchen with as much defiance as I dared. I'm not sure I'd remember now how to flounce—it's an accomplishment, though not one you hear of teenaged girls practicing nowadays. They still pout and sneer, however, just as I did.

There was no sense in going head-to-head with my mother. Nor could I try sneaking around behind her back: she had eyes in the back of her head, and little birds told her things. Brian would have to be given up. I had a weep about that: goodbye, Old Spice shaving-lotion aroma and the scents of cigarettes and freshly washed white T-shirts; goodbye, heavy breathing in movie theaters during the dance numbers in musicals; goodbye, feeding Brian the extra fries from my hamburger, followed by greasy, potatoflavored kisses . . . He was such a good kisser, he was so solid to hug, and he loved me—though he didn't say so, which was admirable.

Later that evening, I phoned him and told him our Saturday night date was canceled. He wasn't pleased. "Why?" he said.

I could hardly tell him that my mother had consulted some old cards

Запрещено для коммерческого использования

Мама гадала Брайану на картах Таро, разумеется, без его присутствия.

— Он попадет в автокатастрофу, и я не хочу, чтобы ты погибла вместе с ним. Тебе нужно его бросить, — проговорила она.

— А ты не можешь ее остановить? Ну, эту автокатастрофу? — с надеждой спросила я. Мама уже предотвратила несколько надвигавшихся на меня катастроф, включая контрольную работу по алгебре: учитель потянул спину и отсутствовал целых три недели, а за это время я прекрасно успела подготовиться к проверке знаний.

— Не в этот раз, — сказала мама. — А теперь слушай, что я говорю. В общем, если ты расстанешься с Брайаном, он не умрет. А если поступишь иначе, то умрет он и, скорее всего, ты. Даже если ты не умрешь, то будешь прикована к инвалидному креслу. Ты бы не хотела его крови на своих руках и чувство вины на всю жизнь.

— Это бред! — не соглашалась я.

— Ну, давай, игнорируй мои советы, — спокойно сказала она, а потом добавила леденящим душу тоном: — На этом разговор закончен. Выбор за тобой.

Я выскочила из кухни с самым вызывающим видом, на какой только была способна. Не уверена, что сейчас я вспомню, как изобразить вызывающий вид. Это своего рода искусство, хотя и не столь популярное среди современных подростков. Тем не менее, они так же дуются и язвят, как и я много лет назад.

Идти напрямую против воли матери было невозможно. Да и не помогло бы. Я уже пыталась действовать втайне, но у нее были глаза на затылке, а маленькие птички ей обо всем докладывали. Брайана нужно было бросить. Я рыдала из-за предстоящего расставания: прощай, аромат лосьона «Олд Спайс», запахи сигарет и стирального порошка от белоснежных футболок; прощай, томное дыхание в кинотеатрах во время танцев; прощай, угощение Брайана картошкой фри из моего гамбургера и поцелуи со вкусом жареного картофеля… Он так хорошо целовался, его так приятно было обнимать, и он любил меня, хоть и не говорил об этом. Все это было замечательно.

Тем же вечером я позвонила Брайану и сказала, что наше свидание в субботу отменяется. Он был явно не рад этому.

— Почему? — поинтересовался он.

Вряд ли я смогла бы рассказать ему, что моя мама гадала на картах со странными картинками и что они предсказали его гибель в автокатастрофе, если мы не расстанемся. Я не хотела подогревать слухи о маме, тем более их и так было предостаточно, поэтому я просто сказала:

— Я не могу быть с тобой. Нам нужно расстаться.

Запрещено для коммерческого использования

with weird pictures on them and predicted he would die in a car crash if he went out with me. I didn't need to fuel any more school rumors about her; there were more than enough as it was. "I just can't go out with you," I said. "I need us to break up."

"Is there another guy?" he asked in a menacing tone. "I'll punch his face in!" "No," I said. I started to cry. "I really like you. I can't explain. It's for your own good." "I bet it's your crazy mother," he said. I cried harder.

That night I crept out into our backyard, buried Brian's picture under a lilac bush, and made a wish. My wish was that I would somehow get him back. But wishes made out of earshot of my mother did not come true.

The next day at school there were whisperings. I tried to ignore them, though I couldn't help hearing the odd phrase: Cuckoo as a clock. Addled as an egg. Crazy as a box of hair. Mad as a sack of hammers. And the worst: No man in the house, so what can you expect? Within a week, Brian was going out with a girl called Suzie, though he still shot reproachful glances in my direction. I comforted myself with versions of my own saintly unselfishness: because of me, Brian's heart was still beating. I'm not saying I didn't suffer.

Several years later, Brian became a drug dealer and ended up on a sidewalk with nine bullets in him. So maybe my mother had got the main event right, but the time and the method wrong. She said that could happen. It was like a radio: nothing amiss with the broadcast end, but the reception could be faulty.

No man in the house described our situation. Of course, everyone has a father—or, as they would say nowadays, a sperm provider, fatherhood in the old sense of paternity having fallen into disrepute—and I had one, too, though at that date I wasn't sure this father was still what you'd call "alive." When I was four or five, my mother told me she'd changed him into the garden gnome that sat beside our front steps; he was happier that way, she said. As a garden gnome he didn't need to do anything, such as mow the lawn—he was bad at it anyway—or make any decisions, a thing he hated. He could just enjoy the weather.

When I was wheedling her over something she'd initially denied me, she'd say, "Ask your father," and I'd trot out and hunker down beside the garden gnome—hunker just a little, as he wasn't much shorter than me— and stare into his jovial stone face. He appeared to be winking.

Запрещено для коммерческого использования

— У тебя появился другой? — грозно спросил он. — Если да, то я его прибью!

— Нет, — сказала я и заплакала. — Я очень тебя люблю. Я не могу объяснить всего, но это ради твоего блага.

— Готов поклясться, что тут замешана твоя сумасшедшая мамаша, — сказал он.

Я разревелась еще сильнее.

В ту ночь я пробралась в наш двор, закопала фотографию Брайана под кустом сирени и загадала желание вернуть его. Но, увы, желания, о которых не знала мама, не сбывались.

На следующий день в школе все шептались. Я старалась не обращать на это внимания, хотя мне было тяжело слышать фразы «с катушек съехала», «у нее чердак протекает», «шарики за ролики закатились». А самым ужасным выражением было «у нее не все дома».

Уже через неделю после расставания Брайан начал встречаться с другой девчонкой по имени Сьюзи, хотя по-прежнему смотрел на меня с укором и грустью. Я утешала себя мыслью о своем святом альтруизме: благодаря мне его сердце все еще бьется. Но, конечно, я очень страдала.

Через несколько лет Брайан стал наркоторговцем и однажды остался лежать на тротуаре с девятью огнестрельными ранениями. Так что, возможно, моя мать предвидела его смерть, но ошиблась во времени и причине. Она говорила, что бывают такие ошибки. Это как радио: вещание в порядке, но с приемом неполадки…

Фраза «Никаких мужчин в доме» идеально описывала нашу жизнь. Конечно, у каждого есть отец, или, как сейчас говорят, тот, кто тебя зачал. Понятие «отцовство» постепенно теряет прежнюю значимость, становится немодным. У меня тоже был «отец», хотя тогда я не была уверена, что его можно было назвать «живым». Когда мне было четыре или пять лет, мама сказала, что превратила моего отца в садового гнома, который стоял возле нашей лестницы. В облике гнома ему не нужно было ничего делать, например, косить траву — хотя у него все равно получалось плохо — или принимать решения — он очень не любил это делать. Теперь гном-папа мог просто стоять, наслаждаться погодой и быть счастливым.

Если я у мамы что-то долго выпрашивала, то она сначала отказывала, но потом через какое-то время говорила: «Спроси отца». Я выбегала из дома, слегка приседала рядом с садовым гномиком, так как он был чуть ниже меня, и пристально смотрела в его улыбающееся каменное лицо. Иногда казалось, что он мне подмигивает.

— Можно мне мороженое? — спрашивала я. Я верила, что у нас заключен договор, по которому он всегда будет все мне разрешать, в

Запрещено для коммерческого использования

"Can I have an ice cream cone?" I'd plead. I was sure that he and I had a pact of sorts—that he would always be on my side, as opposed to my mother, who was on her own side. It gave me a warm feeling to be with him. It was comforting.

"What did he say?" my mother would ask when I went back in. "He said I can." I was almost sure I'd heard a gruff voice mumbling from within his grinning, bearded stone face.

"Very well, then. Did you give him a hug?" "Yes." I always hugged my father when he'd allowed something marginally forbidden. "Well done. It's nice to say thank you."

This fantasy had to be given up, naturally. Well before the time I was fifteen, I'd heard the other, supposedly real version: my father had deserted us. According to my mother he'd had urgent business elsewhere, though at school they said he'd run away, unable to tolerate my mother's craziness, and who could blame him? I was jeered at for his absence; it wasn't usual in that decade for fathers to be missing, not unless they'd been killed in the war. "Where's your father?" was annoying, but "Who's your father?" was insulting. It implied my mother had generated me with someone she didn't even know.

I brooded. Why had my father abandoned me? If he was still alive, why didn't he at least write to me? Hadn't he loved me even a little?

Then, when I was twenty-three, my father suddenly turned up. By that time, I'd finished university and left my mother's house. My departure was not amicable: she was bossy, she was spying on me, she was treating me like a child! In our clashes I inevitably lost my cool, and a shard of dignity along with it.

I was determined not to need help. My father made contact by sending me a letter. He must have got my address from my mother, I realized later, but since I was in one of my phases of not speaking to her I didn't ask her about that.

At first I was surprised to get my father's letter. Then I found that I was angry: Where had he been? What had taken him so long? I answered with a note of three lines that included the house phone number. We spoke, a terse, embarrassed exchange, and arranged to meet. I was on the edge of cutting him off, telling him I had no interest in seeing him—but this would not have been true.

We had lunch at a small bistro on Queen Street that served authentic

Запрещено для коммерческого использования

отличие от строгой мамы с ее постоянными запретами. Поэтому, когда я сидела рядом с гномом, на душе становилось тепло и спокойно. Это меня утешало.

— И что же он сказал? — спрашивала мама, когда я возвращалась.

— Он разрешил, — отвечала я и была почти уверена, что слышала хриплое согласие из его каменного рта.

— Что ж, хорошо. А ты обняла его? — интересовалась мама.

— Да, — кивала я. Я всегда обнимала гнома, когда он разрешал мне то, что было запрещено. — Молодец. И не забудь сказать отцу спасибо, — напоминала мама.

От этой сказки рано или поздно пришлось отказаться. Еще до моего пятнадцатилетия я узнала другую более реальную версию исчезновения моего отца: он нас бросил. Мама говорила, что у него были срочные дела в другом месте, хотя в школе ходили слухи, что он сбежал, не в силах дальше терпеть безумства моей мамы. Да и кто мог его осуждать? Надо мной издевались из-за того, что у меня не было отца. В то время отцы редко пропадали, кроме тех, кто был убит на войне. Вопрос: «Где твой отец?» раздражал, а вопрос: «Кто твой отец?» оскорблял. Мне намекали, что мама родила меня от того, кого даже не знала.

Я размышляла: почему папа бросил нас? Если он был жив, то почему он даже не писал мне? Неужели он совсем не любил меня?

Когда мне было двадцать три года, мой отец внезапно объявился. К тому времени я уже окончила университет и переехала от мамы. Мое переселение не обошлось без споров и упреков: мама продолжала командовать, шпионила за мной, обращалась как с маленькой девочкой. Во время наших перепалок я теряла самоконтроль, а вместе с ним улетучивалось и самоуважение.

Я решила не обращаться к матери за помощью даже в критических ситуациях. И вот я получаю письмо от отца. Как я поняла позже, мама дала ему мой новый адрес, но мы в это время с ней не общались, и я ничего об этом не знала.

Сначала я удивилась, получив известие от отца. Потом удивление уступило место злости: где он пропадал? Почему его так долго не было? Я отправила ему записку с номером своего домашнего телефона. Мы обменялись сухими, короткими фразами и договорились о встрече. В какой-то момент телефонного разговора я была готова заявить отцу, что не желаю его знать и не хочу с ним встречаться, но это было бы ложью.

Мы встретились в небольшом ресторане на Квин-Стрит, в котором готовили настоящую французскую кухню. Но, несмотря на приятное впечатление от выбора места встречи, я готова была обвинять его во всех грехах.

Запрещено для коммерческого использования

French food. My father chose the restaurant, and I was impressed despite myself. I'd been intending to disapprove of him in every way.

"Where have you been all these years?" was my first question. It must have sounded accusing.

My father was a pleasant-looking older man, fairly tall, neither obese nor cadaverous—nothing out of the ordinary, which was a disappointment; when you've spent your infancy believing your father has been magically transformed, there are expectations. He had hair, though less than he must once have had. Some of it was gray; the rest was the same dark brown as my own. He was wearing a good suit and an acceptable tie, ultramarine with a small geometric pattern in maroon. His blue eyes were like mine, and so were his thickish eyebrows. He raised these eyebrows now, which gave him an open, candid look. He smiled tentatively. I recognized that smile, which was like my own. I could see why he might have felt overpowered by my mother.

"Part of the time I was in prison. Impaired driving. I almost killed someone. Not that I could remember doing it. I was black-out drunk. I'm an alcoholic." His voice was oddly neutral, as if he were talking about someone else.

"Oh," I said. How to respond? By this time I knew several people who had problems with liquor, but none of them admitted it.

He must have sensed my nervousness. "That was a long time ago. I don't drink anymore. At all. I went through the steps."

"Oh," I said again. "But where do you live?" I asked. Did he have a home? Was he one of those people you sometimes saw on the street, collecting money in cups? HUNGRY, SPARE CHANGE? No, because here we were in this tactful restaurant—his treat—preparing to eat a glamorous lunch. There was nothing homeless about his tie.

"I live here," he said. "In this city. I'm married; I have two children. Two other children," he added apologetically. He knew I would feel betrayed by this information, and I did.

He'd walked away from me, he hadn't looked back, he'd been living a whole other life. I felt instantly jealous of these half siblings I'd never met.

"But what do you . . . But how do you . . ." I wanted to ask if he had a job, but wouldn't that be rude? What kind of a job could you get with a runover person and a prison term on your record?

He guessed what I wanted to say. "I couldn't go back into my old job," he said. "I used to be in sales and marketing; now I'm in social work. I

Запрещено для коммерческого использования

— Где ты был все эти годы? — было первым, что я спросила. Наверное, мой вопрос звучал как обвинение.

Отец был приятным пожилым мужчиной, довольно высокого роста, не толстый, не худой — в общем, к моему разочарованию, какой-то обыкновенный. Ожидаешь чего-то особенного, когда все детство веришь, что твой отец силой магии превращен в гнома. Его волосы от времени поредели. Часть волос уже окрасила седина, а другая оставалась темно-каштановой, как у меня. На нем был дорогой костюм и галстук ультрамаринового цвета с бордовым геометрическим рисунком. У нас с отцом были одинаковые голубые глаза и густые брови. Он приподнял брови, и взгляд стал открытым и искренним. Отец робко улыбнулся. Я узнала это выражение: я улыбалась точно так же. Теперь я понимала, почему мама имела над ним власть.

— Какое-то время я был в тюрьме за нетрезвое вождение. Я чуть не сбил кого-то. Не помню, что точно произошло. Я был очень пьян. Я алкоголик, — проговорил он спокойно, как будто рассказывал не о себе, а о постороннем человеке.

— Ох, — выдохнула я. Как реагировать на это? Тогда я знала некоторых людей с алкогольной зависимостью, но никто из них не имел смелости признаться в этом вот так открыто.

Он, должно быть, почувствовал мое смятение и добавил:

— Это было давно. Я больше не пью. Совсем. Я смог пройти через это.

Я ахнула и продолжала спрашивать:

— А где ты живешь? — Я забеспокоилась, есть ли у него дом? Или он был из тех людей, которых иногда можно увидеть на улицах сидящими со стаканом и просящими мелочь у прохожих: «Подайте на пропитание»? Нет. Он организовал нам встречу в ресторане, заказал дорогие напитки и блюда. Даже в его галстуке не было намека на бедность.

— Я живу в этом городе. У меня жена и двое детей, — сказал он и потом добавил извиняющимся тоном: — Еще двое детей.

Отец догадался, что я буду видеть в нем предателя после этих слов, и он не ошибся.

Он оставил меня, даже не оглянулся, он жил своей новой жизнью. Я поняла, что завидую сводным братьям и сестрам, которых ни разу не видела.

— Но что ты… Но как ты… — я хотела спросить его о работе, но не прозвучало бы это грубо? Кем может стать человек, сидевший в тюрьме?

Он, видимо, угадал мои мысли.

— Я не мог вернуться на свою прежнюю работу, — сказал он. — Раньше я занимался продажами и маркетингом, а сейчас работаю в со-

Запрещено для коммерческого использования

volunteer at prisons, as well. I counsel people like me—about being an alcoholic and how to pull yourself out of it."

I was relieved: not only would he not become a responsibility for me — someone I'd have to tend—but he was at least partly a virtuous person. I hadn't inherited a totally rotten set of genes.

"Mother told me she'd turned you into a garden gnome," I said. "The one beside our front steps. To explain why you weren't there. That was her story when I was four."

He laughed. "She used to say I'd be better off as a garden gnome," he said. "I'd cause less harm and be more amusing."

"I really believed it. I used to ask you for ice cream and things." "Did I give you some? The ice cream?"

"Yes," I said. "You always did." Foolishly, I began to sniffle. Inside my head I heard my mother's voice: Never let anyone see you cry.

"I'm sorry I wasn't there," he said. He extended his hand across the table as if to pat me, thought better of it, withdrew it. "When you were little. Your mother decided I should leave, and the way I was then, I'm sure it was the right choice. She said I had a weak character. Hopelessly weak."

"She says I have a weak character, too," I said. "She says I have no backbone. She says I don't have the sense God gave a goose."

He smiled. "Two of a kind, then. But I'm sure you have a backbone. You're out on your own, I see." Not with my mother, was what he meant.

"You've got a backbone, too," I said generously. "You were able to . . ." "Stop drinking? I had a lot of help. But thank you."

"Why did you break up?" I asked him.

"Well, as I told you, she basically kicked me out."

"No, but really. Did you want to go?"

He looked down at the table. "It's hard living with someone who's always right. Even when it turned out that she was. It can be . . . alarming."

"I know," I said. I felt a wave of sympathy for him; "alarming" was mild.

Запрещено для коммерческого использования

циальной сфере. Я волонтер в тюрьмах. Консультирую таких, как я, алкоголиков, помогаю выйти из этого состояния.

Я облегченно выдохнула: отец не будет мне обузой, потому что он смог стать добродетельным человеком, по крайней мере, частично. Я не унаследовала совсем гнилой набор генов.

— Мама рассказывала, что превратила тебя в садового гнома, — сказала я, — того, что стоит у лестницы. Мне было тогда четыре года.

Он рассмеялся.

— Она и мне говорила, что лучше бы я был садовым гномом. Тогда я причинил бы меньше вреда, и был бы, по крайней мере, забавным.

— Я действительно верила в эту сказку. Я просила у тебя мороженое и многое другое, — продолжала я.

— А я разрешал тебе мороженое? — поинтересовался отец.

— Да, — сказала я. — Ты всегда мне все разрешал.

Я начала глупо шмыгать носом. В голове отчетливо зазвучал голос матери: «Никто не должен видеть твоих слез».

— Жаль, что тогда меня не было рядом, — сказал он. Отец протянул ко мне руку через стол, словно желая погладить меня по голове, но потом передумал и опустил ее. — Когда ты была совсем крохой, твоя мама решила, что мне лучше уйти. Вспоминая, каким я тогда был, я понимаю, что это было правильно. Она говорила, что я бесхарактерный, непростительно слабовольный человек, — с грустью добавил папа.

— По ее мнению, я тоже слабохарактерная, — сказала я. — Мать считает, что я бесхребетная и мозгов у меня не больше, чем у курицы.

Он улыбнулся и проговорил:

— Тогда яблоко от яблони недалеко упало. Но я уверен, что в тебе есть стержень. Ты сама себе голова.

Он имел в виду, что я все-таки смогла устроить свою жизнь самостоятельно и не зависеть от влияния матери.

— У тебя тоже есть характер, — великодушно согласилась я. — Ты смог…

— Бросить пить? Мне очень в этом помогли. Но, спасибо тебе.

— Почему вы расстались? — спросила я.

— Ну, я тебе уже говорил. Она просто меня прогнала.

— А может быть ты сам захотел уйти от нее?

Он посмотрел на стол.

— Тяжело жить рядом с человеком, который всегда прав. Даже когда время подтверждает эту правоту. Это может вызывать… тревогу.

— Понимаю, — сказала я.

На меня накатилась внезапная волна сочувствия к нему. «Вызывать тревогу» — это было еще мягко сказано.

Запрещено для коммерческого использования

Гилязова Камилла, 14 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Зеленодольск

"POETRY AND THE MICROPHONE" BY GEORGE ORWELL

About a year ago I and a number of others were engaged in broadcasting literary programmes to India, and among other things we broadcast a good deal of verse by contemporary and near-contemporary English writers—for example, Eliot, Herbert Read, Auden, Spender, Dylan Thomas, Henry Treece, Alex Comfort, Robert Bridges, Edmund Blunden, D.H. Lawrence. Whenever it was possible we had poems broadcast by the people who wrote them. Just why these particular programmes (a small and remote out-flanking movement in the radio war) were instituted there is no need to explain here, but I should add that the fact that we were broadcasting to an Indian audience dictated our technique to some extent. The essential point was that our literary broadcasts were aimed at the Indian university students, a small and hostile audience, unapproachable by anything that could be described as British propaganda. It was known in advance that we could not hope for more than a few thousand listeners at the most, and this gave us an excuse to be more "highbrow" than is generally possible on the air.

If you are broadcasting poetry to people who know your language but don't share your cultural background, a certain amount of comment and explanation is unavoidable, and the formula we usually followed was to broadcast what purported to be a monthly literary magazine. The editorial staff were supposedly sitting in their office, discussing what to put into the next number. Somebody suggested one poem, someone else suggested another, there was a short discussion and then came the poem itself, read in a different voice, preferably the author's own. This poem naturally called up another, and so the programme continued, usually with at least half a minute of discussion between any two items. For a half-hour programme, six voices seemed to be the best number. A programme of this sort was necessarily somewhat shapeless, but it could be given a certain appearance of unity by making it revolve round a single central theme. For example, one number of our imaginary magazine was devoted to the subject of war. It included two poems by Edmund Blunden, Auden's "September, 1941", extracts from a long poem by G.S. Fraser ("A Letter to Anne Ridler"), Byron's "Isles of Greece" and an extract from T.E. Lawrence's Revolt in the Desert. These half-dozen items, with the arguments that preceded and followed them, covered reasonably well the possible attitudes towards war. The poems and the prose extract took about twenty minutes to broadcast, the arguments about eight minutes.

Запрещено для коммерческого использования

Гилязова Камилла, 14 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Зеленодольск

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ «ПОЭЗИЯ И МИКРОФОН»

Примерно год назад я и ещё несколько человек занимались радиопередачами литературных программ в Индию. В числе прочего мы передавали в эфир немало стихов современных и почти современных английских поэтов — таких как Элиот, Герберт Рид, Оден, Спендер, Дилан Томас, Генри Трис, Алекс Комфорт, Роберт Бриджес, Эдмунд Бланден, Д. Г. Лоуренс. Когда удавалось, стихи звучали в исполнении самих авторов. Почему вообще были задуманы эти передачи — отдельная тема, но важно понимать: тот факт, что вещание шло на Индию, в значительной мере определил нашу манеру подачи. Основной задачей было достучаться до индийских студентов — аудитории узкой, недоверчивой и абсолютно недосягаемой для чего-либо, хоть отдалённо напоминающего британскую пропаганду. Известно было заранее, что нас услышит лишь несколько тысяч человек, и это позволяло нам быть более «высокопарными», чем обычно возможно в эфире.

Когда читаешь стихи для аудитории, которая хоть и знает язык, но не культурный контекст, без комментариев не обойтись. Мы выбрали формат, имитирующий литературный ежемесячник: редакция в воображаемом офисе обсуждает, что включить в следующий выпуск. Один предлагает одно стихотворение, другой — другое, затем следует короткое обсуждение, и, наконец, звучит сам текст — желательно в исполнении автора. Одно стихотворение порождает следующее, и так продолжается программа, с полуминутными репликами между фрагментами. Лучше всего подходило шесть голосов на полчаса эфира. Несмотря на некоторую расплывчатость, передаче можно было придать цельность, объединив её общей темой. Например, один выпуск был посвящён войне. Там были два стихотворения Бландена, «Сентябрь 1941» Одена, отрывок из длинной поэмы Дж. С. Фрейзера («Письмо к Анне Ридл), «Острова Греции» Байрона и фрагмент из книги Т. Э. Лоуренса Восстание в пустыне. Эти шесть произведений и обсуждения между ними довольно полно охватывали разные взгляды на войну. Сами тексты занимали двадцать минут, разговоры — восемь.

Запрещено для коммерческого использования

This formula may seem slightly ridiculous and also rather patronising, but its advantage is that the element of mere instruction, the textbook motif, which is quite unavoidable if one is going to broadcast serious and sometimes "difficult" verse, becomes a lot less forbidding when it appears as an informal discussion. The various speakers can ostensibly say to one another what they are in reality saying to the audience. Also, by such an approach you at least give a poem a context, which is just what poetry lacks from the average man's point of view. But of course there are other methods. One which we frequently used was to set a poem in music. It is announced that in a few minutes' time such and such a poem will be broadcast; then the music plays for perhaps a minute, then fades out into the poem, which follows without any title or announcement, then the music is faded again and plays up for another minute or two—the whole thing taking perhaps five minutes. It is necessary to choose appropriate music, but needless to say, the real purpose of the music is to insulate the poem from the rest of the programme. By this method you can have, say, a Shakespeare sonnet within three minutes of a news bulletin without, at any rate to my ear, any gross incongruity.

These programmes that I have been speaking of were of no great value in themselves, but I have mentioned them because of the ideas they aroused in myself and some others about the possibilities of the radio as a means of popularising poetry. I was early struck by the fact that the broadcasting of a poem by the person who wrote it does not merely produce an effect upon the audience, if any, but also on the poet himself. One must remember that extremely little in the way of broadcasting poetry has been done in England, and that many people who write verse have never even considered the idea of reading it aloud. By being set down at a microphone, especially if this happens at all regularly, the poet is brought into a new relationship with his work, not otherwise attainable in our time and country. It is a commonplace that in modern times—the last two hundred years, say—poetry has come to have less and less connection either with music or with the spoken word. It needs print in order to exist at all, and it is no more expected that a poet, as such, will know how to sing or even to declaim than it is expected that an architect will know how to plaster a ceiling. Lyrical and rhetorical poetry have almost ceased to be written, and a hostility towards poetry on the part of the common man has come to be taken for granted in any country where everyone can read. And where such a breach exists it is always inclined to widen, because the concept of poetry as primarily something printed, and something intelligible only to a minority, encourages obscurity and "cleverness". How many people do not feel quasi-instinctively that there must be something wrong with any poem

Запрещено для коммерческого использования

Может показаться, что всё это слегка нелепо и даже покровительственно, но у такого подхода есть одно преимущество: неизбежный элемент наставничества — «учебниковость» — воспринимается не как занудство, а как живая беседа. Спикеры как бы говорят друг другу то, что на самом деле адресовано слушателю. Такой формат даёт стихам контекст — а именно его, как правило, и не хватает обывателю. Иногда мы использовали и другой способ: сопровождали чтение стихов музыкой. Объявляли, что через пару минут прозвучит то или иное стихотворение, включали музыку на минуту, затем она незаметно переходила в текст, и после — снова музыка. Всё это длилось около пяти минут. Музыку, конечно, нужно было подбирать, но её главная задача — изолировать стих от остального эфира. С помощью этой техники можно без резкого контраста поставить, скажем, сонет Шекспира сразу после новостей.

Эти программы не представляли большой ценности сами по себе, но я упоминаю их потому, что они натолкнули меня и моих коллег на размышления о том, какие возможности даёт радио для популяризации поэзии. Меня поразило, что чтение стихов автором воздействует не только на слушателя (если он вообще есть), но и на самого поэта. Ведь в Англии практически нет традиции чтения поэзии вслух, и многие поэты никогда не задумывались о том, как звучат их строки. Но когда тебя усаживают к микрофону — особенно если это происходит регулярно — между тобой и твоим творением возникает новая связь, недоступная иным способом в нашей стране и эпохе. Известно, что за последние двести лет поэзия всё больше отрывалась от музыки и устной речи. Ей необходима печать, чтобы существовать. Никто не ожидает, что поэт должен уметь петь или хотя бы декламировать, так же как никто не ждёт от архитектора, что он самолично штукатурит потолок. Лирика и риторика практически исчезли, и считается само собой разумеющимся, что обыватель поэзию не переносит. А там, где возникает такой разрыв, он имеет тенденцию только расширяться. Поэзия, превращённая в нечто печатное, для избранных, поощряет туманность и вычурность. Многие почти инстинктивно чувствуют, что в стихах, смысл которых ясен с первого взгляда, что-то не так. Противостоять этим тенденциям можно лишь одним способом — если чтение стихов вслух снова станет нормой. А добиться этого, похоже, возможно только через радио. Уникальное преимущество радио — это возможность выбрать нужную аудиторию, устранить страх сцены и смущение.

Запрещено для коммерческого использования

whose meaning can be taken in at a single glance? It seems unlikely that these tendencies will be checked unless it again becomes normal to read verse aloud, and it is difficult to see how this can be brought about except by using the radio as a medium. But the special advantage of the radio, its power to select the right audience, and to do away with stage-fright and embarrassment, ought here to be noticed.

In broadcasting your audience is conjectural, but it is an audience of one. Millions may be listening, but each is listening alone, or as a member of a small group, and each has (or ought to have) the feeling that you are speaking to him individually. More than this, it is reasonable to assume that your audience is sympathetic, or at least interested, for anyone who is bored can promptly switch you off by turning a knob. But though presumably sympathetic, the audience has no power over you. It is just here that a broadcast differs from a speech or a lecture. On the platform, as anyone used to public speaking knows, it is almost impossible not to take your tone from the audience. It is always obvious within a few minutes what they will respond to and what they will not, and in practice you are almost compelled to speak for the benefit of what you estimate as the stupidest person present, and also to ingratiate yourself by means of the ballyhoo known as "personality". If you don't do so, the result is always an atmosphere of frigid embarrassment. That grisly thing, a "poetry reading", is what it is because there will always be some among the audience who are bored or all but frankly hostile and who can't remove themselves by the simple act of turning a knob. And it is at bottom the same difficulty—the fact that a theatre audience is not a selected one—that makes it impossible to get a decent performance of Shakespeare in England. On the air these conditions do not exist. The poet feels that he is addressing people to whom poetry means something, and it is a fact that poets who are used to broadcasting can read into the microphone with a virtuosity they would not equal if they had a visible audience in front of them. The element of make-believe that enters here does not greatly matter. The point is that in the only way now possible the poet has been brought into a situation in which reading verse aloud seems a natural unembarrassing thing, a normal exchange between man and man: also he has been led to think of his work as sound rather than as a pattern on paper. By that much the reconciliation between poetry and the common man is nearer. It already exists at the poet's end of the ether-waves, whatever may be happening at the other end.

However, what is happening at the other end cannot be disregarded. It will be seen that I have been speaking as though the whole subject of poetry were embarrassing, almost indecent, as though popularising poetry were essentially a strategic manœuvre, like getting a dose of medicine down

Запрещено для коммерческого использования

Вещание предполагает, что ты говоришь с одним человеком. Пусть слушателей миллионы — каждый слышит тебя один или в узком кругу. У каждого есть ощущение, что ты обращаешься именно к нему. Более того, можно считать, что слушатель настроен благожелательно — ведь он в любой момент может просто выключить тебя. И хотя он, возможно, сочувствует тебе, он не имеет над тобой власти. Это и отличает радио от живой лекции. Любой оратор знает, что он невольно подстраивается под зал: вынужден ориентироваться на самого недалёкого слушателя и развлекать публику личным обаянием. Иначе — гнетущая неловкость. Отсюда и ужас, называемый «поэтическим вечером» — всегда найдутся скучающие или враждебные зрители, которых нельзя выключить простым поворотом ручки. По сути, та же проблема мешает поставить хорошего Шекспира на английской сцене: публика — не избранная. А вот в эфире всего этого нет. Поэт чувствует, что говорит тем, кому поэзия небезразлична, и с микрофоном он часто чувствует себя увереннее, чем перед живыми людьми. Иллюзия — но это неважно. Важно, что он воспринимает чтение стихов как нечто естественное, человеческое, и начинает думать о своих текстах не как о графике на бумаге, а как о звуке. Это сближает поэта и народ. Со стороны поэта — контакт уже есть, а что по ту сторону эфира — другой вопрос.

И этот вопрос нельзя игнорировать. Получается, что сама тема поэзии — почти табу, а её популяризация — сродни трюку: как скормить лекарство ребёнку или добиться терпимости к секте. Увы, это недалеко от истины. В нашей цивилизации поэзия — самое дискредитированное из искусств, единственное, в котором обыватель отказывается видеть хоть какую-то ценность. Арнольд Беннетт почти не преувеличивал, когда говорил, что в англоязычных странах слово «поэзия» может разогнать толпу быстрее, чем пожарный шланг. И, как я уже отмечал, такая трещина склонна только расти: народ всё менее терпим к поэтам, поэты — всё более высокомерны и непонятны. Разрыв между поэзией и массовой культурой воспринимается как закон природы, хотя на деле это явление нашего времени и ограниченной географии. Мы живём в эпоху, когда эстетический уровень среднестатистического человека — ниже, чем у самого примитивного дикаря. Считается, что изменить это невозможно сознательным усилием и что всё само наладится, когда общество станет лучше. Этого мнения придерживаются марксисты, анархисты и верующие. И в общем они правы. Духовные и экономические

Запрещено для коммерческого использования

a child's throat or establishing tolerance for a persecuted sect. But unfortunately that or something like it is the case. There can be no doubt that in our civilisation poetry is by far the most discredited of the arts, the only art, indeed, in which the average man refuses to discern any value. Arnold Bennett was hardly exaggerating when he said that in the English-speaking countries the word "poetry" would disperse a crowd quicker than a fire-hose. And as I have pointed out, a breach of this kind tends to widen simply because of its existence, the common man becoming more and more anti-poetry, the poet more and more arrogant and unintelligible, until the divorce between poetry and popular culture is accepted as a sort of law of nature, although in fact it belongs only to our own time and to a comparatively small area of the earth. We live in an age in which the average human being in the highly civilised countries is æsthetically inferior to the lowest savage. This state of affairs is generally looked upon as being incurable by any conscious act, and on the other hand is expected to right itself of its own accord as soon as society takes a comelier shape. With slight variations the Marxist, the Anarchist and the religious believer will all tell you this, and in broad terms it is undoubtedly true. The ugliness amid which we live has spiritual and economic causes and is not to be explained by the mere going-astray of tradition at some point or other. But it does not follow that no improvement is possible within our present framework, nor that an æsthetic improvement is not a necessary part of the general redemption of society. It is worth stopping to wonder, therefore, whether it would not be possible even now to rescue poetry from its special position as the most hated of the arts and win for it at least the same degree of toleration as exists for music. But one has to start by asking, in what way and to what extent is poetry unpopular?

On the face of it, the unpopularity of poetry is as complete as it could be. But on second thoughts, this has to be qualified in a rather peculiar way. To begin with, there is still an appreciable amount of folk poetry (nursery rhymes etc) which is universally known and quoted and forms part of the background of everyone's mind. There is also a handful of ancient songs and ballads which have never gone out of favour. In addition there is the popularity, or at least the toleration, of "good bad" poetry, generally of a patriotic or sentimental kind. This might seem beside the point if it were not that "good bad" poetry has all the characteristics which, ostensibly, make the average man dislike true poetry. It is in verse, it rhymes, it deals in lofty sentiments and unusual language—all this to a very marked degree, for it is almost axiomatic that bad poetry is more "poetical" than good poetry. Yet if not actively liked it is at least tolerated. For example, just before writing this I have been listening to a couple of B.B.C. come-

Запрещено для коммерческого использования

причины уродства, среди которого мы живём, глубже, чем просто потеря традиции. Но это не значит, что нельзя сделать шаги к улучшению в существующих условиях. Эстетическое обновление — неотъемлемая часть общего выздоровления общества.

Так стоит ли попытаться уже сейчас вытащить поэзию из её презренного положения и хотя бы уравнять её в правах с музыкой? Для начала надо понять, в чём конкретно заключается её непопулярность.

На первый взгляд, поэзия максимально непопулярна. Но если вдуматься — есть нюансы. Стихи для детей, народные баллады, патриотические или сентиментальные вирши — всё это ещё живо. Причём именно такая «плохая, но хорошая» поэзия несёт все черты, за которые якобы не любят настоящую: рифмы, пафос, высокопаный язык. И всё же её терпят. Только что я слышал, как комик на B.B.C. перед девятичасовыми новостями вдруг сказал: «А теперь я хочу немного серьёзности» — и продекламировал патриотическую чепуху «Достойный старый джентльмен», восхваляя Его Величество Короля. И какова была реакция на этот внезапный спад в худший вид поэзии? Вряд ли негативная, иначе B.B.C. были бы завалены гневными письмами. Значит, к стихосложению как форме у публики претензий нет. Ненавидят не рифму, а ощущение заумности, искусственности, «воскресенья среди недели». Название жанра работает против него — как слово «Бог» или белый воротничок священника. Популяризировать поэзию — это в первую очередь снять заученный рефлекс. Заставить слушать, а не фыркать автоматически. Если удастся подать настоящие стихи так, чтобы они казались столь же нормальными, как эта вот патриотическая рифмоплётка, — часть предубеждения можно преодолеть.

Сложно поверить, что поэзия вновь станет популярной без целенаправленных усилий, без стратегии, а то и хитрости. Т. С. Элиот как-то предложил вернуть драматическую поэзию в народное сознание через эстраду или пантомиму. Его «Агонисты Суини» в каком-то смысле можно представить в ревю. Я же предлагаю радио — более перспективное средство, особенно с точки зрения самого поэта. Людям просто сложно представить радио, кроме как источник пошлятины. Люди слушают, что сейчас действительно транслируется через мировые громкоговорители, и предполагают, что для этого они и созданы. И действительно, само слово «беспроводной» заставляет вспомнить либо о кричащих диктаторах, либо о приятном гортанном голосе, объявляющем, что три из наших самолётов не вернулись. Поэзия в эфире звучит как Муза в по-

Запрещено для коммерческого использования

dians doing their usual turn before the 9 o'clock news. In the last three minutes one of the two comedians suddenly announces that he "wants to be serious for a moment" and proceeds to recite a piece of patriotic balderdash entitled "A Fine Old English Gentleman", in praise of His Majesty the King. Now, what is the reaction of the audience to this sudden lapse into the worst sort of rhyming heroics? It cannot be very violently negative, or there would be a sufficient volume of indignant letters to stop the B.B.C. doing this kind of thing. One must conclude that though the big public is hostile to poetry, it is not strongly hostile to verse. After all, if rhyme and metre were disliked for their own sakes, neither songs nor dirty limericks could be popular. Poetry is disliked because it is associated with untelligibility, intellectual pretentiousness and a general feeling of Sunday-on-a-weekday. Its name creates in advance the same sort of bad impression as the word "God", or a parson's dog-collar. To a certain extent, popularising poetry is a question of breaking down an acquired inhibition. It is a question of getting people to listen instead of uttering a mechanical raspberry. If true poetry could be introduced to the big public in such a way as to make it seem normal, as that piece of rubbish I have just listened to presumably seemed normal, then part of the prejudice against it might be overcome.

It is difficult to believe that poetry can ever be popularised again without some deliberate effort at the education of public taste, involving strategy and perhaps even subterfuge. T.S. Eliot once suggested that poetry, particularly dramatic poetry, might be brought back into the consciousness of ordinary people through the medium of the music hall; he might have added the pantomime, whose vast possibilities do not seem ever to have been completely explored. "Sweeney Agonistes" was perhaps written with some such idea in mind, and it would in fact be conceivable as a music-hall turn, or at least as a scene in a revue. I have suggested the radio as a more hopeful medium, and I have pointed out its technical advantages, particularly from the point of view of the poet. The reason why such a suggestion sounds hopeless at first hearing is that few people are able to imagine the radio being used for the dissemination of anything except tripe. People listen to the stuff that does actually dribble from the loud-speakers of the world, and conclude that it is for that and nothing else that the wireless exists. Indeed the very word "wireless" calls up a picture either of roaring dictators or of genteel throaty voices announcing that three of our aircraft have failed to return. Poetry on the air sounds like the Muses in striped trousers. Nevertheless one ought not to confuse the capabilities of an instrument with the use it is actually put to. Broadcasting is what it is, not because there is something inherently vulgar, silly and dishonest about the whole apparatus of microphone and transmitter, but because all

Запрещено для коммерческого использования

лосатых брюках. Но не стоит путать возможности инструмента с тем, как он используется. То, что сейчас представляет собою вещание — не вина того, что, якобы, в самом факте записи и трансляции есть что-то вульгарное, глупое и лживое. Это, по сути, вина того, что радиовещание под контролем государств или монополий, которым вовсе не нужно, чтобы народ поумнел. То же случилось с кино. Всё дороже, всё централизованнее. Всё больше каналов искусства — под контролем чиновников, задача которых — если уничтожить, то хотя бы «обрезать» его.

Но, ирония судьбы: гигантские бюрократические машины начинают барахлить из-за собственной громоздкости. Государство всё более нуждается в интеллигенции — для пропаганды. Писатели, артисты, композиторы, социологи, художники — всё это теперь необходимо, и им приходится оставлять хоть какую-то свободу. Британское правительство начинало войну, намереваясь не подпускать литераторов, но к концу третьего года почти всех — даже сомнительных с политической точки зрения — втянули в министерства и B.B.C. Хотели «надёжных» вроде А. П. Герберта — но тех не хватило, и пришлось взять настоящих. И их присутствие изменило тон официальной пропаганды. В огромной машине всегда остаются незаполненные углы — и это, хоть и слабое, но утешение. В странах с либеральными традициями чиновничья тирания, возможно, никогда не станет полной. Пока правительству нужны режиссёры и поэты, оно будет вынуждено терпеть немного свободы. Так появляются фильмы, передачи и плакаты, в которых слышен настоящий голос художника — несмотря на систему. Это была бы мрачная перспектива, если бы распространению тоталитаризма, которое продолжается и будет продолжаться повсеместно, не было смягчено другим процессом, который было нелегко предвидеть даже пять лет назад.

Дело в том, что огромные бюрократические машины, частью которых мы все являемся, начинают скрипеть просто от собственного размера и неуклонного роста. Современное государство стремится подавить интеллектуальную свободу, и в то же время — особенно в условиях войны — оно всё больше нуждается в интеллигенции, чтобы та занималась его пропагандой. Современному государству требуются, к примеру, авторы брошюр, художники плакатов, иллюстраторы, дикторы, лекторы, кинопродюсеры, актёры, композиторы песен — даже живописцы и скульпторы, не говоря уже о психологах, социологах, биохимиках, математиках и прочих.

Запрещено для коммерческого использования

the broadcasting that now happens all over the world is under the control of governments or great monopoly companies which are actively interested in maintaining the status quo and therefore in preventing the common man from becoming too intelligent. Something of the same kind has happened to the cinema, which, like the radio, made its appearance during the monopoly stage of capitalism and is fantastically expensive to operate. In all the arts the tendency is similar. More and more the channels of production are under the control of bureaucrats, whose aim is to destroy the artist or at least to castrate him. This would be a bleak outlook if it were not that the totalitarianisation which is now going on, and must undoubtedly continue to go on, in every country of the world, is mitigated by another process which it was not easy to foresee even as short a time as five years ago.

This is, that the huge bureaucratic machines of which we are all part are beginning to work creakily because of their mere size and their constant growth. The tendency of the modern state is to wipe out the freedom of the intellect, and yet at the same time every state, especially under the pressure of war, finds itself more and more in need of an intelligentsia to do its publicity for it. The modern state needs, for example, pamphlet-writers, poster artists, illustrators, broadcasters, lecturers, film producers, actors, song composers, even painters and sculptors, not to mention psychologists, sociologists, bio-chemists, mathematicians and what not. The British Government started the present war with the more or less openly declared intention of keeping the literary intelligentsia out of it; yet after three years of war almost every writer, however undesirable his political history or opinions, has been sucked into the various Ministries or the B.B.C. and even those who enter the armed forces tend to find themselves after a while in Public Relations or some other essentially literary job. The Government has absorbed these people, unwillingly enough, because it found itself unable to get on without them. The ideal, from the official point of view, would have been to put all publicity into the hands of “safe” people like A.P. Herbert or Ian Hay: but since not enough of these were available, the existing intelligentsia had to be utilised, and the tone and even to some extent the content of official propaganda have been modified accordingly. No one acquainted with the Government pamphlets, A.B.C.A. (The Army Bureau of Current Affairs) lectures, documentary films and broadcasts to occupied countries which have been issued during the past two years imagines that our rulers would sponsor this kind of thing if they could help it. Only, the bigger the machine of government becomes, the more loose ends and forgotten corners there are in it. This is perhaps a small consolation, but it is not a despicable one. It means that in countries where there is already a strong liberal tradition, bureaucratic tyranny can perhaps never be com-

Запрещено для коммерческого использования

Британское правительство вступило в эту войну с более или менее открытым намерением держать литературную интеллигенцию подальше. Однако спустя три года почти каждый писатель — пусть даже с сомнительной политической биографией — так или иначе оказался втянут в работу министерств или Би-Би-Си. Даже те, кто ушёл в армию, со временем оказывались в отделах по связям с общественностью или в иных, по сути, литературных должностях. Правительство втянуло этих людей, хоть и неохотно, просто потому, что без них не справлялось.

В идеале — с точки зрения власти — всё дело следовало бы поручить «благонадёжным» вроде А. П. Герберта или Йена Хэя. Но таковых оказалось недостаточно, и пришлось использовать тех, кто был. В результате изменился не только тон, но отчасти и содержание официальной пропаганды. Никто, знакомый с государственными брошюрами, лекциями Армейского бюро текущих событий, документальными фильмами и трансляциями в оккупированные страны, выпущенными за последние два года, не поверит, что власти делали бы всё это по доброй воле, если бы у них был выбор.

Но чем больше становится правительственная машина, тем больше в ней торчат недоделанные и пущенные на самотёк дела. Утешение слабое — но не пустяковое. Это значит, что в странах с сильной либеральным мировоззрением народа бюрократическая тирания, возможно, никогда не сможет быть полной. Бюрократы будут править, но раз уж им приходится сохранять интеллигенцию, та будет обладать хоть какой-то автономией.

Если, например, правительству нужны документальные фильмы, оно должно нанять людей, интересующихся именно кинотехникой, и предоставить им хотя бы минимальную свободу. А значит, фильмы, которые с бюрократической точки зрения совершенно неподходящие, будут продолжать появляться. То же самое касается живописи, фотографии, написания сценариев, репортажей, чтения лекций и всех прочих искусств и полуудел, в которых нуждается сложное современное государство.

Применительно к радио всё это очевидно. Сейчас громкоговоритель — враг творческого писателя, но так будет не всегда, особенно если объёмы и возможности радиовещания продолжат расти. Пока что, несмотря на вялую попытку Би-би-си проявить интерес к современной литературе, выпросить в эфире пять минут на чтение стихотворения труд-

Запрещено для коммерческого использования

plete. The striped-trousered ones will rule, but so long as they are forced to maintain an intelligentsia, the intelligentsia will have a certain amount of autonomy. If the Government needs, for example, documentary films, it must employ people specially interested in the technique of the film, and it must allow them the necessary minimum of freedom; consequently, films that are all wrong from the bureaucratic point of view will always have a tendency to appear. So also with painting, photography, scriptwriting, reportage, lecturing and all the other arts and half-arts of which a complex modern state has need.

The application of this to the radio is obvious. At present the loudspeaker is the enemy of the creative writer, but this may not necessarily remain true when the volume and scope of broadcasting increase. As things are, although the B.B.C. does keep up a feeble show of interest in contemporary literature, it is harder to capture five minutes on the air in which to broadcast a poem than twelve hours in which to disseminate lying propaganda, tinned music, stale jokes, faked “discussions” or what-have-you. But that state of affairs may alter in the way I have indicated, and when that time comes serious experiment in the broadcasting of verse, with complete disregard for the various hostile influences which prevent any such thing at present, would become possible. I don’t claim it as certain that such an experiment would have very great results. The radio was bureaucratised so early in its career that the relationship between broadcasting and literature has never been thought out. It is not certain that the microphone is the instrument by which poetry could be brought back to the common people and it is not even certain that poetry would gain by being more of a spoken and less of a written thing. But I do urge that these possibilities exist, and that those who care for literature might turn their minds more often to this much-despised medium, whose powers for good have perhaps been obscured by the voices of Professor Joad and Doctor Goebbels.

Запрещено для коммерческого использования

нее, чем получить двенадцать часов на трансляцию лживой пропаганды, консервированной музыки, устаревших шуток, фальшивых «дискуссий» и прочей шелухи.

Но, как я уже сказал, это положение вещей может измениться. И когда это произойдёт, появится возможность для серьёзных экспериментов с поэтическим вещанием — без оглядки на все те враждебные факторы, которые сегодня делают такое почти невозможным.

Я не утверждаю, что подобный эксперимент непременно приведёт к чему-то великому. Радио оказалось под властью бюрократии столь рано, что никто и не попытался как следует осмыслить его связь с литературой. Не факт, что микрофон — это тот самый инструмент, который вернёт поэзию народу. И даже не факт, что сама поэзия выиграет от того, что станет более устной, менее книжной.

Но я настаиваю: такие возможности существуют. И, возможно, тем, кому небезразлична литература, стоило бы почаще обращать внимание на этот столь презираемый медиум — чьи реальные достоинства, возможно, были заглушены голосами профессора Джоада и доктора Геббельса.

Запрещено для коммерческого использования

Воронина Влада, 15 лет
Российская Федерация, г. Выборг

“PAY ATTENTION, CARTER JONES” BY GARY SCHMIDT

• 1 •

THE PLAYERS

Cricket teams, both batting and fielding, may have up to eleven players each. The captain of the batting team determines the order of the batsmen; the captain of the fielding team sets players in positions determined by the style and pace of the bowler.

IF IT HADN’T been the first day of school, and if my mother hadn’t been

crying her eyes out the night before, and if the fuel pump on the Jeep had been doing what a fuel pump on a Jeep is supposed to be doing, and if it hadn’t been raining like an Australian tropical thunderstorm—and I’ve been in one, so I know what it’s like—and if the very last quart of one percent milk hadn’t gone sour and clumped up, then probably my mother would never have let the Butler into our house.

But that’s what the day had been like so far, and it was only 7:15 in the morning.

7:15 in the morning on the first day of school, when the Butler rang our doorbell.

I answered it.

I looked at the guy standing on our front stoop. “Are you kidding?” I said.

That’s what you would have said too. He was tall and big around the belly and wearing the kind of suit you’d wear to a funeral—I’ve been to one of those too, so I know what a funeral suit looks like—and he had a bowler on his head. A bowler! Which nobody has worn since, like, horses and carriages went out of business. And everything—the big belly, the funeral suit, the bowler—everything was completely dry even though it was an Australian tropical thunderstorm outside because he stood underneath an umbrella as big as a satellite disk.

The guy looked down at me. “I assure you, young man, I am never kidding.”

I closed the door.

I went to the kitchen. Mom was tying back Emily’s hair, which explains why the dry Ace Robotroid Sugar Stars Emily was eating were dribbling out both sides of her mouth. Charlie was still looking for her other yellow sock because she couldn’t start fourth grade without it—she couldn’t she

Запрещено для коммерческого использования

Воронина Влада, 15 лет
Российская Федерация, г. Выборг

ГЭРИ ШМИДТ «БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ, КАРТЕР ДЖОНС»

Глава 1

Игроки

В крикет играют две команды численностью до одиннадцати игроков. Одна из команд нападает, а вторая отбивает. Капитан отбивающей команды определяет очередность бэтсменов — игроков, отбивающих мяч. Капитан нападающей команды расставляет своих игроков, подающих мяч, на поле, исходя из их стиля и темпа игры.

Если бы это не был первый день учебного года, и если бы мама не проплакала весь прошлый вечер, и если бы топливный насос джипа работал исправно, и если бы у нас не лил дождь, как в австралийских тропиках, — а я бывал под таким и знаю, каково это, — и если бы остатки однопроцентного молока не скисли и не свернулись, то наша мама, никогда бы не впустила Дворецкого.

Но пока дела обстояли именно так, а ведь было всего лишь 7:15 утра.

В 7:15 утра в первый день учебного года Дворецкий позвонил в нашу дверь.

Я открыл.

Я посмотрел на стоящего на крыльце человека.

— Вы прикалываетесь? — спросил я.

Вы бы тоже так спросили. Он был высокий, с выступающим животом, и на нем был костюм, какие надевают на похороны, а на похоронах я тоже однажды был и знаю, как такой костюм выглядит, и в шляпе-котелке. Котелок! Их не носят с тех пор, как с улиц исчезли повозки, запряженные лошадьми. Причем ни выступающий живот, ни похоронный костюм, ни котелок не промокли вообще, не смотря на австралийский тропический ливень, потому что он стоял под зонтом, размером со спутниковую тарелку. Человек посмотрел на меня сверху вниз.

— Смею уверить вас, молодой человек, я никогда не прикалываюсь.

Я закрыл дверь и пошел на кухню.

Мама туго зачесывала на затылок волосы Эмили, из-за чего хлопья «Сахарные звездочки Аса Роботроида», которыми она завтракала сухомятку, вываливались у нее изо рта с обеих сторон. Шарли все еще искала второй желтый носок, потому что она никак не могла начать учебу в четвертом классе в других носках: «Не могу! Не могу! Не могу!» — а Энни говорила ей, что та ведет себя как маленькая, а Шарли отвечала: «И вовсе не как маленькая! То, что ты в пятый класс перешла, не зна-

Запрещено для коммерческого использования

couldn't she couldn't—and Annie was telling her what a baby she was, and Charlie was saying she was not she was not she was not, and just because Annie was going into fifth grade that didn't make Annie the boss of her. Then Charlie looked at me and said, "Does it?" and I said, "You think I care?"

"Carter," my mom said, "your oatmeal is on the stove and you'll have to mix in your own raisins and there's some walnuts too but no more brown sugar. And, Carter, before you do that, I need you to run down to the deli and —"

"There's a guy out on our front stoop," I said.

"What?"

"There's a guy out on our front stoop."

My mother stopped tying back Emily's hair.

"Is he from the army?" she said.

I shrugged.

"Is he or isn't he?"

"He's not wearing a uniform."

"Are you sure?"

"Pretty sure."

My mother started tying back Emily's hair again. "Tell him it's the first day of school and he should go find someone else to buy whatever he's selling at seven fifteen in the morning."

"Annie can do it."

My mother gave me That Look, so I went back to the front door and opened it. "My mom says it's the first day of school and you should go find someone else to buy whatever you're selling at seven fifteen in the morning."

He shook his umbrella.

"Young Master Jones," he said, "please inform your mother that I would very much like to speak with her."

I closed the door.

I went back to the kitchen.

"Did you tell him to go away?" said my mother. I think this is what she said. She had a bunch of bobby pins in her mouth and she was sticking them around Emily's head and Emily was hollering and spitting out Ace Robotroid Sugar Stars at every poke, so it was hard to understand what my mother was saying.

"He wants to talk to you," I said.

"He's not going to—"

A sudden wail from Charlie, who held up her other yellow sock, which Ned had thrown up on. Ned is our dachshund and dachshunds throw up a lot.

Запрещено для коммерческого использования

чит, что ты теперь можешь мной командовать!» Тут Шарли посмотрела на меня и спросила: «Ведь так, Картер?» Я сказал: «Меня не касается».

— Картер, — сказала мама, — твоя овсянка на плите, добавь сам в нее изюм, грецкие орехи тоже есть, а тростниковый сахар закончился. Но сначала, Картер, сбегай в магазин и…

— У нас на крыльце какой-то мужик, — сказал я.

— Что?

— У нас человек на крыльце.

Мама прекратила причесывать Эмили.

— Он военный? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Так да или нет?

— Он не в военной форме.

— Ты уверен?

— Очень даже.

Мама снова принялась зачесывать назад волосы Эмили.

— Скажи ему, что сегодня первый день учебного года, и ему следует уйти и поискать других покупателей, чем бы он там ни торговал в семь пятнадцать утра.

— Это может сделать Энни.

Мама посмотрела на меня тем-самым-взглядом, не оставлявшим возражений, я пошел и еще раз открыл дверь.

— Мама говорит, что сегодня первый день учебного года, и вам лучше уйти и поискать других покупателей, что бы вы ни продавали в семь пятнадцать утра!

Он отряхнул зонт и сказал:

— Молодой господин Джонс, сообщите, пожалуйста, вашей матушке, что мне бы очень хотелось с ней поговорить.

Я закрыл дверь и вернулся на кухню.

— Ты сказал ему, чтоб он ушел? — спросила мама. По крайней мере, я думаю, она именно это сказала. Она держала ртом шпильки, и втыкала их в прическу Эмили, а Эмили взвизгивала после каждого тычка и плевалась «Сахарными звездочки Аса Роботроида», поэтому мне было тяжело понять, что говорила мама.

— Он хочет с тобой поговорить, — сказал я.

— Я не буду с ним …

Шарли вдруг завопила, держа на весу второй желтый носок, потому что Неда стошнило прямо на него. Нед — наша такса, а такс часто тошнит.

— Картер, сбегай купи молока, — сказала мама. — Шарли, перестань плакать. Энни, прекрати передразнивать Шарли, от этого лучше не становится. Эмили, не крути головой, иначе я пришпилю тебе челку к бровям.

Запрещено для коммерческого использования

"Carter, go get some milk," said my mother. "Charlie, stop crying. Annie, it doesn't help to make faces at Charlie. Emily, if you move your head again I'm going to bobby-pin your bangs to your eyebrows."

I went back to the front and opened the door.

The guy was still standing on the stoop, but the Australian tropical thunderstorm was starting to get in under the umbrella.

"Listen," I said, "my mom's going crazy in there. I have to go to the deli and get milk so we can eat breakfast. And Charlie's crying because Ned threw up on her other yellow sock, and Annie's being a pain in the glutes, and Emily's bangs are about to get pinned to her eyebrows, and I haven't even packed my backpack yet—and that takes a while, you know—and we have to leave soon since we have to walk to school because the fuel pump on the Jeep isn't working, and we only have one umbrella. So just go away."

The guy leaned down.

"Young Master Jones," he said, "if you were able to sprint between wickets with the speed of your run-on sentences, you would be welcome in any test match in the world. For now, though, go back inside. In your room, gather what is needed for your backpack. When you have completed that task, find your mother and do whatever is necessary to insure that she is no longer"—he paused—"going crazy." He angled the umbrella a little to keep off the Australian tropical thunderstorm. "While you are doing whatever is necessary, I will purchase the milk."

I looked at the guy. He was wet up to his knees now.

"Do you always talk like that?" I said.

"If you are inquiring whether I always speak the Queen's English, the answer is, of course, yes."

"I mean the way you say everything like you want it to smell good."

The guy shook the rain off his umbrella. I sort of think he meant to shake it all over me.

"Young Master Jones—"

"And that: 'Young Master Jones.' No one talks like that."

"Obviously, some do."

"And that: 'Ob—vi—ous—ly.' It takes you a whole minute to say it. 'Ob— vi—ous—ly.'"

The guy leaned down. "I am going to purchase the milk now," he said. "You shall pack your backpack. Do it properly, then attend to your mother."

He turned to go.

"Are you trying to convert me or something?" I said.

"Yes," he said, without turning back. "Now, to your appointed tasks."

Запрещено для коммерческого использования

Я снова пошел в прихожую и опять открыл дверь.

Человек все еще стоял на крыльце, но австралийский тропический ливень начал проникать и под его зонт.

— Послушайте, — сказал я, — моя мама скоро сойдет с ума. А мне надо сходить в магазин за молоком, чтобы мы могли позавтракать. А Шарли плачет, потому что Неда стошнило на ее желтый носок, а Энни вообще достала, а еще мама скоро пришпилит челку к бровям Эмили, а я еще рюкзак не собрал в школу — а это, знаете ли, быстро не сделаешь, а нам скоро выходить, потому что мы пойдем пешком из-за того , что у джипа не работает топливный насос, а зонтик у нас только один. Так что вам лучше уйти…

Человек наклонился ко мне.

— Молодой господин Джонс, — сказал он, — если бы вы умели бегать между калитками так же быстро, как сейчас «частите» наспех составленными предложениями, то вам были бы рады на любом тестовом матче крикетных команд. Но в данный момент вам лучше вернуться в дом. Идите к себе в комнату и сложите в рюкзак все, что вам нужно. Выполнив эту задачу, найдите свою маму и сделайте все необходимое, чтобы она не… — он замолчал, — чтобы она не сошла с ума. — Он наклонил зонт так, чтобы отгородиться от австралийского тропического ливня. — Пока вы делаете все необходимое, я приобрету молоко.

Я посмотрел на этого человека. Он уже промок до колен.

— Вы всегда так разговариваете? — спросил я.

— Если вас интересует, всегда ли я говорю на королевском английском, то, мой ответ, безусловно, «Да».

— Ну в смысле, вы обо всем так говорите, будто хотите, чтобы от ваших слов хорошо пахло.

Человек стряхнул воду с зонта. Мне показалось, что он с удовольствием отряхнул бы его прямо на меня.

— Молодой господин Джонс…

— Вот-вот: «Молодой господин Джонс». Так никто не говорит.

— Очевидно, что некоторые все же говорят.

— И вот это — «О-че-вид-но». Чтобы сказать это, надо минуту потратить. «О-че-вид-но».

Он наклонился ко мне и сказал.

— Я ухожу, чтобы приобрести молоко. А вы соберете рюкзак. Сделайте все как следует, а затем позаботьтесь о своей матушке.

Он повернулся, чтобы спуститься с крыльца.

— Вы пытаетесь обратить меня в свою веру, или что? — спросил я.

— Да, — сказал он, даже не оглянувшись. — А теперь приступайте к намеченным задачам.

Запрещено для коммерческого использования

So I went upstairs and packed the new notebooks and old pens and old pencils and my father's old science calculator in my backpack, and I put the green marble in my front pocket—all this did take a while, you know—and then I went down to the kitchen where my mother was braiding Annie's hair and Charlie was sniffing with her arms crossed and Emily was finishing her dry Ace Robotroid Sugar Stars. My mother said, "Where's the milk?" and then the doorbell rang again.

"I'll get it," I said.

Guess who it was.

His pants were wet most of the way up when he handed me a bag.

"I have procured the milk," he said.

"Obviously," I said. "Is it one percent?"

"Certainly not—and mockery is the lowest form of discourse."

He handed me another bag.

"What's this?" I said.

"The package is for Miss Charlotte," he said. "Tell her we are most fortunate that American delicatessens are, though parsimonious in their selection of food items that have seen the light of the sun, at least eclectic."

"She won't know what eclectic means."

"Copious."

"That either."

The guy sighed. "The contents are self-explanatory."

I took the bags and closed the door. I carried the milk to the kitchen and set it on the table. Then I gave Charlie the other bag.

"What's this?" she said.

"How should I know?"

"Because you're handing it to me. That's how you should know."

"It's something electric," I said.

"Something electric?"

"I don't know. It's from the guy standing on our front stoop."

My mother looked up from Annie's braids. "The guy standing on our front stoop? He's still there?"

Charlie opened her bag and took out—I know this is hard to believe—brand-new bright yellow socks. She screamed her happy scream. That's the scream she makes that could stop a planet from spinning.

My mother looked at the bright yellow socks, then at the milk.

"It's not one percent," she said.

"Certainly not," I said.

My mother dropped Annie's braids and headed out of the kitchen.

Запрещено для коммерческого использования

Так что я поднялся к себе и положил в рюкзак новые тетрадки, старые ручки и карандаши, а еще старый инженерный калькулятор , доставшийся мне от отца, а в передний карман, — зеленый шарик — все это, и правда заняло прилично времени, — а потом спустился на кухню, где мама заплетала Энни косы, а Шарли всхлипывала, скрестив руки на груди, а Эмили доедала «Сахарные звездочки Аса Роботроида» всухомятку. Мама спросила: «А где молоко?», и тут в дверь снова позвонили.

— Я открою, — сказал я.

Угадайте, кто это был.

Его брюки успели вымокнуть почти доверху. Он отдал мне пакет и сказал:

— Молоко доставлено.

— Очевидно, — сказал я. — Это однопроцентное?

— Конечно нет. А насмешка — низшая форма общения.

Он отдал мне еще один пакет.

— Что это? — спросил я.

— Это для мисс Шарлотты, — сказал он. — Передайте ей, что хотя ассортимент американских минимаркетов не блещет выбором пищевых продуктов, выросших на солнце, но, на наше счастье, эклектичен.

— Она не знает это слово.

— Изобилующий.

— И это тоже.

Человек вздохнул.

— Содержимое пакета не требует пояснений.

Я взял пакеты и закрыл дверь. Я отнес молоко на кухню и поставил на стол. Второй пакет отдал Шарли.

— Что это? — спросила она.

— Откуда я знаю?

— Ну ты же мне его дал, а сам не знаешь, что в нем?

— Что-то электрическое, — сказал я.

— Что-то электрическое?

— Да не знаю я. Это от человека, который стоит у нас на крыльце.

Мама оторвала взгляд от косичек Энни.

— От человека, который стоит у нас на крыльце? Он все еще там?

Шарли открыла пакет и достала из него — знаю, в это трудно поверить — новенькие ярко-желтые носки и завизжала от счастья так, что планета чуть не перестать вертеться.

Мама посмотрела на ярко-желтые носки, затем на пакет с молоком.

— Это не однопроцентное, — сказала она.

— Конечно нет, — сказал я.

Мама отпустила косы Энни и вышла из кухни.

Запрещено для коммерческого использования

Жданова Анна, 16 лет
Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк

"TIMBUKTU" BY PAUL AUSTER

Mr. Bones knew that Willy wasn't long for this world. The cough had been inside him for over six months, and by now there wasn't a chance in hell that he would ever get rid of it. Slowly and inexorably, without once taking a turn for the better, the thing had assumed a life of its own, advancing from a faint, phlegm-filled rattle in the lungs on February third to the wheezy sputum-jigs and gobby convulsions of high summer. All that was bad enough, but in the past two weeks a new tonality had crept into the bronchial music—something tight and flinty and percussive—and the attacks came so often now as to be almost constant. Every time one of them started, Mr. Bones half expected Willy's body to explode from the rockets of pressure bursting against his rib cage. He figured that blood would be the next step, and when that fatal moment finally occurred on Saturday afternoon, it was as if all the angels in heaven had opened their mouths and started to sing. Mr. Bones saw it happen with his own eyes, standing by the edge of the road between Washington and Baltimore as Willy hawked up a few miserable clots of red matter into his handkerchief, and right then and there he knew that every ounce of hope was gone. The smell of death had settled upon Willy G. Christmas, and as surely as the sun was a lamp in the clouds that went off and on every day, the end was drawing near.

What was a poor dog to do? Mr. Bones had been with Willy since his earliest days as a pup, and by now it was next to impossible for him to imagine a world that did not have his master in it. Every thought, every memory, every particle of the earth and air was saturated with Willy's presence. Habits die hard, and no doubt there's some truth to the adage about old dogs and new tricks, but it was more than just love or devotion that caused Mr. Bones to dread what was coming. It was pure ontological terror. Subtract Willy from the world, and the odds were that the world itself would cease to exist.

Such was the quandary Mr. Bones faced that August morning as he shuffled through the streets of Baltimore with his ailing master. A dog alone was no better than a dead dog, and once Willy breathed his last, he'd have nothing to look forward to but his own imminent demise. Willy had been cautioning him about this for many clays now, and Mr. Bones knew the drill by heart: how to avoid the dogcatchers and constables, the paddy wagons and unmarked ears, the hypocrites from the so-called humane societies. No matter how sweetly they talked to you, the word shelter meant trouble.

Запрещено для коммерческого использования

Жданова Анна, 16 лет
Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк

ПОЛ ОСТЕР «ТИМБУКТУ»

Мистер Бонс знал, что Вилли осталось недолго. Похоже, ему не выкарабкаться. Кашель появился 6 месяцев назад. Болезнь, начавшаяся с обморока 3 февраля, неумолимо прогрессировала, и к концу лета Вилли уже задыхался от мокроты, заполнявшей его легкие, без всякой надежды на спасение. Все было плохо, но в последние 2 недели стало еще хуже: хрипы обрели более жесткое и ритмичное звучание, а приступы кашля почти не прекращались. Каждый приступ приближал Вилли к смерти, и мистер Бонс чувствовал это. Он боялся увидеть кровь. В субботу, на дороге между Вашингтоном и Балтимором, Вилли откашлял сгустки крови в платок. Он понял, что это конец. Запах смерти, окружавший Вилли, был неоспоримым предвестником его скорой кончины.

Что же станет с бедным псом? Мистер Бонс попал к Вилли ещё щенком и всю жизнь провел с ним, а теперь невозможно себе и представить этот мир без хозяина. Каждая мысль, воспоминание, земля и воздух были пропитаны присутствием Вилли. «Горбатого могила исправит», без сомнения, в поговорке о старых собаках и новых трюках есть доля истины. Любовь и преданность лишь отчасти объясняли страх Бонса. Его сердце сковал леденящий ужас, осознание того, что если хозяин исчезнет из этого мира, то и сам мир перестанет существовать.

Вот таким сложным было положение вещей, с которым столкнулся мистер Бонс в то августовское утро, когда брёл по улицам Балтимора со своим больным хозяином. Одинокая собака ничуть не лучше, чем мёртвая собака, и как только Вилли испустит последний вздох, ему не останется ничего, кроме собственной неминуемой гибели. Вилли очень многому его научил, и мистер Бонс знал как свои пять пальцев: как избежать ловцов собак и констеблей, патрульных машин и нечипированных животных, обманщиков из так называемых обществ защиты животных. Не имело значения, как ласково они с тобой разговаривали, слово «приют» означало неприятности. Всё начнётся с ловли сетями и укола транквилизатора, продолжится ночными кошмарами в клетке с флуоресцентными лампами и закончится смертельной инъекцией или дозой отравляющего газа. Если бы мистер Бонс был породистым, у него был бы шанс заслужить внимание от потенциальных владельцев, но о породе приятеля Вилли можно было лишь догадываться — что-то от колли,

Запрещено для коммерческого использования

It would begin with nets and tranquilizer guns, devolve into a nightmare of cages and fluorescent lights, and end with a lethal injection or a dose of poison gas. If Mr. Bones had belonged to some recognizable breed, he might have stood a chance in the daily beauty contests for prospective owners, but Willy's sidekick was a hodgepodge of genetic strains— part collie, part Labrador, part spaniel, part canine puzzle— and to make matters worse, there were burrs protruding from his ragged coat, bad smells emanating from his mouth, and a perpetual bloodshot sadness lurking in his eyes. No one was going to want to rescue him. As the homeless bard was fond of putting it, the outcome was written in stone. Unless Mr. Bones found another master in one quick hurry, he was a pooch primed for oblivion.

"And if the stun guns don't get you," Willy continued, clinging to a lamppost that foggy morning in Baltimore to prevent himself from falling, "there's a thousand other things that will. I'm warning you, kemo sabe. You get yourself some new gig, or your days are numbered. Just look around this dreary burg. There's a Chinese restaurant on every block, and if you think mouths won't water when you come strolling by, then you don't know squat about Oriental cuisine. They prize the taste of dog, friend. The chefs round up strays and slaughter them in the alley right behind the kitchen—ten, twenty, thirty dogs a week. They might pass them off as ducks and pigs on the menu, but the in-crowd knows what's what, the gourmets aren't fooled for a second. Unless you want to wind up in a platter of moo goo gai pan, you'll think twice before you wag your tail in front of one of those Chink beaneries. Do you catch my drift, Mr. Bones? Know thine enemy—and then keep a wide berth."

Mr. Bones understood. He always understood what Willy said to him. This had been the case for as long as he could remember, and by now his grasp of Ingloosh was as good as any other immigrant who had spent seven years on American soil. It was his second language, of course, and quite different from the one his mother had taught him, but even though his pronunciation left something to be desired, he had thoroughly mastered the ins and outs of its syntax and grammar. None of this should be seen as strange or unusual for an animal of Mr. Bones's intelligence. Most dogs acquire a good working knowledge of two-legged speech, but in Mr. Bones's case there was the advantage of being blessed with a master who did not treat him as an inferior. They had been boon companions from the start, and when you added in the fact that Mr. Bones was not just Willy's best friend but his only friend, and then further considered that Willy was a man in love with the sound of his own voice, a genuine, dyed-in-the-wool logomaniac who scarcely stopped talking from the instant he opened his eyes in the morning until he passed out drunk at night, it made perfect sense that

Запрещено для коммерческого использования

немного от лабрадора, чуть от спаниеля — и, что ещё хуже, торчащая клочьями шерсть, зловонный запах из пасти, а в глазах, налитых кровью, застыла грусть. Никто бы не захотел его спасать. Как говорил один бродяга, исход был предопределен. Если мистер Бонс не найдёт себе другого хозяина в ближайшее время, его ждёт забвение.

— И, если электрошокеры тебя не достанут, — произнес Вилли, крепко держась за фонарный столб в туманном утреннем Балтиморе, чтобы не упасть, — есть тысяча других вещей, которые тебя достанут. Поверь мне, дружище. Найди себе новую работенку, иначе твои дни сочтены. Просто осмотрись в этом мрачном городе. В каждом квартале есть китайский ресторан, и если ты думаешь, что у них не потекут слюни, глядя на тебя, то ты ничего не знаешь о восточной кухне. Они едят собак, друг. Повара отлавливают бродячих псов и убивают их в переулке, прямо за кухней — десять, двадцать, тридцать собак в неделю. Они могут выдавать их за уток и свиней в меню, но народ то знает, что к чему, гурманов не обманешь. Если только ты не хочешь оказаться на одном блюде с Му Гу Гай Пан (курица с грибами по-китайски), ты дважды подумаешь, прежде чем вилять хвостом перед одной из тех китайских забегаловок. Улавливаешь мою мысль, мистер Бонс? Знай своего врага — и держись от него подальше.

Мистер Бонс понимал. Он всегда понимал, что говорит Вилли. Так было всегда, сколько он себя помнил. Сейчас он владеет английским так же хорошо, как любой другой иммигрант, проживший семь лет на американской земле. Конечно, это был его второй язык, сильно отличавшийся от того, которому его учила мать, но несмотря на то, что его произношение оставляло желать лучшего, он в совершенстве овладел тонкостями синтаксиса и грамматики. Для такого умного животного, как мистер Бонс, это вполне нормально. Несмотря на то, что собаки часто понимают, что им говорят, мистер Бонс пользовался особым отношением со стороны хозяина, который видел в нем не просто питомца, а компаньона.

Они с самого начала были хорошими друзьями, и если добавить к этому тот факт, что мистер Бонс был не просто лучшим другом Вилли, а его единственным другом, а также то, что Вилли был человеком, влюблённым в звук собственного голоса, истинным, «до мозга костей» логоманом, который почти не умолкал с раннего утра и пока не засыпал пьяным в стельку поздней ночью, то становится совершенно логичным, что мистер Бонс так хорошо освоил местный язык. Скорее удивительно, что он сам не заговорил лучше.

Нельзя сказать, что он не старался, но природа была против него. Его физические особенности — форма морды, зубы и язык — ограничивали

Запрещено для коммерческого использования

Mr. Bones should have felt so at home in the native lingo. When all was said and done, the only surprise was that he hadn't learned to talk better himself.

It wasn't for lack of earnest effort, but biology was against him, and what with the configuration of muzzle, teeth, and tongue that fate had saddled him with, the best he could do was emit a series of yaps and yawns and yowls, a mooning, muddled sort of discourse. He was painfully aware of how far from fluency these noises fell, but Willy always let him have his say, and in the end that was all that mattered. Mr. Bones was free to put in his two cents, and whenever he did so his master would give him his full attention, and to look at Willy's face as he watched his friend struggle to make like a member of the human tribe, you would have sworn that he was hanging on every word.

That gloomy Sunday in Baltimore, however, Mr. Bones kept his mouth shut. They were down to their last days together, perhaps even their last hours, and this was no time to indulge in long speeches and loopy contortions, no time for the old shenanigans. Certain situations called for tact and discipline, and in their present dire straits it would be far better to hold his tongue and behave like a good, loyal dog. He let Willy snap the leash onto his collar without protest. He didn't whine about not having eaten in the past thirty-six hours; he didn't sniff the air for female scents; he didn't stop to pee on every lamppost and fire hydrant. He simply ambled along beside Willy, following his master as they searched the empty avenues for 316 Calvert Street.

Mr. Bones had nothing against Baltimore per se. It smelled no worse than any other city they'd camped in over the years, but even though he understood the purpose of the trip, it grieved him to think that a man could choose to spend his last moments on earth in a place he'd never been to before. A dog would never commit such a blunder. He would make his peace with the world and then see to it that he gave up the ghost on familiar ground. But Willy still had two things to accomplish before he died, and with characteristic stubbornness he'd gotten it into his head that there was only one person who could help him. The name of that person was Bea Swanson, and since said Bea Swanson was last known to be living in Baltimore, they had come to Baltimore to find her. All well and good, but unless Willy's plan did what it was supposed to do, Mr. Bones would be marooned in this city of crab cakes and marble steps, and what was he going to do then? A phone call would have done the job in half a minute, but Willy had a philosophical aversion to using the telephone for important business. He would rather walk for days on end than pick up one of those contraptions and talk to someone he couldn't see. So here they were two

Запрещено для коммерческого использования

его возможности. В результате получалась странная смесь звуков: тявканье, зевота и вопли, создавшие странный поток звуков. Он понимал, что его речь далека от идеала, но Вилли принимал его таким, какой он есть, и давал ему возможность выразить себя. Это было единственное, что действительно имело значение.

Мистер Бонс обычно был не прочь «вставить свои пять копеек», и Вилли всегда внимательно слушал его, словно понимая каждое слово. Но в это мрачное воскресенье в Балтиморе он заставил себя молчать. Чувствуя, что их последние дни, возможно, часы, подходят к концу, он понимал, что сейчас не время для обычных шуток и выходок. В такой ситуации требовалась сдержанность. Лучше всего было просто быть хорошей, преданной собакой. Он позволил Вилли пристегнуть поводок, не жалуясь на голод, и просто следовал за своим хозяином в поисках дома 316 по улице Калверт.

Балтимор не был для мистера Бонса чем-то особенным в плохом смысле. Он пах так же, как и все остальные места, где они останавливались во время своих путешествий. Понимая смысл происходящего, он все же испытывал печаль от мысли, что последние мгновения жизни будут проведены в чужом месте. Собака бы никогда не допустила такого. Она бы примирилась с миром и ушла бы из жизни на знакомой земле. Два незавершенных дела тяготили Виллиа, и он, как всегда, был непреклонен: только одна женщина могла ему помочь. Ее звали Беа Свенсон, и все нити вели в Балтимор, куда они и отправились на поиски. Все складывалось хорошо, однако провал задумки Вилла поставил бы мистера Бонса в крайне затруднительное положение: он оказался бы в ловушке этого города, известного своими крабовыми котлетами и роскошными мраморными лестницами. Как выпутаться из этого? Один телефонный звонок мог бы мгновенно решить проблему, но Вилли по какой-то причине, избегал телефонных разговоров, когда дело касалось важных вопросов. Он скорее целыми днями бродил бы по улицам города, чем взял бы в руки одну из этих штуковин и заговорил с кем-то, кого он не видит. И вот они здесь, за двести миль от дома, в поисках адреса, которого, может, и не существует. Вилли хотел успеть сделать две вещи до смерти, и обе были для него одинаково важны. Поэтому он разработал «Шахматный гамбит» — рискованный план, чтобы одним махом решить обе проблемы. Первая задача: найти новое жилье для своего лохматого друга. Вторая заключалась в том, чтобы завершить свои дела и убедиться, что его рукописи попадут в надежные руки. В данный момент его труды находились в арендуемом шкафчике на автовокзале «Грейхаунд» на улице Фейет, в двух с половиной кварталах к северу от места, где он находился вместе с мистером Бонсом. Ключ от шкафчика лежал у него

Запрещено для коммерческого использования

hundred miles later, wandering around the streets of Baltimore without a map, looking for an address that might or might not exist.

Of the two things Willy still hoped to accomplish before he died, neither one took precedence over the other. Each was all-important to him, and since time had grown too short to think of tackling them separately, he had come up with what he referred to as the Chesapeake Gambit: an eleventh-hour ploy to kill both birds with one stone. The first has already been discussed in the previous paragraphs: to find new digs for his furry companion. The second was to wrap up his own affairs and make sure that his manuscripts were left in good hands. At that moment, his life's work was crammed into a rental locker at the Greyhound bus terminal on Fayette Street, two and a half blocks north of where he and Mr. Bones were standing. The key was in his pocket, and unless he found someone worthy enough to entrust with that key, every word he had ever written would be destroyed, disposed of as so much unclaimed baggage.

In the twenty-three years since he'd taken on the surname of Christmas, Willy had filled the pages of seventy-four notebooks with his writings. These included poems, stories, essays, diary entries, epigrams, autobiographical musings, and the first eighteen hundred lines of an epic-in-progress, Vagabond Days. The majority of these works had been composed at the kitchen table of his mother's apartment in Brooklyn, but since her death four years ago he'd been forced to write in the open air, often battling the elements in public parks and dusty alleyways as he struggled to get his thoughts down on paper. In his secret heart of hearts, Willy had no delusions about himself. He knew that he was a troubled soul and not fit for this world, but he also knew that much good work was buried in those notebooks, and on that score at least he could hold his head high. Maybe if he had been more scrupulous about taking his medication, or maybe if his body had been a bit stronger, or maybe if he hadn't been so fond of malts and spirits and the hubbub of bars, he might have done even more good work. That was perfectly possible, but it was too late to dwell on regrets and errors now. Willy had written the last sentence he would ever write, and there were no more than a few ticks left in the clock. The words in the locker were all he had to show for himself. If the words vanished, it would be as if he had never lived.

That was where Bea Swanson entered the picture. Willy knew it was a stab in the dark, but if and when he managed to find her, he was convinced that she would move heaven and earth to help him. Once upon a time, back when the world was still young, Mrs. Swanson had been his high school English teacher, and if not for her it was doubtful that he ever would have found the courage to think of himself as a writer. He was still William Gurevitch in those days, a scrawny sixteen-year-old boy with a passion for

Запрещено для коммерческого использования

в кармане, и если он не найдет никого, кому сможет доверить его, то все написанное окажется под угрозой уничтожения и будет выброшено как ненужный мусор.

С тех пор как он взял фамилию Крисмас, прошло двадцать три года. За это время Вилли исписал страницы семидесяти четырех тетрадей своими творениями. Это были стихи, рассказы, эссе, заметки из дневников, эпиграммы, размышления и первые тысяча восемьсот строк незавершенной эпопеи «Дни бродяги». Большинство из этих произведений было написано за кухонным столом в квартире его матери в Бруклине, однако после ее смерти четыре года назад ему пришлось писать на улице, часто сталкиваясь с капризами погоды в общественных парках и запыленных переулках, пытаясь изложить свои мысли на бумаге.

В душе Вилли не питал иллюзий на свой счет. В глубине души он чувствовал себя чужим, неприкаянным скитальцем в этом мире. Ирония судьбы: его тетради хранили сокровищницу таланта. Он мог бы гордиться собой, но упущенные возможности терзали его. Если бы он был внимательнее к себе, следил за здоровьем, избегал соблазнов сладкого, крепких напитков и шумных компаний, мир увидел бы еще больше его талантливых творений. Это было в его силах, но время ушло. Вилли поставил точку. Навсегда. На часах осталось всего несколько секунд. Единственным его оправданием были письма, спрятанные в шкафчике. Без этих слов, казалось, он никогда и не существовал.

Вот тут-то и появилась Беа Свенсон. Вилли осознавал, что его попытка найти ее была рискованной, но он верил, что она единственная, кто может ему помочь. Давным-давно миссис Свенсон была его школьной учительницей английского. Именно благодаря ей он осмелился увидеть в себе писателя. До встречи с ней он был лишь Уильямом Гуревичем, худым подростком, обожающим книги и бибоп. Она стала его наставницей и буквально засыпала его ранние работы щедрыми комплиментами. В какой-то момент он увидел в себе будущего гения американской литературы. Была она права или нет — это неважно, ведь на том этапе главным является не результат, а вера. Миссис Свенсон рассмотрела его талант, заметила искру в его юной душе. Успех в жизни невозможен без чьей-либо поддержки и веры в тебя — это неоспоримый факт. Старшеклассники Мидвуда в основном не замечали ничего особенного в миссис Свенсон, видя в ней лишь учительницу средних лет с дрожащими руками, пишущую на доске. Вилли видел в ней нечто совершенно иное. Он видел в ней ангела, посланного с небес. Однако осенью, к моменту, когда школа вновь открыла свои двери, миссис Свенсон исчезла. Ее

Запрещено для коммерческого использования

books and beebop jazz, and she had taken him under her wing and lavished his early work with praise that was so excessive, so far out of proportion to its true merit, that he began to think of himself as the next great hope of American literature. Whether she was right or wrong to do so is not the question, for results are less important at that stage than promise, and Mrs. Swanson had recognized his talent, she'd seen the spark in his fledgling soul, and no one can ever amount to anything in this life without someone else to believe in him. That's a proven fact, and while the rest of the junior class at Midwood High saw Mrs. Swanson as a squat, fortyish woman with blubbery arms that bounced and wiggled whenever she wrote on the blackboard, Willy thought she was beautiful, an angel who had come down from heaven and taken on a human form.

By the time school started again in the fall, however, Mrs. Swanson was gone. Her husband had been offered a new job in Baltimore, and since Mrs. Swanson was not only a teacher but a wife, what choice did she have but to leave Brooklyn and go where Mr. Swanson went? It was a tough blow for Willy to absorb, but it could have been worse, for even though his mentor was far away, she did not forget him. Over the next several years, Mrs. Swanson kept up a lively correspondence with her young friend, continuing to read and comment on the manuscripts he sent her, to remember his birthday with gifts of old Charlie Parker records, and to suggest little magazines where he could begin submitting his work. The gushing, rhapsodic letter of recommendation she wrote for him in his senior year helped clinch a full scholarship for Willy at Columbia. Mrs. Swanson was his muse, his protector, and good-luck charm all rolled into one, and at that point in Willy's life, the sky was definitely the limit. But then came the schizo flip-out of 1968, the mad fandango of truth or consequences on a high-voltage tension wire. They shut him up in a hospital, and after six months of shock treatment and psychopharmacological therapy, he was never quite the same again. Willy had joined the ranks of the walking wounded, and even though he continued to churn out his poems and stories, to go on writing in both sickness and in health, he rarely got around to answering Mrs. Swanson's letters. The reasons were unimportant. Perhaps Willy was embarrassed to stay in touch with her. Perhaps he was distracted, preoccupied with other business. Perhaps he had lost faith in the U.S. Postal Service and no longer trusted the mail carriers not to snoop inside the letters they delivered. One way or the other, his once voluminous exchanges with Mrs. Swanson dwindled to almost nothing. For a year or two, they consisted of the odd, desultory postcard, then the store-bought Christmas greeting, and then, by 1976, they had stopped altogether. Since that time, not one syllable of communication had passed between them.

Запрещено для коммерческого использования

муж получил новое предложение по работе в Балтиморе, и, поскольку она была не только учительницей, но и женой, у нее не было другого выхода, кроме как покинуть Бруклин и поехать вслед за мужем. Это был тяжелый удар для Вилли, Но могло быть и хуже: даже несмотря на то что его наставница была далеко, она не забыла о нем. В течение нескольких лет миссис Свенсон была постоянным источником вдохновения для Вилли. Она была внимательным и проницательным читателем его рукописей, предлагая ценные советы. В переписке она демонстрировала глубокое понимание его интересов, помня о его дне рождения и радуя подарками, которые были ему действительно нужны: редкими записями Чарли Паркера и журналами, где он мог бы реализовать свой талант.

Ее восторженное рекомендательное письмо, написанное для Вилли в выпускном классе, сыграло решающую роль в получении стипендии Колумбийского университета. Миссис Свенсон была для него всем: музой, защитницей и талисманом удачи. Благодаря ей в то время Вилли чувствовал себя полностью уверенным в своих возможностях.

Но 1968 год стал для него роковым. После пережитого кошмара в психиатрической клинике, где его подвергли электрошоку и пичкали лекарствами, он был сломлен. Вилли пополнил ряды искалеченных душ. Он продолжал писать, находил утешение в творчестве, но связь с миссис Свенсон почти оборвалась. Причины были неважны. Возможно, Вилли стыдился поддерживать с ней связь. Возможно, он был отвлечен, поглощен другими делами. Возможно, он потерял веру в почтовую службу США и больше не доверял почтальонам, которые могли читать чужие письма. Так или иначе, его некогда оживленная переписка с миссис Свенсон сошла на нет. В течение года или двух они обменивались случайными открытками, затем стандартными рождественскими поздравлениями, а к 1976 году прекратились и они. С тех пор они не обменялись ни строчкой друг с другом. Мистер Бонс не верил ни единому слову. Семнадцать лет! Форд был президентом, а он еще даже не родился. Кого Вилли пытался обмануть? Семнадцать лет — это огромный срок, за который может произойти что угодно. Даже за семнадцать минут мир может измениться, а тут целых семнадцать лет! По меньшей мере, миссис Свенсон могла переехать. К тому времени ей, скорее всего, исполнилось бы около семидесяти. Если она не сохранила ясность ума и не перебралась во Флориду, то, к сожалению, велика вероятность, что её уже нет в живых.

Вилли сам признал это, когда они вышли на улицы Балтимора тем утром, но, чёрт возьми, — сказал он, — это наш единственный шанс!

Запрещено для коммерческого использования

Mr. Bones knew all this, and that was precisely what worried him. Seventeen years had gone by. Gerald Ford had been president back then, for Chrissakes, and he himself would not be whelped for another decade. Who was Willy trying to kid? Think of all the things that can happen in that time. Think of the changes that can occur in seventeen hours or seventeen minutes—let alone in seventeen years. At the very least, Mrs. Swanson had probably moved to another address. The old girl would be pushing seventy by now, and if she wasn't senile or living in a trailer park in Florida, there was a better than even chance that she was dead. Willy had admitted as much when they hit the streets of Baltimore that morning, but what the fuck, he'd said, it was their one and only shot, and since life was a gamble anyway, why not go for broke?

Ah, Willy. He had told so many stories, had talked in so many different voices, had spoken out of so many sides of his mouth at once, that Mr. Bones had no idea what to believe anymore. What was true, what was false? It was difficult to know when dealing with a character as complex and fanciful as Willy G. Christmas. Mr. Bones could vouch for the things he'd seen with his own eyes, the events he'd experienced in his own flesh, but he and Willy had been together for only seven years, and the facts concerning the previous thirty eight were more or less up for grabs. If Mr. Bones hadn't spent his puppyhood living under the same roof with Willy's mother, the whole story would have been shrouded in darkness, but by listening to Mrs. Gurevitch and measuring her statements against her son's, Mr. Bones had managed to stitch together a reasonably coherent portrait of what Willy's world had looked like before he came into it. A thousand details were lacking. A thousand others were muddled in confusion, but Mr. Bones had a sense of the drift, a feeling for what its shape both was and wasn't.

Запрещено для коммерческого использования

Если жизнь — это азартная игра, в любом случае почему бы не поставить на кон всё? Ах, Вилли… Он был мастером слова, жонглировал историями, менял маски и говорил от лица самых разных персонажей. Мистер Бонс чувствовал, что его водят за нос, но не мог понять, что правда, а что ложь.

Сложно было разобраться в таком сложном и фантастическом персонаже, как Вилли Г. Крисмас. Мистер Бонс мог ручаться только за то, что видел и чувствовал сам, за те события, которые они пережили вместе. Но поскольку он знал Вилли всего семь лет, всё, что происходило с ним до этого, на протяжении тридцати восьми лет, оставалось неясным и вызывало сомнения. Щенячье детство мистера Бонса в доме матери Вилли было единственным ключом к его прошлому. Сравнивая воспоминания миссис Гуревич с тем, что рассказывал Вилли, мистер Бонс, словно собирая пазл, смог увидеть очертания мира, сформировавшего Вилли до их встречи. Хотя многие детали оставались неясными или противоречивыми, у него сложилась общая картина, позволяющая понять, как устроен этот мир.

Запрещено для коммерческого использования

Краснов Дамир, 15 лет
Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Вурнары

“THE GOLD BUG” BY EDGAR ALLAN POE

The Treasure Found

I was dreadfully weary, but, scarcely understanding what had occasioned the change in my thoughts, I felt no longer any great aversion from the labor imposed. I had become most unaccountably interested — nay, even excited. Perhaps there was something, amid all the extravagant demeanor of Legrand — some air of forethought, or of deliberation, which impressed me. I dug eagerly, and now and then caught myself actually looking, with something that very much resembled expectation, for the fancied treasure, the vision of which had demented my unfortunate companion. At a period when such vagaries of thought most fully possessed me, and when we had been at work perhaps an hour and a half, we were again interrupted by the violent howlings of the dog. His uneasiness, in the first instance, had been, evidently, but the result of playfulness or caprice, but he now assumed a bitter and serious tone. Upon Jupiter’s again attempting to muzzle him, he made furious resistance, and, leaping into the hole, tore up the mould frantically with his claws. In a few seconds he had uncovered a mass of human bones, forming two complete skeletons, intermingled with several buttons of metal, and what appeared to be the dust of decayed woollen. One or two strokes of a spade upturned the blade of a large Spanish knife, and, as we dug farther, three or four loose pieces of gold and silver coin came to light.

At sight of these the joy of Jupiter could scarcely be restrained, but the countenance of his master wore an air of extreme disappointment. He urged us, however, to continue our exertions, and the words were hardly uttered when I stumbled and fell forward, having caught the toe of my boot in a large ring of iron that lay half buried in the loose earth.

We now worked in earnest, and never did I pass ten minutes of more intense excitement. During this interval we had fairly unearthed an oblong chest of wood, which, from its perfect preservation, and wonderful hardness, had plainly been subjected to some mineralizing process — perhaps that of the Bi-chloride of Mercury. This box was three feet and a half long, three feet broad, and two and a half feet deep. It was firmly secured by bands of wrought iron, riveted, and forming a kind of trellis-work over the whole. On each side of the chest, near the top, were three rings of iron — six in all — by means of which a firm hold could be obtained by six persons. Our utmost united endeavors served only to disturb the coffer very slightly in its bed. We at once saw the impossibility of removing so great a weight.

Запрещено для коммерческого использования

Краснов Дамир, 15 лет
Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Вурнары

ЭДГАР ПО «ЗОЛОТОЙ ЖУК»

Сокровище

Я ужасно устал, но, едва ли понимая, что послужило причиной перемены в моих мыслях, я больше не испытывал отвращения к навязанной мне работе. Необъяснимый интерес, даже скорее какое-то лихорадочное волнение охватили меня. Возможно, что-то в поведении Леграна — то ли подобие предвидения, то ли уверенная неторопливость — заразили меня. Я с жаром принялся копать, периодически ловя себя на мысли, что с нетерпением ищу воображаемое сокровище, мечты о котором лишили рассудка моего несчастного друга. И в тот момент, когда я был охвачен этими причудливыми мыслями, спустя около полутора часов непрерывной работы, нас вновь прервал яростный вой собаки. В первый раз его беспокойство показалось игрой или капризом, но теперь оно приобрело серьезный характер. Когда Юпитер попытался надеть на него намордник, пёс оказал яростное сопротивление, прыгнул в яму и стал отчаянно разрывать землю когтями. Вскоре он раскопал груду костей, составлявших два человеческих скелета, перемешанных с металлическими пуговицами и обрывками полуистлевшей шерстяной материи. Пара ударов лопатой — и перед нами появились лезвие большого испанского ножа и три-четыре золотые и серебряные монеты.

Увидев это, Юпитер едва сдержал ликование, но на лице его хозяина отразилось глубокое разочарование. Тем не менее он настоял на продолжении поисков, но не успел он договорить, как я споткнулся и упал, зацепившись ногой за большое железное кольцо, прикрытое рыхлой землей.

Теперь работа закипела всерьез. Никогда в жизни я не испытывал столь сильного волнения, которое испытал за эти десять минут. По истечении этого времени мы обнаружили продолговатый деревянный сундук, который, судя по тому, как хорошо он сохранился, подвергся химической обработке, возможно, двухлористой ртутью. Сундук был длиной три с половиной фута, шириной три фута и высотой два с половиной фута. Он был надежно скован железными полосами с заклёпками, образующими подобие решетки. С каждой стороны сундука, ближе к верхней части, располагались по три железных кольца, всего шесть, за которые могли ухватиться шесть человек. Даже общими усилиями нам едва удалось лишь слегка сдвинуть сундук. Стало очевидно, что нам не под силу поднять такую тяжесть. К счастью, крышка крепилась всего

Запрещено для коммерческого использования

Luckily, the sole fastenings of the lid consisted of two sliding bolts. These we drew back —trembling and panting with anxiety. In an instant, a treasure of incalculable value lay gleaming before us. As the rays of the lanterns fell within the pit, there flashed upwards, from a confused heap of gold and of jewels, a glow and a glare that absolutely dazzled our eyes.

I shall not pretend to describe the feelings with which I gazed. Amazement was, of course, predominant. Legrand appeared exhausted with excitement, and spoke very few words. Jupiter's countenance wore, for some minutes, as deadly a pallor as it is possible, in the nature of things, for any negro's visage to assume. He seemed stupefied —thunder-stricken. Presently he fell upon his knees in the pit, and, burying his naked arms up to the elbows in gold, let them there remain, as if enjoying the luxury of a bath. At length, with a deep sigh, he exclaimed, as if in a soliloquy.

«And dis all cum ob de goole-bug! de putty goole-bug! de poor little goole-bug, what I boosed in dat sabage kind ob style! Ain't you shamed ob yourself, nigger? —answer me dat!»

It became necessary, at last, that I should arouse both master and valet to the expediency of removing the treasure. It was growing late, and it behooved us to make exertion, that we might get every thing housed before daylight. It was difficult to say what should be done; and much time was spent in deliberation —so confused were the ideas of all. We, finally, lightened the box by removing two thirds of its contents, when we were enabled, with some trouble, to raise it from the hole. The articles taken out were deposited among the brambles, and the dog left to guard them, with strict orders from Jupiter neither, upon any pretence, to stir from the spot, nor to open his mouth until our return. We then hurriedly made for home with the chest; reaching the hut in safety, but after excessive toil, at one o'clock in the morning. Worn out as we were, it was not in human nature to do more just then. We rested until two, and had supper; starting for the hills immediately afterwards, armed with three stout sacks, which, by good luck, were upon the premises. A little before four we arrived at the pit, divided the remainder of the booty, as equally as might be, among us, and, leaving the holes unfilled, again set out for the hut, at which, for the second time, we deposited our golden burthens, just as the first streaks of the dawn gleamed from over the tree-tops in the East.

We were now thoroughly broken down; but the intense excitement of the time denied us repose. After an unquiet slumber of some three or four hours' duration, we arose, as if by preconcert, to make examination of our treasure.

The chest had been full to the brim, and we spent the whole day, and the greater part of the next night, in a scrutiny of its contents. There had

Запрещено для коммерческого использования

двумя выдвижными болтами. Мы выдернули их, дрожа и задыхаясь от нетерпения. В одно мгновение перед нами предстало сокровище невероятной ценности. Когда свет фонарей осветил яму, сияние и блеск золота и драгоценных камней совершенно ослепили нас.

Я не буду даже пытаться описать охватившие меня чувства. Изумление, конечно, преобладало. Легран выглядел измученным волнением и почти ничего не говорил. Лицо Юпитера на мгновение стало мертвенно-бледным, если можно вообще говорить о бледности, применительно к неграм. Он казался оглушенным, словно пораженный громом. Затем он рухнул на колени в яме и, погрузив голые руки по локоть в золото, застыл, словно наслаждаясь роскошной ванной. Наконец, глубоко вздохнув, он воскликнул, словно обращаясь к самому себе:

— Всё это золотой жук. Милый золотой жук! Бедный золотой жучок! А я обижал его. Ну не стыдно тебе, негр? Отвечай же!

В конце концов, мне пришлось напомнить и хозяину, и слуге о необходимости вытащить сокровище. Становилось поздно, и нужно было доставить всё домой до рассвета. Решение о том, как поступить, давалось с трудом — настолько спутаны были мысли у всех. Наконец, мы извлекли из сундука две трети его содержимого и с немалым трудом вытащили его из ямы. Вынутые сокровища были сложены среди зарослей ежевики. А собака осталась охранять их, получив строгий приказ от Юпитера оставаться на месте и ни под каким предлогом не открывать рта до нашего возвращения. Затем мы поспешили домой, захватив сундук. Добрались до хижины благополучно, хоть и изрядно измотанными. Мы отдохнули до двух и поужинали, после чего незамедлительно отправились в горы, вооружившись тремя прочными мешками, которые, к счастью, нашлись дома. Незадолго до четырех мы добрались до ямы, разделили оставшуюся часть добычи как можно более равномерно между собой и, оставив ямы незасыпанными, вновь направились к хижине, куда во второй раз сложили наши золотые ноши как раз в тот момент, когда первые лучи рассвета засияли над верхушками деревьев на востоке.

Мы были совершенно разбиты, но сильное волнение не давало нам покоя. После беспокойного сна, продлившегося около трех-четырёх часов, мы проснулись, словно сговорившись заранее, чтобы осмотреть наше сокровище.

Сундук был полон до краев, и мы провели весь день и большую часть следующей ночи, разбирая его содержимое. Всё было свалено как попало. Тщательно всё разложив, мы обнаружили, что обладаем гораздо большим богатством, чем предполагали вначале. Монет набралось более чем на четыреста пятьдесят тысяч долларов (если оценивать их стоимость по тогдашнему курсу). Не было ни одной серебряной монеты,

Запрещено для коммерческого использования

been nothing like order or arrangement. Every thing had been heaped in promiscuously. Having assorted all with care, we found ourselves possessed of even vaster wealth than we had at first supposed. In coin there was rather more than four hundred and fifty thousand dollars —estimating the value of the pieces, as accurately as we could, by the tables of the period. There was not a particle of silver. All was gold of antique date and of great variety —French, Spanish, and German money, with a few English guineas, and some counters, of which we had never seen specimens before. There were several very large and heavy coins, so worn that we could make nothing of their inscriptions. There was no American money. The value of the jewels we found more difficulty in estimating. There were diamonds — some of them exceedingly large and fine —a hundred and ten in all, and not one of them small; eighteen rubies of remarkable brilliancy; — three hundred and ten emeralds, all very beautiful; and twenty-one sapphires, with an opal. These stones had all been broken from their settings and thrown loose in the chest. The settings themselves, which we picked out from among the other gold, appeared to have been beaten up with hammers, as if to prevent identification. Besides all this, there was a vast quantity of solid gold ornaments; —nearly two hundred massive finger and ear rings; —rich chains —thirty of these, if I remember; —eighty-three very large and heavy crucifixes; —five gold censers of great value; —a prodigious golden punch-bowl, ornamented with richly chased vine-leaves and Bacchanalian figures; with two sword-handles exquisitely embossed, and many other smaller articles which I cannot recollect. The weight of these valuables exceeded three hundred and fifty pounds avoirdupois; and in this estimate I have not included one hundred and ninety-seven superb gold watches; three of the number being worth each five hundred dollars, if one. Many of them were very old, and as time keepers valueless; the works having suffered, more or less, from corrosion —but all were richly jewelled and in cases of great worth. We estimated the entire contents of the chest, that night, at a million and a half of dollars; and, upon the subsequent disposal of the trinkets and jewels (a few being retained for our own use), it was found that we had greatly undervalued the treasure.

Запрещено для коммерческого использования

только золото старинной чеканки самого разнообразного происхождения: французское, испанское и немецкое, небольшое количество английских гиней и несколько монет, нам совершенно незнакомых. Среди них были и очень крупные, тяжелые монеты, настолько стёртые, что мы не могли разобрать надписи на них. Американских не было. Оценить стоимость драгоценностей оказалось сложнее. Там были алмазы, некоторые из которых чрезвычайно крупные и красивые, всего сто десять, и ни одного маленького; восемнадцать рубинов изумительного блеска, триста десять изумрудов, все необыкновенной красоты, и двадцать один сапфир с одним опалом. Все эти камни были выбиты из оправ и небрежно брошены в сундук. Сами оправы, перемешанные с остальным сокровищем, были, по-видимому, сплющены молотками, словно для того, чтобы драгоценности нельзя было опознать. Помимо этого, там было огромное количество золотых украшений: около двухсот массивных перстней и серёг, золотые цепи, тридцать штук, если память мне не изменяет, восемьдесят три очень крупных и тяжелых распятия, пять золотых кадильниц большой ценности, огромная золотая чаша для пунша, украшенная искусно вырезанными виноградными листьями и вакхическими фигурами, две рукоятки мечей с изящной чеканкой и множество мелких вещиц, которые я не в силах вспомнить. Общий вес всех этих ценностей превышал триста пятьдесят английских фунтов, и в эту оценку я не включил сто девяносто семь великолепных золотых часов, трое из которых стоили по пятьсот долларов, если не больше. Многие из них были очень старыми и для измерения времени абсолютно бесполезными, механизмы пострадали от ржавчины в большей или меньшей степени, однако все они были богато украшены драгоценностями. В ту ночь мы оценили содержимое сундука в полтора миллиона долларов, однако после продажи драгоценных и камней и золотых изделий (некоторые из которых оставили для себя) выяснилось, что мы сильно недооценили это сокровище.

Запрещено для коммерческого использования

Исаева Надежда, 16 лет
Российская Федерация, Брянская область, г. Брянск

“LOVE CONTEST” BY RAY BRADBURY

“He’s tall,” said Meg, seventeen.

“He’s very dark,” said Marie, almost eighteen.

“He’s handsome.”

“And he’s coming here tonight — this very night — to see us.”

“To see both of you?” cried father. He was always crying out. After twenty years of marriage and seventeen years of daughters it was his natural tone of voice. “To see both of you?” cried father, again.

“To see both of us,” said Meg.

“Both of us,” said Marie, and smiled at her supper steak.

“I’m not hungry,” said Meg.

“Me neither,” said Marie.

“That steak,” cried father, “cost one dollar and fifteen cents a pound. As of this very minute, you are hungry.”

The daughters ate quietly, sort of jiggling in their chairs.

“Stop jiggling,” cried father.

They glanced at the door.

Stop glancing at the door,” said father. “You’ll poke your eyes out with your forks.”

“He’s tall,” said Meg.

“He’s quite dark,” said Marie.

“He’s handsome,” said father to mother, as she entered from the kitchen. “Do more women go insane in the springtime than at any other time?”

“Asylums fill up in June,” said mother.

“These two,” said father, “have been wandering around the room in a catatonic stupor since four this afternoon. It seems they are dividing this young gentleman who is coming here tonight as neatly as a birthday cake. I fell like a visitor at a packing plant, an instant before some dumb brute is cracked on the head and split between a couple of competitors. Does this boy know what he’s getting into?”

“Boys warn each other,” said mother. “As I recall.”

“It seemed to do me no good,” said father.

“When you are seventeen you are an idiot, when you are eighteen you are a moron, at twenty you have developed upward to being a blockhead, by twenty-five you are a simp, at thirty you are a middlebrain, and it is only now at the fine age of forty that I have simmered down to being noth-

Запрещено для коммерческого использования

Исаева Надежда, 16 лет
Российская Федерация, Брянская область, г. Брянск

РЭЙ БРЭДБЕРИ «НАУЧНЫЙ ПОДХОД»

— Он высокий, — сказала семнадцатилетняя Мэг.

— Темноволосый, — сказала Мари, ненамного старше.

— Красивый.

— И сегодня — сегодня вечером — он придёт к нам в гости.

— К вам обеим? — воскликнул отец. Он всегда восклицал. За двадцать лет брака и почти восемнадцать лет отцовства он разучился разговаривать иначе.

— К вам обеим? — воскликнул он снова.

— К нам обеим, — кивнула Мэг.

— Обеим, — подтвердила Мари и улыбнулась своему вечернему стейку.

— Я не очень голодна, — сказала Мэг.

— Я тоже, — согласилась Мари.

— Это мясо, — воскликнул отец, — стоило доллар и пятнадцать центов за фунт! Поэтому сейчас вы очень голодны.

Дочери замолчали и начали тихо ёрзать на стульях.

— Прекратите ёрзать! — воскликнул отец.

Они уставились на дверь.

— Прекратите пялиться на дверь! Попадёте вилкой в глаз.

— Он высокий, — сказала Мэг.

— Темноволосый, — добавила Мари.

— И красивый, — сообщил отец матери, как только она вошла с кухни. — В какое это время года женщины чаще сходят с ума? Не весной ли?

— Обычно больницы переполнены в июне, — сказала мать.

— Эти двое, — сказал отец, — бродят по комнатам как призраки часов эдак с четырёх. Юношу, который придёт к нам вечером, они разрежут пополам, будто он торт на праздник. Или как бычка на бойне — стукнут по голове и разрежут надвое. Разве этот мальчишка не знает, на что идёт?

— Мальчишки друг друга предупреждают, насколько я помню, — сказала мать.

— Легче мне от этого не стало, — продолжал отец, — ты ведь знаешь, что мужчина в семнадцать — идиот, в восемнадцать — болван, в двадцать его повышают до придурка, в двадцать пять он баран, в тридцать — балбес и к сорока он наконец-то становится обычным дураком. Моё сердце кровью обливается при мысли о бедном бычке, которого сегодня отправят на алтарь эти древние инки.

Запрещено для коммерческого использования

ing but a fool. Therefore my heart bleeds for this young ox arriving tonight for the ancient Inca rites."

"Oh, don't talk so violently," said mother.

"They can't understand English as l speak it at this moment," said father. "Everything runs off them like rain on a roof. There are only a few words that affect them now. Watch!" He leaned forward at the blank-eyed girls who were dreaming over their knives and forks.

"Love," said father.

The girls jumped.

"Romance," said father.

The girls jumped again.

"June," said father. "Wedding."

The girls were thrown into a gentle convulsion.

"Now," said father, "please pass the gravy."

* * *

"Good evening," said father out the front door.

"Hi," said the tall, dark, handsome boy. "I'm Bob Jones."

"What an uncommon name," said father under his breath. "Come on in, Mr. Jones. The girls are upstairs borrowing clothes from each other to impress you."

"Thanks," said Bob Jones, coming in and towering over father.

"There's a lot of you," observed father. "What did you do, start lifting Pullman cars when you were one month old?"

"Oh, I wouldn't say that," said Bob Jones, shaking hands and making father do something of a Highland fling before being released. There was a death rictus on father's face as he turned and led the bull back into the amiably decorated slaughterhouse.

"Sit down, son," said father. "No, not on that chair. That's a modern chair. It'll only hold one person at a time. Don't sit there. Sit anywhere else. Which one of the girls are you going with?"

"They haven't decided yet," said Bob Jones, smiling.

"Don't you have any say in this, boy? Stand up for your rights!"

"I've got a preference, but frankly, sir, I'm afraid to state it," said Jones. "I'm afraid there'd be some sort of killing."

"Fingernails and nail files," said father. "A horrible death. Well now, let me give you a little advice. But first of all, what would you like for your last supper? Get you anything? Sandwich, fruit, cigarette, blindfold?"

"I'II just pick on this fruit here." And Bob Jones grabbed a handful of peaches from the coffee table and put them in his furnace while father was getting two breaths.

Запрещено для коммерческого использования

— Не говори о них так жестоко, — мать кивнула на дочерей.

— Поверь мне, они сейчас не то что английского — никакого языка не понимают. Только отдельные слова. Смотри!

Он повернулся к дочерям, уставившимся в свои тарелки, и начал:

— Любовь.

Сёстры подпрыгнули.

— Настоящий роман.

Подпрыгнули ещё раз.

— Июнь, — произнёс отец. — Свадьба.

Его дочерей передёрнуло.

— А теперь, — закончил отец, — передайте мне подливку.

* * *

— Добрый вечер, — сказал отец, открывая входную дверь.

— Здравствуйте, — ответил ему парень, высокий, темноволосый и красивый, — меня зовут Боб Джонс.

«Какое редкое имя», — подумал отец, а вслух произнёс:

— Проходите, мистер Джонс. Они наверху, меряют все свои платья — хотят произвести на вас впечатление.

— Спасибо, — ответил Боб Джонс, проходя и заслоняя отца, как башня.

— Вас как-то многовато, — заметил отец. — Вы толкали вагоны с тех пор, как научились ходить?

— Ну почти, — улыбнулся Боб Джонс.

Здороваясь с отцом, он тряс его руку так, что тому пришлось станцевать что-то вроде танца шотландских пастухов, чтобы его наконец отпустили. Со скорбным выражением лица отец проводил бычка в приветливо украшенную бойню.

— Садитесь, — сказал отец. — О нет, не сюда, это современный стул: больше одного человека не выдерживает. Сядьте куда-нибудь ещё. Ну, так с какой из моих дочерей вы встречаетесь?

— Они этого ещё не решили.

Боб Джонс улыбнулся.

— А у вас что, нет права голоса? Нужно уметь постоять за себя!

— Одна мне нравится больше, но, честно говоря, я боюсь даже заикнуться об этом: разорвут в клочья.

— О да, — кивнул отец, — ногтями и пилками для ногтей. Жуткая смерть. Позвольте-ка дать вам один совет. Но сначала, что вы желаете на ужин? Он ведь ваш последний. Сэндвичи, фрукты, сигареты?

— Пожалуй, только фрукты.

Боб Джонс сгрёб в охапку несколько персиков и поглотил их, как доменная печь; отец и глазом не успел моргнуть.

Запрещено для коммерческого использования

"About my advice," Father closed his mouth. "Meg is prettier, but Marie has more personality. It's a tone-up. Either one of them would make a good wife, Bob,"

"Hey, don't rush me!"

"Nobody's rushing. Think it over. Any time this week. But tell me, how will the girls decide which one gets you?"

"They're giving me a test."

"A test!"

"You know, some sort of written and oral examination like at school."

"Good Lord, I've never heard of such a thing!"

"Yeah, it's pretty rugged. I'm nervous as a cat."

"And do you mean you'll stand for that sort of thing?"

"Well, sir, we've all read a little psychology and we're going at this thing scientifically. After all, you don't want a basketball lover to go around with a basketball hater, do you?"

"Come to think of it, it does sound unbelievable."

"That's right," said Bob Jones, seriously. 'so they quiz me and quiz each other and l quiz them, too, and between us all we work it out."

"Well, l never!" said father, stunned.

"Do you — er" — the boy hesitated — "have any idea, sir, of the king of questions they'll ask me? Have they discussed it at table?"

"Bob, that would be cribbing, wouldn't it, for me to tell you?"

"Yeah," He laughed nervously, "I guess it would," He ate another peach in two bites.

"But, to be frank with you," said father, "I have seen and heard nothing. The witches have brewed their poison in private. They'll be down with their Borgia rings any moment. Have another peach, Bob."

"If you don't mind," said Bob Jones.

The house gave a warning shake.

"If this were California," said father, eying the trembling chandelier, "I would suspect the dropping of an oceanic fault, an earth tremor. But seeing as bow this is Illinois, that can only be Meg and Marie coming downstairs."

It was.

"Bob!" they both cried, in the doorway, and then fell silent, us if they had fired off the last gun in a war and were out of ammunition. They stared at father, at Bob Jones, then at each other.

"I think I'll take a walk around the garden," said father. The girls looked appalled.

"I mean, the block," said father.

"Or would you rather I stayed to referee?"

"Do anything you like," said the girls.

Запрещено для коммерческого использования

— Так вот что я вам посоветую, — начал отец. — Мэг красивее, но в Мари есть индивидуальность. Вам решать. Любая из них будет для вас великолепной женой, Боб.

— Э-э-э, не торопите меня!

— Я и не тороплю. Подумайте хорошенько. Можете жениться в любой день на этой неделе. Расскажите-ка мне, как это они будут решать, кому вы достанетесь?

— Они мне устроят экзамен.

— Экзамен!

— Ну да, устный и письменный, как в школе.

— О боже, никогда не слышал о таком зверском способе.

— Да, это довольно сурово. Видите, я дрожу как заяц.

— И вы думаете, это правильно?

— Понимаете ли, мы немного почитали всякой психологии и подошли к этому с научной точки зрения. В конце концов, вы ведь не заставите любителя баскетбола встречаться с тем, кто баскетбол просто ненавидит?

— Ну, это звучит не так уж и глупо.

— Именно, — серьёзно кивнул ему Боб Джонс. — Они будут задавать вопросы мне, друг другу, я им, а потом вместе всё решим.

— Вот это да! — воскликнул отец.

— А вы, э-э-э, не знаете, — смутился парень, — какого рода вопросы они будут мне задавать? Может, они за столом обсуждали?

— А разве это не было бы нечестным с моей стороны?

— Да, — нервно хихикнул Боб, — вы правы.

И он съел ещё один персик всего в два укуса.

— На самом деле, — успокоил его отец, — я всё равно ничего не видел и не слышал. Ведьмы варили своё зелье без свидетелей. Они вот-вот придут сюда со своими перстнями Борджиа, так что возьмите ещё персик.

— Если вы не против.

Дом задрожал, предупреждая, что будет буря.

— Если бы мы жили в Калифорнии, — сказал отец, глядя на трясущуюся люстру, — я бы решил, что начинается землетрясение или на дне океана движутся литосферные плиты, но раз уж мы в Иллинойсе, то с уверенностью могу сказать, что это просто мои дочери спускаются по лестнице.

Так и было.

— Боб! — вскрикнули они одновременно, ещё стоя в дверях, и смолкли, как будто истратили последний патрон в своих винтовках. Они посмотрели на отца, на Боба, потом друг на друга.

— Я, пожалуй, пройдусь по саду, — сказал отец. Дочери уставились на него. — А может, по улице. Или вы хотите, чтобы я остался и был вашим рефери?

Запрещено для коммерческого использования

Father hurried past Bob Jones before he was trapped into shaking hands.

* * *

Coming back from his walk he found mother in the living room. “How is the big love exam coming?” be inquired.

“They’re sitting out in the garden with the light on and they’ve hardly said anything so far,” said mother. “They are sort of looking at one another.”

“Does anyone mind if I eavesdrop a bit?”

“Oh, now, don’t do that. It’s not fair.”

“My dear wife, it isn’t often in life that one can sit in on a sensational natural event like this. I couldn’t make it to Paricutin or Krakatao, I’ll probably never see the Grand Canyon, but when you have nuclear fission in your own garden, it’s time go out and look at the smoke. I’ll be very sly.”

He went into the darkened kitchen and stood listening. “All right,” said Meg, in the garden.

“How old are you?”

‘Silly, he’s eighteen,” said Marie.

“Which do you like best, basketball, baseball, dancing, swimming, or jaialai?”

“No, no,” protested Marie. “Put sports together in one lump, and entertainments in one lump, but don’t mix them! Anyone knows if you mix sports and other things, all a boy can do is say he likes baseball and let it go at that. The way to ask is, do you like dancing or going to the show best? How about that, Bob?”

“Dancing,” said Bob.

Both girls squealed. They made marks on their score cards. A diplomat, thought father. A real diplomat.

“Do you like swimming or tennis?” asked Marie.

“Swimming.”

The girls squealed again.

“Genius,” murmured father.

The girls were at Bob Jones like a family of magpies building a nest. Did he like malts or sundaes, Saturday-night dates of Friday-night ones; did he like going steady or intermittent; how tall was he; did he like English or history; athletics or social activities? Bob Jones began to fidget a little and glance about the garden. Pencils scribbled, papers turned, scores were made or unmade.

Father was about to retreat from the tumultuous scene when the front door-bell went ‘shave-and-a-Haircut-Two-Bits” and a moment Inter as he

Запрещено для коммерческого использования

— Делай, что хочешь, — ответили девушки, и отец выскочил на улицу, пока Боб Джонс не начал пожимать руки его дочерям.

* * *

Вернувшись с прогулки, он обнаружил мать в гостиной.

— Как продвигается большой любовный экзамен? — спросил он.

— Сидят в саду под лампой и почти не говорят, — сказала мать. — Только смотрят друг на друга.

— Ничего же, если я немного подслушаю?

— Нет, ты что, это же нечестно.

— Милая моя, мы ведь не так часто присутствуем при таких грандиозных природных явлениях. Вряд ли я доберусь до Парикутина или Кракатау, я, может, даже не увижу Большой Каньон, но если уж в нашем саду расщепляют атомное ядро, я обязан посмотреть хотя бы на дым. Обещаю быть тихим как мышь.

Он прошёл на тёмную кухню и стал слушать.

— Хорошо, — продолжала Мэг в саду, — сколько вам лет?

— Восемнадцать ему, дурочка, — перебила её Мари.

— Что вы больше любите: баскетбол, бейсбол, танцы, плавание или хай-алай?

— Да нет же, — возмутилась Мари. — Не мешай всё в одну кучу: отдельно спорт, отдельно всё остальное! Будешь делать так, как в первый раз, и любой парень тебе скажет, что бейсбол лучше всего, и что с того? Давай так: что вы любите больше: танцевать или смотреть кино? Что скажете, Боб?

— Танцевать, — ответил Боб.

Обе завизжали от восторга и сделали пометки в своих листах.

«Дипломат, — подумал отец, — настоящий дипломат».

— Плавание или теннис? — допытывалась Мари.

— Плавание.

Они завизжали снова.

«Просто гений», — подумал отец.

Сёстры крутились вокруг Боба, как птички, вьющие гнёздышко. Они спрашивали его, любит ли он пиво или пломбир, свидания в субботу или в пятницу, спонтанные или запланированные; какой у него рост, любит ли он больше английский или историю, спорт или общественные работы. Боб Джонс уже начинал ёрзать и поглядывать в сад, но девицы упорно скрипели карандашами, шуршали листами, складывали и вычитали баллы.

Отец уже хотел оторваться от зрелища, когда прозвенел дверной звонок. Он открыл дверь, и в комнату влетела Пери Ларсен, милая, лёгкая на подъём блондинка со светящимися глазами. Смотреть на неё было всё

Запрещено для коммерческого использования

answered it, in bounced Peri Larsen, a very blond sweet girl, quick on her feet and flashing of eye. Looking at her was like watching the sea on a sunny day, something going on all the time here, there and everywhere.

"Here I am!" she cried.

"There you are indeed," said father.

"I'm here to referee," said Peri.

"You're joking!"

"No; Meg and Marie called me earlier, said they couldn't trust each other to add up the scores right, so would I come over. Is Jones here?"

"Jones is the mountain in the garden, with the two woodpeckers flying in circles around it."

"Poor Jones. Isn't it crazy fun?" Peri leaped past him and headed for the kitchen. The back door slammed.

Father stood with his hand on his chin, remembering how she had looked, running. He turned to mother. "I have a deep feeling of sadness," he said, "l sense a tragedy about to occur. Much weeping, wailing and tearing of hair."

"Something out of Medea?" asked mother.

"Or Wuthering Height, heaven knows. Have you ever noticed Peri Larsen? I have. Most unfortunate. Meg has good looks, Marie the personality, but Peri Larsen has both, and a brain, as l recall from her honor society—in one body. Wait for the storm to break."

It was not long in breaking. A great shout and a squabbling arose in the garden. Feminine voices lifted in protest. Scores were being added, subtracted, divided, and worked into algebraic formulas. Father stood rigid in the center of the living room, translating the screams to mother.

"Now Peri says the scorecards prove that Marie should get Bob Jones." Somebody wailed.

"That's Meg wailing, in case you don't know."

"Oh, lord!" said mother.

"Hold on; a shift in the line," said father. He edged toward the kitchen.

"Oops! Peri says she added wrong. Leaning on football, ice hockey and malted milks, it comes out that Meg gets Bob Jones!"

From the garden came the cry of a wounded lioness.

"That was the other daughter," said father. "Taking ant poison on the spot."

"Hold on!" said a voice.

"Hold on!" Father put a hand up to the living room, cautioning every chair to be quiet.

"They're checking it again?" asked mother.

"Right," said father.

Запрещено для коммерческого использования

равно что любоваться морем в солнечную погоду: всё двигается каждую секунду, меняется всё и сразу.

— Вот и я! — воскликнула она.

— И правда, вот и вы, — пробормотал отец.

— Я пришла судить, — объявила она.

— Да вы шутите!

— Нет-нет, я серьёзно; Мэг и Мари позвали меня, сказали, что не могут доверить друг другу подсчёт баллов, вот я и пришла. Джонс тоже здесь?

— А вон он: большая сосна, вокруг которой кружат маленькие дятлы.

— Бедный Джонс. Так интересно, правда?

Пери обошла его и выскользнула на кухню. Хлопнула задняя дверь.

Отец постоял, держась за подбородок и вспоминая, как выглядит Пери. Потом он повернулся к жене.

— Меня терзают сомнения, — произнёс он, — думаю, скоро разыграется драма. Кто-то будет рыдать, выть и рвать на себе волосы.

— Будет что-нибудь из «Медеи»?

— Или из «Грозового перевала», кто знает. Ты когда-нибудь присматривалась к Пери Ларсен? Потому что я, к сожалению, это сделал. У Мэг есть внешность, у Мари — индивидуальность, но у Пери — и то, и другое, да и голова на плечах тоже есть, как я успел заметить. Всё, что нужно, и в одном человеке. Чувствую, скоро разразится буря.

Ждать бури пришлось недолго.

В саду истошно завопили, потом яростно заспорили. Женские голоса надрывались всё громче. Девушки складывали баллы, вычитали их, умножали, делили и подставляли в алгебраические формулы. Отец стоял не двигаясь в центре гостиной и переводил матери все вопли.

— Пери говорит, что по очкам Боба получает Мари.

В саду кто-то взвыл.

— Поясняю: это Мэг.

— О боже, — вздохнула мать.

— Подожди, немного изменились позиции, — отец перешёл ближе к кухне. — Ух ты! Пери говорит, что ошиблась: если взять за основу футбол, хоккей и молочные коктейли, то Боб достанется Мэг.

Из сада донёсся рёв раненой львицы.

— А это уже Мари, — пояснил отец. — Пьёт муравьиный яд прямо при свидетелях.

— Стоп! — раздался голос.

— Стоп! — отец поднял руку, ожидая, пока вся гостиная, включая стулья, замрёт и прислушается.

— Опять проверяют? — спросила мать.

Запрещено для коммерческого использования

"Peri Larsen says that both of the scorecards come out even. So Bob has to go with both of them!" said father.

"No!"

"Yes."

There was a great thundering murmur which subsided. The sound of a trapped bear.

"That was Bob Jones," said father.

"Go take a look at his face," said mother.

"Dear Peri Larsen, l have a feeling she —"

The back door burst open and Meg and Marie rushed in, waving papers. "Dad, you add it up, you tell us, you make the total. Will you, please help us, dad!"

"All right, all right." He glanced toward the back door. Bob Jones and Peri Larsen were out in the garden alone. He cleared his throat and shut his eyes. Then he took the pencil.

"Why don't you, while I"m figuring this out, go back out to the garden and —"

"We'll wait, dad."

"But you should —"

"We'll wait: you add it up."

"But —"

"Oh, dad!"

"All right, all right. Here we go. Two points for football, two for malteds, and, let's see _____"

He worked on it for a minute, with both girls nervously tugging at his elbows. The garden was ominously silent. He kept glancing up, clearing his throat, and making small errors. At last, the back door opened, and, smiling. Peri Larsen walked through the house. "How's it coming?" she asked.

"Slow," said father. "Or maybe fast. It's all in how you look at it."

"I just remembered some homework. Gee! I got to run," said Peri, and was out the front door in an instant.

"Peri, come back!" cried the girls, but she was gone.

The back door was very quiet. And then, as father worked out the last details, the back door opened again and the walking mountain came through the house, blinking somewhat foolishly.

Looking as if he had been hit on the head, Bob Jones said, "Well, it's been nice. See you around." He sort of giggled.

"Bob, you're not going!"

"Just remembered I got baseball practice tonight at the field. Clean out of my mind. Thanks for the peaches, Mr. Fifield."

Запрещено для коммерческого использования

— Опять, — кивнул отец. — Пери Ларсен говорит, что количество очков одинаковое. Бобу придётся встречаться с обеими!

— Не может быть!

— Всё так и есть.

По саду пронёсся оглушительный рёв попавшего в капкан медведя.

— А вот ЭТО Боб Джонс, — заключил отец.

— Иди, посмотри на его лицо, — сказала мать.

— У меня есть предчувствие, что Пери Ларсен…

Задняя дверь распахнулась, и Мэг и Мари вбежали на кухню, размахивая листами:

— Пап, посчитай сам, скажи нам, помоги, пожалуйста, папа!

— Хорошо, хорошо.

Он посмотрел в сторону сада. Боб Джонс и Пери Ларсен остались вдвоём. Он прочистил горло, прикрыл глаза и взял карандаш.

— Почему бы вам, пока я считаю, не пойти обратно в сад и…

— Нет, пап, мы тут подождём.

— Но вы всё-таки…

— Мы подождём: считай, пап!

— Но…

— Ну папа!

— Ладно, ладно. Так, что тут у нас? Два балла за футбол, два за коктейли, и, дайте-ка взглянуть…

Он с минуту считал, пока дочери нервно следили за каждым его движением. В саду царила зловещая тишина. Отец поднимал глаза, прочищал горло, ошибался в расчётах. Наконец задняя дверь распахнулась, и Пери Ларсен с улыбкой на лице впорхнула в дом.

— Как продвигается? — спросила она.

— Медленно, — сказал отец. — А, может, быстро. Это как посмотреть.

— Я совсем забыла: меня ждёт работа по дому. Пора бежать, — и Пери уже была у входной двери.

— Пери, вернись! — крикнули сёстры, но было поздно.

Задняя дверь молчала, но как только отец приступил к завершению, она отворилась снова, и в гостиную, глупо моргая, вошла большая сосна.

— Ну, было очень приятно с вами познакомиться, — хихикнул Боб Джонс. Вид у него при этом был такой, будто его ударили мешком по голове.

— Нет, Боб, и ты тоже!

— Только что вспомнил: сегодня же тренировка по бейсболу. Вылетело из головы. Спасибо за персики, мистер Файфилд.

Запрещено для коммерческого использования

"Don't thank me. Thank their mother for raising them right," said father.

Bob Jones, looking as if he had been hit by several anvils, wandered about the room saying good night, collided with himself, it seemed, and stepped out the front door, apologizing. They heard him fall down the front steps and get up, laughing.

"Dad!" cried the two girls. "Well," said mother.

Father went back to the figures. He was afraid to look up the girls' pale faces. They were watching him put the very last touches to the totals.

"Dad," they said, "what's it add up to?"

"Daughters," he said, taking a deep breath and sitting back, "I figure it that Meg has a nice round zero, and Marie has a cipher of comparable size and origin. In other words, girls, neither of you gets the boy who walks like a man. You forgot to add two little things."

"What?"

He walked to the bedroom silently, came back with their mother's purse. From it he extracted a bottle of perfume and a single brass tube of red lipstick.

"You forgot about these." He said. "Did you see Bob Jones' face when he wandered out of here?"

They nodded mutely,

"Remember that look," said father.

"When you see that look, it means you should have stopped talking half an hour ago. I don't think you will be seeing Mr. Jones again."

The two girls wailed quietly.

"In fifteen minutes", said father, checking his watch, "there will be a small ceremony at the incinerator behind our house. You are asked to attend, bringing your tests, exams, quizzes and tomes on psychology. I will officiate in a burning of the books. We will then all head for the nearest theater to see a double feature and come out refreshed, realizing that tomorrow is another day and Bob Jones is neither as tall nor us dark nor as handsome as we once somehow thought he was."

"Yes, sir," said Meg.

"Yes, sir," said Marie.

Father wrote across the exam papers: Peri Larsen — 1, Home Team — 0.

"All right, team, hit the showers!"

The girls went upstairs slowly. At the top they started to run.

Father sat down and lit his pipe and puffed on it philosophically. "They'll learn," he said.

Mother nodded quietly.

"You'll have to give them a few examples," said father.

Запрещено для коммерческого использования

— Благодари мою жену, это она их выращивала.

Боб Джонс бродил по дому, всё ещё выглядя так, как будто его ударили, желал всем спокойной ночи, извинялся и смеялся над собой. Наконец он вышел. Было слышно, как он споткнулся на ступеньках и опять рассмеялся.

— Папа! — воскликнули сёстры.

— Ну? — спросила мать.

Отец повернулся к ним. Его поразили бледные как смерть лица дочерей. Они смотрели на него и ждали вердикта.

— Пап, — спросили они, — так что там получилось?

— Дорогие мои, — начал отец, глубоко вдохнув и садясь обратно в кресло. — Могу поклясться, что Мэг получила красивый круглый нуль, а Мари — что-то примерно той же формы и содержания. По-другому, дамы, никто из вас не получит этого храбро сражавшегося юношу. Вы забыли о двух маленьких вещах.

— О каких же?

Он тихо прошёл в спальню и вернулся с косметичкой жены. Из неё он достал флакон духов и красную помаду и предъявил их дочерям.

— Вот об этом вы забыли, — сказал отец. — И ещё: видели вы лицо Боба Джонса, когда он уходил?

Сёстры молча кивнули.

— Запомните это лицо, — сказал отец. — Если вы увидите такое лицо ещё раз, это будет значить, что вам надо было замолчать ещё полчаса назад. Не думаю, что вы ещё увидите мистера Джонса.

Сёстры тихо простонали.

— А теперь, — сказал отец, посмотрев на часы, — вот что я вам скажу: через пятнадцать минут в нашем крематории на заднем дворе состоится небольшая церемония, куда вас просят прийти в сопровождении всех ваших учебников по психологии, тестов, экзаменов и конкурсов, которые вы составили. Я лично проведу обряд сожжения. Потом мы все вместе направимся в ближайший кинотеатр на самый длинный сеанс и выйдем оттуда обновлёнными. Мы поймём, что завтра будет новый день, а Боб Джонс не так уж высок, темноволос и красив, как нам казалось.

— Есть, сэр, — кивнула Мэг.

— Есть, сэр, — кивнула Мари.

И отец взял лист и поверх всех баллов и результатов экзамена вывел: «Пери Ларсен — 1, семейная команда — 0».

— А теперь, команда, собирайтесь!

Сёстры поплелись по лестнице, но наверху перешли на бег.

Отец сел в кресло, закурил трубку и с видом философа сделал несколько затяжек.

Запрещено для коммерческого использования

Mother nodded again, in silence.

"It's been quite an evening," said father.

Mother, being the sort of woman he hoped his daughters would someday resemble, said nothing.

Still saying nothing, mother got up, smiling, walked over to father, kissed him on the cheek. Then, quietly, neither of them saying a word in a silent house, they moved through the halls and rooms, getting ready to go out to the late show.

Менькова Алёна, 17 лет
Российская Федерация, г. Москва

"FRANKENSTEIN" BY MARY SHELLEY

Chapter 10

I spent the following day roaming through the valley. I stood beside the sources of the Arveiron, which take their rise in a glacier, that with slow pace is advancing down from the summit of the hills to barricade the valley. The abrupt sides of vast mountains were before me; the icy wall of the glacier overhung me; a few shattered pines were scattered around; and the solemn silence of this glorious presence-chamber of imperial Nature was broken only by the brawling waves or the fall of some vast fragment, the thunder sound of the avalanche or the cracking, reverberated along the mountains, of the accumulated ice, which, through the silent working of immutable laws, was ever and anon rent and torn, as if it had been but a plaything in their hands. These sublime and magnificent scenes afforded me the greatest consolation that I was capable of receiving. They elevated me from all littleness of feeling, and although they did not remove my grief, they subdued and tranquillised it. In some degree, also, they diverted my mind from the thoughts over which it had brooded for the last month. I retired to rest at night; my slumbers, as it were, waited on and ministered to by the assemblance of grand shapes which I had contemplated during the day. They congregated round me; the unstained snowy mountain-top, the glittering pinnacle, the pine woods, and ragged bare ravine, the eagle, soaring amidst the clouds—they all gathered round me and bade me be at peace.

Where had they fled when the next morning I awoke? All of soul-inspiriting fled with sleep, and dark melancholy clouded every thought. The rain was pouring in torrents, and thick mists hid the summits of the

Запрещено для коммерческого использования

— Они научатся, — произнёс он.

Мать молча кивнула.

— Тебе придётся дать им пару уроков, — продолжил он.

Она опять молча кивнула.

— Вот это вечер, — сказал отец.

И мать снова промолчала, потому что была из тех женщин, какими её муж хотел увидеть обеих своих дочерей. Всё ещё не говоря ни слова, она встала, с улыбкой подошла к мужу и поцеловала его в щёку. И они оба, также без слов, пошли в другие комнаты, чтобы собраться в кино.

Менькова Алёна, 17 лет
Российская Федерация, г. Москва

МЭРИ ШЕЛЛИ «ФРАНКЕНШТЕЙН»

Глава 10

Весь следующий день я провел, скитаясь по долине. Я стоял у истоков Арвейрона, что берут начало в леднике, плавно движущемся с вершин холмов, чтобы перекрыть долину собой. Крутые склоны колоссальных гор возвышались предо мной; стеною нависал ледник; вокруг стояли сломленные сосны; и скорбную тишину этого величественного заповедного места нарушали лишь грохот от падения некого громадного фрагмента ледника, гул лавины, или отдающийся сквозь горы эхом треск нагромождений льда, что под гнётом незыблемых законов поминутно трескался и рвался, будто был в их руках лишь игрушкой. Эти грандиозные, изумительные сцены давали мне величайшее утешение, что я мог принять. Они возвышали меня над всей ничтожностью моих чувств, и, хоть и не утоляли моего горя, подавляли и успокаивали его. В некоторой мере они также отводили мой разум от мыслей, которые тяготили его весь прошедший месяц. Ночью я отошел ко сну; и грёзам моим как бы служило то собрание великих форм, о коих я размышлял в течение дня. Они сходились вокруг меня: и незапятнанная белизна горной вершины, и сосновый лес, и обрывистая голая равнина, и орел, что кружил среди облаков, — все они собрались вокруг и пожелали мне покоя.

Куда же пропали они следующим утром? Все мое воодушевление утекло вместе со сном, и мрачная меланхолия облекла мои думы. Потоками на меня обрушивался дождь, и плотный туман скрывал вершины гор, не позволяя мне даже увидеть лица моих могучих спутников. И все

Запрещено для коммерческого использования

mountains, so that I even saw not the faces of those mighty friends. Still I would penetrate their misty veil and seek them in their cloudy retreats. What were rain and storm to me? My mule was brought to the door, and I resolved to ascend to the summit of Montanvert. I remembered the effect that the view of the tremendous and ever-moving glacier had produced upon my mind when I first saw it. It had then filled me with a sublime ecstasy that gave wings to the soul and allowed it to soar from the obscure world to light and joy. The sight of the awful and majestic in nature had indeed always the effect of solemnising my mind and causing me to forget the passing cares of life. I determined to go without a guide, for I was well acquainted with the path, and the presence of another would destroy the solitary grandeur of the scene.

The ascent is precipitous, but the path is cut into continual and short windings, which enable you to surmount the perpendicularity of the mountain. It is a scene terrifically desolate. In a thousand spots the traces of the winter avalanche may be perceived, where trees lie broken and strewed on the ground, some entirely destroyed, others bent, leaning upon the jutting rocks of the mountain or transversely upon other trees. The path, as you ascend higher, is intersected by ravines of snow, down which stones continually roll from above; one of them is particularly dangerous, as the slightest sound, such as even speaking in a loud voice, produces a concussion of air sufficient to draw destruction upon the head of the speaker. The pines are not tall or luxuriant, but they are sombre and add an air of severity to the scene. I looked on the valley beneath; vast mists were rising from the rivers which ran through it and curling in thick wreaths around the opposite mountains, whose summits were hid in the uniform clouds, while rain poured from the dark sky and added to the melancholy impression I received from the objects around me. Alas! Why does man boast of sensibilities superior to those apparent in the brute; it only renders them more necessary beings. If our impulses were confined to hunger, thirst, and desire, we might be nearly free; but now we are moved by every wind that blows and a chance word or scene that that word may convey to us.

We rest; a dream has power to poison sleep.
We rise; one wand'ring thought pollutes the day.
We feel, conceive, or reason; laugh or weep,
Embrace fond woe, or cast our cares away;
It is the same: for, be it joy or sorrow,
The path of its departure still is free.
Man's yesterday may ne'er be like his morrow;
Nought may endure but mutability!

It was nearly noon when I arrived at the top of the ascent. For some time

Запрещено для коммерческого использования

же я проник бы сквозь эту пасмурную пелену и отыскал бы их среди туч. Что для меня дожди и бури? Мой мул прибыл к моей двери, и я решился подняться на вершину горы Монтенвер. Я помнил то влияние, что произвел на меня вид громадного и вечно движущегося ледника, когда я увидел его впервые. Тогда он наполнил меня возвышенным вдохновением, что окрылило мою душу и позволило ей воспарить из мрачной реальности к свету и радости. Воистину, виды природы, величественной и внушающей страх, всегда успокаивали мой разум и заставляли забыть скоротечные тревоги жизни. Я решил идти без проводника, ведь я хорошо знал дорогу, а присутствие другого разрушило бы одинокое величие пейзажа.

Подъем на гору обрывист, но путь разделен на постоянные короткие повороты, что позволяют преодолеть отвесный склон. Вид удивительно пустынный. В тысячах мест видны следы зимней лавины, где сломленные деревья разбросаны по земле, одни уничтожены полностью, другие согнуты, опираясь на горные выступы или на другие стволы. Выше путь пересечен снежными оврагами, в которые сверху неустанно скатываются камни; один из них опасен в особенности, ведь малейший звук, даже громкий голос, волнует воздух достаточно, чтобы навлечь катастрофу на голову говорящего. Сосны там не высоки и не пышны, но они мрачны, и добавляют сцене строгости. Я взглянул на долину внизу: туман поднимался от текущих сквозь нее рек и обвивал густыми завитками горы напротив, чьи вершины крылись в сплошных облаках, пока дождь лился из темного неба и дополнял мое меланхоличное впечатление от видов вокруг меня. Увы! Зря хвастается человек чувствительностью, превосходящей дикаря, ведь она лишь делает его существом более уязвимым. Если бы наши порывы ограничивались голодом, жаждой и страстью, мы были бы почти свободны; но теперь нами движут легкомысленные ветра и случайные слова, или сцены, что эти слова могут нам представить.

Мы спим, но грезы отравляют сон.
Мы просыпаемся — мысль омрачает день.
Мы чуем, спорим, плачем иль смеемся,
Горюем, иль заботы отстраняем тень
И всё одно: ведь радости и горю
Открыт путь отступления наравне
Грядущий день прошедшему не ровня,
Одна превратность до заката дней!

Когда я прибыл на вершину, уже был почти полдень. Некоторое время сидел я на скале, что возвышалась над ледяной гладью. Туман скрывал и ее, и окружающие горы. Сейчас же легкий ветерок разогнал об-

Запрещено для коммерческого использования

I sat upon the rock that overlooks the sea of ice. A mist covered both that and the surrounding mountains. Presently a breeze dissipated the cloud, and I descended upon the glacier. The surface is very uneven, rising like the waves of a troubled sea, descending low, and interspersed by rifts that sink deep. The field of ice is almost a league in width, but I spent nearly two hours in crossing it. The opposite mountain is a bare perpendicular rock. From the side where I now stood Montanvert was exactly opposite, at the distance of a league; and above it rose Mont Blanc, in awful majesty. I remained in a recess of the rock, gazing on this wonderful and stupendous scene. The sea, or rather the vast river of ice, wound among its dependent mountains, whose aerial summits hung over its recesses. Their icy and glittering peaks shone in the sunlight over the clouds. My heart, which was before sorrowful, now swelled with something like joy; I exclaimed, "Wandering spirits, if indeed ye wander, and do not rest in your narrow beds, allow me this faint happiness, or take me, as your companion, away from the joys of life."

As I said this I suddenly beheld the figure of a man, at some distance, advancing towards me with superhuman speed. He bounded over the crevices in the ice, among which I had walked with caution; his stature, also, as he approached, seemed to exceed that of man. I was troubled; a mist came over my eyes, and I felt a faintness seize me, but I was quickly restored by the cold gale of the mountains. I perceived, as the shape came nearer (sight tremendous and abhorred!) that it was the wretch whom I had created. I trembled with rage and horror, resolving to wait his approach and then close with him in mortal combat. He approached; his countenance bespoke bitter anguish, combined with disdain and malignity, while its unearthly ugliness rendered it almost too horrible for human eyes. But I scarcely observed this; rage and hatred had at first deprived me of utterance, and I recovered only to overwhelm him with words expressive of furious detestation and contempt.

"Devil," I exclaimed, "do you dare approach me? And do not you fear the fierce vengeance of my arm wreaked on your miserable head? Begone, vile insect! Or rather, stay, that I may trample you to dust! And, oh! That I could, with the extinction of your miserable existence, restore those victims whom you have so diabolically murdered!"

"I expected this reception," said the dæmon. "All men hate the wretched; how, then, must I be hated, who am miserable beyond all living things! Yet you, my creator, detest and spurn me, thy creature, to whom thou art bound by ties only dissoluble by the annihilation of one of us. You purpose to kill me. How dare you sport thus with life? Do your duty towards me, and I will do mine towards you and the rest of mankind. If you will comply with my conditions, I will leave them and you at peace; but if you refuse,

Запрещено для коммерческого использования

лака, и я спустился на ледник. Поверхность его была неровной — она поднималась и опускалась, как волны неспокойного моря, и прерывалась глубокими разломами. Ледяное поле было шириной почти в лье, и я два часа пробирался через него. Передо мной располагался отвесный, перпендикулярный склон. Оттуда, где я теперь стоял, Монтенвер стоял строго напротив, на дистанции в один лье, а над ним возвышался Монблан во всем его грандиозном величии. Я остался в углублении скалы, оглядывая этот изумительный вид. Море, или, скорее, обширная река льда, вилась среди гор, чьи высокие вершины нависали над ее впадинами. Их сверкающие ледяные пики сияли от солнца над облаками. Мое сердце, до сей поры омраченное горем, теперь наполнилось чем-то вроде радости; я воскликнул: — Странствующие духи, если вы на деле странствуете, а не покоитесь в своих тесных могилах, позвольте мне вкусить эту малую радость, или заберите меня, своего спутника, от радостей жизни!

Как только я сказал это, я вдруг увидел вдали фигуру человека, что приближался ко мне со сверхъестественной скоростью. Он легко преодолевал разломы во льду, среди которых я лишь робко крался, и рост его превышал человеческий. Я ослабел, и в глазах у меня потемнело, но холодный горный ветер быстро привел меня в чувство. Когда он приблизился (о, ужасное зрелище!), я увидел, что это было ненавистное созданное мной чудовище. Я затрясся от ярости и ужаса, решившись дать ему подойти ближе, и после вступить с ним в битву на смерть. Он подошел; лицо его искажали горькая тоска и презрение, а неземное его уродство чуть ли не делало его слишком ужасным для людских глаз. Но я едва ли это заметил — от гнева и ненависти я лишился дара речи, и как только оправился, окатил его словами, полными отвращения и ярости.

— Дьявол, — воскликнул я, — как смеешь ты приближаться, не боясь моей мстительной руки? Прочь, подлое насекомое! Нет, лучше останься, чтобы я стер тебя в порошок! О, если бы только с концом твоего жалкого существования воскресли те, кого ты гнусно убил!

— Такого приема я и ожидал, — вздохнул демон. — Все люди презирают несчастных; каким же презренным должен быть я, тот, кто несчастнее всего живого! Даже ты, создатель, ненавидишь меня, свое создание, с кем связан ты узами, что прервутся лишь при смерти одного из нас. Ты желаешь убить меня. Но как смеешь ты так играться с жизнью? Исполни свой долг передо мной, и я исполню свой перед тобой и всем человечеством. Прими мои условия, и я оставлю вас всех в покое — но если ты откажешься, я вдоволь напою пасть смерти кровью оставшихся твоих друзей.

Запрещено для коммерческого использования

I will glut the maw of death, until it be satiated with the blood of your remaining friends."

"Abhorred monster! Fiend that thou art! The tortures of hell are too mild a vengeance for thy crimes. Wretched devil! You reproach me with your creation, come on, then, that I may extinguish the spark which I so negligently bestowed."

My rage was without bounds; I sprang on him, impelled by all the feelings which can arm one being against the existence of another.

He easily eluded me and said,

"Be calm! I entreat you to hear me before you give vent to your hatred on my devoted head. Have I not suffered enough, that you seek to increase my misery? Life, although it may only be an accumulation of anguish, is dear to me, and I will defend it. Remember, thou hast made me more powerful than thyself; my height is superior to thine, my joints more supple. But I will not be tempted to set myself in opposition to thee. I am thy creature, and I will be even mild and docile to my natural lord and king if thou wilt also perform thy part, the which thou owest me. Oh, Frankenstein, be not equitable to every other and trample upon me alone, to whom thy justice, and even thy clemency and affection, is most due. Remember that I am thy creature; I ought to be thy Adam, but I am rather the fallen angel, whom thou drivest from joy for no misdeed. Everywhere I see bliss, from which I alone am irrevocably excluded. I was benevolent and good; misery made me a fiend. Make me happy, and I shall again be virtuous."

"Begone! I will not hear you. There can be no community between you and me; we are enemies. Begone, or let us try our strength in a fight, in which one must fall."

"How can I move thee? Will no entreaties cause thee to turn a favourable eye upon thy creature, who implores thy goodness and compassion? Believe me, Frankenstein, I was benevolent; my soul glowed with love and humanity; but am I not alone, miserably alone? You, my creator, abhor me; what hope can I gather from your fellow creatures, who owe me nothing? They spurn and hate me. The desert mountains and dreary glaciers are my refuge. I have wandered here many days; the caves of ice, which I only do not fear, are a dwelling to me, and the only one which man does not grudge. These bleak skies I hail, for they are kinder to me than your fellow beings. If the multitude of mankind knew of my existence, they would do as you do, and arm themselves for my destruction. Shall I not then hate them who abhor me? I will keep no terms with my enemies. I am miserable, and they shall share my wretchedness. Yet it is in your power to recompense me, and deliver them from an evil which it only remains for you to make so great, that not only you and your family, but thousands of

Запрещено для коммерческого использования

— Ненавистное чудовище! Отродье! Даже муки ада будут для тебя недостаточным наказанием. Проклятый демон, и ты упрекаешь меня в своем создании? Ну же! Иди сюда, и я потушу ту искру, что так неосторожно дал тебе!

Мой гнев не знал границ. Я ринулся на него, движимый всем, что может вооружить одно существо против существования другого.

Он легко ушел от моего удара и сказал:

— Успокойся! Я умоляю тебя выслушать меня, прежде чем ты обрушишь свой гнев на мою голову. Разве я недостаточно страдал? Зачем хочешь ты умножить мое несчастье? Жизнь, хоть она и есть лишь скопление боли, дорога мне, и я буду за нее бороться. Ты ведь сделал меня сильнее себя; я выше тебя, и суставы мои гибче. Но я не стану тебе врагом. Я — твое создание, и я готов повиноваться моему господину, если и ты исполнишь свой долг передо мною. О, Франкенштейн, неужто будешь ты честен ко всем, но попрешь лишь меня, кому обязан справедливостью и даже лаской? Помни что ты создал меня; мне должно быть твоим Адамом, но стал я падшим ангелом, которого отстранил ты от счастья ни за что. Везде вижу я радость, и везде лишь я ее не заслуживаю! Я был добр и дружелюбен — несчастье сделало из меня дьявола. Дай же мне счастье, и я вновь стану добродетелен.

— Прочь! Я не хочу тебя слышать! Между нами не будет дружбы, мы — враги. Убирайся, или вступи со мной в битву, где один из нас падет.

— Как могу я тронуть твое сердце? Неужели никакие слова не убедят тебя взглянуть благосклонно на твое создание, что просит твоей доброты и сострадания? Поверь мне, Франкенштейн, я был добр; душа моя была полна любви и человечности; но разве я не одинок? Ты, мой создатель, презираешь меня; чего могу ожидать я от твоих собратьев, которые ничем мне не должны? Они гонят и ненавидят меня. Пустынные горы и угрюмые ледники — вот мое убежище. Я скитался здесь много дней; ледяные пещеры, которых лишь я не опасаюсь, служат мне единственным приютом, из которого меня не изгонят люди. Я славлю эти бледные небеса, ведь они ко мне добрее, чем твои собратья. Если бы все человечество знало о моем существовании, оно последовало бы твоему примеру и вооружило бы себя для моего уничтожения. Неужто не должен я ненавидеть тех, что ненавидит меня? Я не намерен быть другом своим врагам. Я несчастен, и они разделят мои страдания. Но в твоих силах отплатить мне, и спасти их от зла, что с твоей легкой руки станет так велико, что поглотит в буре своей ярости не только тебя и твоих близких, но и тысячи других. Смягчи свое сердце, и не презри меня. Выслушай меня, и когда услышишь мой рассказ, покинь или пожалей меня, как тебе угодно. Но выслушай меня. Виновные заслуживают по

Запрещено для коммерческого использования

others, shall be swallowed up in the whirlwinds of its rage. Let your compassion be moved, and do not disdain me. Listen to my tale; when you have heard that, abandon or commiserate me, as you shall judge that I deserve. But hear me. The guilty are allowed, by human laws, bloody as they are, to speak in their own defence before they are condemned. Listen to me, Frankenstein. You accuse me of murder, and yet you would, with a satisfied conscience, destroy your own creature. Oh, praise the eternal justice of man! Yet I ask you not to spare me; listen to me, and then, if you can, and if you will, destroy the work of your hands."

"Why do you call to my remembrance," I rejoined, "circumstances of which I shudder to reflect, that I have been the miserable origin and author? Cursed be the day, abhorred devil, in which you first saw light! Cursed (although I curse myself) be the hands that formed you! You have made me wretched beyond expression. You have left me no power to consider whether I am just to you or not. Begone! Relieve me from the sight of your detested form."

"Thus I relieve thee, my creator," he said, and placed his hated hands before my eyes, which I flung from me with violence; "thus I take from thee a sight which you abhor. Still thou canst listen to me and grant me thy compassion. By the virtues that I once possessed, I demand this from you. Hear my tale; it is long and strange, and the temperature of this place is not fitting to your fine sensations; come to the hut upon the mountain. The sun is yet high in the heavens; before it descends to hide itself behind your snowy precipices and illuminate another world, you will have heard my story and can decide. On you it rests, whether I quit for ever the neighbourhood of man and lead a harmless life, or become the scourge of your fellow creatures and the author of your own speedy ruin."

As he said this he led the way across the ice; I followed. My heart was full, and I did not answer him, but as I proceeded, I weighed the various arguments that he had used and determined at least to listen to his tale. I was partly urged by curiosity, and compassion confirmed my resolution. I had hitherto supposed him to be the murderer of my brother, and I eagerly sought a confirmation or denial of this opinion. For the first time, also, I felt what the duties of a creator towards his creature were, and that I ought to render him happy before I complained of his wickedness. These motives urged me to comply with his demand. We crossed the ice, therefore, and ascended the opposite rock. The air was cold, and the rain again began to descend; we entered the hut, the fiend with an air of exultation, I with a heavy heart and depressed spirits. But I consented to listen, and seating myself by the fire which my odious companion had lighted, he thus began his tale.

Запрещено для коммерческого использования

людским законам, как бы не сочились их руки кровью, высказаться в свою защиту перед приговором. Выслушай же меня, Франкенштейн! Ты обвиняешь меня в убийстве, но с чистой совестью готов уничтожить собственное создание. О, вечная слава людской справедливости! Но я не прошу пощады; я прошу лишь послушать меня, а потом, если ты сможешь, уничтожить то, что породил.

— Зачем просишь ты меня вспомнить, — возразил я, — события, в которых я с содроганием признаю свою вину? Будь проклят тот день, когда ты, ненавистное отродье, увидел свет! Будь прокляты те руки, что создали тебя, пусть даже они были мои! Ты принес мне несчастье, что я не могу выразить. Не могу я решить, справедлив ли я к тебе. Убирайся! Избавь меня от своего презренного вида.

— Вот — избавляю, создатель, — сказал он, и закрыл мои глаза своими ужасными руками, которые я яростно оттолкнул. — Освобождаю тебя от вида, что тебе так ненавистен. Все еще не хочешь ты выслушать меня и хоть на минуту посочувствовать. Во имя добродетелей, которые я когда-то имел, я прошу тебя об этом. Выслушай мой рассказ; он долог и странен, и холод этого места губителен для твоего чувствительного тела; последуй за мной в хижину на горе. Солнце еще высоко в небе — прежде чем оно успеет спрятаться за снежные вершины и осветить другой мир, ты услышишь мою историю и примешь решение. В твоих руках лежит выбор: уйду ли я навеки от людей, чтобы вести тихую жизнь, или стану бичом собратьев твоих и кузнецом твоей скорой кончины.

Говоря это, он шел по льду, и я следовал за ним. Разум мой был полон смятения, и я не ответил ему, но взвесил его аргументы и решил хотя бы выслушать его рассказ. Мной двигало отчасти любопытство, и сострадание утвердило мое решение. До сих пор я считал его убийцей своего брата, и я с нетерпением ждал подтверждения или опровержения моих сомнений. Впервые я почувствовал долг создателя перед его детищем, и решился успокоить его, прежде чем обвинять во зле. Это убедило меня последовать его просьбе. Так мы перешли через лед и поднялись на гору. Дождь вновь прорезал холодный воздух, мы вошли в хижину, отродье — торжествуя, я — с тяжелым сердцем и подавленным духом. Но я согласился слушать, и как только я сел у костра, что зажег мой ужасный спутник, он начал свой рассказ.

Запрещено для коммерческого использования

Туишева Альфия, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

“SHOOTING AN ELEPHANT” BY GEORGE ORWELL

In Moulmein, in lower Burma, I was hated by large numbers of people — the only time in my life that I have been important enough for this to happen to me. I was sub-divisional police officer of the town, and in an aimless, petty kind of way anti-European feeling was very bitter. No one had the guts to raise a riot, but if a European woman went through the bazaars alone somebody would probably spit betel juice over her dress. As a police officer I was an obvious target and was baited whenever it seemed safe to do so. When a nimble Burman tripped me up on the football field and the referee (another Burman) looked the other way, the crowd yelled with hideous laughter. This happened more than once. In the end the sneering yellow faces of young men that met me everywhere, the insults hooted after me when I was at a safe distance, got badly on my nerves. The young Buddhist priests were the worst of all. There were several thousands of them in the town and none of them seemed to have anything to do except stand on street corners and jeer at Europeans.

All this was perplexing and upsetting. For at that time I had already made up my mind that imperialism was an evil thing and the sooner I chucked up my job and got out of it the better. Theoretically — and secretly, of course — I was all for the Burmese and all against their oppressors, the British. As for the job I was doing, I hated it more bitterly than I can perhaps make clear. In a job like that you see the dirty work of Empire at close quarters. The wretched prisoners huddling in the stinking cages of the lock-ups, the grey, cowed faces of the long-term convicts, the scarred buttocks of the men who had been Bogged with bamboos — all these oppressed me with an intolerable sense of guilt. But I could get nothing into perspective. I was young and ill-educated and I had had to think out my problems in the utter silence that is imposed on every Englishman in the East. I did not even know that the British Empire is dying, still less did I know that it is a great deal better than the younger empires that are going to supplant it. All I knew was that I was stuck between my hatred of the empire I served and my rage against the evil-spirited little beasts who tried to make my job impossible. With one part of my mind I thought of the British Raj as an unbreakable tyranny, as something clamped down, in saecula saeculorum, upon the will of prostrate peoples; with another part I thought that the greatest joy in the world would be to drive a bayonet into a Buddhist priest’s guts. Feelings like these are the normal by-products of

Запрещено для коммерческого использования

Туишева Альфия, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ «СТРЕЛЬБА В СЛОНА»

В Мулмайне, южной части Бирмы, я был ненавистен куче людей — единственный раз, когда моя неприметная личность достигла таких сомнительных высот. Я служил в полиции и мне действительно было горько наблюдать за нелепыми антиевропейскими настроениями. При этом у всех кишка была тонка, чтобы бунтовать, но любой прохожий, увидев одинокую европейскую девушку на базаре, тут же мог облить ее платье ядрено-зеленым соком. Как полицейский я был очевидной целью для травли при каждом удобном случае. Когда ловкий бирманец подставил мне подножку на футбольном поле, а судья (тоже бирманец) в тот момент отвернулся, вся толпа мерзко ржала от удовольствия. И такое случалось не раз. Насмешливые лица местных, которые были везде и улюлюкали вслед, ужасно действовали мне на нервы. Молодые буддисты были хуже всех. В городе их было несколько тысяч и каждому как будто было нечем заняться, кроме как издеваться над европейцами.

Я был обескуражен и сбит с толку. На тот момент я уже решил, что империализм — это зло и что уже пора сваливать с этой работы, да подальше. Втайне я, конечно, был за бирманцев и против их угнетателей англичан. Даже передать не могу, насколько я ненавидел колонизаторов. Здесь видна обратная сторона и грязь империи вблизи. Несчастные заключенные в грязных клетках, жалкие лица осужденных, тела мужчин, покрытые шрамами — их пороли бамбуком — все это давило на меня нестерпимым чувством вины. Но я ни черта не понимал. Я был молод, плохо образован и был вынужден обдумывать свои проблемы в тишине с самим собой, как и каждый англичанин на Востоке. Я не знал, что Британская империя гибнет и даже не подозревал, что на смену ей придут другие империи, гораздо хуже прежней. Я понимал только, что застрял между ненавистью к империи, которой служу, и яростью против тех мелкие пакостников, пытавшихся сделать мою работу невыносимой. С одной стороны, я думал о Британской власти как о несокрушимом деспотизме, который извечно зажимает в тиски поверженные народы; с другой стороны, я мечтал о том, чтобы вогнать штык в кишки буддиста. Подобные ощущения — обычный побочный эффект империализма; вы можете узнать об этом у любого англо-индийского чиновника, если подкараулите его вне службы.

Однажды произошло событие, которое перевернуло мое мировоззрение с ног на голову. Само по себе оно было незначительное, но оно по-

Запрещено для коммерческого использования

imperialism; ask any Anglo-Indian official, if you can catch him off duty.

One day something happened which in a roundabout way was enlightening. It was a tiny incident in itself, but it gave me a better glimpse than I had had before of the real nature of imperialism — the real motives for which despotic governments act. Early one morning the sub-inspector at a police station the other end of the town rang me up on the phone and said that an elephant was ravaging the bazaar. Would I please come and do something about it? I did not know what I could do, but I wanted to see what was happening and I got on to a pony and started out. I took my rifle, an old 44 Winchester and much too small to kill an elephant, but I thought the noise might be useful in terrorem. Various Burmans stopped me on the way and told me about the elephant's doings. It was not, of course, a wild elephant, but a tame one which had gone "must." It had been chained up, as tame elephants always are when their attack of "must" is due, but on the previous night it had broken its chain and escaped. Its mahout, the only person who could manage it when it was in that state, had set out in pursuit, but had taken the wrong direction and was now twelve hours' journey away, and in the morning the elephant had suddenly reappeared in the town. The Burmese population had no weapons and were quite helpless against it. It had already destroyed somebody's bamboo hut, killed a cow and raided some fruit-stalls and devoured the stock; also it had met the municipal rubbish van and, when the driver jumped out and took to his heels, had turned the van over and inflicted violences upon it.

The Burmese sub-inspector and some Indian constables were waiting for me in the quarter where the elephant had been seen. It was a very poor quarter, a labyrinth of squalid bamboo huts, thatched with palmleaf, winding all over a steep hillside. I remember that it was a cloudy, stuffy morning at the beginning of the rains. We began questioning the people as to where the elephant had gone and, as usual, failed to get any definite information. That is invariably the case in the East; a story always sounds clear enough at a distance, but the nearer you get to the scene of events the vaguer it becomes. Some of the people said that the elephant had gone in one direction, some said that he had gone in another, some professed not even to have heard of any elephant. I had almost made up my mind that the whole story was a pack of lies, when we heard yells a little distance away. There was a loud, scandalized cry of "Go away, child! Go away this instant!" and an old woman with a switch in her hand came round the corner of a hut, violently shooing away a crowd of naked children. Some more women followed, clicking their tongues and exclaiming; evidently there was something that the children ought not to have seen. I rounded the hut and saw a man's dead body sprawling in the mud. He was an In-

Запрещено для коммерческого использования

могло мне лучше понять самую суть империализма — настоящие мотивы, которым следуют деспотичные власти. Утром инспектор из полицейского участка на другом краю города позвонил по телефону и сообщил, что слон громит базар. Могу ли я приехать и сделать что-нибудь? Я не знал, что можно предпринять, но мне захотелось посмотреть, что происходит, я сел на пони и поехал. С собой я прихватил винтовку, старое ружье 44-го калибра, которое было маловато, чтобы убить слона, но я подумал, что шум выстрелов мог бы припугнуть его. На пути встречались бирманцы и рассказывали о том самом слоне. Конечно, слон был не диким, а прирученным, но на него нашло сезонное помутнение, свойственное слонам. Он был прикован цепями, как и все слоны в таком состоянии, но накануне он разорвал цепи и сбежал. Его хозяин, единственный, кто мог им управлять при таком расстройстве, погнался за ним, но сбился с пути и теперь был очень далеко, а слон, как ни в чем не бывало, утром объявился в городе. У бирманцев не было оружия и они были совершенно беспомощны. Слон уже сломал чью-то бамбуковую хижину, убил корову, накинулся на лавки с фруктами и сожрал все их запасы; он напал на фургон с мусором, к счастью, водитель выбрался и убежал, сломя голову; слон перевернул машину и раздробил её на части.

Бирманский младший инспектор и несколько индийских полицейских ждали меня в том районе, где заметили слона. Это был очень бедный квартал, с лабиринтами покосившихся бамбуковых лачуг, раскиданных на крутом склоне холма. Помню как сейчас, это было пасмурное, душное утро перед дождем. Мы начали расспрашивать прохожих о том, куда мог пойти слон, но, как обычно в таких ситуациях, ничего конкретного не смогли услышать. На Востоке вообще так часто происходит: чем ближе к месту событий, тем более расплывчатым и непонятным становится описание. Кто-то говорил, что животное ушло в одну сторону, кто-то утверждал, что в другую, а третьи рассказали, что никакого слона и в помине не было. Я уже было решил, что вся история — выдумка, но вдруг мы услышали вопли совсем неподалеку. Раздавался громкий возмущенный ор: “Пошел отсюда! Беги подальше!” и из-за угла выбежала старуха с плетью в руке, которая яростно отгоняла толпу голых ребятишек. Потом вышли еще несколько недовольно цокающих и удивленных женщин; видимо, там было то, что не следовало видеть детям. Обходя барак, я увидел мертвое тело мужчины, лежащего в грязи. Это был чернокожий индиец, разнорабочий, почти без одежды, который умер совсем недавно. Люди рассказывали, что на него внезапно напал слон за углом хижины, схватил хоботом, поставил ногу, и так и впечатал в землю. Был сезон дождей, земля была мягкой, так что его лицо пробило вмятину глубиной в фут. Он лежал на животе с раскинутыми в разные

Запрещено для коммерческого использования

dian, a black Dravidian coolie, almost naked, and he could not have been dead many minutes. The people said that the elephant had come suddenly upon him round the corner of the hut, caught him with its trunk, put its foot on his back and ground him into the earth. This was the rainy season and the ground was soft, and his face had scored a trench a foot deep and a couple of yards long. He was lying on his belly with arms crucified and head sharply twisted to one side. His face was coated with mud, the eyes wide open, the teeth bared and grinning with an expression of unendurable agony. (Never tell me, by the way, that the dead look peaceful. Most of the corpses I have seen looked devilish.) The friction of the great beast's foot had stripped the skin from his back as neatly as one skins a rabbit. As soon as I saw the dead man I sent an orderly to a friend's house nearby to borrow an elephant rifle. I had already sent back the pony, not wanting it to go mad with fright and throw me if it smelt the elephant.

The orderly came back in a few minutes with a rifle and five cartridges, and meanwhile some Burmans had arrived and told us that the elephant was in the paddy fields below, only a few hundred yards away. As I started forward practically the whole population of the quarter flocked out of the houses and followed me. They had seen the rifle and were all shouting excitedly that I was going to shoot the elephant. They had not shown much interest in the elephant when he was merely ravaging their homes, but it was different now that he was going to be shot. It was a bit of fun to them, as it would be to an English crowd; besides they wanted the meat. It made me vaguely uneasy. I had no intention of shooting the elephant — I had merely sent for the rifle to defend myself if necessary — and it is always unnerving to have a crowd following you. I marched down the hill, looking and feeling a fool, with the rifle over my shoulder and an ever-growing army of people jostling at my heels. At the bottom, when you got away from the huts, there was a metalled road and beyond that a miry waste of paddy fields a thousand yards across, not yet ploughed but soggy from the first rains and dotted with coarse grass. The elephant was standing eight yards from the road, his left side towards us. He took not the slightest notice of the crowd's approach. He was tearing up bunches of grass, beating them against his knees to clean them and stuffing them into his mouth.

I had halted on the road. As soon as I saw the elephant I knew with perfect certainty that I ought not to shoot him. It is a serious matter to shoot a working elephant — it is comparable to destroying a huge and costly piece of machinery — and obviously one ought not to do it if it can possibly be avoided. And at that distance, peacefully eating, the elephant looked no more dangerous than a cow. I thought then and I think now that his attack of "must" was already passing off; in which case he would merely wander

Запрещено для коммерческого использования

стороны руками и резко повернутой головой. Лицо было все в грязи, глаза широко открыты, а зубы будто скалились в невероятной агонии. (И не пытайтесь мне говорить, что мертвые выглядят умиротворенно. Большинство трупов, которые я видел когда-либо, выглядели ужасающе). Нога огромного животного содрала кожу со спины примерно так же, как с кролика. Как только я увидел этого мертвеца, я тотчас же отправил помощника за оружием для охоты на слона. Пони же я отослал подальше, чтобы бедный зверь не обезумел от увиденного и не сбросил бы меня.

Помощник вернулся через несколько минут с винтовкой и пятью патронами, пришли несколько бирманцев и сказали, что слон где-то на рисовых полях. Когда я прошел дальше, жители выбежали из своих домов и пошли за мной. Они увидели винтовку и встревоженно кричали, что я собираюсь застрелить слона. Никто и не почесался, когда он громил их дома, но теперь, когда слона собирались застрелить — всё изменилось. Для них это была забава; кроме того, они надеялись на бесплатное мясо. Обстановка была скверной. Толпа позади меня действовала мне на нервы; я не хотел стрелять в слона, а просто послал за винтовкой, чтобы защититься в случае чего. Шагая вниз по склону, я выглядел и чувствовал себя дураком, с винтовкой через плечо, а на пятки мне наступала громадная армия людей. Внизу, вдали от хижин, была дорога, а за ней — грязные рисовые поля на тысячу ярдов, еще не распаханные, но мокрые от первых дождей и усеянные грубой травой. Слон стоял в восьми ярдах от дороги, левым боком к нам и не обратил ни малейшего внимания на приближение толпы. Он рвал пучки травы, бил их о колени, чтобы очистить, и запихивал в рот.

На дороге я остановился как вкопанный. Увидев слона, я совершенно точно понял, что не должен стрелять в него. Стрелять в рабочего слона — совершенно недопустимо, это похоже на уничтожение огромной дорогостоящей машины, очевидно, что этого нужно избежать во что бы то ни стало. На таком расстоянии, мирно поедая пищу, слон выглядел не опаснее коровы. Я думал тогда и думаю сейчас, что его «гормональный» приступ уже прошел, и в таком случае он просто будет безобидно бродить по окрестностям, пока погонщик не вернется и не поймает его. Более того, мне ничуть не хотелось стрелять в него. Я решил, что понаблюдаю за ним немного, чтобы убедиться, что он не превратится в дикаря снова, а затем отправлюсь домой.

В этот момент я оглянулся на толпу, которая шла за мной. Там было не менее двух тысяч человек, и с каждой минутой она росла, перегородив дорогу по обе стороны. Тут и там пестрели броские одежды и лица, счастливые и возбужденные этим развлечением. Все были уверены, что

Запрещено для коммерческого использования

harmlessly about until the mahout came back and caught him. Moreover, I did not in the least want to shoot him. I decided that I would watch him for a little while to make sure that he did not turn savage again, and then go home.

But at that moment I glanced round at the crowd that had followed me. It was an immense crowd, two thousand at the least and growing every minute. It blocked the road for a long distance on either side. I looked at the sea of yellow faces above the garish clothes-faces all happy and excited over this bit of fun, all certain that the elephant was going to be shot. They were watching me as they would watch a conjurer about to perform a trick. They did not like me, but with the magical rifle in my hands I was momentarily worth watching. And suddenly I realized that I should have to shoot the elephant after all. The people expected it of me and I had got to do it; I could feel their two thousand wills pressing me forward, irresistibly. And it was at this moment, as I stood there with the rifle in my hands, that I first grasped the hollowness, the futility of the white man's dominion in the East. Here was I, the white man with his gun, standing in front of the unarmed native crowd — seemingly the leading actor of the piece; but in reality I was only an absurd puppet pushed to and fro by the will of those yellow faces behind. I perceived in this moment that when the white man turns tyrant it is his own freedom that he destroys. He becomes a sort of hollow, posing dummy, the conventionalized figure of a sahib. For it is the condition of his rule that he shall spend his life in trying to impress the "natives," and so in every crisis he has got to do what the "natives" expect of him. He wears a mask, and his face grows to fit it. I had got to shoot the elephant. I had committed myself to doing it when I sent for the rifle. A sahib has got to act like a sahib; he has got to appear resolute, to know his own mind and do definite things. To come all that way, rifle in hand, with two thousand people marching at my heels, and then to trail feebly away, having done nothing — no, that was impossible. The crowd would laugh at me. And my whole life, every white man's life in the East, was one long struggle not to be laughed at.

But I did not want to shoot the elephant. I watched him beating his bunch of grass against his knees, with that preoccupied grandmotherly air that elephants have. It seemed to me that it would be murder to shoot him. At that age I was not squeamish about killing animals, but I had never shot an elephant and never wanted to. (Somehow it always seems worse to kill a large animal.) Besides, there was the beast's owner to be considered. Alive, the elephant was worth at least a hundred pounds; dead, he would only be worth the value of his tusks, five pounds, possibly. But I had got to act quickly. I turned to some experienced-looking Burmans who had been

Запрещено для коммерческого использования

слона застрелят. Они наблюдали за мной, словно за фокусником, готовящим магическое представление. Я им не нравился, но с волшебным ружьем в руках я на мгновение стал главным героем. И вдруг я понял, что мне все-таки придется застрелить слона. Люди ждали этого от меня, и я должен был это сделать; я чувствовал, как две тысячи душ неудержимо толкают меня вперед. В тот момент, с винтовкой в руках, я впервые осознал всю пустоту, всю бессмысленность доминирования белых господ на Востоке. Вот я, простой белый человек с ружьем, стою перед безоружной туземной толпой — казалось бы, главный актер пьесы; но на самом деле я был лишь нелепой марионеткой, которую толкают туда-сюда воля желтолицых людей, стоявших позади. В этот момент я понял, что когда белый человек становится тираном, он уничтожает свою собственную свободу. Он превращается в некое подобие пустотелого, позирующего манекена, в условную фигуру белого господина. Условием для его правления является то, что он всю жизнь будет стараться произвести впечатление на «туземцев», и поэтому в любой критической ситуации он должен делать то, что «туземцы» от него ожидают. Он носит маску, и его лицо подстраивается под неё. Я должен был застрелить слона. Я обрек себя сделать это, когда послал за винтовкой. Господин должен вести себя как господин; он должен казаться решительным, знать чего он хочет и делать то, что от него ждут. Проделать весь этот путь с винтовкой в руках, с двумя тысячами людей, идущих за мной по пятам, а потом беспомощно дать заднюю, ничего не сделав — нет, это было невозможно. Толпа посмеялась бы надо мной. А вся моя жизнь, как и жизнь каждого белого человека на Востоке — это долгая борьба за то, чтобы надо тобой не смеялись.

Я не хотел стрелять в слона. Я смотрел, как он бьет пучок травы о колени с той особой простодушной деловитостью, которая присуща слонам. Мне казалось, что стрелять в него было бы особо жестоким убийством. Кроме того, нужно было подумать о хозяине животного. Живой слон стоил не меньше сотни фунтов, а мертвый — не дороже его бивней, фунтов пять, не больше. Действовать нужно было быстро. Я обратился к опытным бирманцам, которые были там, когда мы приехали, и спросил их, как вел себя слон. Все они сказали одно и то же: он не обратит на вас внимания, если его не трогать, но может напасть, если подойти к нему слишком близко.

Мне было совершенно ясно, что делать. Нужно подойти к слону на расстояние, скажем, двадцати пяти ярдов и понаблюдать. Если он нападет, придётся выстрелить; если же он не обратит на меня внимания, можно будет спокойно оставить его до возвращения погонщика. Но я также знал, что ничего подобного делать не собираюсь. Я плохо стре-

Запрещено для коммерческого использования

there when we arrived, and asked them how the elephant had been behaving. They all said the same thing: he took no notice of you if you left him alone, but he might charge if you went too close to him.

It was perfectly clear to me what I ought to do. I ought to walk up to within, say, twenty-five yards of the elephant and test his behavior. If he charged, I could shoot; if he took no notice of me, it would be safe to leave him until the mahout came back. But also I knew that I was going to do no such thing. I was a poor shot with a rifle and the ground was soft mud into which one would sink at every step. If the elephant charged and I missed him, I should have about as much chance as a toad under a steam-roller. But even then I was not thinking particularly of my own skin, only of the watchful yellow faces behind. For at that moment, with the crowd watching me, I was not afraid in the ordinary sense, as I would have been if I had been alone. A white man mustn't be frightened in front of "natives"; and so, in general, he isn't frightened. The sole thought in my mind was that if anything went wrong those two thousand Burmans would see me pursued, caught, trampled on and reduced to a grinning corpse like that Indian up the hill. And if that happened it was quite probable that some of them would laugh. That would never do.

There was only one alternative. I shoved the cartridges into the magazine and lay down on the road to get a better aim. The crowd grew very still, and a deep, low, happy sigh, as of people who see the theatre curtain go up at last, breathed from innumerable throats. They were going to have their bit of fun after all. The rifle was a beautiful German thing with cross-hair sights. I did not then know that in shooting an elephant one would shoot to cut an imaginary bar running from ear-hole to ear-hole. I ought, therefore, as the elephant was sideways on, to have aimed straight at his ear-hole, actually I aimed several inches in front of this, thinking the brain would be further forward.

When I pulled the trigger I did not hear the bang or feel the kick — one never does when a shot goes home — but I heard the devilish roar of glee that went up from the crowd. In that instant, in too short a time, one would have thought, even for the bullet to get there, a mysterious, terrible change had come over the elephant. He neither stirred nor fell, but every line of his body had altered. He looked suddenly stricken, shrunken, immensely old, as though the frightful impact of the bullet had paralysed him without knocking him down. At last, after what seemed a long time — it might have been five seconds, I dare say — he sagged flabbily to his knees. His mouth slobbered. An enormous senility seemed to have settled upon him. One could have imagined him thousands of years old. I fired again into the same spot. At the second shot he did not collapse but climbed with

Запрещено для коммерческого использования

лял из винтовки; земля превратилась в мягкую грязь, в которой тонешь при каждом шаге. Если слон нападет и я промахнусь, то шансов у меня будет примерно столько же, сколько у бабочки под паровым катком. Но даже тогда я думал не столько о своей шкуре, сколько о бдительных желтых лицах позади. Ибо в тот момент, когда за мной наблюдала толпа, я не боялся в обычном смысле этого слова, как боялся бы, если бы был один. Белый человек не должен страшиться «туземцев» — вот и весь секрет его «смелости». Единственной мыслью в моей голове было то, что если что-то пойдет не так, то эти две тысячи бирманцев увидят во мне лишь растоптанный и ухмыляющийся труп. И если это случится, то вполне вероятно, что некоторые из них будут смеяться. А этого ни в коем случае нельзя допустить.

Оставался только один выход. Я запихнул патроны в ружье и лег на дорогу, чтобы лучше прицелиться. Толпа замерла, и глубокий, восторженный вздох, как у людей, которые наконец-то увидели начало долгожданного спектакля, вырвался из множества глоток. Они все-таки дождались представления. Немецкая винтовка с прицелом была прекрасна. Тогда я не знал, что, стреляя в слона, нужно стрелять на уровне линии ушей. А если слон шел боком, я должен был целиться прямо в ухо; но на самом деле я целился на несколько дюймов выше, думая, что мозг в другом месте.

Когда я нажал на курок, то не услышал выстрела и не почувствовал отдачи, зато послышался дьявольский рев счастья, который поднялся из толпы. В это мгновение, буквально за секунду, со слоном произошла таинственная, чудовищная, грандиозная метаморфоза. Он не пошевелился и не упал, но каждая линия его тела изменилась. Теперь он выглядел пораженным, сморщенным, очень старым, как будто ужасный удар пули парализовал его, не сбив с ног. Мне показалось, что прошла вечность, перед тем как он рухнул на колени, хотя кажется эта пауза длилась лишь секунд пять. Из его рта текли слюни. Казалось, он стал неимоверно дряхлым. Можно было представить, что ему тысячи лет. Я выстрелил снова в то же самое место. После второго выстрела он не рухнул, а с невероятным усилием поднялся на ноги и, слабо выпрямившись, встал, но с подогнувшимися ногами и опущенной головой. Я выстрелил в третий раз. Это был выстрел, который его убил. Было видно, как агония сотрясла все его тело и выбила последние остатки сил из его ног. Но падая, он, казалось, на мгновение поднялся, потому что, когда его задние ноги подкосились, он будто возвысился, как огромный валун, а хобот устремился в небо, как дерево. Он затрубил, в первый и единственный раз. А затем он упал, животом ко мне, с грохотом, который, казалось, сотряс землю даже там, где я лежал.

Запрещено для коммерческого использования

desperate slowness to his feet and stood weakly upright, with legs sagging and head drooping. I fired a third time. That was the shot that did for him. You could see the agony of it jolt his whole body and knock the last remnant of strength from his legs. But in falling he seemed for a moment to rise, for as his hind legs collapsed beneath him he seemed to tower upward like a huge rock toppling, his trunk reaching skyward like a tree. He trumpeted, for the first and only time. And then down he came, his belly towards me, with a crash that seemed to shake the ground even where I lay.

I got up. The Burmans were already racing past me across the mud. It was obvious that the elephant would never rise again, but he was not dead. He was breathing very rhythmically with long rattling gasps, his great mound of a side painfully rising and falling. His mouth was wide open — I could see far down into caverns of pale pink throat. I waited a long time for him to die, but his breathing did not weaken. Finally I fired my two remaining shots into the spot where I thought his heart must be. The thick blood welled out of him like red velvet, but still he did not die. His body did not even jerk when the shots hit him, the tortured breathing continued without a pause. He was dying, very slowly and in great agony, but in some world remote from me where not even a bullet could damage him further. I felt that I had got to put an end to that dreadful noise. It seemed dreadful to see the great beast Lying there, powerless to move and yet powerless to die, and not even to be able to finish him. I sent back for my small rifle and poured shot after shot into his heart and down his throat. They seemed to make no impression. The tortured gasps continued as steadily as the ticking of a clock.

In the end I could not stand it any longer and went away. I heard later that it took him half an hour to die. Burmans were bringing dash and baskets even before I left, and I was told they had stripped his body almost to the bones by the afternoon.

Afterwards, of course, there were endless discussions about the shooting of the elephant. The owner was furious, but he was only an Indian and could do nothing. Besides, legally I had done the right thing, for a mad elephant has to be killed, like a mad dog, if its owner fails to control it. Among the Europeans opinion was divided. The older men said I was right, the younger men said it was a damn shame to shoot an elephant for killing a coolie, because an elephant was worth more than any damn Coringhee coolie. And afterwards I was very glad that the coolie had been killed; it put me legally in the right and it gave me a sufficient pretext for shooting the elephant. I often wondered whether any of the others grasped that I had done it solely to avoid looking a fool.

Запрещено для коммерческого использования

Я сделал это. Бирманцы уже мчались мимо меня по грязи. Было очевидно, что слон уже никогда не встанет, но он не был мертв. Он дышал ритмично, длинными хриплыми вздохами, его огромный бок болезненно вздымался и опускался. Его рот был так широко открыт, что я смог увидеть бледно-розовое горло. Я долго ждал, когда он умрет, но его дыхание не ослабевало. Наконец я сделал два выстрела в то место, где, как мне представлялось, должно было находиться сердце. Густая кровь хлынула из него, похожая на красный бархат, но он все равно не умирал. Его тело даже не дернулось, когда пули попали в него, а мучительное дыхание всё продолжалось. Он умирал, очень медленно и в страшных муках, но в каком-то далеком мире, где даже ружье не могло причинить ему большого вреда. Я знал, что должен положить этому конец. Ужасно было видеть, как огромный зверь лежит, не в силах пошевелиться и умереть, а я даже не имею возможности добить его. Я вернулся за своей маленькой винтовкой и стал делать выстрел за выстрелом в сердце и горло. Они не принесли никакого результата. Мучительные вздохи продолжались так же непрерывно, как тиканье часов.

В конце концов я не выдержал и ушел. Позже мне рассказывали, что он умер через полчаса. Бирманцы принесли ножи и корзины еще до того, как я ушел, и мне сказали, что они разделали его тушу почти до костей к полудню.

Потом, конечно, были бесконечные обсуждения по поводу убийства слона. Хозяин был в ярости, но он был всего лишь индусом и ничего не мог сделать. К тому же, по закону я поступил правильно, потому что бешеных слонов нужно убить, как и бешеных собак, если хозяева не могут их контролировать. Среди европейцев мнения разделились. Старики говорили, что я прав, молодые говорили, что нелепо стрелять в слона, который убил простого деревенского работягу, ведь слон стоил больше, чем любой чертов рабочий. Сам я был очень рад, что слон задавил его — это давало мне повод и законное право для расстрела слона. Я часто задавался вопросом, понял ли кто-нибудь, что сделал я это исключительно для того, чтобы не выглядеть дураком.

Запрещено для коммерческого использования

Ласковская Дарина, 16 лет
Российская Федерация, Республика Крым, г. Гурзуф

“MINA’S MATCHBOX” BY YOKO OGAWA

1

The first vehicle I ever rode in was a baby carriage that had been brought across the sea, all the way from Germany. It was fitted out in brass and draped all around with bunting. The body of the carriage was elegantly designed, and the interior was lined with handmade lace, soft as eiderdown.

The metal handle, the frame for the sunshade, and even the spokes of the wheels all glittered brilliantly. The pillow was embroidered in pale pink with the characters for my name: Tomoko.

The carriage was a gift from my mother’s sister. My aunt’s husband had succeeded his father as the president of a beverage company, and his mother was German. None of our other relatives had any overseas connections or had even so much as flown in an airplane, so when my aunt’s name came up in any context, she was always referred to as «the one who had married a foreigner»—as if the epithet were actually part of her name.

In those days, my parents and I were living in a rented house on the outskirts of Okayama City, and the carriage was more than likely the most valuable object among our possessions. A photograph from the period shows how out of place it looked in front of the old wooden house. It was far too large for the tiny garden, and it was far more eye-catching than the baby herself, presumably the subject of the picture. I’m told that when my mother pushed the carriage in the neighborhood, passersby turned to look at it. If they were acquaintances, they’d invariably come up to touch it, commenting ecstatically on how beautiful it was before moving on, without any mention of the baby inside.

Unfortunately, I have no memory of riding in the carriage. By the time I became aware of what was happening around me, that is, by the time I’d grown too big to ride in the carriage myself, it had already been relegated to the storage shed. Still, though the lace had yellowed a bit and was spotted with milk I had spit up on it, the carriage had lost none of its former elegance. Even surrounded by kerosene jugs and tattered blinds, it still gave off the aroma of foreign places.

Breathing in that smell, I’d let my imagination stray in my childhood. I’d daydream that I was, in reality, a princess from a distant land, abducted by a treacherous servant who had subsequently abandoned me, along with

Запрещено для коммерческого использования

Ласковская Дарина, 16 лет
Российская Федерация, Республика Крым, г. Гурзуф

ЁКО ОГАВА «СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК МИНЫ»

1

Первым транспортным средством, на котором я когда-либо ездила, была детская коляска, привезенная из Германии. Она была покрыта латунью и обтянута плотной тканью, корпус элегантно украшен, а внутри стелилось кружево ручной работы, такое же мягкое, словно пуховое одеяльце. Металлическая ручка, рамка для капюшона, даже спицы колес — все блестело. На подушечке же бледно-розовыми нитями было вышито мое имя: Томоко.

Коляска была подарком от сестры моей мамы. Ее муж сменил своего отца на посту президента компании по производству напитков, а его мать была немкой. Никто из других наших родственников никогда не имел связей за морем и тем более не летал на самолете, поэтому когда имя моей тети всплывало в разговоре, к ней всегда относились как к «той, что вышла замуж за иностранца» — будто бы это и вправду стало частью ее имени.

В те дни я со своими родителями жила в съемном доме на окраине Окаямы, и коляска была, наверное, самой ценной вещью из всех. Фотография того времени подтверждает то, как она выделялась на фоне старого деревянного дома. Она была слишком большой для крохотного садика и привлекала больше внимания, чем сам ребенок. Мне рассказывали, что когда моя мама гуляла с коляской по улице, прохожие нередко оборачивались, чтобы поглазеть. Если же это был кто-то из знакомых, то они обязательно подходили потрогать саму коляску, приговаривая, как она была красива, после чего шли дальше, не говоря ничего о ребенке.

К сожалению, у меня не осталось тех воспоминаний. К тому времени, когда все происходящее вокруг меня стало мне более-менее понятным, я выросла настолько, что уже не могла кататься в коляске, и ее отвезли в сарай. Но все же, несмотря на то, что кружева пожелтели и были запачканы молоком, которое я проливала время от времени, коляска не утратила своей былой элегантности. Окруженная керосиновыми баллонами и потрепанными жалюзи, она все еще пахла заграницей.

Вдыхая этот запах, я позволяла моему воображению уносить меня в детство. Мечтала о том, что я — принцесса из дальней страны, похищенная коварным слугой, который впоследствии бросил меня в дремучем лесу вместе с коляской. Если бы вы распороли нитки, которыми на подушечке было вышито «Томоко», то без сомнения наверняка бы нашли

Запрещено для коммерческого использования

the carriage, deep in a forest. If you unstitched the embroidered “Tomoko” on the cushion, you would no doubt find some trace of my real name — Elizabeth, or perhaps Angela... The carriage always played a starring role whenever I invented these sorts of stories.

The next vehicle that transported me was my father’s bicycle. Jet black and featureless, it emitted a sad squeaking sound. It was, admittedly, quite plain in comparison with the German carriage. Each morning, my father would tie his briefcase to the rack and ride off to his office. On holidays, he would set me on the rack and ride to the park.

I can still recall the sensations associated with this bicycle. The strong hands that lifted me so easily, the smell of tobacco coming from the broad back, the breeze from the spinning tires.

“Hold on tight! Don’t let go!”

My father would turn to make sure that I was gripping his sweater, and then he would start pedaling. The bicycle flew along, easily negotiating steep slopes and sharp turns, and I held tight to his back, convinced that simply by doing so I could be taken anywhere in the world.

Though I was true to my word and never let go of him, he left me without warning, going alone to a distant place. Stomach cancer, discovered too late In 1966, soon after I’d started elementary school.

On the fifteenth of March, 1972, the day I graduated from that school, the Sanyo Shinkansen link between Osaka and Okayama was inaugurated. The next day, at the age of twelve, I boarded the train alone, seen off by my mother from the Okayama Station, which was still decorated for the opening ceremony.

This vehicle was different from any I had ridden in before. It was sturdy but cold, full of life, but without anything I could find to hold on to.

As we made our way to the platform, my mother kept repeating the same bits of advice-«don’t miss your stop, don’t lose your ticket, ask the conductor if you need help» — but once I’d finally boarded the train, she suddenly fell silent, her voice reduced to sobs. She cried a good deal more that day than when my father had died, large tears dropping from the false eyelashes that were starting to pull away from her face.

After my father died, she’d supported us by working in a textile factory while doing some dressmaking on the side. But as I was about to enter middle school, she’d apparently started thinking about her future. She’d decided to pursue a year’s course of study at a school in

Запрещено для коммерческого использования

след моего настоящего имени — Елизавета или же Анжела... Коляска всегда играла главную роль в подобного рода историях, когда бы я их не изобретала.

Следующим видом транспорта, который я испробовала, стал велосипед моего отца. Полностью черный и без особых деталей, он издавал грустные скрипы. Признаю, это было нечто гораздо проще и незауряднее, нежели коляска из Германии. Каждое утро папа привязывал к багажнику свой портфель и уезжал на работу. А по праздникам он сажал меня на этот самый багажник, и мы с ним катались по парку.

Я все еще помню те ощущения, связанные с этим велосипедом. Сильные руки, которые с такой легкостью поднимали меня, запах табака, ветерок от вращающихся шин.

«Держись крепче! Не вздумай отпускать!»

Папа то и дело оборачивался, чтобы убедиться, что я не выпускала из рук его свитер, а затем начинал крутить педали. Велосипед летел по дороге, удачно минуя все крутые склоны и резкие повороты, и я держалась за отца изо всех сил, веря, что такими темпами он отвезет меня хоть на край света.

Правда, несмотря на то, что я всегда держала слово и никогда не отпускала его свитер, папа все же оставил меня, даже не попрощавшись, навсегда уйдя в полном одиночестве. Рак желудка, который обнаружили слишком поздно. В 1966 году, вскоре после того, как я пошла в начальную школу.

15 марта 1972 года, когда я закончила ту школу, была открыта высокоскоростная железнодорожная линия Саньё между Осакой и Окаямой. На следующий же день, будучи всего лишь двенадцати лет, мама проводила меня со станции Окаяма, и я села на поезд, еще украшенный по случаю церемонии открытия.

Этот вид транспорта не походил ни на что из того, на чем я когда-нибудь ездила. Он был прочным, но холодным. Полным жизни, но без чего-либо, за что можно было бы удержаться.

Когда мы пришли на платформу, мама все повторяла и повторяла одни и те же советы: «Не пропусти свою остановку, не теряй билет, обратись к кондуктору, если что понадобится». Но когда я села на поезд, она сразу как-то притихла, и ее голос сошел на всхлипы. Мама в этот день плакала даже больше, чем когда не стало моего папы, крупные слезы стекали каплями с накладных ресниц, которые стали отклеиваться.

Когда умер папа, она обеспечивала нас, работая на текстильной фабрике, одновременно с этим занимаясь покроем платьев. В то время как

Запрещено для коммерческого использования

Tokyo to improve her skills as a dressmaker, with the goal of securing more stable work. After discussing it with me, we'd agreed that she would move into the school dormitory, and I would go to live with my aunt's family in Ashiya. We had no money for an apartment for the two of us in Tokyo, so we would simply have to accept my aunt's generosity.

The decision clearly worried my mother a great deal, but I was less anxious about the move. After all, this aunt was the one who had sent the baby carriage on the occasion of my birth.

At the time, my uncle was already president of the beverage company. He and my aunt had two children, a boy of eighteen and a girl a year younger than me who was still in elementary school. The boy was not living at home when I arrived, having recently left to study in Switzerland. But there was one other resident: the German grandmother who had come to live with the family. My uncle was thus half-German, my cousins one-quarter.

I had never met them, but as the most remarkable household among our relations, I had decided I liked them and believed I knew all about them, down to the smallest details. Without any cause for thinking so, I was convinced that my new life with them would go well even without my mother, a decision I'd come to based solely on the fact that they'd given me such an extraordinary carriage.

"Go on then."

Even though there was still some time before the train would leave, Mother hurried me aboard. Once I'd reached my seat, she continued to give me her final instructions from outside the window—»put your luggage in the rack; if you get warm, take off your sweater; check one more time for your ticket.» As the train began to move, she wiped her tears away with one hand as she waved over and over with the other.

The moment I got off at Shin-Kobe Station, I was convinced that my premonitions had been correct. I knew without any sort of sign that the man waiting there was my uncle. He stood, totally relaxed, legs crossed, leaning against the hood of his car, in a perfectly pressed gray suit and elegant tie. His hair was brown, with soft curls, he was taller than anyone else around, and the spring sunshine lit the deep recesses around his eyes. When he saw me, he raised his hand and called out, a warm smile spreading over his face.

Having difficulty believing that a man so handsome would be smiling for me alone, I could only manage an awkward bow.

"Welcome," he said. "How was your trip on the new Shinkansen?"

Запрещено для коммерческого использования

я собиралась поступать в среднюю школу, мама уже думала о своем будущем. Она решила пройти годовой курс в одной из школ Токио, чтобы улучшить свои навыки покроя платьев, с целью впоследствии найти себе работу постабильнее. После того, как мы с ней это обсудили, то пришли к такому решению — мама переедет в общежитие при школе, а я буду жить с семьей моей тети в Ашии. У нас не было столько денег, чтобы оплатить квартиру на двоих в Токио, поэтому единственным выходом было принять такую тетушкину щедрость. Пока мама переживала, я не особо и волновалась. По сути, именно тетя прислала мне ту самую коляску из Германии по случаю моего дня рождения.

В те дни дядя уже был президентом компании по производству напитков. У них с тетей было два ребенка, мальчик лет восемнадцати и девочка, на год младше меня, которая все еще училась в начальной школе. Мальчик не жил с ними, когда я приехала; он не так давно уехал учиться в Швейцарию. Хотя, был еще один человек — бабушка-немка. Таким образом, мой дядя был наполовину немцем, а мои кузины — на четверть.

До этого я никогда их не видела, но, так как они были самой порядочной и замечательной семьей среди всех наших родственников, я решила, что они мне нравятся, и стала верить, что знаю о них все до мельчайших деталей. Без какой-либо на то причины, я была убеждена в мысли о том, как моя жизнь с ними будет все такой же хорошей даже и без моей мамы. Вывод, который я сделала исключительно потому, что получила от них такую роскошную коляску в прошлом.

«Иди тогда».

Пусть и оставалось много времени до того, как поезд тронулся бы, мама все спешила. Я заняла свое место, а она продолжала наставлять меня из-за окна: «Положи вещи в багажник; если жарко будет — сними свитер; еще раз проверь билет». Поезд все-таки тронулся, и мама стала утирать слезы одной рукой, пока другой махала мне вслед.

Когда я сошла на станции Шин-Кобе, то была уверена, что предчувствия оправдаются. Без каких-либо опознавательных знаков нетрудно было догадаться, что ждущий поодаль мужчина был моим дядей. Расслабленный, ноги скрещены, пока он опирался на капот свой машины, аккуратно выглаженный серый костюм и элегантный галстук. У него были каштановые мягкие кудри, ростом он был явно выше тех, кто был неподалеку; весенние лучи солнца озаряли его глубокие видимые ямочки у краев глаз. Завидев меня, его лицо расплылось в теплой улыбке. Он помахал мне и подозвал к себе. Тяжело было представить, что такой красивый мужчина махал бы мне одной, поэтому все, что у меня вышло, это неловкий поклон.

Запрещено для коммерческого использования

My uncle bent over to look at me, then took my bag and opened the car door, as though I were a princess.

“Please,” he said. His voice was deep and calm, his manner refined, his eyes the same chestnut colour as his hair. My heart was pounding.

“Thank you,” I managed to say at last.

As I sat down in the middle of the back seat, I realized I was in an elegant vehicle, as big as a small room and filled with an indescribable odor. The leather seats had been shined to a high gloss, and there were buttons everywhere, not only in front of the driver’s seat but under the windows as well—all attesting to the vehicle’s careful design. The engine was so quiet I hardly noticed that it had started before the car glided away, responding perfectly to my uncle’s touch. It was only much later that I learned it was a Mercedes-Benz.

No doubt, in order to help me relax, my uncle asked me questions about Okayama and told me about the middle school where I would be going. But I was so absorbed in studying his profile that I could manage no more than monosyllables in response. A mere touch of the gearshift or the button on the heater turned them into objects of desire. Parting with my mother in tears on the station platform seemed like a scene from the distant past.

After about half an hour, the car turned off the highway and headed along a river in the direction of the mountains. The Rokko Mountain Range loomed over us. We passed under the train tracks and crossed a bridge. Soon, the road started uphill and began to narrow. Trees closed in around us, birds could be heard among the leaves. Stone walls lined the road, tracing gentle turns. The roofs of houses peeked out between the trees. My uncle calmly maneuvered up a steep road barely wide enough for two cars to pass. Finally, he glided through a gate that had been left open, made a half-turn, and came to a stop under a porch.

“Here we are,” he announced, opening my door and taking my hand.

“Is this your … house?” I asked. “Is this really your house?”

Запрещено для коммерческого использования

— Добро пожаловать, — сказал он. — Как прошла поездка на новом Шинкансэне?

Дядя слегка наклонился, чтобы лучше меня рассмотреть, затем взял мой багаж и открыл передо мной дверь, будто бы я была какой-нибудь принцессой.

— Прошу, — произнес дядя своим глубоким и спокойным голосом. Его манеры отточенные, а у глаз все тот же ореховый цвет как у волос. У меня аж сердце екнуло.

— Спасибо, — все, что я могла промямлить.

Когда я уселась на заднем ряду, то только тогда до меня дошло, что это авто было роскошным, таким большим, как маленькая комнатка, и наполненным неописуемым ароматом. Кожаные сиденья были отполированы до блеска, и повсюду виднелись кнопки, не только впереди водительского кресла, но и под окнами. Двигатель работал так тихо, что я и не заметила его до того, как машина тронулась, реагируя с идеальной точностью. Лишь спустя долгое время я узнала, что это был Мерседес Бенц.

Чтобы я могла расслабиться, дядя все спрашивал меня об Окаяме и рассказывал о средней школе, куда я должна была пойти. Но я, в свою очередь, так была увлечена изучением профиля его лица, что отвечала немногословно. Простое движение рычага переключения передач или же нажатие кнопки подогрева превращали их в предметы желания. Слезное прощание с мамой на той платформе уже было в далеком прошлом.

Спустя около полутора часа машина свернула с шоссе и поехала к реке; высоко нависала гряда гор Рокко. Мы прошли под железнодорожными путями и пересекли мост. Вскоре, дорога начала сужаться, деревья замыкались у нас над головами, между листьями были слышны птицы, виднелись крыши домов. Вдоль пути шла каменная стена, будто обвивая дорогу и мягко подчеркивая каждый поворот. А дядя все так же спокойно маневрировал в тех местах, где две машины разошлись бы с трудом.

Наконец, он проехал сквозь открытые ворота, чуть заворачивая, и остановился перед крыльцом.

— Вот мы и на месте, — сказал он, открывая пассажирскую дверь и беря меня за руку.

— Это… ваш дом? — удивленно спросила я. — Это и правда ваш дом?

Запрещено для коммерческого использования

Драница Юлия, 16 лет
Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти

“LITTLE WOMEN” BY LOUISA MAY ALCOTT

Chapter fourteen. Secrets

Jo was very busy in the garret, for the October days began to grow chilly, and the afternoons were short. For two or three hours the sun lay warmly in the high window, showing Jo seated on the old sofa, writing busily, with her papers spread out upon a trunk before her, while Scrabble, the pet rat, promenaded the beams overhead, accompanied by his oldest son, a fine young fellow, who was evidently very proud of his whiskers. Quite absorbed in her work, Jo scribbled away till the last page was filled, when she signed her name with a flourish and threw down her pen, exclaiming…

“There, I’ve done my best! If this won’t suit I shall have to wait till I can do better.” Lying back on the sofa, she read the manuscript carefully through, making dashes here and there, and putting in many exclamation points, which looked like little

balloons. Then she tied it up with a smart red ribbon, and sat a minute looking at it with a sober, wistful expression, which plainly showed how earnest her work had been. Jo’s desk up here was an old tin kitchen which hung against the wall. In it she kept her papers, and a few books, safely shut away from Scrabble, who, being likewise of a literary turn, was fond of making a circulating library of such books as were left in his way by eating the leaves. From this tin receptacle Jo produced another manuscript, and putting both in her pocket, crept quietly downstairs, leaving her friends to nibble on her pens and taste her ink.

She put on her hat and jacket as noiselessly as possible, and going to the back entry window, got out upon the roof of a low porch, swung herself down to the grassy bank, and took a roundabout way to the road. Once there, she composed herself, hailed a passing omnibus, and rolled away to town, looking very merry and mysterious.

If anyone had been watching her, he would have thought her movements decidedly peculiar, for on alighting, she went off at a great pace till she reached a certain number in a certain busy street. Having found the place with some difficulty, she went into the doorway, looked up the dirty stairs, and after standing stock still a minute, suddenly dived into the street and walked away as rapidly as she came. This maneuver

Запрещено для коммерческого использования

Драница Юлия, 16 лет
Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти

ЛУИЗА ОЛКОТТ «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

Глава 14. Секреты

Джо была ужасно занята на чердаке, октябрьские дни становились все холоднее и короче. Солнце светило в окно каморки лишь пару часов, пригревая сидевшую на старом диване Джо, которая что-то деловито писала, разложив на сундуке, стоящем неподалеку, листы своей рукописи. В это время любимица Джо, ручная крыса по кличке Скрэббл, прогуливалась по потолочным балкам у нее над головой в компании своего старшего сына, славного малого, чрезвычайно гордившегося своими усами. Поглощенная работой, Джо исписывала страницу за страницей, пока не заполнила последнюю. Вздохнув, она расписалась своим красивым почерком на рукописи, и, добавив небольшую завитушку, бросила перо:

— Вот, я сделала все, что могла! Ну, а если это не подойдет, придется подождать, пока я не смогу сделать что-нибудь лучше.

Откинувшись на спинку дивана, Джо принялась перечитывать свою рукопись и делать пометки, добавляя восклицательные знаки, которые походили на маленькие воздушные шарики. Затем она перевязала рукопись добротной красной лентой и присела на минутку, глядя на работу трезвым, мудрым взглядом, который говорил, насколько серьезной была выполненная ею работа. Здесь на чердаке, рабочим местом Джо служил старый обитый жестянкой кухонный стол, прикрепленный к стене. В ящике стола она хранила свои бумаги и несколько книг, оберегая их от Скрэббла, который, кажется, тоже считал себя любителем литературы, как и его хозяйка, и с удовольствием пожирал листы книг, страницу за страницей, если они попадались на его пути. Из этого хранилища Джо достала еще одну рукопись, положила их обе к себе в карман и стала осторожно спускаться вниз, оставив своего друга грызть ее перо и пробовать остатки чернил.

Стараясь не шуметь, Джо надела шляпку, накинула жакет и через дальнее окно вылезла на крышу крыльца и спрыгнула на траву. Окольными путями Джо направилась к дороге, ведущей в город. Оказавшись на дороге, Джо немного успокоилась. Она помахала проходившему мимо омнибусу и довольная покатила в город.

Если бы кто-нибудь наблюдал за ней в тот момент, то посчитал бы ее действия очень странными: сойдя с омнибуса, Джо уверенно зашагала к определенному зданию на определенной, весьма оживленной, улице. Не

Запрещено для коммерческого использования

she repeated several times, to the great amusement of a black-eyed young gentleman lounging in the window of a building opposite. On returning for the third time, Jo gave herself a shake, pulled her hat over her eyes, and walked up the stairs, looking as if she were going to have all her teeth out.

There was a dentist's sign, among others, which adorned the entrance, and after staring a moment at the pair of artificial jaws which slowly opened and shut to draw attention to a fine set of teeth, the young gentleman put on his coat, took his hat, and went down to post himself in the opposite doorway, saying with a smile and a shiver, "It's like her to come alone, but if she has a bad time she'll need someone to help her home."

In ten minutes Jo came running downstairs with a very red face and the general appearance of a person who had just passed through a trying ordeal of some sort.

When she saw the young gentleman she looked anything but pleased, and passed him with a nod. But he followed, asking with an air of sympathy, "Did you have a bad time?"

Кычанова Полина, 16 лет
Российская Федерация, Калининградская область, г. Гурьевск

"I HAVE NOTHING TO WEAR" BY TINA BENCIK

This is blatantly false. My wardrobes are bursting at the seams. My credit card bill is screaming with the weight of fast fashion guilt. I bought a pair of size 5 Loubotin boots, because they were £60 in a charity shop. I'm a size 3. I own three coats that don't fit me. Yet here I am again, staring at my wardrobe with my coffee in hand, fuzzy morning brain blank with indecision.

Twenty minutes later, the caffeine kicks in and I choose a pair of dark jeans, a green top and a shearling jacket. I feel mediocre, average, invisible, sure to run into at least seven other people dressed like me within fifty seconds of stepping out of my front door. I don't like it; today is an important day, and I need to look the part. I long to be the sort of person who demands attention. It doesn't come naturally to me — I am small in every dimension. I get lost in a crowd easily. I hug people's chests, not

Запрещено для коммерческого использования

без труда отыскав нужное место, она зашла в неуютный подъезд, окинула взглядом грязную лестницу, и, постояв минуту, вдруг выскочила на улицу и быстро пошла прочь, точно так же, как и пришла сюда. Этот маневр она проделала несколько раз, удивив и позабавив темноглазого джентльмена, с интересом наблюдавшего за происходящим из окна в доме напротив. Вернувшись в третий раз, Джо взяла себя в руки: надвинув на глаза шляпку, она стала подниматься по лестнице с таким видом, будто ей нужно разом вырвать все зубы.

Среди прочих, вход в здание украшала вывеска дантиста. Посмотрев на пару искусственных челюстей, которые медленно открывались и закрывались, демонстрируя два ряда отличных зубов, юный джентльмен накинул пальто, взял шляпу и направился к дверям противоположного дома, сказав себе с улыбкой: «Это в ее стиле — прийти одной. Но если ей придется трудно, то ей понадобится тот, кто поможет ей вернуться домой». Спустя десять минут раскрасневшаяся Джо быстро спустилась с лестницы. Она выглядела так, будто только что прошла тяжелое испытание, Увидев юного джентльмена, Джо не испытала никакого удовольствия, она прошла мимо, едва кивнув ему головой. Однако, юноша последовал за ней и участливо спросил:

— У вас неприятности?

Кычанова Полина, 16 лет
Российская Федерация, Калининградская область, г. Гурьевск

ТИНА БЕНЧИК «АБСОЛЮТНО НЕЧЕГО НАДЕТЬ!»

Конечно, это вопиющая ложь! Мои шкафы трещат по швам. Счет моей кредитной карты кричит от чувства вины за быстро меняющуюся моду. Я купила Лабутены сорок первого размера, потому что они стоили всего шестьдесят фунтов в благотворительном магазине, хотя я ношу тридцать девятый. У меня три пальто, которые мне не идут. И все же я снова здесь, смотрю на свой гардероб с кофе в руке, утренний мозг пуст от нерешительности.

Двадцать минут спустя кофеин начинает действовать, и я выбираю пару темных джинсов, зеленый топ и куртку из каракуля. Я чувствую себя заурядной, серой, и незаметной! Уверена, что ровно через минуту, как выйду из дома, столкнусь как минимум с семью другими людьми, одетыми так же, как я. Мне это не нравится! Сегодня наиважнейший день, и я должна выглядеть соответствующе. Я хочу быть личностью,

Запрещено для коммерческого использования

their faces. If I was caught in a stampede, I would be the first to die. I exclusively date and attract tall men, who I make feel needed because they can tower over me, envelop me in their gangly arms, take things off shop shelves. I command care, not attention.

I scan my wardrobe again and pull out one of my favourite jackets — a short crop in a small turquoise and white check. I try it on and observe myself in the mirror; it makes me look sweet but fashionable, emphasising my small frame. I put it back. Unoriginally for a 30-something Londoner, clothes are my kryptonite. I justify their purchases by telling myself I am a multi-faceted person; I have many personalities to dress. I own no less than nine blazers, a garment I wear precisely four times a year — once a quarter. They are my armour; deflecting from the fact I spend most of my time at my seemingly prestigious job staring wistfully into the many office towers opposite, hoping to catch someone shagging against a window. A complete list:

— three blazers in pastel colours (dusty pink, warm off-white, and baby blue, for the quarters I haven't done well and need to use my feminine wiles to convince the 50-year old men staring me down that I am worth keeping, if for nothing other than reminding them of their relative advantage);

— two close-cropped blazers in black and grey (for the quarters I have been a mediocre performer and need to not be noticed);

— A green-brown countryside-chic jacket and a wool houndstooth (for the quarters when my old boss Percy will be there, who is the kind of posh that makes you betray your values and think maybe it doesn't matter if your husband was a Tory, if he came with a townhouse in west London and a hefty line of credit),

— A boxy oversized blazer in a grey and cream check (for the quarters the board's power lesbian is in town, so I can signal to her that I will muff-dive if it meant getting a promotion but I will keep it to myself),

— A chocolate brown with fringes on its sleeves (for the quarters I feel bold enough to admit to having a personality, and maybe a fun one at that).

My work personalities are not the only ones that need dressing. I have several friend groups, which I used to believe was due to being an extroverted and well-rounded person, but I now know is because I am deeply indecisive — I can't decide which ones I like the most. I need them all. Each friend is an opportunity to become a slightly different person by hoping they will rub off on me. I am collecting parts of their personalities and aspects of their wardrobes like strands of DNA, trying to

Запрещено для коммерческого использования

которая привлекает внимание. Мне это не свойственно — я маленькая по всем параметрам. Я легко теряюсь в толпе. Я упираюсь глазами людям в грудь, а не в лицо. Если бы я попала в давку, то погибла бы первой. При этом, меня привлекают исключительно высокие мужчины, с которыми я чувствую себя нужной, потому что они могут возвышаться надо мной, обхватывая меня своими ручищами. Я требую заботы, а не внимания.

Снова просматриваю свой гардероб и достаю один из своих любимых жакетов — короткий в мелкую бирюзовую и белую клетку. Примеряю его, наблюдая себя в зеркале: выгляжу мило, но модно, подчеркивая свой небольшой рост. Кладу его на место. Как ни странно, для 30-летней жительницы Лондона одежда — мой криптонит. Я оправдываю их покупку, говоря себе, что я многогранная личность, и мне нужно одеваться в разные образы. У меня не менее девяти блейзеров, которые я ношу ровно четыре раза в год — раз в квартал. Они — моя броня, отвлекающая от того факта, что большую часть времени я провожу на своей, казалось бы, престижной работе, с тоской поглядывая на многочисленные офисные башни напротив, в надежде застать кого-нибудь, занимающегося непристойным делом у окна.

Итак, полный список:

— три блейзера пастельных тонов (пыльно-розовый, слоновой кости и светло-голубой — для тех случаев, когда я не справилась с работой и должна использовать свои женские хитрости, чтобы убедить 50-летних мужчин, смотрящих на меня, что меня стоит оставить, хотя бы для того, чтобы напомнить им об их относительном преимуществе);

— два укороченного кроя блейзера, черный и серый (для тех случаев, когда я была посредственным исполнителем и должна быть незаметной);

— зелено-коричневый пиджак в стиле кантри-шик и шерстяной в мелкий рубчик (на случай, когда будет присутствовать мой бывший босс Перси, который является тем шикарным человеком, заставляющий вас предать все свои ценности и подумать, что, возможно, не имеет значения, был ли ваш муж тори, если он приехал с таунхаусом в западном Лондоне и большой кредитной линией);

— квадратоподобный оверсайз блейзер в серо-кремовую клетку (на случай, когда в городе находится властная дама, чтобы я могла дать ей понять, что смогу за себя постоять);

— шоколадно-коричневый блейзер с бахромой на рукавах (на случай, когда я чувствую себя достаточно смелой, чтобы признать, что у меня есть характер, и, возможно, даже забавный).

Я должна менять образы не только на работе. У меня несколько групп друзей, что, как я раньше считала, объясняется тем, что я экстраверт и всесторонне развитый человек, но теперь я знаю, что это потому, что я

Запрещено для коммерческого использования

weave all the parts that appeal into a patchwork quilt I can present as my own.

Perhaps a smart off-white blouse would do? Or I could swing the other way, something loud? I pull out a red and pink flower-pattern top, something my 'hot mess' friends would wear with a pair of jean shorts that cut into your labia. You know the type — she wakes up in a stranger's bed on a Tuesday, flies to Mexico on the Wednesday, gets her fourth tattoo on a Thursday, somehow makes a living out of making greeting cards and selling foot pictures on the internet. Some days this seems to me an appealing lifestyle choice; I imagine all the narrative fodder I would have if I too had so little regard for routine and financial security. I am certain I would do their life well, filling it with enough one-night stands and hallucinogenic trips for a two-series critically acclaimed BBC show. So I buy a short green sundress with a daisy print, cut my hair into a bob and pierce an extra hole in my ears, thinking it will finally make me want to join an artist commune in Hackney. But I hate tofu, and I can't stand people who substitute mental illness for personality.

I am an advertiser's wet dream. This is how I shop; I see something I like. I don't look at the clothes as much as I look at the person wearing them, and imagine all the ways in which their life is easier than mine, all the ways in which they are sure of who they are. I think 'the only kind of person who would pick out that gorgeous cream crewneck jumper is someone who has their shit together. They are doing pilates in the mornings, having a green smoothie, dating rich Scandi-looking men also wearing cream jumpers, living in an Islington period one-bedroom with scented candles and coffee table books. I could do that, if only I had that jumper!' I buy it, imagining it will amount to a personality transplant. Of course, I am wrong. Cream looks sickly against my already pale skin; I am clumsy, not graceful — I will smudge it against the tube door, leaving a black stain that I don't know how to remove. I am careless — I won't take care of the fabric properly; it will be a bumpy mess in two months and join the rest of the unsuccessful attempts at personality surgery in the bag next to my door that I will eventually, in about a year, take to the charity shop.

I buy new clothes imagining they will make me the kind of person who wears them. I try them on for size, discarding them at the end of the day for an oversized band t-shirt I've worn a thousand times. I worry that is who I truly am — a slob who can't even be bothered to put on real pyjamas. So I contort myself into new clothes and new potential lives, willing each new addition to stay permanently, a set fixture of the shiny new person I am becoming. I dislike people commenting on my abundance of clothing.

Запрещено для коммерческого использования

глубоко нерешительна — я не могу решить, кто из них мне больше нравится. Мне нужны все. Каждый друг — это возможность стать немного другим человеком, надеясь, что он передаст мне свои черты. Я собираю части их характеров и гардеробов, как нити ДНК, пытаясь сплести все части, которые мне нравятся, в лоскутное одеяло, которое я могу представить как свое собственное.

Что же надеть? Может быть, подойдет нарядная белоснежная блузка? Или я могу пойти другим путем — надеть что-нибудь громкое? Я достаю красный и розовый топ с цветочным узором — то, что мои подруги-«горячие штучки» носили бы с джинсовыми шортами, которые скорее открывают зад, нежели прикрывают. Вы знаете таких — она просыпается в чужой постели во вторник, улетает в Мексику в среду, делает четвертую татуировку в четверг, как-то зарабатывает на жизнь, делая поздравительные открытки и продавая фотографии ног в интернете. В некоторые дни такой выбор образа жизни кажется мне привлекательным; я представляю, сколько бы у меня было поводов для рассказов, если бы я тоже так мало заботилась о рутине и финансовой безопасности. Поэтому я покупаю короткий зеленый сарафан с принтом в виде маргариток, стригусь под боб и прокалываю лишнюю дырку в ушах, думая, что это наконец-то заставит меня захотеть присоединиться к коммуне художников в Хакни. Но я ненавижу тофу и терпеть не могу людей, которые подменяют психическое заболевание личностью.

Я — настоящая мечта рекламодателя. Вот как я делаю покупки: вижу то, что мне нравится. Я смотрю не столько на одежду, сколько на человека, который ее носит, и представляю себе все способы, которыми его жизнь проще, чем моя, все способы, которыми он уверен в том, кто он есть. Я думаю: «Единственный человек, который выберет этот великолепный кремовый джемпер, — это тот, у кого все в порядке с головой. Они занимаются пилатесом по утрам, пьют зеленый смузи, встречаются с богатыми мужчинами скандинавской внешности, которые тоже носят кремовые джемперы, живут в старинной однокомнатной квартире в Ислингтоне с ароматическими свечами и книгами на кофейном столике. Я могла бы это сделать, если бы только у меня был этот джемпер! Я покупаю его, представляя, что это будет равносильно пересадке личности. Конечно, я ошибаюсь. Кремовый выглядит некрасиво на фоне моей и без того бледной кожи; я неуклюжа, не изящна — я замараю его о двери в метро, оставив черное пятно, которое не знаю, как вывести. Я небрежна — я не позабочусь о ткани должным образом; через два месяца она превратится в бугристое месиво и присоединится к остальным неудачным попыткам хирургии личности в сумке возле моей двери, которую я в конце концов, примерно через год, отнесу в благотворительный магазин.

Запрещено для коммерческого использования

I worry they see right through me; the mismatched jumble of pattern and colour, an ever-changing carousel of style personalities an outward reflection of the chaos inside.

When I first saw the Crown, I bought a Barbour jacket. I secretly hoped it would attract a member of the aristocracy into my orbit, like a cat in heat rubbing against the lamplights of south London, leaving behind a trail of wax only someone who holidays in the Highlands could detect. I longed to have the lives I saw on screen, of psychological torture and family dysfunction in luxurious surroundings. I would be so good at being rich and pointless, I thought, filling my days with melancholy, nostalgia and lounging.

When I was fifteen, I fell in love with a floppy-haired boy who made terrible graffiti tags. I was his police look-out, in a town with no police presence. I bought a pair of electric blue and deep purple DC trainers to make him fall in love with me, the tomboyish but shy skater girl, perfectly matched to his fantasies of an artsy, sensitive paramour. I wore distressed jeans and cut an ill-advised fringe. It didn't work — the shoes did nothing to disguise my talent for saying the wrong thing at the wrong time, and no amount of board shorts improved my poor coordination.

My phone buzzes. It's my friend Claire, wishing me good luck for today, with a row of hearts. Claire is the kind of grown-up who writes thank you notes and sends you flowers on your birthday, rubbing her adultness in your face. She got married recently, to a man she has been with since she was 15. She belongs to a small group of friends who are doing age-appropriate things like buying houses, getting married and having children, and somehow managing to do all this while living in one of the most expensive cities in the world. They wear Lululemon leggings, headbands and fuzzy cardigans; already assimilating into the 8:30am school drop-off crowd. There are days I want those things too, wondering if I'd make a good mother despite my terrible listening skills and, at best, average empathy. The only way I could ever have a child would be with a man who is so enthusiastic about child rearing he'd do everything after pregnancy. I realise they are in short supply, and so I haven't invested heavily in this option.

I settle on a grey bodycon dress with a pair of white cowboy boots — some personality but tame enough. I step out my front door and start down the street. It's a cold winter morning, air so fresh it burns my nostrils to breathe it in. I walk past a shop window and stop. There is a coat — large, floor length, with a yellow and dark blue chequered pattern and a short box collar. It commands attention. Before I can stop to think, I am hand-

Запрещено для коммерческого использования

Я покупаю новую одежду, представляя, что она сделает из меня своего рода новую личность, то есть человека, который умеет такое носить. Примеряю ее, а в конце дня выбрасываю ради футболки, которой сто лет в обед. Меня беспокоит, что именно такая я и есть на самом деле — неряха, которая даже не может потрудиться надеть настоящую пижаму. Поэтому я втискиваю себя в новую одежду и новые потенциальные жизни, желая, чтобы каждое новое дополнение оставалось навечно, являясь неотъемлемым атрибутом нового блестящего человека, которым я становлюсь. Мне не нравится, когда люди комментируют мое одежное многообразие. Я беспокоюсь, что они видят меня насквозь: несочетаемое нагромождение узоров и цветов, вечно меняющаяся карусель стильных личностей — внешнее отражение хаоса внутри.

Когда я впервые увидела сериал «Корона», я купила рыболовную куртку, как у главного персонажа. Втайне надеясь, что она привлечет в мою орбиту представителя аристократии, как кошка в жару трется о фонари южного Лондона, оставляя за собой восковой след, который может обнаружить только тот, кто отдыхает в Хайлендсе. Я мечтала о жизни, которую видела на экране, о психологических пытках и семейном неблагополучии в роскошном окружении. Мне было бы так хорошо в богатстве и бессмысленности, наполняя свои дни меланхолией, ностальгией и бездельем.

Когда мне было пятнадцать, я влюбилась в вихрастого мальчишку, который делал ужасные граффити. Я была его полицейским наблюдателем в городе, где не было полиции. Купив пару электрических синих и темно-фиолетовых кроссовок DC, чтобы заставить его влюбиться в меня, сорванца, но застенчивую скейтершу, идеально соответствующую его фантазиям об артистичном и чувствительном партнере, я надела джинсы с потертостями и обрезала неуместную бахрому. Это не сработало — туфли не смогли замаскировать мой талант говорить не то и не в то время, и никакие шорты не улучшили мою плохую координацию.

Зазвенел телефон. Это моя подруга Клэр, желающая мне удачи на сегодня с помощью ряда сердечек. Клэр из тех взрослых, которые пишут благодарственные письма и посылают тебе цветы на день рождения, демонстрируя свою взрослость тебе в лицо. Недавно она вышла замуж за человека, с которым встречалась с 15 лет. Она принадлежит к небольшой группе друзей, которые занимаются соответствующими возрасту вещами: покупают дома, женятся и рожают детей, и каким-то образом умудряются делать все это, живя в одном из самых дорогих городов мира. Они носят леггинсы для занятия спортом, повязки на голову и пушистые кардиганы; они уже ассимилировались в толпе тех, кто в 8:30 утра высаживает детей из школы. Бывают дни, когда я тоже хочу таких вещей и думаю, получится ли из меня хорошая мать, несмотря на мои

Запрещено для коммерческого использования

ing over my credit card. I put on the coat, admire the colours in the floor length mirror, and feel a definite sense of happiness spread through me. Today, I am going to be difficult to miss.

I check my phone; I am late. I've already spent £200 on a coat, so I hail a black cab and get in. 'Nice coat, love', says the driver. 'Where are we going'?

'Thanks; I smile. 'Southwark Crown Court, and if you could please step on it — my hearing is in 20 minutes'.

Фазлетдинова София, 16 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань

"ORIENTATION" BY DANIEL OROZCO

Those are the offices and these are the cubicles. That's my cubicle there, and this is your cubicle. This is your phone. Never answer your phone. Let the Voicemail System answer it. This is your Voicemail System Manual. There are no personal phone calls allowed. We do, however, allow for emergencies. If you must make an emergency phone call, ask your supervisor first. If you can't find your supervisor, ask Phillip Spiers, who sits over there. He'll check with Clarissa Nicks, who sits over there. If you make an emergency phone call without asking, you may be let go.

These are your IN and OUT boxes. All the forms in your IN box must be logged in by the date shown in the upper left-hand corner, initialed by you in the upper right-hand corner, and distributed to the Processing Analyst whose name is numerically coded in the lower left-hand corner. The lower right-hand corner is left blank. Here's your Processing Analyst Numerical Code Index. And here's your Forms Processing Procedures Manual.

Запрещено для коммерческого использования

ужасные способности слушать и, в лучшем случае, среднюю эмпатию.

Остановившись на сером платье-бодикон с парой белых ковбойских сапог — немного индивидуальности, но достаточно скромно. Выхожу через парадные двери и начинаю идти по улице. Холодное зимнее утро, воздух такой свежий, что ноздри обжигает, когда его вдыхаешь. Прохожу мимо витрины магазина и останавливаюсь. Там висит пальто — большое, длиной до пола, с желтым и темно-синим клетчатым узором и коротким воротником-стойкой. Оно привлекает внимание. Не успев подумать, протягиваю кредитную карту. Надеваю пальто, наслаждаюсь цветом в зеркале до пола, и чувствую, как меня охватывает определенное чувство счастья. Сегодня меня будет трудно не заметить.

Проверяю свой телефон: я опаздываю. Потратив уже 200 фунтов на пальто, вызываю такси. Садясь в него, я слышу:

— Отличное пальто, милая, — говорит водитель. — Куда едем?

— Спасибо, — улыбаюсь я. — В Саутваркский Коронный суд, и, пожалуйста, не могли бы вы поднажать на педаль! Мое слушание через 20 минут!

Фазлетдинова София, 16 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань

ДАНИЭЛЬ ОРОСКО «ОРИЕНТАЦИЯ»

Здесь — офисы, а там — кубиклы[1]. Мой кубикл вон там, а вот твой. Это твой телефон. Никогда на него не отвечай. Оставь это автоответчику. А это руководство по пользованию им. У нас запрещены любые личные звонки, можно звонить только в экстренных случаях. Для этого тебе нужно взять разрешение у своего начальства. Если не можешь найти начальство, спроси того парня, Филиппа Спайерса. Он спросит Клариссу Никс, она сидит вон там. Если позвонишь без предупреждения, тебя могут уволить.

А это твои почтовые ящики для получения работы и отправки. Все задания в ящике получения работы должны быть выполнена до даты, указанной в верхнем левом углу, и переданы специалисту по обработке данных, имя которого указано в цифровом формате в нижнем левом углу. Нижний правый угол должен быть пустым. Это твой числовой кодовый индекс аналитика обработки. А это руководство по процедурам обработки формуляров.

[1] Кубикл — частично закрытое рабочее место в офисе, обычно оборудованное столом, креслом и полками или шкафами для хранения.

Запрещено для коммерческого использования

You must pace your work. What do I mean? I'm glad you asked that. We pace our work according to the eight-hour workday. If you have twelve hours of work in your IN box, for example, you must compress that work into the eight-hour day. If you have one hour of work in your IN box, you must expand that work to fill the eight-hour day. That was a good question. Feel free to ask questions. Ask too many questions, however, and you may be let go.

That is our receptionist. She is a temp. We go through receptionists here. They quit with alarming frequency. Be polite and civil to the temps. Learn their names, and invite them to lunch occasionally. But don't get close to them, as it only makes it more difficult when they leave. And they always leave. You can be sure of that.

The men's room is over there. The women's room is over there. John LaFountaine, who sits over there, uses the women's room occasionally. He says it is accidental. We know better, but we let it pass. John LeFountaine is harmless, his forays into the forbidden territory of the women's room simply a benign thrill, a faint blip on the dull flat line of his life.

Russell Nash, who sits in the cubicle to your left, is in love with Amanda Pierce, who sits in the cubicle to your right. They ride the same bus together after work. For Amanda Pierce, it is just a tedious bus ride made less tedious by the idle nattering of Russell Nash. But for Russell Nash, it is the highlight of his day. It is the highlight of his life. Russell Nash has put on forty pounds, and grows fatter with each passing month, nibbling on chips and cookies while peeking glumly over the partitions at Amanda Pierce, and gorging himself at home on cold pizza and ice cream while watching adult videos on TV.

Amanda Pierce, in the cubicle to your right, has a six-year-old son named Jamie, who is autistic. Her cubicle is plastered from top to bottom with the boy's crayon artwork — sheet after sheet of precisely drawn concentric circles and ellipses, in black and yellow. She rotates them every other Friday. Be sure to comment on them.

Amanda Pierce, who tolerates Russell Nash, is in love with Albert Bosch, whose office is over there. Albert Bosch, who only dimly registers Amanda Pierce's existence, has eyes only for Ellie Tapper, who sits over there. Ellie Tapper, who hates Albert Bosch, would walk through fire for Curtis Lance. But Curtis Lance hates Ellie Tapper. Isn't the world a funny place? Not in the ha-ha sense, of course.

Anika Bloom sits in that cubicle. Last year, while reviewing quarterly reports in a meeting with Barry Hacker, Anika Bloom's left palm began to bleed. She fell into a trance, stared into her hand, and told Barry

Запрещено для коммерческого использования

Тебе нужно научиться распределять работу по этапам. Зачем? Я рад, что ты спросил. Смотри, мы распределяем нашу работу в соответствии с восьмичасовым рабочим днем. Если у тебя в ящике получения работы на двенадцать часов, ты должен успеть сделать всё за восемь часов, и, наоборот, если у тебя работы в коробке получения заданий на один час, тебе нужно растянуть ее на восемь часов. Как? Хороший вопрос. Не бойся задавать вопросы. Но не задавай слишком много вопросов, иначе тебя могут уволить.

А это наш администратор. Она здесь ненадолго. У нас довольно много администраторов, но все они быстро увольняются, даже пугающее быстро. Будь вежлив с ними. Выучи их имена, время от времени приглашай на обед. Но не сближайся слишком сильно, а то будет тяжеловато, когда они уволятся. А они всегда увольняются. Не сомневайся. Вот мужской туалет, а там женский. Но Джон Лафонтен, это парень, который сидит вон там, постоянно ходит в женский туалет как бы случайно. Конечно, мы знаем, что это не случайность, но все помалкиваем. Джон Лафонтен безвредный, но он постоянно покушается на запретную женскую территорию, небольшое развлечение в его обычной, унылой жизни.

Рашель Нэш, который сидит слева от тебя, влюблен в Аманду Пирс, сидящую справа от тебя. Они ездят на одном автобусе каждый день. Для Аманды Пирс это скучная поездка, которая немного скрашивается болтовней Рашеля Нэш. Но для Рашеля Нэш это лучшее событие дня. Нет, даже лучшее событие его жизни. Рашель Нэш уже и так набрал 18 килограммов, да еще каждый месяц толстеет, поедая чипсы и печенье, хмуро поглядывая на Аманду Пирс и объедаясь холодной пиццей, смотря взрослое кино дома.

У Аманды Пирс, которая сидит справа от тебя, есть 6-летний сын Джейми — аутист. Ее кубикл заполнен рисунками мальчика — точно нарисованные круги и эллипсы в черном и желтом цветах. Она меняет их каждую вторую пятницу. Не забудь оценить их.

Аманда нейтрально относится к Рашелю Нэш, но влюблена в Альберта Боуча, чей офис вон там. Альберт Боуч с трудом переносит присутствие Аманды, влюблен в Элли Теппер, которая сидит вон там. Элли Теппер, в свою очередь, ненавидит Альберта, но сделала бы что угодно ради Куртиса Ланса. Но он ненавидит ее. Теперь скажи, разве мир не смешная штука? Не в смысле ха-ха-ха, конечно.

Аника Блум сидит в том кубикле. В прошлом году, просматривая некоторые доклады на встрече с Барри Хакером, Аника поранила левую руку. Она впала в транс, уставясь на свою руку и сообщила Барри Хакеру, когда и как умрет его жена. Мы посмеялись над этим. В конце концов, она была новым сотрудником. Но жена Барри Хакера умерла.

Запрещено для коммерческого использования

Hacker when and how his wife would die. We laughed it off. She was, after all, a new employee. But Barry Hacker's wife is dead. So unless you want to know exactly when and how you'll die, never talk to Anika Bloom.

Colin Heavey sits in that cubicle over there. He was new once, just like you. We warned him about Anika Bloom. But at last year's Christmas Potluck, he felt sorry for her when he saw that no one was talking to her. Colin Heavey bought her a drink. He hasn't been himself since. Colin Heavey is doomed. There's nothing he can do about it, and we are powerless to help him. Stay away from Colin Heavey. Never give any of your work to him. If he asks to do something, tell him you have to check with me. If he asks again, tell him I haven't gotten back to you.

This is the Fire Exit. There are several on this floor, and they are marked accordingly. We have a Floor Evacuation Review every three months, and an Escape Route Quiz once a month. We have our Biannual fire Drill twice a year, and our Annual Earthquake Drill once a year. These are precautions only. These things never happen.

For your information, we have a comprehensive health plan. Any catastrophic illness, any unforeseen tragedy is completely covered. All dependents are completely covered. Larry Bagdikian, who sits over there, has six daughters. If anything were to happen to any of his girls, or to all of them, if all six were to simultaneously fall victim to illness or injury — stricken with a hideous degenerative muscle disease or some rare toxic blood disorder, sprayed with semiautomatic gunfire while on a class field trip, or attacked in their bunk beds by some prowling nocturnal lunatic — if any of this were to pass, Larry's girls would all be taken care of. Larry Bagdikian would not have to pay one dime. He would have nothing to worry about.

We also have a generous vacation and sick leave policy. We have an excellent disability insurance plan. We have a stable and profitable pension fund. We get group discounts for the symphony, and block seating at the ballpark. We get commuter ticket books for the bridge. We have Direct Deposit. We are all members of Costco.

This is our kitchenette. And this, this is our Mr. Coffee. We have a coffee pool, into which we each pay two dollars a week for coffee, filters, sugar, and CoffeeMate. If you prefer Cremora or half-and-half to CoffeeMate, there is a special pool for three dollars a week. If you prefer Sweet'n Low to sugar, there is a special pool for two-fifty a week. We do not do decaf. You are allowed to join the coffee pool of your choice, but you are not allowed to touch the Mr. Coffee.

This is the microwave oven. You are allowed to heat food in the micro-

Запрещено для коммерческого использования

Так что, если не хочешь знать, как и когда ты умрешь, лучше не говори с Аникой Блум.

Колин Хеви сидит вон в том кубикле. Когда он был новеньким, как ты, мы предупредили его насчет Аники Блум. Но в прошлом году во время рождественского обеда ему стало жалко Анику Блум, так как с ней никто не разговаривал. Колин принес ей попить. С того момента Колин перестал быть собой. Колин Хеви обречен. Он ничего не может с этим поделать, и мы не можем помочь ему. Держись подальше от Кевина Хеви. Никогда не давай ему свою работу. Если он попросит тебя что-то сделать, скажи, что тебе нужно связаться со мной. Если он обратиться снова, сошлись на меня, дескать, нет ответа.

Это запасной выход. Есть еще несколько таких на других этажах, все они помечены. Раз в три месяца проводится учебная эвакуация, а проверка эвакуационных выходов — раз в месяц. Два раза в год мы проводим противопожарные учения, а сейсмологические учения раз в год. Это только из предосторожности. Такое никогда не случается.

К твоему сведению, у нас есть целый комплексный план охраны здоровья. Любая неизлечимая болезнь, любой форс-мажор полностью покрывается. Все иждивенцы[1] полностью обеспечиваются. У Ларри Багдикян, что сидит рядом, есть 6 дочерей. Если что-то случится с любой из его дочерей или со всеми из них, если все 6 станут жертвами болезни или какого-нибудь происшествия, пострадают от ужасного дегенеративного заболевания мышц или редкого токсического заболевания крови, будут расстреляны из полуавтоматического оружия во время экскурсии в классе или подвергнутся нападению в своей койке или нападению ночного сумасшедшего на их кровати — если что-то из этого случится, о дочерях Ларри Багдикян позаботятся. Ларри Багдикян не будет брошен в беде. Ему не о чем беспокоиться.

У нас также есть правила отпусков и отгулов из-за болезни. У нас есть замечательная программа страховых выплат по инвалидности. У нас есть стабильный и прибыльный пенсионный фонд. Мы получаем групповые скидки на симфонические концерты и бронируем места на стадионах. Мы получаем книжки с билетами на мост. У нас есть прямой депозит. Все мы участники Костко[2].

Далее предлагаю пройти в нашу мини-кухню. А это Мистер Кофе[3].

---

[1] Иждивенцы — лица, которые не имеют собственных источников средств к существованию или их доходы недостаточны, поэтому материально зависят от других лиц или организаций.

[2] Костко (Costco Wholesale Corporation) — крупнейшая в мире сеть складов (магазинов) самообслуживания клубного типа.

[3] Мистер Кофе — компания, производящая кофеварки и другие кухонные принадлежности.

Запрещено для коммерческого использования

wave oven. You are not, however, allowed to cook food in the microwave oven.

We get one hour for lunch. We also get one fifteen-minute break in the morning, and one fifteen-minute break in the afternoon. Always take your breaks. If you skip a break, it is gone forever. For your information, your break is a privilege, not a right. If you abuse the break policy, we are authorized to rescind your breaks. Lunch, however, is a right, not a privilege. If you abuse the lunch policy, our hands will be tied, and we will be forced to look the other way. We will not enjoy that.

This is the refrigerator. You may put your lunch in it. Barry Hacker, who sits over there, steals food from this refrigerator. His petty theft is an outlet for his grief. Last New Year's Eve, while kissing his wife, a blood vessel burst in her brain. Barry Hacker's wife was two months pregnant at the time, and lingered in a coma for half a year before dying. It was a tragic loss for Barry Hacker. He hasn't been himself since. Barry Hacker's wife was a beautiful woman. She was also completely covered. Barry Hacker did not have to pay one dime But his dead wife haunts him. She haunts all of us. We have seen her, reflected in the monitors of our computers, moving past our cubicles. We have seen the dim shadow of her face in our photocopies. She pencils herself in in the receptionist's appointment book, with the notation: To see Barry Hacker. She has left messages in the receptionist's Voicemail box, messages garbled by the electronic chirrups and buzzes in

the phone line, her voice echoing from an immense distance within the ambient hum. But the voice is hers. And beneath the voice, beneath the tidal whoosh of static and

hiss, the gurgling and crying of a baby can be heard.

In any case, if you bring a lunch, put a little something extra in the bag for Barry Hacker. We have four Barrys in this office. Isn't that a coincidence?

This is Matthew Payne's office. He is our Unit Manager, and his door is always closed. We have never seen him, and you will never see him. But he is there. You can be sure

of that. He is all around us.

This is the Custodian's Closet. You have no business in the Custodian's Closet.

And this, this is our Supplies Cabinet. If you need supplies, see Curtis Lance. He will log you in on the Supplies Cabinet Authorization Log, then give you a Supplies Authorization Slip. Present your pink copy of the Supplies Authorization Slip to Ellie Tapper. She will log you in on the

Запрещено для коммерческого использования

У нас есть кофейный тариф, мы платим два доллара в неделю за кофе, фильтры, сахар и кофе мате. Если ты предпочитаешь кремору или половинчатый кофе мате, тогда есть специальный тариф за три доллара в неделю. Если ты предпочитаешь сахарозаменитель сахару, тогда есть еще один тариф за 2,5 доллара в неделю. Мы не пьем кофе без кофеина. Ты можешь войти в кофейный тариф, когда захочешь, но пока тебе нельзя трогать Мистера Кофе. Здесь есть и микроволновка. Ты можешь греть еду в ней. Но тебе нельзя готовить еду в микроволновке.

На обед отводится целый час. Еще у нас есть пятнадцатиминутный перерыв утром и после полудня. Всегда отдыхай вовремя. Если ты пропустишь перерыв, его не вернуть. К твоему сведению, перерывы — это привилегия, а не право. Если вы не воспользовались этими перерывами, мы имеем право этих перерывов вас лишить. Обед, однако, это право, а не привилегия. Если вы пропустите обед, наши руки связаны, мы не сможем отобрать право на обед у вас.

Вот и холодильник. Ты можешь хранить свой обед здесь. Но имей в виду, что Барри Хакер, который сидит неподалеку, крадет еду из холодильника. Таким мелким воровством он дает выход своему горю. В канун Нового года, когда он целовал свою жену, в ее мозгу лопнул кровеносный сосуд. Жена Барри Хакера была на тот момент на втором месяце беременности и пролежала в коме полгода, прежде чем умереть. Это была большая потеря для Барри Хакера. Он был сам не свой после этого. Его жена была красивой женщиной. К тому же она была полностью застрахованной. Барри Хакеру не пришлось платить ни цента, но его преследует мертвая жена. Она преследует всех нас. Мы видим ее отражение в мониторах наших компьютеров, передвигающиеся между нашими кубиклами. Мы видели ее тень на фотографиях. Она записывает себя в регистратуре с пометкой «Увидеть Барри Хакера». Она даже оставляла сообщения на голосовой почте администратора — сообщения, искаженные электронным стрекотом и жужжанием в телефонной линии, и ее голос отдавался эхом на огромном расстоянии в окружающем гуле. Но это ее голос. А за голосом, под приливной волной помех и шипения, слышны бульканье и плач ребенка.

В любом случае, если ты берешь обед, положи еще что-нибудь для Барри Хакера. У нас в офисе четыре таких Барри, совпадение, не так ли?

А это офис Мэтью Пэйн. Он руководитель нашего подразделения, но его дверь всегда закрыта. Мы никогда его не видели. Но он здесь. Точно. Он всегда с нами.

Это гардероб охранника. Вам нечего делать в гардеробе охранника.

Это наш кабинет расходных материалов. Если тебе нужны расходники, спроси Куртиса Ланса. Он зарегистрирует тебя в системе кабине-

Запрещено для коммерческого использования

Supplies Cabinet Key Log, then give you the key. Because the Supplies Cabinet is located outside the Unit Manager's office, you must be very quiet. Gather your supplies quietly. The Supplies Cabinet is divided into four sections. Section One contains letterhead stationery, blank paper and envelopes, memo and note pads, and so on. Section Two contains pens and pencils and typewriter and printer ribbons, and the like. In Section Three we have erasers, correction fluids, transparent tapes, glue sticks, et cetera. And in Section Four we have paper clips and push pins and scissors and razor blades. And here are the spare blades for the shredder. Do not touch the shredder, which is located over there. The shredder is of no concern to you.

Gwendolyn Stich sits in that office there. She is crazy about penguins, and collects penguin knickknacks: penguin posters and coffee mugs and stationery, penguin stuffed animals, penguin jewelry, penguin sweaters and T-shirts and socks. She has a pair of penguin fuzzy slippers she wears when working late at the office. She has a tape cassette of penguin sounds which she listens to for relaxation. Her favorite colors are black and white. She has personalized license plates that read PEN GWEN. Every morning,

she passes through all the cubicles to wish each of us a good morning. She brings Danish on Wednesdays for Hump Day morning break, and doughnuts on Fridays for TGIF afternoon break. She organizes the Annual Christmas Potluck, and is in charge of the Birthday List. Gwendolyn Stich's door is always open to all of us. She will always lend an ear, and put in a good word for you; she will always give you a hand, or the shirt off her back, or a shoulder to cry on. Because her door is always open, she hides and cries in a stall in the women's room. And John LaFountaine — who, enthralled when a woman enters, sits quietly in his stall with his knees to his chest — John LaFountaine has heard her vomiting in there. We have come upon Gwendolyn Stich huddled in the stairwell, shivering in the updraft, sipping a Diet Mr. Pibb and hugging her knees. She does not let any of this interfere with her work. If it interfered with her work, she might have to be let go.

Kevin Howard sits in that cubicle over there. He is a serial killer, the one they call the Carpet Cutter, responsible for the mutilations across town. We're not supposed to know that, so do not let on. Don't worry. His compulsion inflicts itself on strangers only, and the routine established is elaborate and unwavering. The victim must be a white male, a young adult no older than thirty, heavyset, with dark hair and eyes, and the like. The victim must be chosen at random before sunset, from a public place; the victim is followed home, and must put up a struggle;

Запрещено для коммерческого использования

та расходных материалов, потом даст тебе квитанцию об авторизации. Сделай копию квитанции и отдай ее Элли Теппер. Она зарегистрирует тебя в журнале системы учета ключей и даст ключ. Из-за того, что кабинет расходных материалов находится рядом с кабинетом нашего руководителя, будь тихим. Бери свои расходные материалы тихо. Кабинет разделен на четыре секции. В первой секции представлены фирменные бланки, чистая бумага и конверты, блокноты для заметок и записные книжки. Во второй секции представлены ручки и карандаши, ленты для пишущих машинок и принтеров и тому подобное. В третьей секции у нас есть ластики, корректирующие жидкости, прозрачные ленты, клеевые стержни и так далее. А в четвертой секции хранятся скрепки для бумаги, кнопки, ножницы и бритвенные лезвия. И запасные лезвия для измельчителя. Не трогай измельчитель, который лежит вот тут. Он не твоя забота.

Гвендолин Стич работает в том офисе. Она без ума от пингвинов и собирает различные безделушки с пингвинами: плакаты с пингвинами, кофейные кружки и канцелярские принадлежности, мягкие игрушки с пингвинами, украшения с пингвинами, свитера с пингвинами, футболки и носки. У нее есть пара пушистых тапочек с пингвинами, которые она надевает пока работает. У нее есть кассета со звуками пингвинов, которую она включает, чтобы расслабиться. Ее любимые цвета черный и белый. У нее именные номерные знаки с надписью «ПИН ГВЕН». Каждое утро она проходит через все кубиклы, чтобы сказать всем нам доброе утро. По средам на утренний перерыв она приносит датское печенье, а по пятницам — пончики на послеобеденный перерыв. Она организует ежегодное рождественское застолье и отвечает за составление списка дней рождений. Дверь Гвендолин всегда открыта для нас. Она всегда прислушается к тебе и скажет хорошее слово, она всегда протянет руку помощи, или отдаст последнюю рубашку, или подставит плечо, чтобы поплакать. Из-за того, что ее двери всегда открыты, она прячется и плачет в кабинке женского туалета. И Джон Лафонтен, очарованный появлением женщины, тихо сидит в своей кабинке, подтянув колени к груди, — Джон Лафонтен слышал, как она там плакала. Как-то мы застали Гвендолин, трясущуюся, попивающую диабетическую газировку и обнимающую свои колени. Но она не позволяет этому мешать ее работе. Если бы она позволила, ее бы уволили.

Кевин Ховард сидит там. Он серийный убийца, которого называют Коврорез. Он ответственен за убийства по всему городу. Мы не должны об этом знать, так что никому не говорите. Его пристрастие распространяется только на незнакомцев, а схема действий точна и продумана. Жертвой должен быть белый мужчина, молодой человек не старше трид-

Запрещено для коммерческого использования

et cetera. The carnage inflicted is precise: the angle and direction of the incisions; the layering of skin and muscle tissue; the rearrangement of visceral organs; and so on. Kevin Howard does not let any of this interfere with his work. He is, in fact, our fastest typist. He types as if he were on fire. He has a secret crush on Gwendoly Stich, and leaves a red-foil-wrapped Hershey's Kiss on her desk every afternoon. But he hates Anika Bloom, and keeps well away from her. In his presence, she has uncontrollable fits of shaking and trembling. Her left palm does not stop bleeding.

In any case, when Kevin Howard gets caught, act surprised. Say that he seemed like a nice person, a bit of a loner, perhaps, but always quiet and polite.

This is the photocopier room. And this, this is our view. It faces southwest. West is down there, toward the water. North is back there. Because we are on the seventeenth floor, we are afforded a magnificent view. Isn't it beautiful? It overlooks the park, where the tops of those trees are. You can see a segment of the bay between those two buildings over there. You can see the sun set in the gap between those two buildings over there. You can see this building reflected in the glass panels of that building across the way. There. See? That's you, waving. And look there. There's Anika Bloom in the kitchenette, waving back.

Enjoy this view while photocopying. If you have problems with the photocopier, see Russell Nash. If you have any questions, ask your supervisor. If you can't find your supervisor, ask Phillip Spiers. He sits over there. He'll check with Clarissa Nicks. She sits over there. If you can't find them, feel free to ask me. That's my cubicle. I sit in there.

Запрещено для коммерческого использования

цати, плотного телосложения, с темными волосами и глазами. Жертву он выбирает наугад до захода солнца в общественном месте; он преследует жертву до дома, потом она должна оказать сопротивление. Нанесенные им раны точны: угол и направление разрезов, наслоение кожи и мышечной ткани, перестановка висцеральных органов. Кевин Ховард не позволяет всему этому мешать его работе. К слову, он печатает быстрее всех здесь. Он печатает, словно горит на работе. Он тайно влюблен в Гвендолин Стич и оставляет на ее столе завернутые в красную фольгу конфеты «Поцелуй Херши» каждый день после полудня. Но он ненавидит Анику Бум и держится от нее подальше. В его присутствии она неконтролируемо дрожит. Ее левая ладонь не перестает кровоточить.

В любом случае, если Кевина Ховарда поймают, прикинься удивленным. Скажи, что он всегда казался хорошим человеком, немного одиноким, но всегда тихим и милым.

О, а это комната для ксерокса, окна которой выходят на юго-запад. Запад там, внизу, ближе к воде. А север сзади. Так как мы на семнадцатом этаже, перед нами открывается великолепный вид. Он неописуем, не так ли? Из окон можно увидеть и верхушки деревьев парка. Чуть поодаль виднеется часть залива между этими двумя зданиями, в просвете между которыми можно любоваться закатом. Вы можете увидеть это здание, отражающееся в стеклянных панелях здания напротив. Вон там. Видишь? Это ты машешь. Смотри туда, Аника Бум на мини-кухне машет в ответ.

Наслаждайся видом, пока занимаешься ксероксом. Если у тебя есть проблемы с ксероксом, спроси Рошеля Нэш. Если у тебя будут вопросы, спроси своего начальника. Если не можешь найти своего начальника, спроси Филиппа Спайерса. Он сидит вот тут. Он свяжется с Клариссой Никс. Она сидит вон там. Если не можешь найти их, не стесняйся спрашивать у меня. Это мой кубикл. Я работаю в нем.

Запрещено для коммерческого использования

ЭССЕИСТИКА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

14 – 17 лет

Курсова Юлия, 15 лет
Российская Федерация, Республика Марий Эл,
п.г.т. Медведево

МОИ РАЗДУМЬЯ О БУЛЛИНГЕ

Лето. Солнце. Тёплый ветер. Я в парке, уже позабыв об учёбе, иду и думаю о том, как проведу эти каникулы в кругу своей семьи и друзей. Точно буду много гулять, купаться, ходить в кино и театры со своими самыми близкими людьми. А в парке в это время кто-то читает книгу, кто-то играет в теннис, маленькие дети в песочнице лепят куличики с помощью ведёрок и формочек. Кто-то катается на качелях, другие строят замки из песка, девчонки прыгают в «классики». Смотря на них, мне тоже хочется оказаться в их возрасте и просто играть, ни о чём не заботясь. И вдруг в конце аллеи вижу, наверное, больше слышу компанию подростков, которые, столпившись, громко смеются. Нет, они не смеются, а насмехаются над одним мальчиком и жестоко шутят, видя, что ему неприятно. Они испытывают явное удовольствие. Им весело! А мне становится не по себе. Это буллинг.

Мне повезло: я никогда не была в подобной ситуации, но кое-что про буллинг знаю. Ещё в 4-м классе, прочитав повесть Владимира Железникова «Чучело», я поняла, что дети бывают жестоки, и это страшно! Меня потрясла история Лены Бессольцевой, которую несправедливо «затравил» весь класс. Эта книга хорошо отпечаталась в моей памяти, и я постоянно задавалась вопросами: «Зачем одноклассники так поступили? Почему Сомов не вступился за Лену? Как можно учителю не замечать, что твою ученицу «травят»?» Но главным вопросом для меня до сих пор остаётся: «Зачем же буллить людей?» Я не понимаю, как может нравиться издевательство над другими?!

Запрещено для коммерческого использования

Открываю «Метасловарь» и читаю: «Буллинг — это систематическое и целенаправленное психологическое или физическое насилие, происходящее в коллективе, которому человек подвергается со стороны людей, занимающих более выгодное положение в этом коллективе». Сразу вспоминаю повесть Н.В. Гоголя «Шинель», ведь Акакия Акакиевича Башмачкина тоже буллят другие чиновники! А он по своей душевной доброте не может за себя заступиться. Заметьте, это взрослые люди, а не подростки! Откуда всё берётся? Часто буллинг происходит из-за психического здоровья агрессора. Дело в том, что агрессоры сами испытывают (или испытывали) внутренние конфликты, имеют низкую самооценку и проблемы в межличностных отношениях. И они используют травлю как способ компенсировать собственные недостатки. Это создаёт иллюзию власти, собственного превосходства, могущества над другими.

К сожалению, многих начинают травить в школьные годы, когда они пытаются как-то «самовыражаться». Одни это высмеивают, а некоторые начинают издеваться над человеком. Также насмехаются над теми, кто чем-то отличается, будь это цвет кожи или просто форма носа. После этого дети, над которыми издевались, становятся неуверенными, с низкой самооценкой и замыкаются в себе. Что же делать в таких ситуациях? Во-первых, жертве надо быть спокойной и стараться игнорировать человека. И агрессору, скорее всего, это надоест, и он отстанет от вас. Во-вторых, лучше избегать тех мест, где хулиган может вам что-то сделать. В-третьих, стоит попробовать объяснить ему, что тебе неприятны какие-то действия и ты не хочешь, чтобы это продолжалось, всё же есть вероятность, что после разговора он всё поймёт.

А если ничего не помогает? Не стоит умалчивать о буллинге — это может кончиться плохо. Родители, если видят признаки того, что его ребёнка буллят (закрылся в себе, изменилось поведение, ходит подавленный), должны принять меры. Сначала надо выслушать и, не торопясь с выводами, узнать все детали происходящего. Конечно, взрослый должен проявить сочувствие и дать понять, что он всегда будет на стороне ребёнка. Уже потом следует поговорить с родителями хулигана и с ним самим, разъяснив всю ситуацию. Но есть такие дети, которые строят из себя жертв. Им нравится, когда их жалеют или когда сочувствуют им. А другим людям принятие роли жертвы позволяет не признавать свои ошибки и не нести ответственность за свои поступки.

А теперь рассмотрим другую сторону: если родитель узнал, что его ребёнок — буллер или один из зачинщиков, надо срочно с ним об этом поговорить. Позвольте ребёнку высказать свои мысли, слушайте без осуждения, это поможет вам понять причины его поведения. Обсудите с ним, что буллинг не шутка, а серьёзное поведение, которое может иметь

Запрещено для коммерческого использования

последствия. Поговорите о том, как важно понимать чувства других людей. Попросите, чтобы он поставил себя на место жертвы и понял, что это вовсе не смешно. Если ситуация не меняется, и вы понимаете, что не справляетесь самостоятельно, то стоит обратиться к психологу или другим специалистам. Но есть проблема: буллят чаще всего те, кто хорошо живёт и имеет всё, и тогда родители не верят, что их успешный ребёнок может так поступать, или те, чьи родители совсем отстранились от воспитания, тогда ребёнок ищет внимания в другом месте, самоутверждается за счёт других.

Какие есть ещё способы борьбы с буллингом? И снова беру в руки словарь (Словарь методических терминов), размышляя над этим вопросом, и «натыкаюсь» на интересное определение: «Медиация — это процесс общения между людьми, которые по той или иной причине не могут общаться напрямую». Предотвращение буллинга требует совместных усилий родителей, педагогов и самих ребят. Чтобы подростки могли открыто выразить свои чувства и переживания, для них нужно создать безопасное пространство, где к ним будут относиться по-доброму и с пониманием. В процессе медиации участники могут лучше понять точку зрения друг друга, что способствует развитию эмпатии и сознанию того, как их поведение влияет на других. Это помогает агрессору понять чувства жертвы, а жертве — мотивы агрессора. И вместо того, чтобы наказать хулигана, медиация помогает ему осознать свои ошибки и найти способы исправить их. Только совместными усилиями можно предотвратить буллинг, чтобы между людьми всегда царило взаимопонимание и каждый чувствовал себя в безопасности.

Видов буллинга бывает очень много: физический, социальный, вербальный, кибербуллинг. И все они отрицательно влияют на психику человека. Исследования показывают, что 60 % жертв буллинга испытывают симптомы депрессии, а 30 % — суицидальные мысли. Таких примеров можно привести очень много. В одной из школ девочка стала жертвой вербального буллинга. У неё имелась самая обычная внешность и плотное телосложение. Такое бывает у подростков. Всё было хорошо до одного момента: на перемене одноклассник решил над ней пошутить, сказав, что она толстая и некрасивая. Одноклассников это рассмешило, и они тоже стали её обзывать. После этого дня она стала худеть: не ела днями, занималась спортом и делала всё, чтобы увидеть изменения во внешности. Но однажды, придя в школу, девочка упала в обморок от голода и изнуряющих тренировок. Учителя сразу заподозрили неладное, позвонили родителям, чтобы те пришли в школу, а после того, как девочка очнулась, узнали о том, что её травили. И после долгих разбирательств ребята, конечно, извинились перед своей одноклассницей,

Запрещено для коммерческого использования

но только расстройство пищевого поведения и неприятный осадок останутся у девочки навсегда. Но всё могло кончиться намного хуже, если бы не этот обморок. Она могла заработать серьёзную болезнь — анорексию, которую вылечить достаточно сложно. Для этого потребовалась бы психотерапия, медицинская помощь, правильное питание и поддержка семьи. А самое страшное то, что эта болезнь могла привести к смерти. А ведь жизнь — это главная ценность.

К плохому исходу может привести кибербуллинг. Мальчик Артём выложил в социальную сеть свою смешную фотографию, и несколько его одноклассников, увидев эту публикацию, решили пошутить. Они создали страницу, где всячески посмеивались над Артёмом. Также эти ребята начали отправлять ему личные сообщения с угрозами и насмешками. А спустя время об этом узнали другие ученики школы и, подхватив затею, тоже стали писать оскорбления. Но были и те, кто ничего плохого не делал, но и не пытался уладить конфликт. В конце концов, Артём стал реже появляться в школе, начал всех избегать и замкнулся в себе. А спустя полгода и вовсе перевёлся в другую школу, не выдержав такого давления. Возможно, если бы другие ребята не просто смотрели на всё это со стороны, а пытались как-то помочь, то, конечно, исход был бы лучше. Юлиус Фучик, известный чехословацкий журналист, говорил: «Бойся равнодушных! Это с их молчаливого согласия совершается всё зло на земле!» И правда, многие люди замечают травлю над другим человеком, но ничего с этим не делают, думая, что, если их не трогают, значит, не их дело. Но именно они могут помочь прекратить буллинг, хотя бы просто рассказав взрослым об увиденном.

Последствия буллинга для жертвы агрессора разные. После травли пострадавший всегда будет чувствовать себя в опасности. Даже если издевательства давно закончены, люди думают, что это снова начнётся в любую минуту. Из-за этого они могут отстраниться от коллектива, ни с кем не общаться, становиться неуверенными в себе. По мнению норвежских учёных, жертвы буллинга постепенно начинают верить, что с ними что-то не так, и они замыкаются в себе. Агрессор после всех действий получает опыт безнаказанности, иллюзию собственной силы, правоты. Обычно нарушителя личных границ в коллективе считают авторитетом, но он сам не уверен в себе, и поэтому использует насилие, чтобы самоутвердиться за счёт других и не потерять лидерские позиции. Но от буллинга страдают не только они, но также может страдать и наблюдатель. Современный психолог и педагог Людмила Петрановская говорит, что если наблюдатель, видя всю ситуацию с буллингом, ничего не делает, то «он получает опыт бессилия перед властью толпы и стыд за своё слабо-

Запрещено для коммерческого использования

душие, поскольку не решился вступиться и поддержал травлю со страха самим оказаться жертвой». Это сказано, как будто про меня. Я тоже оказалась в ступоре, увидев страдающего от травли мальчика в компании смеющихся подростков. Я тоже была бессильна чем-то помочь.

От мыслей меня отвлёк звонок мамы, которая меня потеряла. Я просто шла дальше, не видела ни детей, ни их родителей, ни людей, выгуливавших собак, и даже та компания подростков ушла. И как закончилась история с мальчиком, я, видимо, никогда не узнаю. Жаль… Ему точно нужна помощь. Ну, почему все сделали вид, что ничего не происходит?

Логиновских Павел, 17 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург

ЧЕЛОВЕК ГЛАЗЕЮЩИЙ: ВЛИЯНИЕ ВИДЕОКОНТЕНТА НА СОЗНАНИЕ

Не хочется порой думать о том, что мы меняемся. Но это происходит (увы!) без нашего согласия. Тысячи факторов делают нас теми, кем мы являемся. Сегодня я попробую заглянуть за ширму самого агрессивного из них — видеоконтента. Не стану делать множественные референсы к истории вопроса. Мы все примерно помним, чем заполняли свободное время те, кто жили «до». От поражающих постановок театра Вахтангова до любовных романов и музыкальных вечеров Вертинского… Словом, суть не в том, чем именно занимали своё свободное время люди прошлого, а в том, скорее, как погружены были в то, чем занимались. Ведь любой спектакль оставляет некие намёки на нереальность и сюрреализм происходящего на сцене, а книга даёт человеку волю в интерпретации и отпускает вожжи воображения, позволяет смотреть на прочитанное, увиденное, услышанное сквозь призму личного социального опыта и восприятия. Примерно та же картина открывается нам и в других видах развлечений. Спорт пробуждает лишь азарт, музыка — эмоции… но не более. Не существовало в ту пору такого формата, что мог бы предоставить зрителю картину, которая смогла бы потеснить мир реальный.

Всё изменилось в эпоху кинематографа, да и то не одномоментно. Поначалу фильм старался показать человеку то, чего он не смог бы увидеть или попробовать в реальности. Идеалистические истории любви, дальние плавания и приключения. То была пора исключительных героев

Запрещено для коммерческого использования

и необычайных обстоятельств. Но, постепенно эволюционируя, киноиндустрия осознавала необходимость нового подхода к контенту. Дабы соответствовать духу времени, в XXI веке фильмы стали всё больше и больше напоминать реальную жизнь, но что примечательно, жизнь всё ж таки приукрашенную, инкрустированную интересным опытом, разнообразными героями и неординарными ситуациями. (Такой формат лучше всего воплощается в сериалах.)

Подобным образом зритель вовсю побуждается жить тем миром, что умело рисуется у него на экране. Именно поэтому в зарубежных медиа сформировался термин to binge-watch, означающий «смотреть запоем сериалы или телешоу», он был выбран «словом 2025 года» по версии словаря Collins English Dictionary. И такое поведение наряду с очевидными психологическими последствиями порождает важный для нас сдвиг в мироощущении — привычку к наблюдению.

Мой читатель может возразить, мол, фильмы и сериалы интересны своими идеями и сюжетами, это не подопытные мыши, чтобы за ними наблюдать, а я не стану пока спорить и приведу другой пример.

Видео в интернет выкладывает много кто и много о чём . Но по иронии судьбы, какие-то из них становятся более востребованными у массового зрителя. В 2025 году, например, Олимпа зрительских симпатий удалось достичь видеоблогам (Stokes Twins, Content Machine), гейминг-контенту (PewDiePie, Mikecrack) и челленджам (Mr. Beast). Каждый из этих форматов предлагает либо прикоснуться к жизни любимого блогера, либо понаблюдать за прохождением кем-то игры или сложного испытания… Вот мы и вернулись к наблюдению.

Скажу прямо, я не стремлюсь осудить современного человека, обвинить его в слабости души и позорном пристрастии к наблюдению за чужими судьбами. Нет! Я, скорее, желаю обозначить тенденцию. Мы всё больше отдаляемся от самостоятельного принятия решений, смотря за тем, как они принимаются на экране. Всё чаще мы начинаем перенимать стиль поведения тех, за кем мы наблюдаем, наплевав на собственную индивидуальность, ведь банальная мимикрия за тысячи лет никуда не исчезла. Всё чаще я сам наблюдаю у себя и своих знакомых так называемую «дереализацию», при которой человек может просто напросто выпасть из происходящего вокруг и ощущать, что он находится вне ситуации, за четвёртой стеной, будто смотрит от третьего лица… И всё-таки это он — новый образ мысли человека. Человек изучающий? Или всё-таки человек глазеющий? С названием, да и с тем, пытаться ли побороть сию тенденцию, разбирайтесь сами…

Запрещено для коммерческого использования

Алексеенко Никита, 15 лет
Российская Федерация, г. Москва

КАПЛЯ

Люди видят дождь, а не капли. Но я — капля. Наверное, меня, правда, сложно заметить. Только если я назойливо упаду человеку на лицо или останусь совсем один, без других капель. Или, может, я поймаю свет в свои объятия и весь засияю изнутри — да, тогда я буду не как остальные. Но удастся ли мне уловить такой момент? Моя жизнь так коротка, и я совершенно для неё не создан! Я не могу просто падать и умирать, довольствуясь тем, что несколько мгновений своего существования являюсь частью чего-то большего, чем я сам! А если это холодный, мерзкий, противный дождь?! Разве это жизнь?!

Я зацикливаюсь на людях, из-за них это всё... Ведь цветы, цветы они... Они ждут каждого из нас, они целуют своими лепестками всех, кто к ним прикоснётся. Им не нужен дождь, им нужны мы. Все хотят быть кому-то нужными. Неужели каждая капля, рождаясь, думает об этом?

Мне недолго осталось, и я уже думаю, что... Пускай я не родился над полем, где я мог бы принести настоящую пользу, а вижу лишь крыши домов и мокрые улицы, я всё равно полезен. Ведь есть сейчас на свете существо, что увидит этот дождь и обрадуется ему. И я — часть этого дождя, без которой он, пожалуй, был бы совсем другим.

Хотя везёт все-таки тем, благодаря кому рождается радуга. Они, говорят, особые любимчики.

Руденкова Валерия, 17 лет
Российская Федерация, г. Москва

БУДУЩЕЕ СОВСЕМ СКОРО

Уже вечер. За окном темно. Слышно клацанье по клавиатуре. Жужжание монитора. Я иду по коридору, вижу отдельную комнату для новостников, только это не люди, а усовершенствованные роботы, которые больше не допускают ошибок. Вот и светлая студия для записей новых выпусков новостей. А рядом чёрная и мягкая комната для записи подкастов. Отдельное место для роботов, которые обрабатывают фотографии и анализируют данные. Люди здесь заняты только творчеством. Так я

Запрещено для коммерческого использования

представляю своё будущее в роли главного редактора популярного онлайн-издания, пишущего о театре.

В будущем цифровые медиа станут более интерактивными: зрители смогут влиять на ход своей любимой передачи или с помощью камеры своего телефона и улучшенному искусственному интеллекту попасть в какую-нибудь программу. У зрителей появится почувствовать себя гостем в любимой передаче, оказавшись в съёмочной студии. Идея с виртуальным появлением людей была воплощена ещё в 2022 году на Олимпийских играх в Пекине: это давало видимость того, что спортсмен находится в студии, а на самом деле — в другой стране. Через десять лет эта технология будет использована во многих передачах и новостях, что позволит воспринимать информацию не как статичное видео, к которому мы привыкли. Также известный футуролог Блейк Морган говорила: «Телевидение будущего станет небывалым опытом для зрителей. Вместо того чтобы просто наблюдать, как что-то происходит на их экранах, зрители будут участвовать в шоу и иметь возможность взаимодействовать и потенциально влиять на результат шоу». Я абсолютно согласна с ней и тоже думаю, что люди смогут влиять на любимые передачи, а не только голосовать за любимых певцов или понравившуюся кандидатуру, например, как это делают в телепрограмме «Синяя птица».

Сейчас клиповое мышление захватывает многих, из-за чего тяжело воспринимать большой объём информации (длинные статьи и видео), так как люди привыкают к коротким вертикальным видео, которые длятся меньше одной минуты, и новостям-молниям, в которых написано всё самое важное. А длинный материал обычным текстом большая часть аудитории воспринимает плохо, поэтому появляются новые форматы, такие как лонгриды, в которых можно создавать интерактивные статьи, используя аудио, фото, видео, графику и так далее.

Лонгриды помогают решить некоторые социальные проблемы или помочь их избежать: буллинг и кибербуллинг, одиночество, депрессия и другие. Такой формат подачи информации не только помогает бороться с социальными проблемами, но и рассказывает о важных событиях в истории, которые нельзя забывать. Например, у «Первого канала» есть лонгрид «Всем миром», который рассказывает историю спасения людей в самом масштабном наводнении. С помощью звуков, графики и фотографий передаётся вся гнетущая атмосфера того события. В будущем одним из самых популярных форматов станет лонгрид, так как это удобно, интерактивно и интересно любой аудитории. Мне кажется, что через десять-пятнадцать лет лонгриды усовершенствуются и в них появятся новые функции, которые позволят посмотреть всё в 3D. А также человек сможет перенестись в то место и в то время. Как? Человек включит

Запрещено для коммерческого использования

камеру, а искусственный интеллект отсканирует его и выдаст в виде персонажа в самом лонгриде, которым можно будет управлять и влиять прямо на ход событий.

Я думаю, что скорость подачи информации и оперативность увеличится ещё больше. Сейчас, например, интернет-СМИ публикуют новость-молнию, в которой оперативно сообщает о событии, спустя пять минут после происшествия. Так в марте 2024 года интернет-СМИ Mash и информагентство РБК первыми сообщили о происшествии в «Крокусе» через несколько минут после его начала. Через десять лет информация будет доходить до читателя почти в ту же минуту, как произошло событие, с помощью одного сигнала, который сразу же поступит в редакции, и новость опубликуется. Скорее всего все новости будут писать роботы, то есть искусственный интеллект, который точно усовершенствуется, поэтому не будет допускать ошибок в текстах. А также всю аналитическую работу отдадут искусственному интеллекту, так как это отнимает большое количество времени от работы у людей. Уже сейчас программисты вместе с журналистом Ником Эверсхэдом создали робота ReporterMate, который самостоятельно обрабатывает большие объёмы данных и вставляет полученные результаты в готовые текстовые шаблоны.

Всё меняется постепенно, поэтому мы не замечаем глобальных изменений. Совсем скоро мои мечты станут реальностью: появятся роботы, которые облегчат работу журналистам, появятся новые форматы, интересные новой аудитории.

Тищенко Катерина, 15 лет
Российская Федерация, г. Озёры

ЭХ, ДЕРЁВНЯ! ИЛИ КАК ЖИВЁТСЯ В ПРОВИНЦИИ

Как известно, культурные центры, да и вообще центры, сосредоточены в крупных городах. Множество людей всегда стремилось и стремится сейчас туда, в заветные Москву и Санкт-Петербург. Но чем же так плоха эта провинция, от которой некоторые с небывалым усердием бегут куда подальше?

В нашей стране «провинция» — крайне загадочное понятие. Из сетевого «расследования», что же это в России такое:

«Я заметил, что провинция для русских — это как будто все города, кроме Москвы и Санкт-Петербурга».

«Провинция — всё, что за МКАДом, включая Питер».

Запрещено для коммерческого использования

Если посмотреть в интернете информацию о том, что можно назвать провинцией в России, в основном выдаст шутки:

«Город можно считать провинциальным, если…

…незнакомые люди (особенно дети) здороваются с тобой на улице».

Но если рассматривать с более серьёзной точки зрения, то провинция — это небольшой город с маленьким количеством населения, «местность вдалеке от крупных центров, вообще территория страны в отличие от столицы».

Говорить про «провинции»-миллионники не будем. Итак, маленький город, где все друг друга знают.

Главными минусами считаются отсутствие возможности культурного отдыха, недостаток торгового разнообразия, плохая инфраструктура, отсутствие высших учебных заведений, серая скука и неинтересное общество — всех ведь знаешь.

Живя в городе с населением 20 тысяч человек, ты с большой долей вероятности обитаешь не в квартире, а в частном доме, в школу добираешься на велосипеде, на обратном пути кофе с собой берёшь редко или никогда, пока идёшь домой встречаешь половину родственников, в парк заходишь через прутья в заборе, а гуляешь по магазинам, но продуктовым. И звучит это не так уж и серо.

Больше всех на свои родные города плюются сами провинциалы. Живут всю жизнь и негодуют, но почему-то живут. Про минусы понятно, а каковы провинциальные плюсы?

Знание большей части города и состояние почти с половиной в родстве — несмотря на то, что где-то это минус, это и несомненный плюс. Нет нужды прогрызать дорогу и выбивать место в жизни: если что-то не получится, всегда найдётся двоюродная тётя, троюродный брат или муж маминой подруги, у которых есть некоторые связи. А бывает, идёшь с тяжёлыми сумками из магазина, из переулка выруливает автомобиль, а там — кто-то из знакомых, запросто предлагающий подкинуть.

Провинциальным городам идёт в плюс и небольшая площадь. Даже если такого чудесного знакомого не сыщется, бесконечно длинного пути тоже не будет.

«В маленьком городе никто не будет гадить», — говорил один провинциальный священник. В провинции низкий процент криминальности, потому что все друг у друга на виду и иногда ты сам не знаешь, что про тебя знают, а что ещё нет.

Слово, много кому надоевшее, но всё же «экология». Пусть где-то в центре города более активное загрязнение воздуха ещё идёт, но как он прекрасен ближе к окраинам, там, где могут быть речка, поля, лес.

И, в конце концов, спокойствие. Жизнь идёт размеренно, без спеш-

Запрещено для коммерческого использования

ки, нескончаемой погони за чем-то. Машины не летят даже по главной улице, где-то можно вывернуть, а там ни одного транспортного средства. В воскресенье дороги чаще пустуют, а выехав к парку, слышно музыку и запах шашлыков. И сами люди как будто добрее. Нет спешки, и есть время остановиться и помочь.

Но это всё лирика.

После окончания в чьём-то случае девяти классов, в чьём-то — одиннадцати, встаёт вопрос о поступлении, и обычная размеренная жизнь превращается суету и череду важных решений. Нельзя взять и «поступить куда-нибудь тут, у себя», потому что «у себя» — это чаще «шарага», в которой большого разнообразия профессий нет. И после девятого-одиннадцатого все начинают разъезжаться.

Кто-то поступает в ближайший относительно крупный город и остаётся жить дома, кто-то отправляется в общежитие, к родственникам или на съёмную квартиру. Перед бывшими школьниками открывается весь простор большой городской жизни.

Однако если брать статистику, то при опросе подмосковных школьников с разными характерами, взглядами на жизнь и местом жительства, отношение желающих переехать к не рассматривающим этот вариант составляет 1 к 2 соответственно. Человек — существо привыкающее, и коренной провинциал с большей вероятностью отдаст предпочтение родному городу, чем Москве или Санкт-Петербургу. «Учиться — да, а жить...»

Нагорнова Ульяна, 18 лет
Российская Федерация, Самарская область, г. Самара

ЭКСПРЕСС В МЕДИАМИР БУДУЩЕГО

Удобно устроившись в вагоне скоростного поезда «Экспресс в мир медиа», я смотрю в окно. Мимо проплывают острые деревья телеантенн, волнующиеся моря радиостанций и целые поля интернет-ресурсов. Поезд мчится на небывалой скорости. Казалось бы, он только что покинул одну станцию — но вот уже впереди другая. И каждый следующий вокзал или платформа — это новый шаг, ведущий в будущее цифровых медиа.

Станция 1. Депо старых форматов

«Экспресс в мир медиа» затормозил на первой станции. Улыбчивый проводник пригласил пассажиров выйти на перрон. Нас ожидала виде-

Запрещено для коммерческого использования

опрезентация – на огромную серую стену вокзала была спроецирована статистика ВЦИОМ. Оказывается, 69 % людей в возрасте от 18 до 24 лет отказались от телевидения в пользу Интернета в 2021 году. А из тех 17 %, кто смотрит ТВ и не пользуется Интернетом, 45 % – пенсионеры. Значит, сейчас большая часть потребляемой информации уходит в пространство мониторов ПК и экранов телефонов. Однако надежду на сохранение телевидения мы, пассажиры, увидели в показанном выступлении профессора НИУ ВШЭ Михаила Федотова на ПМЭФ. Он сравнил мнение об исчезновении телевидения и «переходе» зрителей в Интернет с репликой одного из персонажей фильма «Москва слезам не верит», который утверждал, что скоро сойдут на нет искусство, театр, и останется только телевещание. Федотов уверен, что телевидение никуда не денется, как с появлением кино не пропали театральные спектакли. Но пассажирам «Экспресса в мир медиа» было ясно, что формат не останется прежним. Каким же будет телевидение?

А вот и ответ: на импровизированном «экране» вокзала появилась цитата гендиректора «Первого канала» Константина Эрнста. На форуме «Знание» он утверждал, что в ближайшем будущем каждый канал «будет иметь некую свою версию в цифровой среде» с возможностью посмотреть, что тебе интересно, «но там, конечно, будет учёт, что аудитория отличается». То же самое происходит и с печатными СМИ. По статистике Российской книжной палаты, тираж газет сократился на 10 %, а журналов – на 3,4 %, но издания тоже нашли «цифровой» выход. Какой? – Узнаем на следующей станции.

Станция 2. Парк цифровых медиа

На следующей станции нас ожидало выступление ведущего, который ознакомил всех с содержанием двух статей. Первая от Lenta.ru. В ней говорилось о современном телевидении. Авторы материала выделили три основных тенденции его развития. Первая – свобода выбора. Благодаря стриминговым сервисам и цифровым платформам, таким как «Смотрим», зритель может решить, что ему посмотреть в любое время и в любом месте, независимо от программной сетки.

Вторая тенденция – снижение количества рекламы на ТВ вследствие перехода в цифровой формат, а третья – увеличение интерактивности, например, использование очков виртуальной реальности при просмотре программ.

И ещё одна статья от журнала «Пять углов» – о будущем российского «глянца». Журналист и медиаэксперт Ксения Болецкая считает, что причина снижения его популярности заключается в уходе основных

Запрещено для коммерческого использования

рекламодателей, которые приносят журналам большую часть дохода. А исполнительный директор Havas media Елена Ермакова уверена, что для возрождения интереса к «глянцу» в России изданиям нужно сделать акцент на моду и колорит нашей страны. В 2015 году The Blueprint так и сделали — только в интернет-среде. Сейчас это цифровое издание об отечественной моде и культуре активно развивается и набирает аудиторию.

Итак, выход привычных ранее форматов в цифровую среду — вот новый магистральный путь СМИ к доступности, открытости и популярности.

Станция 3. Медийная лаборатория искусственного интеллекта

На этой экспериментальной станции нас встретил робот и торжественно зачитал нам «Манифест медиафутуристов»:

«Всем, читающим наше новое, искусственное, интеллектуальное!

Мы, роботы нейросети, хотим сбросить всю монотонную работу с плеч журналиста Современности и оставить ему только простор для интересных мыслей и яркого творчества!

Мы активно развиваемся в цифровых медиа, помогая журналистам! Например, наша гордость — это роботы издания Quarts, которые пишут короткие новостные заметки!

Целых 78 % экспертов Reuters уверены, что необходимы инвестиции в ИИ-журналистику!

С высоты небоскрёба мы смотрим в будущее дружбы цифровых медиа и искусственного интеллекта!»

Хотя робот читал это достаточно монотонно, мы, пассажиры «Экспресса в мир медиа», поняли, что искусственный интеллект, безусловно, станет опорой в развитии цифровых СМИ.

Станция 4. Конечная (она же начальная)

«Экспресс в мир медиа» примчался на конечную станцию, заехав прямо в огромное здание вокзала. Из окон было видно, что кругом одни мониторы компьютеров, камеры, клавиатуры — сплошная техника. Проводник объявил: «Уважаемые пассажиры! Во время поездки вы изучили, как устроен мир цифровых медиа. Теперь вперёд — расширять его! Ведь интернет-среда даёт всем огромную платформу для творчества и возможность работы практически с любой информацией!»

Я удивилась и переспросила: «Действительно с любой?» — «Абсолютно! Важно только быть честной и смело смотреть в будущее! Тогда всё получится!»

Запрещено для коммерческого использования

Я села за один из компьютеров. Так начался мой новый маршрут в мир цифровых медиа, ведь впереди у нас дальнейший увлекательный и головокружительный путь развития! Вперёд! В будущее!

Тесля Вероника, 14 лет
Российская Федерация, Луганская Народная Республика, г. Луганск

FIGNYA MELKAYA, ИЛИ КРИЗИС ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА

Люди, в своём большинстве, не взрослеют,
а только набирают вес.

Лео Ростен

Почему-то считается, что все дети мечтают скорее стать взрослыми. Некоторые приписывают себе «лишние» годы в соцсетях, стараются выглядеть старше, перенимают привычки взрослых, их манеру поведения. Многие мои ровесницы активно пользуются косметикой, у некоторых уже есть опыт романтических отношений.

А я вот, как ни странно, не хочу взрослеть. И сейчас объясню почему.

Ведь что отличает взрослого от ребёнка?

Во-первых, это ответственность. За свою семью, детей, прежде всего. Я не боюсь ответственности. Но одно дело отвечать за себя, и совсем другое – за кого-то. Такая ответственность ограничивает свободу. Никто же не будет спорить с тем, что детей надо кормить, обувать, воспитывать… а, следовательно, взрослый человек не имеет выбора. Он не может целый день посвятить только себе: нужно зарабатывать средства к существованию, ограничивать свои потребности ради потребностей близких. Семьи многих моих знакомых неполные или неблагополучные. Да и мы с мамой живём вдвоём. С отцом я вижусь редко. Так сложилось.

Почему так происходит? Мне кажется, чаще всего потому, что, создавая семьи, молодые люди стараются казаться взрослыми, но не являются ими на самом деле. Случайно обнаружила данные Федеральной службы государственной статистики и была поражена: согласно исследованиям, в 2024 году на 100 браков было зарегистрировано 73 развода! Получается, добровольно пожертвовать собственными интересами ради благополучия других – редкий талант. Некоторые даже в старости этим даром не обладают.

Запрещено для коммерческого использования

Есть и обратная сторона медали. Родители работают круглые сутки, жертвуют сном, отдыхом, здоровьем. Стремятся дать детям лучшее: трендовую одежду, качественную еду, современные гаджеты, престижное образование… И что же? Разве дети в таких семьях счастливы? Или, может быть, счастливы родители? Совсем нет. Вековечный конфликт поколений не даёт им чувствовать себя эмоционально здоровыми.

Отцам и матерям кажется, что сытый и одетый ребёнок уже сам по себе является подтверждением их «высокорангового» родительства.

Недавно прочла рассказ Рея Брэдбери «Вельд» и долго была под впечатлением. Супруги Хедли живут в суперсовременном доме, оснащённом умной техникой, которая кормит, воспитывает и играет с детьми, пока родители занимаются карьерой. Предметом особой гордости хозяев является необычная игровая комната площадью в сто сорок четыре квадратных метра и высотой десять метров, поскольку, как заявляет глава семейства, дети должны получать всё самое лучшее.

Комната способна воплотить в жизнь любые фантазии ребят. Дикие джунгли, львы, сафари — возможность проживать каждый день эмоции, немыслимые в реальности, заменяют Питеру и Венди действительность. И со временем Вельд настолько захватывает детей, что при первой же угрозе потерять его, брат и сестра без зазрения совести удаляют эту угрозу, лишнее в их жизни звено, посредников, посягнувших на их жизненный уклад, — родителей. Дети скармливают отца и мать львам.

Рассказ, между прочим, написан в 1950 году! А как актуально, согласитесь!

С головой окунаясь в работу и лишая детей элементарного тепла, заботы, внимания, взрослые подспудно перепоручают эту функцию кому-то другому. И закономерно, что этот другой впоследствии становится для детей значимее и авторитетнее родителей.

Авторское сравнение Венди и Питера с сухими листьями тоже не случайно. Ребята лишились внутренней наполненности, жизни, теплоты. Эти листья, не успев вырасти, оторвались от ветки. Их уже не спасти.

И вот какая мысль не даёт мне покоя. Где грань между здоровым эгоизмом и жертвенностью? Между желанием стать успешным и воспитанием детей. Как не растерять себя и в то же время постоянно отдавать частичку другим? Пока я не нахожу ответа.

Если на первый взгляд может показаться, что я, как многие в период пубертата, слишком пессимистична, то это не так. Я скорее рациональна. И в диалоге с собой на всё изложенное выше отвечаю: не готова к детям, к ответственности, не чувствуешь в себе силы даже в отдалённом будущем подарить новую жизнь — не заводи детей. Посвяти жизнь науке, искусству…

Запрещено для коммерческого использования

Но если бы всё было так просто.

И тут приходит в голову ещё один аргумент в пользу отсутствия желания взрослеть. Помните Лётчика из всемирно известного произведения Антуана де Сент-Экзюпери? Показывая рисунок удава, проглотившего слона, другим людям, он всегда получал ответ, что на картинке изображена шляпа. И только Маленький принц увидел то, что было задумано автором.

Может, даже известное всем выражение «дело в шляпе» появилось, когда взрослые нашли способ быстрого решения проблемы. Как, например, обычай решать спорные дела жеребьёвкой, вытаскивая из шляпы счастливую или несчастливую метку. Это ведь так экономит время! И когда проблем много и ответ на сложный вопрос не лежит на поверхности, проще доверить дело воле случая.

Но, возвращаясь к сказке, оказалось, что дело не только в шляпе! Взрослые отбили у ребёнка желание рисовать вообще. Убедили в отсутствии таланта. Навязали своё уплощённое мнение. А ведь маленький Антуан мог стать великим художником!

Как правило, родители хотят, чтобы дети пошли по их стопам, реализовали их несбывшиеся мечты. Они наставляют, давят опытом. И чаще всего это приводит к тому, что дитя ходит по кругу, исправляя ошибки матери или отца. У ребёнка есть новое, свежее восприятие жизни, но нет возможности его использовать.

В общем, Экзюпери хочет сказать своему читателю, что взрослые часто забывают о важных вещах, теряя их в суете и материальных заботах. И только дети могут рассмотреть мир глубже, понять настоящую суть. И когда я говорю родителям, что хочу посвятить себя изучению философии, мне странно слышать в ответ, что, мол, это мёртвая наука и где с таким образованием я буду искать работу. Это мой выбор. И не надо мне в этом мешать!

Ещё одной типичной чертой взрослых является, по-моему, утрата веры в чудеса, стремления к несбыточному.

Взрослые, конечно, тоже мечтают, но… Вот я, например, хочу научиться летать. И пусть мечта моего детства трансформировалась со временем (например, я понимаю, что крылья в прямом смысле этого слова у меня не вырастут никогда), но я уверена, что вскоре (с моим участием или без) произойдёт нечто, что позволит человеку без всяких технических приспособлений взмыть к небу.

А о чём мечтает моя мама, знаете? О новом холодильнике! Чувствуете разницу?

Нет, я прекрасно понимаю, что холодильник важен. Впереди лето и надо думать, как хранить продукты. Я знаю, что мама переживает не

Запрещено для коммерческого использования

о себе, а том, чем будет кормить меня… но всё же! Поехать в отпуск и насытится впечатлениями перед новым учебным годом или купить холодильник и всё лето дома насыщаться пельменями. По-моему, выбор очевиден. Но для нас с мамой он очевиден по-разному.

И на этом этапе моих размышлений снова возникает противоречие. С одной стороны, детям свойственна легкомысленность. Поэтому задумываться о создании семьи, выбирать профессию нужно, по-моему, только после 30 лет. С другой стороны, именно в этом возрасте многие сталкиваются с кризисом среднего возраста. А потому возникают сложности с самоопределением, взаимопониманием с окружающими, неспособность принимать решения и отвечать за их последствия.

Как оставаться в гармонии с собой? Как почувствовать время разбрасывать камни или время их собирать?

Это очень сложно. Поэтому так много взрослых мне кажутся «заблудившимися». Про некоторых говорят «родился старым», а кое-кто наоборот постоянно «впадает в детство». И тут снова нужен баланс. И снова у меня вопрос: как найти эту золотую середину?

Недавно в одном из телеграм-каналов прочла забавный факт. Российский энтомолог Алексей Соловьёв в 2009 году впервые описал бабочку из семейства слизневидок и дал ей название (ни за что не догадаетесь!) Fignya melkaya! Словосочетание образовано от русских слов «фигня» и «мелкий».

Вот это чувство юмора!

Я не поленилась, зашла на сайт интернет-энциклопедии. Кроме головокружительной карьеры (от лаборанта до вице-президента АО «Росгеология») Алексей Соловьёв сумел создать и сохранить счастливую семью, а ещё ироничное отношение к жизни.

Тот самый баланс, который вызывает восхищение. Значит, кто-то всё же его находит! Написать, что ли, учёному, узнать как?

В общем, моё нежелание взрослеть объективно, и, по-моему, аргументировано. И если лучшие умы человечества тысячи лет не могут разрешить проблемы смысла жизни, добра и зла, то и я не спешу столкнуться с ними.

Детство уходит. Кого-то радует количество приобретаемых прав, кого-то пугают новые обязанности. Но в независимости от нашего отношения к процессу взросления самое важное держаться золотой середины. Соблюдать равновесие — вот главная задача. Осталось только найти для этого точку опоры.

Запрещено для коммерческого использования

Плесовских Анна, 17 лет
Российская Федерация, Тюменская область, г. Тобольск

ЗАЧЕМ НАМ ОБ ЭТОМ ЗНАТЬ?

Зима. Много снега, большие снежные горы и пустая детская площадка. Идеальное сочетание. Вдали я увидела высокую, «царскую» гору снега, которую кто только не покорял (и с которой кто только не падал), и радостно побежала туда, размахивая лопаткой, ведь надо защитить себя и свою крепость от воображаемых захватчиков. Ура, я на вершине! Спустя несколько падений мне удалось «взлететь». Ничего не даётся с первого раза. Ура, я царь горы! (Ладно, царица). Действительно круто быть на вершине, доминировать и властвовать, когда никого вокруг нет. Но вдруг я слышу кряхтение. Девочка в ярко-розовой куртке и сиреневой с завязочками шапочке пытается забраться ко мне. Фыркнув, я смерила её взглядом и сказала: «Я уходить не буду, а столкнуть даже не пытайся, это моя гора». Как выяснилось, «свергать» меня не планировали. Слово за слово и эта миловидная девочка вдруг так тихо спрашивает: «А ты знаешь… что такое… кекс?..». Не думая ни секунды, я ответила: «Конечно знаю, еда такая, выпечка…» Она перебивает меня: «Ну не-е-т… ну… кекс. Типа кекс-кекс». Девочка начала подмигивать и кривиться в правую сторону. Плохо ей, что ли?.. «Я всё ещё не понимаю». Она раздражённо выдыхает: «Ну сЕкс, понимаешь?» – с яркой «е». Я киваю: «А-а-а… Так это не сЕкс, а сИкс. Это вообще-то шесть по-английски, ты неправильно говоришь», – похвасталась своими знаниями языка я. Но и тут прогадала – всё-таки это было не шесть по-английски.

После этого меня кратко ввели в курс дела и убежали, перед этим сказав, чтобы я ни за что не рассказывала родителям. (Как будто меня это когда-то останавливало). Да и тем более я была уверена в своей правоте и считала, что это она глупенькая, английский не знает, да и вообще слова путает, и несёт всякий бред про любовь, детей, семечки и яйца в клетке…

Нарушив «запрет», я обсудила всё это с мамой. Пересказав диалог, я надеялась, что она меня поддержит и скажет, что я права, и похвалит, какая я умная, цифры на английском знаю. И снова я ошиблась. Не в том смысле, что six не переводится как шесть, а в том, что такое явление или понятие (у меня с трудом укладывалось понимание в голове) как «секс» существует на самом деле.

Так я узнала откуда на самом деле берутся дети. Дальше меня эта тема не интересовала. Но недавно, я, как любитель порассуждать, поностальгировать и порефлексировать, поняла, что в школьные годы моей

Запрещено для коммерческого использования

мамы, то есть во времена СССР тема секса была табуирована. «В СССР секса нет» — крылатая фраза, которую однажды произнесла советская участница телемоста Ленинград — Бостон («Женщины говорят с женщинами») — 45-летняя Людмила Иванова, активистка «Комитета советских женщин». Но при этом люди того времени знали, что это. Я задалась вопросом. То есть как это: слово есть, а секса нет? А дети как появляются? Или в мамином детстве и лифты деревянные, и роддомов нет?

Благо сейчас эта тема не запрещена, не табуирована. Только в XXI веке люди стали слишком открыто об этом говорить. Но как мне известно, в некоторых семьях, СССРовская «традиция» продолжается: говорить слово на букву «с» категорически запрещено, а с родителями обсуждать такое стыдно должно быть! Да и вообще, сами всё с возрастом поймут.

Некоторые «поняли» в Интернете, почитав или посмотрев материал на тему-табу (что, кстати, может быть травмирующим для незрелой психики, так как информация далеко не всегда преподносится «безопасно», без вреда для психического здоровья детей). А кому-то не хватило теории. Моя бывшая одноклассница помешана на этой теме и крайне активно интересовалась ей с ранних лет. Со слов М., партнёров у неё тьма (особенно тех, кто постарше как минимум на пять лет, поскольку «только мужчины могут понять её и дать то, что нужно»), а значит и опыта до Галактики. Правда весь 8-й класс вместо того, чтобы готовиться к ОГЭ, она провела, бегая по судам и больницам, вместе со своими «любовниками». Забыла уточнить, что она является членом семьи из примера, в которой «слово на букву «с» строго-настрого запрещено.

Безусловно, это выбор каждого, когда и с кем заводить интимные связи, но правильный ли это выбор? Правильно ли «практиковаться» с 13 лет бог знает с кем? И если в семье нельзя (запрещается) говорить об этом, то с кем тогда? Либо самостоятельно изучать этот вопрос, либо «с помощью». А потом да здравствует «Беременна в 16» или ещё что похуже.

Многое мы узнаём в школе, поскольку изучаем различные дисциплины: литературу, языки, химию, физику и так далее. Но кто научит жизни, если родителям некогда или если они считают непозволительным и постыдным обсуждать темы, которые так или иначе касаются каждого из нас? И речь не только о продолжении рода, а о таких важных вещах, как оказание первой медицинской помощи. Да, это проходят на уроках ОБЗР, но этому уделяется всего две-три страницы. А ведь для кого-то нурофен — это снотворное. Но что насчёт… полового воспитания? Да, как на Западе, но при этом не как на Западе: не будем углубляться в чём разница между полом и гендером и прочее. Это необходимо, чтобы

Запрещено для коммерческого использования

девочки не боялись забеременеть от поцелуя, не варили лавровые листы (как разновидность противозачаточных), и не рассказывали легенды, что если заниматься любовью «стоя и в капроновых колготках» (со слов одноклассницы моей мамы, когда те были в 8-м классе), то тоже можно избежать беременности. И чтобы не было такого, чтобы девочки во время своих первых месячных писали завещания, думая, что умирают. И что нельзя говорить при мальчиках «прокладки», «месячные», это же стыдно и позорно, а потом эти мальчики либо высмеивают девочек за наличие менструации, используя в любой непонятной ситуации фразочку: «У тебя что, ПМС?» (причём ни один не знает, что значит эта аббревиатура и даже с расшифровкой не осознают о чём речь) либо полностью не понимают происходящее (почему прокладки разного размера, если суть одна? Или это типа S, M, XL?).

Вопрос о необходимости полового воспитания в России требует тщательного рассмотрения. Важно учитывать, как потенциальные выгоды, так и риски. Если половое воспитание будет введено, необходимо разработать чёткую программу, основанную на научных данных, учитывающую культурные особенности и ценности российского общества и проводимую квалифицированными специалистами. Важно также обеспечить возможность для родителей участвовать в обсуждении и формировании программы полового воспитания, чтобы она соответствовала их убеждениям и ценностям. Необходимо найти баланс между предоставлением необходимой информации и уважением к различным точкам зрения.

И у всего есть свои плюсы и минусы, за и против. Начнём с положительного и позитивного. Во-первых, оно поможет снизить уровень подростковой беременности и абортов, поскольку предоставит молодым людям достоверную информацию о контрацепции. В России показатели подростковых беременностей и абортов остаются высокими, а грамотное образование может помочь изменить эту ситуацию. Во-вторых, профилактика инфекций, передающихся половым путём, включая ВИЧ. Подростки, получившие знания о способах защиты, могут лучше заботиться о своём здоровье, что особенно важно в условиях роста числа новых случаев заражения. Кроме того, половое воспитание учит подростков строить здоровые отношения. Оно помогает им понимать важность уважения, согласия и личных границ, а также распознавать признаки насилия. Информирование о его формах и последствиях позволяет подросткам лучше осознавать опасные ситуации и знать, как себя защитить.

Половое воспитание также способствует улучшению общего сексуального здоровья, помогая молодым людям лучше понимать своё тело и репродуктивные функции. Это ведёт к более осознанному и ответственному отношению к своему здоровью. Наконец, оно помогает развивать

Запрещено для коммерческого использования

мифы и предрассудки, связанные с сексом. Это способствует формированию более толерантного и инклюзивного общества, где люди могут свободно и без стыда обсуждать важные вопросы, касающиеся их здоровья и благополучия.

Перейдём к аргументам «против». Одно из главных опасений — риск ранней сексуализации детей. Критики считают, что обсуждение тем, связанных с сексуальностью, может подтолкнуть подростков к преждевременной половой жизни, тогда как они психологически и эмоционально к этому не готовы. Другой важный аргумент — вмешательство в семейные ценности. Многие родители убеждены, что вопросы полового воспитания должны решаться в семье, в соответствии с религиозными, культурными или моральными нормами, а не «навязываться» школой или государством. Они опасаются, что школьные программы могут противоречить их убеждениям и традициям. Также вызывает сомнения квалификация преподавателей. Без специальной подготовки учителя могут неверно подавать информацию, допускать ошибки или транслировать личные взгляды, что приведёт к искажённому пониманию темы у детей. Ещё одна сложность — отсутствие единого подхода к содержанию программ. Разные группы общества по-разному видят, что именно должно входить в половое воспитание: одни считают важным говорить о контрацепции и ИППП, другие делают акцент на нравственном воспитании, третьи выступают против обсуждения некоторых тем в принципе.

Многие родители считают, что это наоборот «раззадорит» детей, мол, захотят теорию проверить на практике. Я думаю, если бы дети знали о сексе больше информации, чем они получают из фильмов и сериалов (кстати, я заметила, что во многих современных сериалах о подростках, одной из главных «проблем» является наличие девственности у девушек возраста 14—16 лет, мол, стыдно быть «нетакусей», «слишком правильной») и осознавали бы риски и ответственность, то «практикантов» стало бы меньше.

Но если всё правильно реализовать, то сколько плюсов можно найти и перечислить! Развитие более здорового и ответственного сексуального поведения; снижение числа нежелательных беременностей и абортов; профилактика ИППП; формирование здоровых и уважительных отношений; повышение осведомлённости о своём теле и репродуктивном здоровье; защита от сексуального насилия.

Пример урока полового воспитания в самой обычной МАОУ СОШ самого обычного города. Как-то к нам пришла женщина в годах, которая усиленно пыталась быть «на одной» волне с молодёжью: покачивалась, словно читает рэп, смешивала сленг молодёжи своего времени и нынешнего. Проводила его мама мальчика из параллельного класса,

Запрещено для коммерческого использования

сотрудница МВД, то есть даже не психолог и не социальный педагог. На вопрос «Что такое секс?» она ответила сама, но после задала следующий: «А зачем люди занимаются сексом? Вот именно такие мелкие, как вы?» В ответ тишина. Тогда она решила спрашивать выборочно. «Вот ты, в очках, а ещё на задней парте сидишь. Ответь на мой вопрос». Моя одноклассница встала и тихо начала отвечать: «Люди… то есть подростки… занимаются любовью, чтобы удовлетворить свои… понимаете, физические… потребности и…» Не успела девочка «с задней парты» договорить, как «просветительница» с усмешкой перебила её: «Ну да, пх-х, физические, да, физические… Ещё что, кроме физических?» — уже обратилась она к остальным. Таким красным я ещё не видела человека. Моя одноклассница, которую спросили, довольно робкая, но не глупая; ей явно было некомфортно, поэтому она и перепутала «физические» и «физиологические» потребности, но просто нужно было слышать интонацию той дамы, когда она перебила её и сильно акцентировала внимание на речевой ошибке. Последующие полчаса она говорила, что секс — это вообще плохо и надо сохранять невинность до свадьбы, а если вдруг ты её лишилась, то, чтобы искупить «грех», необходимо каждый день ходить в церковь. Непонятно зачем, но, видимо, должно сработать, как в выражении «до свадьбы заживёт». В конце «лекции» девочкам раздали по пачке прокладок, а мальчикам — презервативы.

Не надо запугивать детей или навязывать им своё мнение. К этому нужно подходить непредвзято и уроки полового воспитания должны проводить квалифицированные специалисты, а не родители.

Если всё пойдёт не по плану, то есть с теорией и размышлениями всё хорошо, а реализация будет «хромать», то будет распространяться неточная или предвзятая информация, и тем самым создастся атмосфера неловкости и смущения.

Как можно заметить, плюсов всё же больше, чем минусов, но как я упоминала ранее, только при условии правильной реализации. Поэтому стоит сосредоточиться на том, как ввести половое воспитание таким образом, чтобы оно принесло максимальную пользу и минимизировало риски.

Для тех, кто всё ещё не понимает почему это важно для России.

Россия традиционно входит в число стран с одним из самых высоких показателей подростковых абортов в Европе. По данным за последние доступные годы (2020—2023 годы), Россия занимала 1-е и 2-е место в Европе по количеству абортов среди подростков 15—19 лет, уровень абортов у несовершеннолетних в России был выше, чем в большинстве стран Западной и Северной Европы, но ниже, чем в некоторых странах Восточной Европы (например, Румынии, Болгарии). Соответственно растёт число случаев заражения ВИЧ.

Запрещено для коммерческого использования

По данным сайта worldpopulationreview.com, в 2025 году Россия занимает 14-е место среди стран по показателям подростковой беременности.

Вообще, можно ввести урок просвещения по культурам, странам, религиям, чтобы не было никакой неприязни, чтобы исчезли такие слова как «чурка», «хач», «пендос», «хохол» и прочее. Ведь к чему привела расовая неприязнь в 1940-х? Думаю, все и сами догадались. Ведь если мы так плохо относимся к кому-то, то и к нам будут плохо относиться, и наоборот. Возможно создать отдельную дисциплину: человеку о человеке, о теле, духе, культуре, то есть ввести половое воспитание не как отдельный урок, а отдельную дисциплину, где будет рассказываться детям вообще о здоровье, то есть как оказать первую помощь, как измерить давление, какие таблетки в каких случаях принимать, ведь это тоже немаловажно. И не просто на уровне уроков биологии, где говорят в общем о птичках и цветочках, или ОБЗР, где этому уделяется пара страниц.

Проблема полового воспитания в России остаётся сложной и неоднозначной. С одной стороны, его отсутствие или недостаточность ведут к печальным последствиям: высокому уровню подростковых беременностей, абортов, распространению ИППП, непониманию собственного тела и нездоровым связям. С другой стороны, введение таких программ вызывает сопротивление из-за страхов перед ранней сексуализацией, вмешательством в семейные ценности и отсутствием грамотных методик преподавания.

Однако примеры из жизни и статистика показывают, что запреты и замалчивание темы не работают. Подростки всё равно получают информацию, но не из достоверных источников, а из Интернета, фильмов или от сверстников, что часто приводит к искажённому восприятию и даже травмам. Важно найти баланс: не копировать западные модели слепо, но и не игнорировать проблему.

Оптимальным решением могло бы стать введение комплексного предмета, посвящённого не только половому воспитанию, но и здоровью, психологии отношений, основам медицины и межкультурному взаимопониманию. Это помогло бы подросткам осознанно относиться к своему телу, уважать границы — свои и чужие.

Главное, чтобы такие уроки вели квалифицированные специалисты, а не случайные люди, и чтобы программа учитывала культурные особенности общества, не навязывая чужих ценностей, но и не умалчивая о важных вещах. Только так можно снизить риски и помочь молодому поколению расти здоровым, информированным и ответственным.

Запрещено для коммерческого использования

Зоирова Дарья, 14 лет
Российская Федерация, Республика Марий Эл, п.г.т. Медведево

КОЕ-ЧТО О КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ...

Сижу у окна. Оно немного приоткрыто, ветер заносит с улицы ароматы сирени и ирисов, мной овладевает приятное чувство лёгкости и умиротворения. В отражении зеркала на стене сверкают лучи солнца, которые уходят за горизонт и оставляют красивое сияние теперь уже в розовом небе. Хочется запечатлеть закат в своей памяти навсегда, ведь с ним у меня связано много хороших воспоминаний! Это невозможно описать, и ни одна фотография не передаст того, что ты видишь глазами или чувствуешь душой.

Руки сами тянутся к телефону — фотографирую пейзаж и отправляю друзьям. А сама вспоминаю сегодняшнюю встречу в библиотеке с местным любителем книг, который процитировал Дэймона Албарна: «Кроличьи норы сегодня — это мобильные телефоны, в которых люди исчезают с головой, хотя физически остаются в комнате». Я глотнула чай из любимой кружки и подумала: «А ведь он прав. Многие люди сейчас полностью зависимы от виртуального общения и даже не подозревают, насколько они интересны и талантливы, но пока сидят в Интернете, теряют много полезного времени для своего развития, как будто прячутся там от внешнего мира в самой настоящей кроличьей норе».

Почему люди не осознают, что все эти гаджеты приносят вред? Становится как-то грустно, ведь мы все пренебрегаем своим здоровьем, и я сейчас говорю не только про зрение или головные боли, а про нечто большее — психические расстройства.

Стресс, зависимость и отсутствие реального общения меняет нас в худшую сторону: мы становимся несдержанными, мнительными, конфликтными или замкнутыми. Постоянная нервозность из-за не полученного от друга ответа, отсутствие определённых новостей или постов от любимых актёров или блогеров — всё это переходит в зависимость, влияет на мышление, физическое и психическое здоровье. Я как человек, который общается с такими людьми (среди них много моих ровесников, не представляющих жизни без гаджетов), понимаю и вижу, что это печально! Даже на отдыхе, на природе, когда все сидят у костра, поют песни под гитару или просто разговаривают, всегда найдётся тот, кто уткнётся в телефон и молчит. Сразу становится неприятно. Ему важнее Интернет, чем встреча с друзьями! Зависимые люди сами себя отталкивают от общения с другими. Это плохо. Порой они полностью

Запрещено для коммерческого использования

лишаются личной жизни и со временем теряют друзей и знакомых. Мир за пределами Интернета им кажется скучным и унылым. Зависимые от гаджетов не поймут нас, а мы не поймём их, ведь у всех разные интересы и взгляды на жизнь. А может, их всё устраивает? Они заперлись в себе, как в кроличьей норе. Потребность в общении они утоляют в игровом или виртуальном процессе. Для них человек не имеет особой значимости, просто существо, которое делает каждый день одно и то же. Зависимые думают, что так происходит всегда и не хотят выходить из Интернета, ведь там «в сто раз интересней»…

Солнце ушло за горизонт, улица поглощается мраком, на небе уже мерцают звёзды. А я замечаю, что в окнах соседнего дома горит свет не от лампы или свечи, а от телефонов или мониторов. Тоскливо и даже прискорбно. Вместо того чтобы заняться делами по дому, почитать книгу, поговорить или поиграть с детьми, все сидят в гаджетах, лишая себя положительных эмоций.

Интернет сам по себе далеко не безопасный: много пропаганды различного рода или рекламы табака, или алкоголя, и… мошенники. Всегда есть те, которые из любой ситуации найдут себе материальную выгоду. Они обманывают по телефонному звонку или переписке, просят взять кредит под большие проценты, предлагают незаконную работу, или ещё хуже, говорят, что ваши родственники попали в аварию и срочно нужны деньги, и люди, к сожалению, верят, особенно пожилые. Моему дяде писали в Интернете, что требуется дальнобойщик, чтобы развозить товар, но не уточнили, что этим «товаром» будут коробки с игрушками, напичканными наркотическими веществами, как выяснилось потом. Такие неприятности никому не нужны!

А еще в Интернете встречаются люди, которые прошли несколько онлайн-уроков и решили, что теперь они профессионалы в своём деле, и им можно продавать свои личные курсы. Они хорошо зарабатывают, обеспечивают себе безбедную жизнь, но при этом вторгаются в ваше личное пространство, убеждают вас в том, о чём бы вы никогда не подумали и тем более не сделали. Потом вы не находите себе покоя. Получается, если мы будем слушать и доверять непроверенным «профессионалам», то это отразится на нашем психическом здоровье. Конечно, человек устроен так, что делится полезной информацией, а эти горе-специалисты внушают нам неправду и меняют мировоззрение. Лично я не одобряю такого рода действия и в этом случае вспоминаю слова итальянского поэта и мыслителя Данте Алигьери: «Обман и сила — вот орудие злых». Добрый человек не будет зарабатывать на доверии простого обывателя и считать себя умнее других. Правда есть правда, и её нужно принимать.

Запрещено для коммерческого использования

Кружка пуста, иду к себе в комнату. Там за моим компьютером играет сестрёнка. Опять она сидит и утопает в виртуальной реальности вместо того, чтобы поговорить со мной. Её не оторвать сейчас от монитора. Бесполезно. Я направляюсь в комнату к родителям — они тоже сидят в телефоне. Это какой-то замкнутый круг. Куда я ни пойду — все в телефонах! Родители, друзья, сестра — все! Почему так происходит? Гораздо лучше погулять, пообщаться с семьёй и уделить время себе. Все как роботы: одинаковые интересы, истории, ведь это продублировано в Интернете. Разве можно так жить? Без эмоций? Без какого-то удовлетворения от жизни, от каждого дня? И просто «зависать» целыми днями в этом мрачном и сером мире, внутри коробки с электричеством, без впечатлений, радости, грусти и счастья? Есть у меня друг, который каждый день сидит в телефоне, не отрываясь. У него проблемы со здоровьем и плохие отношения с родителями. На него невозможно смотреть. Однако сейчас многие дети себя так ведут: постоянно огрызаются, спорят, нервничают и отгораживаются от внешнего мира. А всё начинается с раннего детства, когда современные мамочки «воспитывают» ребёнка гаджетами, давая детям мультики вместо прогулок, сказки на ночь заменяя аудиокнигами, потому что им самим хочется «зависнуть» в Интернете, а дети отнимают время и требуют внимания. Вот только приводит это всё к полной зависимости.

Лучшее детство всегда проходит на улице и в кругу семьи. Меня воспитывали без всяких гаджетов, бабушка даже выгоняла на улицу. Что может быть интереснее и приятнее игр с друзьями или родителями на свежем воздухе? Природа всегда умиротворяет и отвлекает от проблем, приносит радость, укрепляет здоровье, дарит вдохновение…

Если вы или ваш друг, родственник страдает от зависимости от гаджетов, покажите ему мир, откройте окно, впустите аромат сирени и ирисов в дом, налейте в кружку чай и проводите вместе закат, и тогда есть вероятность, что простое человеческое общение окажется лучше виртуального. Для чего запираться в кроличьей норе, когда мир так прекрасен…

Запрещено для коммерческого использования

Медведенко Артём, 16 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ИСТОРИЯ ПРО БЛОКАДУ ЛЕНИНГРАДА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

...Из истории моей семьи

У моей бабушки есть интересный кулон из александрита в форме маленькой груши. Маме он очень нравится, потому что он необычный, видно, что старинный, таких сейчас не делают. Заметив мамин интерес к украшению, бабушка подтвердила, что кулон действительно вроде старинный и появился в семье при непростых, трагических обстоятельствах, связанных с блокадой Ленинграда...

Когда началась война, семья бабушкиного папы жила в Ленинграде на ул. Серпуховской д. 32, кв. 10. Сейчас это исторический район Семенцы, дом дореволюционный, пятиэтажный, с очень крутыми лестницами, на каждом этаже была одна большая квартира. Теперь напротив дома концертный зал и музыкальный клуб «Космонавт», ранее кинотеатр. При капитальном ремонте часть дома, которая находилась во дворе, в котором жила эта семья, снесли, сейчас там ничего нет.

Бабушкиного папу звали Борис, он жил с отцом Василием Петровичем, мамой Агафьей Петровной и старшими сёстрами Варей и Шурой. Это была простая рабочая семья. Василий Петрович работал на заводе, а Агафья Петровна на швейной фабрике. Борис заканчивал школу-десятилетку. Сёстры учились в институте. Никакого богатства у них не было.

Семья Бориса жила на пятом этаже. Квартира, в которой они жили, была четырёхкомнатной — коммунальной: три маленькие восьмиметровые комнаты занимала их семья, а в большой комнате жила другая семья.

На четвёртом этаже дома жила обеспеченная профессорская семья, они занимали полностью всю квартиру. Как звали профессора и его жену, бабушка не знает, но известно, что у них была дочь Эльвира, ровесница Бориса. Семьи хорошо общались, Борис и Эльвира близко дружили, даже, говорят, что собирались пожениться, когда вырастут.

Борис закончил школу, а на утро после выпускного вечера началась война, и он ушёл на фронт в 17 лет. Его семья осталась в Ленинграде. Профессорская семья тоже осталась в Ленинграде. Семьи планировали эвакуироваться вместе, но этому не суждено было сбыться...

Василий Петрович и сестра Варя, работая на заводе, вместе с заводом эвакуировались в г. Нижний Тагил. Агафья Петровна и Шура остались

Запрещено для коммерческого использования

в блокаде. Профессор ушёл на фронт, его жена и дочка остались в блокаде.

Мужчины воевали, женщины выживали, как могли, помогали, поддерживали и подкармливали друг друга. Однако время шло, голод, холод, постоянные бомбёжки, сложности сильно влияли на людей. Люди болели, умирали, пропадали… Женщины семьи профессора заболели, очень ослабли и почувствовали, что скоро не смогут встать.

Тогда жена профессора попросила Агафью Петровну позаботиться об их похоронах, когда придёт время, и отдала ей золотые украшения, чтоб они не попали к чужим людям. Среди них были: кольцо, кулон и золотые часы с маленькой серебряной цепочкой и четырьмя маленькими оригинальными подвесками в виде капелек, одна из серебра, вторая из малахита, третья из агата, а четвёртая из александрита, теперь такие штучки называют «шармы».

Соседи умерли, Агафья Петровна сделала, что смогла, как обещала, организовала похороны, как и просила жена профессора… Часть золотых украшений Агафья Петровна сохранила.

Агафья Петровна с Варей оставались в Ленинграде всю блокаду. Борис получил несколько ранений, но вернулся с войны. Все члены семьи вернулись в свою старую квартиру. После войны Агафья Петровна поделила золото между детьми: Варе — кольцо, Шуре — кулон, а Борису — часы.

Борис женился после войны, в 1950 году родилась дочка — моя бабушка. Бабушка вспоминает, что золотые часы нельзя было использовать по назначению, так как они не ходили. Их позже сдали на переплавку для изготовления других изделий на заказ. Цепочка с подвесками отцепились от часов и валялись без надобности многие годы среди мелочей, пока о них совсем не забыли. Через много лет, разбирая мелочи, мама моей бабушки нашла цепочку с подвеской из александрита, отнесла в ювелирную мастерскую, где мастер изготовил из неё кулон, который со временем перешёл к моей бабушке. Она его одела на серебряную цепочку и теперь иногда носит.

Золото не спасло семью профессора от голода и смерти, но, может быть, спасло маму и сестру Бориса, когда они остались в блокаде. Возможно, им удалось выменять золотые украшения на продукты или лекарства в самые тяжёлые периоды блокады, это неизвестно. Известно, что все члены семьи Бориса, кроме его отца, который умер в эвакуации, после войны долго жили по своему старому адресу в Ленинграде, работали и дожили до старости.

Что стало с другими золотыми украшениями неизвестно.

Моей бабушке историю про золото рассказывала её бабушка — Ага-

Запрещено для коммерческого использования

фья Петровна, а про семью профессора и дочку Эльвиру вспоминал её отец — Борис. Моя бабушка рассказала моей маме, а мама — мне.

Для меня в этой истории главное — не золото, а память и связь времён и поколений ленинградцев. Обстоятельства бывают разные. Есть герои, есть простые люди…

Уверен точно, что никогда ужас блокады не должен нигде повториться!

Запрещено для коммерческого использования

БИЛИНГВЫ

14 – 17 лет

Басков Ярослав, 17 лет
Болгария, г. Варна

СТИХИ

ЗАКАТ

Смотри, вон там, далёкий и великий,
Уходит цеппелин в лучи заката.
Запомни эти формы и обхваты!
Запомни силуэт его безликий!
К заморским городам и небоскрёбам
Спешит высокомерно и надуто
Подобная мифическому спруту
Могучая машинная утроба.
Сегодня он крупнейший на планете,
Коммерческий летающий корабль.
Смотри, как уплывает дирижабль,
Пока он различим в закатном свете!
Следи за курсом бледной светлой точки!
Лови её последние мгновенья!
В последний путь последним дуновеньем
Последние слова последней строчки.

Запрещено для коммерческого использования

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Прощайте, перекрёстки и развязки,
Прощай, унылый вечный круг недель.
Стальной дракон несёт меня, как в сказке,
Как будто бы за тридевять земель.
Пилот готов, чудовище взревело
Всей яростью оскаленных турбин,
И вот дюраллюминевое тело
Несётся выше всех земных вершин.
Пронзивши тяжкий слой дождя и смога,
Годами покрывавший небосвод.
Летит за горизонт своей дорогой
Обычный пассажирский самолёт.
А мы сидим в драконьей жадной глотке,
Нас двести человек плечом к плечу.
Нам воду продают по ценам водки.
Опять болит спина, и пить хочу.
Промчатся два часа в унылом небе,
И мы вернёмся в дым, туман и смог.
Да, мысли о себе, земле и хлебе
Надолго не уходят из-под ног.

КРУГОВОРОТ ВОДЫ В ПРИРОДЕ

Тьма пришла
С океана, накрыла заводы, мосты, купола.
И бетонные стены искусственных дамб и плотин
Остаются с потоком осадков один на один.
И вода,
Уничтожив преграды, продолжила путь в никуда,
Ни следа не оставив от наших садов и полей,
Становясь с каждым пройденным метром сильней и сильней.
Но волна
Растворяется в море, от шельфа до самого дна.
И она, потерявши опору, впадает в Гольфстрим,
Чтобы снова исчезнуть, представиться чем-то другим,
Чтобы вновь,
В океане оставив всю глину, обломки и кровь,
Испарившись вернуться на сушу, но в виде воды,

Запрещено для коммерческого использования

Орошающей скудные наши поля и сады.
Сотни лет
Сквозь озоновый слой пробивается солнечный свет.
И вода покидает поверхность озер и морей,
Попадая в другой водоём через несколько дней.
Этот пар
Не бывал и не будет нигде, кроме тысяч гектар
Континентов, морей и других оболочек Земли.
Нет потокам покоя, куда бы они не текли.
Где конец?
Что в потоке цунами, что в струях, питающих ГЭС?
Несущественно место отдельных молкул воды,
Не заметен их вклад, и ничтожны немые следы.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ СУМЕРКИ[1]

Проходит ночь, направлен телескоп
Почти в зенит, снимает плоские поля.
Заря прогонит утренний озноб.
Бледнеют звёзды, и вращается Земля.
Покинем купол, сырость и бетон,
Компьютер флэты доснимает и без нас.
Светлеет небо, гаснет Орион.
Представь, что видела его в последний раз.
А утром, как поведал мне прогноз,
Прибудет новый атлантический циклон,
Обильные осадки и мороз
Неся в унылый европейский регион.
Ослепнут на неделю ПЗС,
Запрётся купол, как испуганный рапан.
Но панорама серая небес –
Всего лишь временный оптический обман.
Уйдёт циклон, закончатся дожди,

[1] Пояснения к «Астрономическим сумеркам»:

Астрономические сумерки – время, когда Солнце находится под горизнотом, но для наблюдений бледных объектов слишком светло.

Плоские поля или флэты – кадры светлого неба, делающиеся для калибровки астрономических фотографий.

ПЗС – прибор с зарядовой связью. Матрицы, используемые в астрономии. Работают медленно, зато очень чувствительны к слабым сигналам.

Мы видим звёзды, находящиеся на больших расстояниях (например, Бетельгейзе) с огромным опозданием, потому что скорость света не бесконечна.

Запрещено для коммерческого использования

Вернётся прежняя прозрачность, тишина.
Взойдут всё те же звёзды, но среди
Всех звёзд на небе не появится одна.
Она взорвалась сотни лет назад.
И скоро кончится прощальный красный свет.
Всех стёкол и зеркал холодный взгляд
Направят на звезду, которой больше нет.
Звезда ещё видна, но ночь прошла.
Мутнеет влажный запад, светится восток.
Закроем купол, нам уже пора.
Все кадры сняты, в куполах отклю́чен ток.

Хангай Маргад Сартуул, 14 лет
Монголия, г. Улан-Батор

НА БЕРЕГУ ХАЛХИН-ГОЛА

Пролог

Я никогда не верила в судьбу.

Считала, что всё в наших руках — выбор, ошибки, любовь.

Но иногда жизнь ломается… Необъяснимо. Больно. Без предупреждения.

Я проснулась — и мир был другим.

Не моим. И всё же до боли знакомым.

Как будто я уже жила здесь. Уже любила. Уже теряла.

Странно, что можно почувствовать чужую боль, как свою собственную.

И что можно скучать по тому, чего ты вроде бы не помнишь.

Может, судьба всё-таки существует?

Может, я просто не хотела в это верить,

Пока не стало слишком поздно?

* * *

Самое ужасное чувство? Усталость, стресс, потеря доверия близких и… бум! — потеря интереса к любимому делу. Каждому из нас знаком этот период, не так ли? Именно этот период жизни проходит молодая девушка Айнур. Её работа археологом, когда-то вдохновлявшая, казалось, уже потеряла былую магию. В последние года экспедиции оказывались, мягко говоря, пустыми: ни находок, ни азарта, ни смысла.

Запрещено для коммерческого использования

Лето было сухим. Команда молодой девушки уже побывала во многих уголках Монголии, и вот, наконец, добралась до конечного пункта экспедиции — Халхин-Гол, до места, где почти девять десятков лет назад шли ожесточённые сражения. И именно здесь археологи надеялись обнаружить что-то стоящее.

Казалось, лето, но больше чувствовалась картина осени. Сонная Айнур плелась в хвосте группы, частенько заставляя ребят оглядываться назад — не отстала ли?

Ребят интересовала пещера на вершине горы в безлюдном месте, о котором местные говорили шёпотом.

— Вы идите, а я догоню. — Команда девушки лишь кивнула, понимая её состояние.

Сама Айнур направилась к реке Халхин-Гол — сполоснуть холодной водицей лицо, привести себя в чувство. Приблизившись к воде, она не удержалась и окунула лицо в реку, в надежде избавиться от состояния сонливости. Так и произошло. Но причиной пробуждения была не только холодная вода. В глубине реки сверкнуло что-то, пробудив всё внутри археолога. Сердце дрогнуло. Без раздумий она кинулась в бурлящую реку, доплыла до интересующего места и нырнула, хоть глубина реки в том месте и была пугающей. Увидев находку, девушка не поверила собственным глазам, её охватило чувство волнения. Перед ней в песке на дне лежал солдатский медальон с гравировкой: «Павлов Сергей Ясеневич, 1939 год». Айнур мгновенно поняла, что её находка может пролить свет на неизвестные ещё страницы истории войны.

Девушке уже стало плохо из-за нехватки кислорода, и она поспешила всплыть наверх, но в этот момент что-то стало с силой тянуть вниз. Казалось, река не хочет её отпускать. У неё уже не осталось кислорода, девушка из последних сил стремилась всплыть, но что-то не давало. Сознание угасало. Последняя мысль — конец? А потом тишина. И темнота.

Спирт. Запах резкого, сурового спирта сильно бил в нос. Это было первое, что девушка ощутила и что заставило её очнуться.

«Я умерла? Рай? Или ад? А может, сон?» — пробежало в голове девушки.

Она открыла глаза, осмотрела место. «Нет, реальность. Меня спасли? Что за место?» Девушка попыталась встать, но тело будто окаменело. Она закрыла глаза на секунду, а когда открыла, перед ней стояла светловолосая девушка европейской внешности, напомнившая ей ангела из-за белого халата.

Не успела археолог издать звук, как заговорила блондинка:

— Любушка! Любка моя, ты очнулась! Очнулась! Слава богу! Как себя чувствуешь? Головушка как? Помнишь меня?

Запрещено для коммерческого использования

Иностранка заговорила на совсем ином языке, но язык был знаком — русский.

«Русский? Ха… Неужели годы мучения с Александрой Петровной не прошли зря?» —вспомнила она строгую учительницу русского языка из школьных лет.

— Где?..— голос женский, но чужой. Это стало причиной паузы.

— Зеркало! Подайте зеркало!

Светловолосая лишь выпучила глаза и подала ей зеркальце.

— Эх, Любка, Любка… Ну что? Красива ты, красива.

Увидев себя в зеркале, Айнур рухнула в обморок. В отражении была совершенно чужая внешность, да ещё и европейская. Поневоле упадёшь в обморок.

Придя в себя, она вновь поймала на себе обеспокоенный, но более уставший взгляд светловолосой.

— Би… ха-ана? (Где… я?) — девушка неожиданно заговорила на родном монгольском языке.

Голубые глаза девушки в халате округлились от тревоги, затем она заговорила с паникой в голосе:

— Любушка моя! Что с тобой?

«Где я? И почему выгляжу иначе? А может… Может, меня похитили и сделали пластику? Что происходит?» — множество вопросов завертелось в сознании.

Не зная с чего начать, Айнур всё же заговорила, тяжело вздохнув:

— Могу я узнать, где мы? — обратилась археолог к девушке.

— Святая Божья Матерь! Неужто память ушибла, Любушка, бедненькая…

Мы в медико-санитарном батальоне, совсем недалеко от Халхин-Гола. Сейчас конец мая, нехорошее время, эти бесконечные стычки с японцами и ещё ты, Любка… эх…

«Стычки с японцами? Халхин-Гол? Так, что-то знакомое…» — погрузившись на несколько секунд в свой внутренний мир, Айнур заговорила:

— Хорошо, а теперь… П-п… глупый вопрос, но ответьте, прошу. Почему вы зовёте меня Лю… как там? А, Люба. И почему я так выгляжу?

Девушка в белом халате посмотрела на неё внимательно, будто изучая заново, а потом наконец заговорила:

— Ах, шутница ты у нас! Тридцать девятый на дворе, какой ещё может быть? Ясенева Любовь Михайловна ты. Чем «Любка» тебе не угодило? Как так выглядишь? Красавица ты, как и прежде… ну, хоть бы в зеркало почаще глядела!

«Тридцать девятый? Что? Тридцать девятый?.. Халхин-Гол… Я что… неужели…»

Запрещено для коммерческого использования

— Скажите… — голос у неё дрогнул, — а случайно… сейчас не война идёт?

— Ох… наконец дошло, — девушка выдохнула. — Совсем нехорошее время, Любушка. Как и перед бедой.

«Я что, в другом теле? Смешно… корейская дорама прямо… ну уж… явно сон…»

— Ладно… могу я узнать ваше имя? И… в каком я теле? Ну, то есть кто я?

— Ох, ну ты даёшь, Любка! Я — Наташа. Неужто забыла! Мы ж с тобой медички, бок о бок…

«Медик? Ну… с химией я особо не дружила… интересно. Халхин-Гольская война, значит…»

— А монголы тут есть? — спросила она осторожно.

— Ну ты что? Как же без них? Наши союзники.

— Монгольские медики?

— Из медиков — из наших мы, из монгольских есть Сарана и ещё пара человек.

Чтобы развеяться, девушки решили пройтись по лагерю. Молодая Любовь, а точнее Айнур, все ещё не до конца понимая, как двигаться в новом теле, споткнулась о канат, оставленный кем-то небрежно на пути.

Девушка резко наклонилась вперёд — казалось, упадёт вот-вот. Но в какой-то миг её подхватили крепкие руки.

— Поосторожнее, дамы, — с лукавой улыбкой заметил молодой солдат, придерживая проходящих девушек. Наташа сдержанно кивнула ему в ответ, склонив голову с невозмутимым достоинством.

— Товарищ генерал, — произнесла она уважительно.

«Генерал?.. Такой молодой?.. — с недоверием подумала Айнур. — Вот тебе и плоды — историю в школе прогуливала, теперь стою. Пф-ф».

— А… так вы генерал? Благодарю… — пробормотала она, осторожно подбирая слова.

Наташа мягко тронула её за локоть и быстро вмешалась:

— У Любки память после удара — совсем беда. Ушиб. Вы уж простите её, товарищ генерал.

Он понятливо кивнул и посмотрел на Айнур — в его взгляде читались то ли сочувствие, то ли тонкая насмешка.

— Вот как… Ну что ж, скорейшего выздоровления, уважаемая Любовь, — произнёс он с неожиданной теплотой.

С этими словами генерал расправил плечи, коротко попрощался и направился прочь. Его шаги были уверенными, а спина прямая, от него так и веяло достоинством. Но что-то в нём было особенное. Глаза?

— Кто он? — выдохнула Айнур, глядя ему вслед.

Запрещено для коммерческого использования

— Генерал Сергей Ясеневич, — мечтательно произнесла Наташа. — Умный, весёлый, красавец… Ох, хоть что-то приятное есть на этой проклятой войне. Монгольских, русских — всех девиц с ума свёл. Завоеватель.

— Вот как… — тихо повторила Айнур, чувствуя, как сердце предательски кольнуло.

Айнур смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, но что-то внутри продолжало цепляться за его образ.

И тут будто вспышка… Жетон.

Она вдруг вспомнила — чётко, как будто сама только что держала его в руках. Металлическая пластина, потускневшая от времени… Имя. То самое имя. Сергей Ясеневич. Оно было выбито на том жетоне, что она нашла на дне реки. Глубоко, намертво врезанное в память.

— Стой… — шептали губы, а в голове загудело: — Жетон… Имя на жетоне… Это оно. Он.

Что же с ним случилось?..

Сердце сжалось. Она обернулась, как будто пыталась догнать не человека, а саму реальность. Паника росла волнами. Если это сон, то почему он такой осязаемый? Почему до сих пор не проснулась? Почему чувствует боль, тревогу, дрожь в пальцах?

— Неужели… — прошептала она.

И именно в этот момент среди глухих ударов сапог по земле, запаха йода и пыли, звона далёких выстрелов, всё дошло до молодой Айнур.

Это не сон. Это не галлюцинация. Это война.

Шли дни. С каждым днём Наташа и Айнур, теперь уже Любовь, становились всё ближе. Светловолосая медсестра, живая, добрая и бойкая, стала для девушки якорем в этом странном, пугающем мире. Айнур постепенно училась разному. Бинтовала раны, варила примитивные лекарства, даже научилась различать симптомы лихорадки и контузии. Медсанбат жил в постоянной тревоге: фронт был рядышком, раненые поступали без перерыва.

— Говорила же тебе, хоть ты и не помнишь, твоё тело всё помнит. Бинтуешь славно, как и раньше! Золотые ручки, — похвалила Наташа, хлопая подругу по плечу.

Айнур лишь молча улыбнулась, за этой улыбкой скрывалось столько боли, не описать словами. Хоть она и старалась, не так уж просто взять и привыкнуть к чужой жизни. В какой-то момент она поняла — это не сон. Не бред, не шутка, не галлюцинация. Это война. Настоящая. Жестокая.

Вечером уставшая Айнур вышла к реке. Той самой реке, которая украла её прежнюю жизнь.

Запрещено для коммерческого использования

Халхин-Гол был спокоен, едва можно было услышать течение реки. Рядом ни души. Желание вернуться было больше, чем что-либо. Она стояла долго, думала долго. И в конечной битве победила мысль – зайти в реку. Босыми ногами девушка зашла в реку, холодная река, казалось, укутывала ноги.

Ни прощаний, ни крика. Только шаг – и вода сомкнулась над головой.

Река была глубокой. Даже слишком. Кислород постепенно пропал, сознание угасало. Последний миг, и перед ней явились знакомые глаза. Глаза, которые заставили её задуматься.

Её вытащили почти сразу.

– Ты что творишь?! – яркий голос прогремел, как выстрел.

Перед ней – он. Генерал Сергей Ясеневич. Мокрый до нитки, его глаза, светящиеся в лунном свете, наполнены злостью. Он держал её крепко, пока она приходила в себя.

– Что вы творите, уважаемая Любовь. Надеюсь вы не хотели… – он не договорил. Только сжал кулаки.

– Я… просто хотела освежиться, – других подходящих слов девушка не нашла.

Он молчал. Казалось, его взгляд прожигал. Он удерживал её за плечо, дабы смягчить её кашель.

– Пойдёмте, Любовь Михайловна. Пока ещё река не утащила вас окончательно.

– Стоишь тут, как выжатый хомяк после стирки, – с усмешкой произнёс он и, сняв шинель, накинул ей на плечи.

Он ловко рванул в сторону, возратился с сухим полотенцем.

– Держи. Отдельно для… «освежающихся».

Девушка, лишь кивнув, взяла, не определилась с выбором, то ли смеяться, то ли плакать.

– Вижу, полотенце у вас всегда под рукой?

– Для дам, склонных к купанию, – обязательно, – подмигнул он.

Почувствовала, как дрожь от холода сменяется чем-то иным, чем-то мягким и родным. Он удерживал её, не давая ей упасть.

Девушка долго обдумывала ответ, слова крутились в голове.

– Спасибо, – прошептала она, кутаясь в полотенце.

– Знаешь, – сказал он, отводя взгляд на реку, – тут полно безумия, грязи, крови. Но иногда появляются люди… и с ними становится чуть теплее. Даже на войне.

– Любовь, только если ещё раз решишь «освежиться», – сказал он мягко, но серьёзно, – зови меня. Я разведу сам костёр, баню, концерт с баяном, но в реку больше чтобы ни ногой, ясно?

Запрещено для коммерческого использования

Что-то было в нём особенное, согревающее. Его серьёзность, его шутки — всё было таким родным и согревающим.

Айнур улыбнулась за всё время без иронии, по-настоящему. Тепло, от души.

— Ха-ха… ясно, товарищ генерал.

Он наблюдал за ней, наблюдал за всеми её движениями, даже за мимикой. Больше всего его взгляд задержался на её улыбке, и сам в ответ неосознанно улыбнулся.

— Пойдём. Как раз там тёплый костёр ждёт.

Тепло костра разгоняло вечерний холод, принося приятную негу. Айнур сидела на ящике из-под боевых перевязочных материалов, кутая ноги в шинель. Напротив — Сергей.

— А знаешь, в штабе ходят слухи про тебя. Будто ты не ты, — заговорил он.

Девушка чуть вздрогнула.

— Будто я не я? Ха…

— Наташа волнуется. Говорит, у тебя глаза стали другие.

Айнур лишь опустила взгляд в огонь.

— Люди меняются. Особенно, когда думают, что умерли… и проснулись в другом теле, в совсем иной обстановке.

Он хмыкнул.

— Это ты сейчас пошутила или призналась?

Она подняла на него взгляд. Улыбнулась.

Огонь потрескивал, медленно поедая тонкие сучья. Тепло от костра приятно согревало, будто отгоняя всё плохое. Люди разошлись, и наконец остались две девушки. Наташа сидела неподвижно, пристально глядя в огонь, задумалась. Тень от костра бегала по её лицу, освещая её глаза. В них читалась боль. Страшно представить, откуда у такой молодой девушки столько боли в глазах.

— Наташ… — голос Айнур прозвучал тихонько, будто шепнула что-то. — Ты давно здесь?

Наташа хмыкнула.

— С тридцать седьмого. Сначала в госпитале под Москвой. Потом сюда.

— Почему?

— Потому что на войне умирать некогда.

Чувствовалась боль в ровном голосе. Что-то не давало ей, будто терзали воспоминания, и она продолжила:

— Меня брат сюда звал. Командиром был. Сожгли его в танке. Не осталось ничего. Ни прощания, ни похорон, совсем-совсем ничего. Только одна весточка пришла: «Пал смертью храбрых». И что же мне с этим

Запрещено для коммерческого использования

делать? А я – вот. Осталась. Всё жду, что он выйдет. Скажет, как всегда: «Наташка, не реви. У тебя руки золотые. Людей спасай».

Айнур молчала. Сердце сжалось. Перед ней сидела не весёлая, добрая медсестра, а женщина, которая прошла через многое, но не сломленная, а живая.

Айнур хотела сказать, что-нибудь, но подходящих слов не нашла. Лишь взяла подругу за руку. Воцарилась тишина. Наташа взглянула на подругу и, нарушив тишину, заговорила:

– А у тебя кто остался?

Любовь вздрогнула. Молчала. Она ведь сама – не отсюда. Только чужая жизнь.

Наташа кивнула, поняла её без слов. Она положила голову на плечо Айнур. Жест был по-сестрински тёплым. Таким простым и настоящим посреди ожесточённой войны.

Тишину нарушили лёгкие шаги. Из темноты показалась стройная фигура. Девушка с привычной Айнур азиатской внешностью. В руках – аккуратно сложенные бинты.

– Сарана, – сразу оживилась Наташа.

Сарана улыбнулась уголками губ. Её лицо было серьёзным, глаза внимательными – как у хищника, но в них всё же чувствовалась теплота. Она молча присела рядышком, положив бинты возле костра.

– Здорово горит костёр, – негромко сказала она, – ветра много сегодня. Слышала, как у моста раненых привезли. Опять…

«Русский? Как неожиданно…» – промелькнула мысль в голове Айнур.

– Опять, – вздохнула Наташа, – и опять без рук, без ног. А мы им чай с медом и бинты. Вся наука.

Сарана бросила быстрый взгляд на Айнур. Будто она почувствовала: девушка чужая. Но вместо вопросов, мягко проговорила:

– Ты… изменилась, Любка. Раньше ты молчала больше. Теперь будто глаза другие. Может, блеск изменился…

Айнур напряглась, но выдавила улыбку:

– Люди меняются… особенно на войне.

Сарана кивнула, затем чуть тише добавила:

– У нас в деревне старшая говорила – душа, если переплывёт реку в другой мир, может проснуться в другом теле. Только не всегда знает, зачем.

Наташа усмехнулась:

– Ох, Сарана. Ну вот, снова свои монгольские сказания понесла. А ты, вижу, ей подыгрываешь, Любка?

Айнур задумалась. Слова Сараны словно пронзили её. Как будто та всё знала.

Запрещено для коммерческого использования

Сарана посмотрела на огонь. В её глазах были только усталость и какая-то древняя мудрость, которому не научишься в госпиталях.

Они сидели втроём у костра — три девушки, три разных мира. И хотя казалось, что всё вокруг рушится, в эту ночь между ними возникло нечто важное. Не просто дружба, а родное сестринство, которое рождается только там, где смерть дышит в лицо каждый день.

Ночь постепенно опускалась. Звёзды ярко мерцали над костром. Наташа ушла пораньше лечь, а Айнур и Сарана остались у тёплого костра.

Айнур внимательно наблюдала за девушкой, глаза пытались прочесть её.

— Сарана, — наконец заговорила она, — расскажи мне… про сказание, которое ты упомянула. О душе. Это правда? Или просто легенда?

Сарана на мгновение замолчала, потом медленно ответила:

— В наших горах много сказаний, — начала она.

— Но это одно из самых древних. Говорят, когда душа путается, отправляется в путешествие. Иногда душа забывает, кто она есть на самом деле. Если она осталась с незавершённым делом — она ищет другое тело. Иногда человеческое, а бывает, что и животное. Но чаще всего… она возвращается туда, где нужна.

Её голос был мягким, как материнский.

— Но не все помнят, кем были. И не понимают, зачем вернулись. Душа путается. Теряется. А потом… кто-то подаёт руку. Слово. Взгляд. И душа узнаёт свой путь.

Айнур сжала пальцы.

— Ты веришь, что я не Любовь?

Сарана повернула к ней лицо.

— Может быть, ты и не Любовь. Но ты — здесь. Ты бинтуешь раны. Ты держишь за руки умирающих. Ты смеёшься с Наташей. Ты боишься, но остаёшься. Разве это не ты?

Её ладонь легла на руку Любы.

— Может, душа — не то, что было. А то, что ты выбираешь сейчас.

— Спасибо тебе, Сарана. Это… важно.

Сарана кивнула, улыбнувшись. Искренне. По-человечески. Как будто они были не на войне, а дома. У печки.

— Мы все здесь ищем себя, Любка. Кто-то с бинтами, кто-то с молитвой. А кто-то в молчании.

И в этих словах было не только утешение, а правда.

Айнур взглянула на небо. Между звёзд показалось, что мелькнула чья-то тень. Может, её собственная? Или чужая — та, что тоже ищет путь?

Время постепенно шло. Проходили месяцы. И наконец настал последний месяц лета.

Запрещено для коммерческого использования

Август. Халхин-Гол.

Стояла сильная жара. Тяжело было дышать. Над головами проносились звуки выстрелов и крики раненых, перемешанные с топотом лошадей и рёвом моторов. Всё смешалось в единое целое. Война. И она — частичка этого мира.

Санитарная палатка трещала по швам. Солдаты несли раненых, кто на себе, как угодно, главное, чтоб несли. Мест не хватало. Казалось, что небольшая палатка вот-вот не выдержит. Наташа и Сарана ушли с обозом — нужно было доставить тяжелораненых на другую сторону реки для эвакуации.

Айнур осталась одна.

— Кто здесь медик?! — кричал молодой солдат, таща раненого с пробитой грудью.

— Тут! — крикнула Айнур, подбегая уложить бойца на землю. Она боялась. Дрожала. Но знала одно. Если остановится — он умрёт. Айнур тут же опустилась на колени, вытащила бинт и иглу, начала работу.

В тот момент раздался взрыв недалеко от палатки. Земля содрогнулась. Крик. Паника. Один из снарядов упал прямо рядом с колонной раненых. Те, кто ещё мог, разбежались. Остальные — остались лежать в пыли, крови, тишине.

Любовь сорвалась с места. Не думая. Точнее, не было времени сидеть и думать.

Она ползла. Вокруг — пули, взрывы. Вытаскивала по одному. Звали её, кричали: «Это самоубийство! Вернись!» Но она не слышала. В голове было только одно: «Спасать и спасать».

Руки в крови, лицо обожжено горячей пылью, на плече глубокая царапина. Она не кричала от боли. Перевязывала, закрывала тела собой, тащила их, укладывала, просила лишь:

— Живите.

Её губы дрожали, но голос был твёрд. Спасала. Не солдат, не боец, но она спасала. Хрупкая медсестра спасала их. Одного за другим. Пять. Семь. Девять…

Под вечер.

Тишина стояла непривычная. Будто небо задерживало дыхание.

Айнур закончила перевязку последнего раненого. Они с Наташей и Сараной вытащили более двадцати солдат, ползая под пулями. Хрупкие девушки, но именно они были героями. Их руки тряслись, сердца стучали от счастья, что выжили. Всё, казалось, закончено.

— Всё девочки, всё… — Наташа села, опираясь на повозку. — Счастливый конец….

Айнур улыбнулась и посмотрела на них — испачканных, уставших, но живых.

Запрещено для коммерческого использования

— Мы смогли, — прошептала она. Ещё один день.

Счастливый конец? Всё закончилось бы именно так, но… Небо почернело. Авианалёт. Японцы. И в этот момент… небо разорвалось.

— Авиация! — заорал кто-то. — В укрытие!

Японские самолёты летели низко, выпуская смерть.

Снаряды начали падать. Земля содрогалась.

И словно жизнь испытывала их, снаряд целился точно к месту, где стояла светловолосая медсестра, держась за монголку Сарану. Именно тогда. Именно тогда Айнур, а теперь Любовь, поняла. Она пришла, чтобы спасать. Спасать. И бросилась.

Всё было как во сне. Замедленно. Точнее девушка молилась, чтобы это был сон. В голове только одно: «Успеть».

Она толкнула девушек под обрыв, под защиту скал. И в следующую секунду — взрыв.

Тело отбросило.

Когда всё стихло, небо стало серым. Наташа, задыхаясь, поднялась и осмотрелась.

— Лю… Лю… Любка?.. — голос сорвался. От увиденного сердце девушки сжалось, она задыхалась, не хватало воздуха, упала на колени рядом с Айнур, на которой не было живого места. Сарана молчала, прижав руки к груди. Вряд ли она могла что-то сказать, чувствуя столько боли.

Генерал прибежал сразу же. Он подхватил тело Любы (Айнур) на руки. Все раны войны будто собрались в его взгляде.

— Лю… Лю… Ты что… Любонька…Что же… что же делать? — еле выдавил он, стараясь сдержать дрожь. Слёзы катились. Именно тогда генерал, храбрый и стойкий, лил слёзы. В каждой слезинке чувствовалось столько боли, что и не описать словами.

Кровь текла из её ран, но она… улыбалась. Будто знала, чем всё закончится. Как будто смирилась.

— Не плачь… не идёт тебе, генералу не к лицу слёзы…

Он кивнул, не в силах отвечать.

Но от этого ещё более побежали скупые мужские слёзы. Не хватало воздуха. Сердце сжималось от боли.

— Любушка, скажи, что… выживешь… Скажи, что всё будет хорошо… Ты выйдешь за меня?

Её губы дрогнули в слабой улыбке.

— Конечно… И я… не Лю… я… Айнур.

Последний вздох.

Запрещено для коммерческого использования

Эпилог

Спирт. Запах сурового спирта. Это было первое, что ощутила археолог, когда открыла глаза. Больница. Не медицинская палатка, а больница.

Она проснулась. Но теперь – в другом теле. В собственном. В настоящем.

– Айнур? Вы очнулись! – голос медсестры дрожал. – Вы были без сознания почти три месяца. Вас нашли в реке, во время экспедиции… Вы чудом выжили! Как себя чувствуете?

– Хо… рошо, – выдохнула она.

Пустота. Вместо того, чтобы радоваться, что выжила, она чувствовала пустоту. Будто у неё появилась дырка в сердце. Странная боль.

В голове – пустота. Ничего. Но время от времени снились сны.

Иногда молодой генерал с доброй гордой улыбкой. Иногда светловолосая медсестра, смеющаяся сквозь слёзы. Иногда монголка, тихо рассказывающая старинные сказания.

И каждый раз просыпалась с мокрыми от слёз щеками.

В день выписки перебирала вещи. Бумаги, банковская карта, заметки. И… медальон. Старый, солдатский. Найденный в той самой реке Халхин-Гол во время экспедиции.

Сердце сжалось. Что-то не отпускало. Не думая, она села в машину. И поехала.

Сотни километров. Без остановок.

Пыль, дорога, ночь, день – неважно.

Что-то вело.

Берег Халхин-Гола. То самое место.

Где всё и началось. И закончилось.

Она подошла. Стояла молча.

И вдруг – вспышка.

Пули. Взрывы. Голос. Костёр. Чьи-то руки. И взгляд. Любящий. Тёплый. Настоящий.

«Выйдешь за меня?..»

Она упала на колени. И разрыдалась.

Слёзы лились без остановки. Тело дрожало.

В руках медальон.

В груди – пустота.

Она любила.

Слишком сильно. Душой.

И самое страшное – помнить сердцем. Но в памяти забыть.

Запрещено для коммерческого использования

Гуджар Мухаммад-Сулейман Манзурович, 15 лет
Пакистан, г. Исламабад

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ, ЛЕТИТЕ...

Али стоял на крыше своего дома. Здесь, за старой ненужной мебелью, за растрескавшимися кадками с засохшими растениями, у него была устроена маленькая голубятня. Али не ловил голубей и не держал их в клетках. Целый год он копил деньги и один единственный раз в году покупал у торговцев голубями их питомцев. Мальчик всегда покупал ровно десять голубей. Птицы сидели в голубятне только одну ночь, и затем утром, с первыми лучами проснувшегося Солнца, Али отпускал их на волю.

— Летите, голуби, летите... Белый — лети за папу, сизый с крапушками и нежно-лиловой пелеринкой вокруг шеи — за маму... Мама... она любила тёплые, мягкие и нежные цвета в одежде. Вот этот, с хитрющими глазками, — за сестрёнку Фатиму. Она была такой непоседой с непослушными ни одной на свете расчёске кудряшками. И вы двое, с белыми подпалинами, летите, за близняшек-малышей Самира и Салиму... Они только родились, когда в дом пришла беда. И ты лети, старичок, подбодрил он нахохлившегося пожилого голубя с белой грудкой, за дедушку Амира. И вы трое, давайте быстрее — за соседских Разию, Султана и Дамира — в тот день они играли вместе дома у Али...

Мальчик не хотел плакать, но вдруг солнечный до того день словно покрылся туманной пеленой и по его щекам горькие слёзы проложили мокрые дорожки. Уже пять лет, как он чувствовал, что время остановилось, каждый раз возвращаясь всё в тот же день. Самый чёрный день за всю его тринадцатилетнюю жизнь.

Напряжённость в воздухе летала уже давно. Семилетний Али замечал это по косым взглядам родителей, по тому, что они несколько раз в год меняли не только дом, но и город проживания. Иногда «уходить», как называл эти внезапные переезды отец, приходилось даже ночью с минимумом вещей. Да у них почти ничего и не было своего, он заметил это недавно, оценив, что в каждом новом доме другая мебель и предметы утвари.

И в это чёрное утро было всё, как обычно, только они не успели «уйти». Всё произошло слишком внезапно, а им обязательно нужно было дождаться бабушку с базара. У сестрёнки Фатимы скоро должен был быть день рождения, и она хотела купить ей новое платье.

Дальше Али помнил отрывочно. Взрыв во дворе и разлетевшиеся на мелкие кусочки стёкла окон. Отброшенный автоматной очередью в грудь

Запрещено для коммерческого использования

отец и человек в маске, переступивший через него. Мать, закрывавшая собой близнецов, и потому не увидевшая, как их, раскачав за ноги, выбросили из окон на улицу. Дедушка, пытающийся вывести сестрёнку, но не успевший это сделать. Его друзья, спрятавшиеся, как и он, за мебелью гостиной, и высокие люди, разрядившие в них свои автоматы. Али почувствовал острую боль в ноге, что-то чиркнуло его по виску, и левая сторона лица онемела, стала покрываться какой-то липкой жидкостью.

— Последний остался, недострелёныш. Ну как, контрольную ему или поиграем в «убегающих зайцев»?

Тяжёлый, окованный металлом мысок ботинка больно впился в незащищённые рёбра мальчика. Но тут к «злой» обуви подошли ещё одни ботинки, чуть меньше размером.

— Шеф звонил, велел уходить, полиция уже на подходе, улицы перекрывают…

— Уходим, пристрели щенка!

Али сжался, он всем своим существом понимал, что в живых его не оставят, просто не имеют права оставить. Раздался звук выстрела и с потолка посыпалась штукатурка, а на Али упала тяжёлая штора.

— Живи, пацан. Не могу стрелять в детей!

Ботинки повернулись и вышли из комнаты. Али долго лежал под шторой, боясь пошевелиться. Кажется, иногда он терял сознание, поскольку боль, терзавшая его тело, временами отступала. Какие-то руки извлекли его из-под ткани, уложили на носилки, и он долгое время провёл в больнице. К нему приходила бабушка, которая вернувшись с базара, не застала в живых никого, кроме него. Уже потом он узнал, что кучерявую смешинку Фатиму похоронили в том самом платье «на день рождения».

Мальчик поднял глаза, прошлое постепенно отступало, давая место настоящему. В клетке остался последний голубь. Хмурый и нахохлившийся он сидел в самом дальнем углу.

— Лети, ты, тоже лети! За того, кого я не помню и не видел. За того, кто, выстрелив в потолок, несколькими незначительными словами сохранил мне жизнь!

Запрещено для коммерческого использования

Гао Михаил-Акила Сергеевич, 16 лет
Китай, Гуандун, г. Чжухай

СКАЗ О ТОМ, КАК КИТАЕЦ К АРАБУ В ПИТЕР ЕЗДИЛ

Паша лениво пролистывал предложения на AliExpress в телефоне, полулёжа на диване. Пролетали брелоки, чашки, чаи и какие-то табуретки. Ничего стоящего не попадалось на глаза. А он искал подарок, да ещё какой! Увы, не для дамы сердца, но для кое-кого получше — для одного из самых дорогих его друзей, живущего всего лишь за десяток тысяч километров чистокровного (но только наполовину) араба Хусейна Юсуфовича. Сам шестнадцатилетний Паша жил в Китае и был китайцем тоже только наполовину.

Живущего и учащегося теперь уже полгода в Санкт-Петербургском вузе товарища Паша видел редко, вернее, всего лишь два раза в жизни — во время поездок в международный летний лагерь детей и подростков «Дагптерк», куда ребята приезжали на международную смену из разных стран: Паша из Китая, а Хусейн из Кувейта. Однако местная суровая и беспощадная жизнь сблизила с первого взгляда двух ничем не похожих друзей — лирика и физика, бездельника и честного работягу. В лагере они делили всё: комнату, стол, блестящее Чёрное море и синее небо надо головой. Конечно, детские приключения в лагере «Дагптерк» — это совсем другая история, однако после него их было не разлить водой.

Но вернёмся в наше время, к скроллящему на своём диване Паше. И вот, когда глаза Паши уже начали слипаться, одна странная упаковка вдруг показалась не совсем такой, как все. Паша нажал на фото, желая узнать больше, и понял, что этот подарок зайдёт идеально: мордочки жареных кузнечиков, китайского деликатеса, одобрительно смотрели на него с экрана. Самое то, чтобы подарить дорогому другу. Недолго думая, Паша решительно нажал на оранжевую кнопку «Купить» и, довольный, отписался Хусейну: «Тебе подарки есть. Дорогие. Жду две шавермы».

Оставшееся время пролетело на удивление быстро. Почти каждый день приходили посылки с подарками родственникам и друзьям. И вот ночь перед отъездом, поздний сон, утро. Сонный, попрощавшись с родными, он загрузил свой тяжеленный чемодан в машину и уселся поудобней в ещё пахнущую новой синтетической кожей китайскую «электричку». Перед ним был долгий многочасовой путь в аэропорт.

Стойку сдачи багажа Аэрофлота, как всегда, выдавала узнаваемая издалека группа европейцев, русских, ну и китайских студентов. Русские, столь редко бывающие в таких огромных группах, тихо говорили

Запрещено для коммерческого использования

о своих делах, ну а черноволосые азиаты на китайском обсуждали исключительно сим-карты в России, отели и русскую погоду.

Паша стоял и наблюдал за всем этим, медленно двигаясь вперёд по длинной, сложенной в несколько раз очереди. В разговоры он ни с кем не вступал, а лишь наблюдал. Сдачу багажа и паспортный контроль он прошёл беспроблемно и вскоре вошёл в самолёт. Протолкнувшись в конец салона, куда его определил весёлый парень у сдачи багажа, Паша поудобней уселся в кресле и начал листать бортовые журналы. Его соседкой стала загадочная женщина, которую невозможно было разглядеть из-за маски и худи. Она опустилась на своё место и погрузилась в безмолвные раздумья, давая понять, что её ничего вокруг не интересует. Ну и не очень надо.

Полёт проходил вполне успешно. Паша, как опытный летун, вполне нормально скоротал время за фильмами, сном и вкуснейшими приёмами пищи. Так или иначе, прибытие в Шереметьево состоялось. Для сути нашего повествования совсем не важно, как его с радостью встречали родственники и как он провёл время в Москве; главное в том, что Паша ехал в именно в Санкт-Петербург для того, чтобы принять участие в международной олимпиаде школьников в одном из питерских университетов. Жить предстояло в гостинице с участниками из других городов и стран. Так что давайте сразу переместимся в величественный город Петра на Неве, место, где учился Хусейн Юсефович, и по совместительству культурную столицу России.

Павел вышел из скоростного «Сапсана» на свежий весенний воздух Петербурга и сразу увидел фигуру среднего роста с длинноватыми, до плеч, курчавыми рыжими волосами. Фигура примерно в тот же момент заметила и его.

— Дарова, братишка, — сказал Павел с радостной ухмылкой.

— Приве-ет, — прозвучало протяжно от Хусейна на высоких тонах.

От Хусейна веяло смелостью и неустрашимостью пережившего суровую северную зиму студента-араба, стреляного воробья. Особенно удивила Павла его ослепительно-белая кожа — подарок северных широт, контрастирующая с тем, каким тот был, проживая в жарком Кувейте. Душевно поздоровавшись и крепко обнявшись, не видавшие друг друга уже почти год товарищи радостно и шустро — на улице был ужасный «мороз» в 18 градусов — пошли к выходу из Московского вокзала. Глубокомысленная надпись в авторской орфографии «Технек жив! (и Цой тоже!)», написанная углём на стене вокзала, задавала атмосферу города, в котором им предстояло провести неделю.

До гостиницы можно было дойти пешком. На каждом повороте Паша впитывал волшебную атмосферу города. Они шли мимо дворцов, пре-

Запрещено для коммерческого использования

красных зданий, кажущихся старинными на фоне модернового Китая, маленьких ресторанчиков и супермаркетов в полускрытых культурным слоем первых этажах зданий, о величественности которых напоминали мемориальные доски со знаменитейшими именами российского общества… Действительно, в Питере было что-то своё, особенное. Дойдя до гостиницы, где должны были жить участники олимпиады, друзья увидели кучкующихся подростков, съехавшихся со всех концов России и мира, которые ждали заселения и с настороженностью смотрели на новые физиономии. Харизматичный Павел, имея поддержку старого товарища, не терял своей ауры и уверенно смотрел всем прямо в глаза. Он тут же пожал нескольким пацанам руки и представился. Сопровождавшие группы что-то говорили, разнимали «особо одаренных», давали инструкции, однако Павла это не тревожило — как истинный постигатель дзэна, он лишь спокойно наслаждался обстановкой. Потом повернулся к Хусейну:

— Увы, и тут нас разрывает беспощадная судьба. Я напишу.

— Давай. Я тогда на работу, до встречи, — сказал Хусейн.

Друзья крепко пожали друг другу руки. Золотоволосый араб повернулся и зашагал вниз по окаймлённой старинными фасадами улице, постепенно сливаясь с толпой.

В отель все вселялись медленно, но вскоре Паша уже поднимался на лифте на свой второй этаж. Ещё до этого ему сказали, что ему предстоит жить с каким-то учеником из Южно-Сахалинска. Раскрытый чемодан с «Мёртвыми душами» и другие вещи в комнате предвещали, что сосед уже вселился.

Паша начал располагаться поудобней. Проверил все возможности ванной, поближе познакомился с номером в целом. Вид из окна тоже радовал. Малая Нева, дома, машины. Конечно, возможно вам это кажется странным, но для живущего в Китае юноши это было чистым восхищением, новым, родными и дорогим одновременно. Отрывшаяся дверь заставила Павла, задумчиво смотрящего в полуоткрытое окно, повернуться. В комнату прошёл блондин с короткой стрижкой, он был немного выше Павла.

— Пётр, да? — сказал Павел, с улыбкой протянув руку.

— Матвей Романов, — поправил вошедший устало и с каплей неприязни, как показалось Паше.

Павлу потребовался момент, чтобы осознать ошибку, но в неловкость они, к счастью, не впали:

— Ага, прости, Матвей. А я — Паша.

— Какая кровать твоя?

— Да, в принципе, бери любую. Чай будешь?

Запрещено для коммерческого использования

— Ну… давай, — разрастающаяся улыбка появилась на его лице.

Пока закипал чайник, Павел начал располагаться. Достал китайские сладости к чаю, Матвей достал свои. Вскоре они уже, как давние друзья, под чай и плюшки сидели на подоконнике и обсуждали, как присуще нынешним юношам, геополитику, историю и международные отношения. Никакие разговоры так быстро не сближают, как эти, особенно когда в руках горячий чай, а на улице холодная весна.

Впрочем, все официальные мероприятия, сопутствующие олимпиаде школьников, Павел с Романом прошли вместе. И поездки за город в роскошные дворцы российской знати, и на берега Финского залива, и обсуждения олимпиады и девчонок в их группе…

Кстати, о дамах. Олимпиада в университете запомнилась тем, что рядом с Пашей сидела какая-то выпендрёжница, которая сначала спросила на весь зал: «А можно сдавать, если я раньше закончу?», а потом негромко и без остановки мычала, будто каждую минуту открывая что-то новое для себя в бланке; к счастью, она сдала работу раньше всех и ушла. Паша хотел уже разочароваться в девушках культурной столицы, однако тут он познакомился и с настоящей леди — Олей, жившей в Питере, и взял её контакт, чтобы при возможности пересечься. Так что день, можно сказать, был прожит не зря.

Однако и Хусейна на работе и учёбе мучили не вечно. В одним прекрасный вечер и он смог незаметно проникнуть после отбоя в комнату к своим товарищам, о чём их оповестил стук в дверь.

— Так ты ещё и не с пустыми руками?! Давай, заходи быстрей. Может, даже когда мосты разведут, разрешим остаться на ночь, не на улице же ночевать.

Хусейн зашёл с коробкой эклеров, переданной ему подругой из остатков дня одной пекарни (как же всё-таки хорошо иметь много друзей!), которые были немедленно поставлены на стол.

— Знакомитесь, товарищи. Чистокровный араб и подающий огромные надежды актёр больших и малых театров. Ну же, пожмите руки и будьте знакомы.

Все трое были немного интровертами и, по крайней мере, просто так становиться душой огромной компании они не решались, однако маленькая компашка — совсем другое дело. Они быстро разговорились за чаем, а непрерывный поток воды и новых заварочных пакетиков, предоставленные по звонку горничной, обеспечили хороший вечер.

К чаю Павел вспомнил, что бережно все эти версты нёс с собой ценный груз — подарок для Хусейна. Он извлёк из чемодана блестящую упаковку жареных кузнечиков.

— Ну что, Хусейн, давай, — с ухмылкой протянул ему Павел деликатес.

Запрещено для коммерческого использования

— Я не хочу, — со смехом и мотая головой ответил он, однако подарок взял и начал жевать.

— Как на вкус? — спросил его Матвей. — У вас же такие продаются?

— Да, я пробовал, но они тогда были побольше…

— Да нет, — съев и свой, заметил Паша. — Обычные тараканы.

Друзья рассмеялись. Город с каждой минутой всё больше ужасался от новых выходок молодых людей.

Пока они жевали кузнечиков с чаем им пришла в голову идея облиться ледяной водой и покосплеить моржей на бюджете. Тогда, в 2025 году, в китайских соцсетях у друзей был такой челлендж, и Павла уже успели номинировать на это школьные товарищи, что было не отвертеться. Достав из мини-бара две бутылки холодной воды (самое близкое приближение к ледяному челленджу), они уверенно выдвинулись в ванную комнату. Встав в ванну, Павел без страха открыл обе бутылки и осторожно — момент истины — поднял их над головой.

— Снимаете?.. А-а-а-а-а-а!!! — раздался крик по всему второму этажу.

Первый ледяной удар был шокирующим. Казалось, птицы сорвались с крыш, а на всех машинах по кварталу начала пищать в один голос сигнализация. У воды силы будто бы даже не истощались. Павел всё поднимал и поднимал бутылки, а у них как будто открывалась второе дыхание. Матвей и Хусейн, тоже слегка встрепенувшись от такой реакции Павла и брызг ледяной воды, смотрели на всё это бодро. Казалось, что в маленьких поллитровках хранилось, как минимум, литров пять или шесть. Наконец, через, казалось, вечность, они опустошились. Паша стоял холодный, мокрый, но довольный.

— Какие ощущения? — спросил со слегка ехидной улыбкой Хусейн.

— Вот как будто в Байкал снова нырнул. Давай полотенце, замёрз уже.

На внешних сторонах ступней шустро, но стараясь не поскользнуться, Паша вышел из санузла, по ходу публикуя заснятое видео и номинируя ещё двух других друзей повторить то же самое. Он понял, что день по-настоящему заканчивался хорошо. Правда, учитывая время, наверное, было бы вернее сказать, что это уже следующий — последний день олимпиадной программы — начинался со здоровой зарядки и водных процедур. Парни улеглись — кто на кроватях, кто на диване. Сопровождающие наверняка уже спали богатырским сном, так что самые жёсткие наказания миновали друзей.

Пашино горло к рассвету, на удивление, не заболело. Пацаны спустились в столовую, позавтракали. Хусейн пошёл в утреннем тумане в свой университет, где ему предстояло сидеть до трёх часов дня. План

Запрещено для коммерческого использования

был таков: группа последний раз ехала в музей с экскурсией, а потом все сразу разъезжались. Паша оставался с Хусейном в Питере, поэтому особо не продумал дальнейших действий, всего лишь оставил в отеле свой чемодан и был таков.

После музея попрощались с иногородними участниками олимпиады. Павел посмотрел на Яндекс Картах дорогу к отелю и понял, что, если сейчас поедет на метро или автобусе, то придётся там просидеть ещё пару часов. Значит, надо идти пешком. Дойдя до Невы, он пошёл по её берегу. Прачечный мост, потом Троицкий. Замечательно было то, что какой-то маленький домик мог оказаться одним из первых домов Петра Великого, а за другим могла скрываться сцена с открытки туриста. Уже немного знакомый с городом, он прошёл мимо Спаса на Крови, Марсового поля с Вечным огнём. Шпиль Петропавловского собора блестел на солнце.

Решив всё-таки подкрепиться, на последнюю мелочь Паша купил булочку с сосиской (в кармане оставались одни пятитысячные) и медленно, восхищаясь, как в первый раз, прошёл по Дворцовой площади. Васильевский остров, или просто «Васька», уже приветствовал его зданием Адмиралтейства, а ростральные колонны заставили вспомнить мем про застрявших в них «котиках». Город был прекрасен. Спустившись на стороне «Васьки» к Неве, он сел и вдумчиво доел свою булочку. Под объектив его камеры попалась одинокая уточка, бесстрашно и беззаботно плывущая по ледяной (в этом Павел убедился лично) волне. Таким образом, он дошагал до своего отеля. До освобождения Хусейна оставалось всего лишь полчаса, и Павел, получив свой чемодан, решил двинуться в путь на станцию НН. Молодая и весёлая кассирша выжидательно посмотрела на него.

— Пятитысячную возьмёте? — спросил он.

— Нет, — ответила она с улыбкой и, выдержав театральную паузу, сказала: — Ладно, так и быть, давай.

Получив 4 940 рублей сдачи, он начал медленный спуск по длинному питерскому эскалатору. Эти, заложенные, видимо, ещё Петром, самоходные лестницы, скоростью от московских, конечно, не отличались, однако длинна их, поистине, впечатляла. Привычка петербуржцев, или даже вторая их натура, спускаться по эскалатору «стоя справа, лицом по направлению к движению, а обгонять слева» согрела сердце. В Китае все стоят по-броуновски, и слева, и справа, особенно когда сходишь с эскалатора. Из-за этого трогательного момента Павел расслабился, поэтому заслуженную саечку за испуг он всё-таки получил от выскочившего из-за колонны Хусейна. Не желая оставаться в долгу, китаец отвесил тяжёлый щелбан по лбу араба, скрепляя этим узы крепкой международной дружбы.

Запрещено для коммерческого использования

— Ну, что, карету мне, карету?

Кое-как они смогли втиснуться в вагон, и им удалось, не растеряв вещей, добраться до Невского. А где ещё жить сыну арабского шейха? Конечно же, снимать комнату в коммуналке во дворе-колодце за Невским.

— Давай только осторожно, особо не светись. Хозяйка не приветствует гостей. Так что, если что, ты мой кузен.

Жизнь петербуржских студентов была нова для Паши. Тридцать перчаток из «Ростикса» лежали в ящичке у двери, откровенно рассказывая о том, чем питается сын арабского подданного, а в холодильнике ничего съедобного не было, кроме уксуса и замороженного мармелада на палочке. В аквариуме плавали три рыбки — один простой серенький карасик и две золотые рыбки, как из сказки Александра Сергеевича.

— Привет, рыбки! — сказал Хусейн. — Встречайте гостя дорогого! Знакомься, Пахан. Вот это Паша, — он ткнул в карасика, — а это Хусейн и Анжела.

У Паши глаза на лоб полезли. Чтобы объяснить весь драматизм ситуации, необходимо сделать небольшое лирическое отступление и рассказать о том, что произошло в прошлом году в лагере «Дагптерк». Живущие в одном отряде товарищи ухлёстывали за одной и той же дамой из другого отряда, по имени, как вы уже догадались, Анжела. Ситуация не привела к дуэли, и Паша вообще думал, что Анжела ближе к отъезду выбрала какого-то парня из своего отряда, а этот их треугольник распался, ан нет, оказывается, огонь ещё теплился.

— И чего это я карасик? — спросил Паша.

— Случайность. Хотел всех взять карасиками, но карасик у них остался один, пришлось добирать золотыми.

— Ладно, проехали. Какие планы? Мы голодные?

— Можно пойти твоим подарки покупать, по пути навернём шавермы.

— Шаурмы, — поправил его Павел, который уже познакомился с этим изысканным блюдом в Москве.

— Но-но, не очень тут. Ты теперь в культурной столице. Ещё скажи бордюр. В этих местах за такое знаешь, что?..

— Что, в cool-турной столице не приемлют культурного разнообразия?

— Тут можно все. Но некоторые вещи — только один раз. В общем, поедем на стальных жеребцах.

— Я не знал, что у тебя есть мотоциклы.

Хусейн засмеялся и протянул Паше миниатюрный скейтборд.

— Ну, поехали.

Особенно весело было кататься по булыжной мостовой. Стук колёс навевал мысли о цоканье подков и перекатывании кованых ободов дво-

Запрещено для коммерческого использования

рянских карет из позапрошлого века, бегавших по этим самым улицам.

Проезжая мимо памятника Римскому-Корсакову на улице Декабристов, Паша заметил величественное здание театра, который он помнил из рассказа о Саманте Смит, – книгу про неё в прошлом году рекомендовали читать перед поездкой в лагерь.

– О, Кировский театр! – сказал Паша, показывая на зелёное здание с колоннами.

– Деревня, это же Мариинский!

– А спорим?

Недолго думая, разбили.

– Вы куда с досками, ребята? – спросил театральный охранник. – Билеты есть?

– У нас практический вопрос.

Чтобы точно утереть нос Хусейну, Павел повёл его к кассиршам.

– А скажите, пожалуйста, это же Кировский театр? – спросил Паша у сидящей за стеклом бабули.

– Да, конечно, – с улыбкой сказала та.

Тут к окошку прильнул Хусейн:

– Но это же Мариинский!

– Да, конечно, Мариинский, – с такой же улыбкой Джоконды повторила она.

Оба были не удовлетворены таким конфуцианским ответом, однако добрый охранник настойчиво предложил им выйти из театра.

Решив забыть спор в еде, друзья зашли в ближайшую шавермичную.

– Ну что, за кузнечиков оплачу тебе шавуху, – сказал Хусейн.

– Две, насколько я помню.

– А ты справишься?

– Конечно.

Когда они с Хусейном отошли от киоска с тремя шавермами, двухлитровой бутылкой кваса и уселись у входа в подземный переход на Горьковской, к ним немедленно направилась какая-то незнакомая старушка.

Они посмотрели на двухлитровку с квасом, одновременно подумав: «Блин, похоже, наверное, на пиво», и подготовились к лекции о том, что хулиганам тут не место, но, к их удивлению, услышали:

– Я вижу, как вы тут сидите, а так сидят только местные. Так что скажите, пожалуйста, где тут лучше погулять? А то я первый раз в Ленинграде, мест не знаю…

Павел немного растерянно хлопал глазами, не понимая, как два очевидно «понаехавших» были приняты россиянкой за питерцев, но сразу успокоился, увидев, как Хусейн умело разрулил ситуацию, ловко выдавая себя за коренного местного:

Запрещено для коммерческого использования

— Да, вон там Александровский сад, думаю, Петропавловскую вы уже знаете, а если пройти дальше по улице, будет Троицко-Петровкий сквер, тоже можно хорошо погулять.

— Ну хорошо, спасибо, дорогие. Приятного аппетита! — И она с улыбкой пошла дальше.

— Не за что! — промолвили они ей вслед.

Только местные знают, где купить сувениры. Ни в аэропорту, ни в сувенирных магазинах на Невском не будут такие цены, как в каком-то подвале «у знакомых». О том, как друзья выбирали подарки членам семьи в Китае ничего интересного не расскажешь, поэтому мы и не будем этого делать. Зато ночная жизнь Питера, в которую они окунулись после того, как скинули подарки, оказалась совсем другим делом.

Да, ночной Питер отличался он дневного. Улицы были пусты, но по Неве вовсю носились лодки и корабли. Причиной ночной прогулки были, конечно же, разводные мосты. Увидеть их хотя бы один раз было мечтой Паши. Момент, когда эти огромные глыбы бетона вместе с перпендикулярными фонарями взмыли вверх, был потрясающим. Как только мост открылся, под ним стали сновать корабли, развозящие желающих поглядеть на эти своды поближе. Выглядело это действительно впечатляюще.

— Домой? — спросил с надеждой Паша, который уже засыпал.

К счастью, они решили, что утро вечера мудренее. Однако ночные улицы не спешили их отпускать. За 500 метров, которые они прошли по проспекту, их четыре раза зазывали в ночные клубы с обещанием общения с утончёнными представительницами культурной столицы и двух бесплатных часов. Проникать в культуру Санкт-Петербурга ещё глубже у них уже не было сил, и, лукаво сказав, что им всего четырнадцать, они смогли открутиться. Наконец-то дойдя до дома, Павел с огромной радостью рухнул на диван. Уже завтра ночью ему он должен уехать, но он надеялся, что темп они сбавлять не будут.

Следующий день они решили посвятить искусству. А, как говорили классики, из всех искусств для нас важнейшим является кино. И, стало быть, было решено уделить время Виктору Робертовичу Цою. Первой остановкой стал Севкабель — выставка, посвящённая ему. Зал угля, сделанный под «Камчатку», гитары, вещи, фотографии… Однако тут Паша вспомнил, в каком они городе. В Ленинграде, где по этим самым улицам ходил Цой. Конечно, огненными фанатами ни он, ни Хусейн не были, но пропустить такую возможность он не хотел, и было решено поехать на Богословское кладбище.

Могилу Цоя найти было сложно, друзьям пришлось поискать и походить по зелёным тропинкам. Наконец-то они дошли до памятника с

Запрещено для коммерческого использования

чеканным полукругом Звезды по имени Солнце, который утопал в цветах. Вокруг никого — и лишь на скамейке «Кино» сидели двое мужчин средних лет, которые делили с «Витькой», как они его называли, апельсин: на мрамор плиты, где среди цветов стояли бутылка вина, гранёный стакан, накрытый бутербродом, и лежали сигареты, они аккуратно положили несколько долек апельсина, а остальной доедали сами. Паша и Хусейн тихо постояли у памятника, каждый думал о своём.

Буквально в нескольких шагах звучала громкая музыка у могилы Михаила Горшнева. Его поклонники были моложе, одеты ярче и больше числом, и, хотя они поздоровались с подошедшими по-дружески, от одного из них послышалось:

— А они ещё и у Цоя были.

— Вы что, Цоя слушаете? — настороженно спросил самый накачанный панк в кожаной жилетке.

— Да, мы всех слушаем, — ответил многозначительно Паша.

— А, ну хорошо. Пацаны, мы тут картины Горшка скупаем, у вас деньги есть?

— Не, парни, мы сами на мели, — взял инициативу уже Хусейн.

— Ну, счастливо тогда, молодцы, что слушаете хорошую музыку.

Быстро попрощавшись и пожав руки по очереди всем фанатам «Короля и Шута», китаец и араб бодро зашагали к выходу.

— Слушай, а что ты им сказал, что мы подмели там что-то? — толкнув локтем товарища, спросил Паша через некоторое время. — Это какие-то питерские словечки?

— Чего подмели?

— Ну ты там сказал, когда они денег попросили, что мы сами подмели или намели…

— Блин, не намели, а мы на мели. Ну, типа, у нас денег нет. Я же студент.

— А, ну я понял, понял, — перебил его Паша. — «Сидим на мели». Пхех. Не въехал сначала.

Улыбаясь, товарищи пошли дальше.

В ещё оставшийся вечер товарищи нашли, что делать. Они гуляли до позднего вечера по крышам, позвав с собой ту самую девушку, чей контакт Паша получил на олимпиаде. Но это может стать темой другого рассказа. К тому же девушку позвали домой, а Пашу позвал в путь гудок локомотива. Долго ли, коротко ли, а дорога привела друзей к Московскому вокзалу. Надпись углём всё ещё красовалась на стене. Завершалось великое путешествие, одно из многих в жизни друзей, но от этого не менее весёлое и беззаботное. Полукитаец и полуараб, объединённые Россией, по-братски обнялись на перроне.

Запрещено для коммерческого использования

— До следующего раза?

— До встречи!

Сев на свою полку, Павел раскрыл дневник. Под свет тусклой книжной лампы и стук колёс, он начал писать: «Михаил лениво пролистывал предложения на AliExpress в телефоне, полулёжа на диване...»

Воробьёва Ярослава, 17 лет
Казахстан, Восточно-Казахстанская область,
г. Усть-Каменогорск

ЛЕТАВИЦЫ[1]

Обстреливают нас уже третий день. С самого раннего утра и до поздней ночи. Над головой свистят снаряды; разбиваясь об землю, грохочут. Сидим уже который день в промёрзшем окопе и ничего не можем сделать, орудие наше подорвали давно, ещё на той неделе, ещё и вдобавок наших артиллеристов. Их было жалко. Совсем ещё мальчишки, а один, который снаряды подносил, умел играть на балалайке такие красивые вещи, что все забывали про войну и смерть вокруг. Снаряд громыхнул совсем близко, и я вжался спиной в стенку окопа сильнее, чувствуя через шинель её неровности и холод.

Обхватив руками словно первенца, прижимаю к груди винтовку. Пальцы вцепились в дуло и приклад, кажется, что больше не разожмутся. Оно мне и не нужно. Если умру здесь, так пусть, когда меня найдут, будут считать, что я сражался до конца и погиб героем.

Небо, несмотря ни на что, казалось сегодня на удивление светлым и безоблачным. Оно живёт своей жизнью. Даже природа подстроилась под нас, людей, а небо — нет. Светила луна и улыбалась нам всем сверху вниз: мне, усталому и голодному, напуганному и одинокому в своих мыслях, другим нашим и даже фрицам, которые тратят эту ночь, обстреливая наш несчастный окоп, вместо того, чтобы, задрав голову, смотреть на небо. Всё же как это красиво, даже звёзд сегодня необычайно

[1] Летавица — персонаж, встречающийся в славянской мифологии, попадающий на Землю в виде метеорита или падающей звезды. После падения, он превращается в прекрасную девушку (реже — в юношу) с длинными жёлтыми волосами. Отличительным признаком летавицы является её обувь — красные сапожки, наделяющие способностью летать. Летавица появляется только ночью и исчезает с наступлением утра. Тот, кто сможет каким-либо образом снять с неё сапожки, станет повелителем этого существа. — Источник сноски: https://dzen.ru/a/XV1w8ZyURgCsW-da

Запрещено для коммерческого использования

много. Они блестят и мерцают, как красивые жемчужины на мамкином ожерелье.

Мамка. Родная и тёплая. Как она там? Сеструха помогает по хозяйству? Или уже убежала на фронт добровольцем? Не знаю, писем из дома давно нет, то ли не доходят, то ли не пишут. Нет, это пустые мысли. Пишут, конечно, пишут, просто, наверное, самолёт с фронтовыми письмами сбили. Живы они. И мать, и сеструха. Сейчас, наверное, мать пироги печёт с толстым завёрнутым краешком, они у неё всегда получались похожими на большие вареники с картошкой. Картошка... Вот бы сейчас молоденькую, испечённую в углях, с обгорелой кожицей и привкусом золы.

В животе урчит и как-то неприятно сводит. Я морщусь, и с ресниц спадает тонкий слой инея, освобождая место для нового. Мамка всегда говорила, что я в отца пошёл: такой же высокий, с длинными ресницами; говорила, что девки будут толпой виться подле меня — а не успели, забрали на фронт. Да и до этого я думать о девушках не думал — в школу же ходил, пионером был, даже галстук был, красный. Старался учиться на одни пятёрки, не получалось, конечно, но я старался. Старшим помогал, в колхозе — мамке.

А теперь какой от этого толк? От этих пятёрок — красных пятен в тетрадях, от ночей, проведённых над учебниками. Все умрём одинаково. И с пятёрками, и без них. Замёрзнем как гипсовые статуи, сжимая винтовку или пачку карт — и пионеры, и ветераны первой мировой, все как один останемся здесь. Зато за Родину. Зато за Сталина. Хотя бы бабушки вспомнят, которым я помогал.

С неба падает звёздочка, совсем маленькая, но яркая — такая яркая, что слепит глаза. Я улыбаюсь ей. Губы обветренные, лопаются, на них выступает тёплая кровь. Я слизываю её, наслаждаясь теплом. Загадываю желание. К мамке хочу, очень, помоги, звёздочка, отсюда выбраться, и я сразу к мамке пойду. Если надо, под шальную пулю ногу подставлю, но поеду домой. Жить хочу, звёздочка, очень, я же ещё молодой, мне даже девятнадцати нет.

Наверное, она мне улыбнулась или подмигнула, перед тем как исчезнуть за тонкой полоской еловых макушек. Снова всё замерло — возможно, фрицы всё же заметили эту красоту и решили дать нам передохнуть.

Остальные звёзды, словно заскучав о маленькой, потянулись за нею вниз, окрашивая небо белёсыми полосками от своих заострённых хвостиков. Мелькали, мелькали, застилая собой все чёрное полотно неба. Казалось, что вся темнота отступила.

От такого зрелища я задержал дыхание, смотрел на небо широко распахнутыми глазами и не мог оторваться. Думаю, все остальные тоже

Запрещено для коммерческого использования

сейчас смотрят наверх. Интересно, успевают загадать желание? А несколько? Ну, до того, как звёзды скроются за горизонтом. Иначе нельзя, желание не сбудется. Я вот не загадываю — одно загадал и хватит, на остальные звёзды пусть товарищи себе сами загадают что-нибудь. У многих невесты, у некоторых даже дети малёхие есть.

Потом свет звёзд медленно угасает, и всё становится как прежде, сказка закончилась, и мы снова здесь, на войне. Повисает минута тишины. Потом ещё. И ещё. И так почти десять минут. На пятнадцатой решаем отступать в лес, там больше шансов спрятаться: можно укрыться за тяжёлыми ветвями ёлок и их вековыми стволами.

Увязаем в сугробах — не только я — рядом наш седой старшина вязнет почти по колено, но шагает, пробивая нам дорогу вперёд. Мы плетёмся как пугала, выпотрошенные изнутри, пустые и усталые. Никто не ноет и не хнычет, все и без того знают, как плохо и холодно прямо сейчас.

Останавливаемся на какой-то поляне в глубине леса, скрытой от других плотными зарослями. Валимся в середине, как мешки с картошкой, друг на друга, откидывая вещмешки в сторону и прячась в поднятые воротники шинелей. Снова не двигаемся, замираем, слушаем хриплое дыхание друг друга. Кто-то закуривает.

В темноте начинает мерцать красная звёздочка, постоянно дрожа и извиваясь. Интересно, те падающие с неба звёзды нас услышали? Наверное, нет, потому что снова начинают обстреливать наш окоп, правда, теперь уже пустой, с брошенными ящиками из-под патронов и зажжённой керосинкой в блиндаже.

Я почти засыпаю. Хотя знаю, что вот так спать на морозе нельзя: во сне всегда тепло, можно не заметить, как замёрзнешь насмерть. Сквозь тонкую пелену дремоты, я начинаю слышать голоса и тихий смех. Это звучит так несуразно, что пару минут я лежу неподвижно, принимая незнакомые голоса за часть сна. Потом понимаю, что под боком никого нет, хотя я точно помнил, что там был Лёшка Сухарев — светловолосый высоченый детина в шинели не по размеру.

Открываю глаза и моргаю пару раз, пытаясь скинуть остатки сна. Вижу только ноги, ниже колен. Вот наши — в солдатских сапогах, а вот другие — тонкие, аккуратные и босые. Девичьи.

Я приподнимаю голову выше, стараясь не хрипеть от гулкой боли, которая растекается по замёрзшему телу. Над босыми ногами трепещет подол белоснежного платья или рубахи, расшитой по низу красными нитками. Узоры витиеватые, сложные: вот медведь, а вот волк с распахнутой пастью бежит за зайцем.

Сажусь и рассеянно осматриваюсь, пытаясь убедить себя, что это сон — хороший, красивый сон, полный простоволосых девочек в свободных

Запрещено для коммерческого использования

белых рубашках. Они стоят вокруг наших ребят по одной, иногда даже по двое на одного. Первая мысль, что это деревенские девчонки. Они часто к нам прибегали, иногда даже приносили еду и тёплые вещи, которые сами же и связали. Мотаю головой — нет: до ближайшей деревни почти пять километров, ещё и мороз, они бы не дошли в такой лёгкой одёжке. Да и стреляют немцы нещадно, вряд ли кто-то бы вылез из погребов — чтобы что? Чтобы поздороваться с нами? Пожелать удачи? Перекрестить? Бред...

Хотя почти в каждой деревне нас обступает толпа детей — все маленькие не по возрасту, растрёпанные, в каких-то оборванных рубашках, и все разом спрашивают одно и то же. А ты знаешь — и имя. А ты знаешь — и имя с фамилией.

Я всегда неловко качал головой, мол, нет, не знаю. Первое время даже эти имена запоминать пытался, записывал на обрывках газет и держал в нагрудном кармане, думал, если когда-нибудь встречу этого солдата — передам весточку. А потом перестал.

Слишком много детей, братьев и сестёр, слишком много имён и странных примет, настолько, что в какой-то момент я стал забывать лицо собственной матери. Тогда, помню, разозлился, отругал сам себя и перестал слушать детей. Улыбался им, качал головой, но больше не слушал.

Отрывают меня от мыслей пара белых стройных ножек. Я поднимаю глаза вверх, с ужасом понимая невозможность ситуации. На меня смотрит девчонка, хмурая и бледнющая как снег. Она протягивает мне что-то в ладонях, сложенных лодочкой. Я протянул свои руки в ответ только спустя пару секунд, показавшихся мне слишком долгими под острым взглядом серых глаз.

На ладони падает что-то мягкое, упругое и едва тёплое. Еда. Откуда? Неважно, главное, что еда.

Подношу ладони к лицу, прижимаю их к губам, но не ем — вдыхаю сладкий запах. Ягоды. Чуть приоткрываю рот, продолговатый плод падает на язык, и я тут же смыкаю губы, отодвигая ладони от лица. Раскусываю ягоду и почти всхлипываю от знакомого вкуса. Вкуса детства, лета и мамкиных поцелуев в щёки. Жимолость.

Странно — она кажется свежей — откуда взялась посреди зимы? Из погреба? Вряд ли, ягода тогда была бы замёрзшей и высохшей, а эта совсем свежая, словно только-только сорвали с куста.

Я открываю рот, всё ещё полный вкуса ягоды, и хочу что-то сказать — даже не придумал что, просто хочется, чтобы внимание от хмурой девицы никуда не испарялось, но не успеваю — она отворачивается и лёгкой поступью шагает вперёд.

Медленно поднимаюсь со снега. Хоть ещё и шатает из стороны в

Запрещено для коммерческого использования

сторону, но почему-то уже не так холодно, словно что-то внутри греет меня. Стараюсь не сжимать слишком сильно кулак с ягодами — хочу сохранить на подольше, растянуть удовольствие; утром костёр разожжём, там чай будет, и я с ним доем остаток.

Девицы заводят песню, незнакомую мне и, кажется, другим тоже; но все улыбаются — даже наш раненый Колька сидит и лыбится, как блаженный, белобрысой девчонке перед собой, а она берёт его за ладони и тянет на себя. И он встаёт. Колька, которого мы уже почти похоронили на той неделе — таким бледным он был — встал легко и беззаботно, словно нет у него осколков в груди.

Его тянут в образовашийся хоровод, он начинает двигаться, извиваться словно змея под солнцем. Наши чередуются с незнакомками, которые улыбаются, продолжая заполнять лес своим пением. Хочется к ним, в этот поток движения и музыки.

Мы давно её не слышали — музыку. Нет, каждый, конечно, напевал себе что-нибудь под нос — то, что обычно всплывало первое в голове. Я вот песню про козлёнка постоянно пою, её почему-то никто не знает. Но это не то. Сердце требует музыки: чужих голосов, незнакомых песен, обозначения того, что ты ещё жив и это всё по-настоящему.

Песня принимает какой-то особый вид, когда половина девиц начинает щёлкать языками в такт словам: клокочут и шумят, словно предупреждают всех. Только вот о чём, я так и не понял, даже спросить не успел, потому что хоровод начал распадаться. Наших начали отпускать, разжимать ладони, оставляя посреди поляны словно потерянных детей, а девицы, как ручейная вода, ловко обходили их, протягивая руки друг дружке.

Я невольно вдыхаю морозный воздух, обнаруживая для себя, что он не такой уж и ледяной, каким казался всего час назад, и с трудом поднимаюсь, отталкиваясь от снега ладонями. Наши словно в каком-то забытье: стоят, хлопают глазами, кто-то даже улыбается и тупо смотрит вслед уходящим.

А я не могу — сердце щемит от того, что вот ещё пару мгновений, и девицы исчезнут из вида. Поэтому я плетусь следом, увязая в глубоком снегу. Аккуратные ножки бегут по свежему насту и не проламывают его. Они настолько невесомы, что даже не оставляют следов на верхнем слое снега. А я тяжёлый, вязну в глубоком нетоптанном снегу, который набивается в сапоги. Но холода не чувствую, только сладость во рту.

Почти падаю у самого края леса, вытягиваю руки и встречаю лицом холод. Отплёвываюсь, смахиваю с ресниц и волос снег. Шапку где-то потерял: мотаю головой, пытаясь понять, куда делась заливистая песня, куда утянули её хозяйки. И в груди холодеет, неприятно щемит — к око-

Запрещено для коммерческого использования

пу нашему бегут, дуры. Перестреляют же фрицы, не пожалеют. Даже глазом не моргнут, погубят эту красоту.

Ползу пару метров так, на животе, из-под сжатых пальцев сочится сок, оставляя на белом полотне красные пятна. Может, меня по ним и найдут наши. Я цепляюсь за веточку совсем молодой ёлочки и, подтянувшись, поднимаюсь на ноги.

Жадно, до одури жадно глотаю воздух, так, что даже в горле боль встаёт поперёк. Кричу им что-то, чтобы остановились, а они смеются и песню дальше тянут. Я вдруг улыбаюсь широко и устало, наконец понимая, что они же, как сеструха моя, никого не слушают, делают то, что надо, то, что для Родины, для людей. И их не остановить, не испугать смертью или пытками. Такие они у нас девушки — настоящие.

Окоп они перепрыгивают легко, играючи, словно это узкая речушка, и если не перепрыгнуть, то намокнут ноги, а не переломаются все кости. Окоп, между прочим, метр в ширину, это я помню отлично, пришлось вбить в голову.

Оседаю под ветками, упираясь спиной в вековой ствол, и долго-долго смотрю вперёд, провожая взглядом белые пятна с тёмными и светлыми макушками. Да даже когда совсем из виду пропадают, всё равно смотрю, вслушиваясь в отголоски хора.

Потом приходит тишина. Обнимает за плечи и прижимает к себе, словно баюкает. Я мотаю головой. Нет. Нельзя сейчас спать, идти надо вперёд. Тут совсем недалеко. Их спасать нужно. Если придётся драться, они же ничего не смогут, а у меня хотя бы нож есть.

Поднимаю голову, сквозь сетку иголок виднеется небо, такое же безоблачное и спокойное, только звёзд меньше. Раз, два, три... Нет, не помню сколько было, не сосчитал. Как же тихо, как спокойно, как тепло... Умираю, что ли?

Да нет, кажется, засыпаю просто, а дальше будь что будет, хоть смерть, хоть опять бомбёжки, хоть голодуха; но хотя бы вспомнил вкус лета — этого достаточно, теперь главное не забыть его, и тепло обязательно придёт, а вместе с теплом уйдёт снег, прорежется трава, и я сниму кирзовые сапоги, встану и пойду домой, перекинув через плечо вещмешок.

Тогда, зимой сорок первого, мы выжили, отстояли наш рубеж и не пустили врага дальше. Выполнили свой солдатский долг и были щедро вознаграждены. Не медалями или орденами, нет, зачем эти железки? Глаза мозолить или перед вдовами щеголять? Нас вознаградили жизнью, на удивление сносной и долгой, иногда даже сытой.

Войну я прошёл и домой вернулся, ни разу не раненный и не контуженный. Однажды прямо под ногами граната взорвалась, всех переби-

Запрещено для коммерческого использования

ло, а мне хоть бы что. Говорили, мол, в рубашке родился, завидовали; а мать уверяла, что это она своими молитвами за меня отводила все фашистские пули и осколки.

Глупости, конечно, молитвы эти и Бог. Но когда над тобой гремят залпы артиллерии, а товарищей не слышно из-за свиста пуль, начинаешь ненароком думать об этих бабьих глупостях и крестах из крышек от тушёнки.

У нас такие делали — вырезали ножичком. Правда, Саныч, который их мастерил, умер, и мы перестали такие делать. То ли из уважения к нему, то ли от того, что было непривычно забирать жестянки из других рук.

Меня тогда, в первую зиму войны, нашли спящим в сугробе у ели. Думали сначала, что помер, а потом ткнули, и я проснулся, даже обморожений не было. Хотя найти меня должны были посиневшего, с чёрными как угли пальцами. Наши, те, кто мог, решили сходить до окопов фрицев: тихо чересчур было, нужно было проверить. И меня взяли за компанию.

Я пошёл охотно. Ведь, во-первых, холодно жуть как было, а когда идёшь, вроде ноги греются, кровь разгоняется по телу. А во-вторых, потому что переживал за девчонок.

Все шли молча, угрюмые и как будто одичалые, словно потеряли что-то важное внутри, как брошенные дети. Я ещё ягоды рассасывал меж зубами, они давленные были все, сок вытек почти полностью и замёрз на ладони, под ногтями, потом ещё долго не мог вычистить синеву из-под них.

У немцев тихо было не потому, что отступать им приказали, нет: они мёртвые были, все как один.

Как сейчас помню: спрыгиваем в окоп, и под ногами сразу четверо, с синими отметинами на шеях, и безумными белыми глазами, как будто призрака увидели. И все как один — все тридцать с лишним фашистов — задушены или с шеей свернутой лежат. Целый взвод, который изводил нас, лежит мёртвый, а мы даже не знаем, кто это сделал.

Старшина тогда, дед уже, ветеран двух войн, покусав седой ус, наказал нам языки прикусить и никому не говорить: ни о немцах придушенных, ни о девушках — сказал, что приказ. Мы кивнули, согласились, поддакнули в ответ, и начали закапывать мертвецов. Они все ещё мальчики, стриженные, белобрысые, хотя, наверное, это мне тогда они казались такими бледными, солнце светило прямо в затылок, когда мы скидывали их в ямы…

Война закончилась — и я вернулся к себе домой, в родную деревню. Стал заведовать в колхозе тракторами, всегда любил возиться с техни-

Запрещено для коммерческого использования

кой. Я их налаживал, бензин-соляру доливал, чинил, если приходилось. В общем, работа была, и ей я был полностью доволен.

Матери хату обжил снова, хозяйство налаживать стал, крышу залатал, заборы поправил. Вечера разговорами с ней коротали. Сеструха всё-таки на фронт улизнула, медицинской сестрой до Берлина дошла, даже награду поимела, за Отвагу. Жила теперь где-то под Новгородом, с мужем лейтенантом, которого сама же спасла. Нянчила мальчика крепыша, а что, есть ведь в кого. Мы вон с ней какие вымахали.

Сам женился позже остальных товарищей, холостым ходил до сорок седьмого, а потом Ленушку встретил мою, в клубе. Коса длинная, чёрная-чёрная, сама белая и тонюсенькая, как берёзка.

Не заметил я сразу, что похожа она на ту девчонку, которая ягоды в ладони насыпала; понял только спустя пару дней, когда провожал её до дома. Под светом луны и признал. Ленушка моя молчаливой девицей оказалась — да только мне и нравилось это: идёшь себе, говоришь, рассказываешь всё подряд, а она рядом ножками перебирает, смотрит перед собой, бровки хмурит и кивает, всё-всё запомнит, а потом на — и выдаст, коль спросишь.

Поженились спустя три месяца. Перебралась она жить ко мне и стала второй хозяйкой, мать её, правда, невзлюбила, всё ругала за ерунду всякую, да из дому прогоняла. А Ленушка не обижалась на неё никогда, губки в ниточку сожмёт — и из дому. Нырк — и на крылечко или ко мне, с работы встречать.

Сколько не бился я с матерью, всё никак она полюбить не могла её, хотя свыклись потом уже друг с другом, стали по разным углам расходиться и сидеть как мышки.

Ленушка с придурью у меня была: подавай ей только красные туфли — другие носить наотрез отказывалась, и всё в своих, старых и оборванных бегала: и в лес по грибы, и в кино. Потом новые ей справил: красивые, с ремешками — стала их носить, не снимая.

Всё хорошо у нас было, жили в достатке. У матери румянец появился на щеках, даже лицо помолодело. Дом крепко стоял, крыша не текла, только вот детей у нас всё не было. Сколько бы не пробовали, сколько бы не старались — ничего.

Поэтому решили в городе из детского дома ребетёнка взять — всё лучше, чем впроголодь там жить. Приехали туда, документы отдали, и повели нас в детские комнаты. Ленушка сразу на мальчонку одного глаз положила, сказала, что этого заберём домой.

Мне мальчик тоже понравился, глазищи широкие: голубые и умные, серьёзные, совсем взрослые мысли в них бегут. Оказалось, что зовут его Гоша, и ещё, что у него сестрёнка есть, малёха совсем, и оставлять её негоже. Вот и приехали мы домой сразу с двумя ребятишками.

Запрещено для коммерческого использования

Гоша сначала от Ленушки не отходил, за юбку вцепится — и за ней хвостиком, а как Груша, сестрёнка его, захнычет — сразу к ней, шикать и пальчиком грозить. Привыкли потом оба и к нам, и к колхозу; стали с местными детьми бегать: то на речку купаться, то куда ещё. Стало совсем не узнать их, как будто подменили.

Как будто вместе с детьми, худыми и пугливыми, подменили и мою жизнь: тревоги и страхи, душащие по ночам, крики и вопли раненых сменились на плач дочери, испугавшейся темноты или грозы. Тяжесть умирающего на руках наводчика сменилась тяжестью Ленушки, спящей на груди.

Я гладил её волосы и думал, смотрел в потолок, рассматривая в лунном свете трещины досок. Что же я тогда загадал? Тогда, когда снаряды и звёзды падали совсем рядом? Было это не так уж и давно, всего каких-то семь лет назад, а уже ничего не помню. Ещё пару лет и лица ни одного не вспомню…

— Вернуться домой, — прошептала Ленушка и укрыла нас обоих пуховым одеялом.

Степанова Валерия, 15 лет
Казахстан, Актюбинская область, г. Актобе

ДРУЖБА БЕЗ СЛОВ

В этот год лето пришло рано, не спеша, будто кралось, — на цыпочках. Сначала — в шуме листвы, в мягких росинках на полях, в лёгком тепле, скользящем по плечам. А потом — вдруг по-настоящему: с солнцем, от которого щуришься, с утренними поливами, с запахом пыльной земли и разогретого железа. И в нашу деревушку оно тоже пришло. Сначала робко — с дождями в начале июня и вечерней прохладой, от которой по коже пробегал озноб. Но даже тогда, сквозь серые облака, мы чувствовали: вот оно, лето. Оно уже здесь. Мы ждали его, чтобы вдохнуть полной грудью этот тёплый, медовый, солнечный воздух, который бывает только в детстве и только летом. Наслаждался летом и деревенский мальчик Ник. По его царапинам на коленках и мягким чертам лица можно было понять, что ему около десяти. Время, когда деревья кажутся выше, а летние каникулы бесконечными. Он сидел на старой скамье под молодой яблоней, прижав к колену кору дерева. Он мастерски водил по ней ножом словно по мягкому пластилину. Щепки падали в траву, прилипали к штанам. Бесформенная фигурка была бу-

Запрещено для коммерческого использования

дущей птичкой, пока что не умеющий летать. Пока Ник сосредоточенно вырезал из дерева, к нему неслышно подошла бабушка. Она была из тех женщин, что всегда держались прямо — строгая в словах, но тёплая в поступках. Она осторожно поставила рядом плетёную корзинку.

— Ник… — сказала она тихо, почти шёпотом, — к нам в деревню приехали на лето новые люди, из города, попросили передать немного гостинцев в знак вежливости. — Говорят, у них есть мальчик примерно твоего возраста, может, подружитесь.

Она слабо улыбнулась, задержалась на мгновение, будто хотела сказать ещё что-то, но передумала — и пошла обратно в прохладный дом. Ник молча кивнул. Закончил вырезать изгиб крыла у деревянной птички, подул на стружку, поднялся, взял корзинку и неспешно зашагал по пыльной дорожке к дому, где теперь жили незнакомцы.

* * *

Подходя к маленькой калитке, Ник на мгновение замер. Потом, набравшись решимости, толкнул створку и вошёл во двор. Этот дом с широкой крышей пустовал с конца прошлого лета — раньше здесь жили дачники. Вспомнив об этом, Ник постучал в дверь. Дверь открыл мужчина среднего роста — в прямоугольных очках и с тонкими, аккуратными усами. Он выглядел серьёзным, но не суровым. Поздоровавшись, Ник протянул корзинку с гостинцами, про себя повторяя бабушкины слова. Но почти сразу его внимание отвлёк силуэт, мелькнувший в глубине дома. В комнате бесшумно ходил мальчик. Он двигался так легко, будто едва касался пола — словно боялся потревожить воздух. У него были светлые, кудрявые волосы и удивительно бледная кожа — такая, что казалось, выйди он на солнце, и тут же растает. Ник, невольно следил за ним взглядом, зачарованный. Этот мальчик казался каким-то… как с другой планеты. Словно ангел, случайно попавший в пыльную, гудящую деревню. Он не сразу понял, что мужчина всё это время что-то говорил. Очнулся лишь тогда, когда услышал имя.

— Элай немного застенчив, но добрый парень, думаю, вы с ним подружитесь, — сказал мужчина.

* * *

На следующее утро Ник сонный и с растрёпанными волосами вышел на крыльцо. Чуть поодаль стоял отец Элая — всё такой же спокойный, в очках. Он мягко улыбнулся.

— Ник, не мог бы ты показать нашему мальчику деревню? Он с самого утра выглядывает в окно. Кажется, ему здесь интересно.

— Ну… можно, — пожал плечами Ник, поёживаясь от раннего солнца.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

Элай стоял у калитки, аккуратно держа в руках тонкую тетрадку. Она была немного потрёпанной по краям, а на обложке виднелись выцветшие звёзды. Он не сказал ни слова — только кивнул и мягко улыбнулся. Ник ответил тем же, чуть смущённо.

— Пойдём, покажу тебе речку, там здорово, — сказал он, не особо надеясь на разговор. Элай снова кивнул и бережно спрятал тетрадку в сумку.

Они шли по неровным деревенским тропинкам мимо покосившихся заборов, лаящих собак, играющих в поле детей. Ник говорил без умолку: то про таинственного садовника, который будто бы умел разговаривать с яблонями, то про давнюю детскую байку о речном духе. А Элай всё так же молчал, но слушал внимательно и широко улыбался, будто впитывал каждое слово. Вскоре они подошли к старому саду, знаменитому на всю округу. На пригорке, в тени раскидистой акации, стояла беседка. Краска на её стенках облупилась, но цветы вокруг были яркими, живыми. Здесь царила тишина: даже птицы прятались от полуденного зноя. Они присели на лавку. Ник хотел было заговорить, рассказать про сад и его тайны, но Элай аккуратно достал тетрадку, перелистал пару страниц и, почти не задумываясь, написал: «Я не умею говорить. Но я слышу. Надеюсь, ты не против общения?» Ник удивлённо уставился на надпись. Почерк был удивительно ровным, будто взрослым. Он моргнул, немного смутился и съёжился.

— А я думал, ты просто не хочешь со мной разговаривать, — честно признался он, но тут же добавил: — Я не против. Элай снова улыбнулся — тепло, по-доброму. И в этот момент Ник вдруг понял: кажется, они уже немного друзья.

* * *

Два мальчика просидели в беседке почти до самого вечера. Вокруг шелестели листья, где-то вдалеке щёлкал кузнечик, а в воздухе всё ещё стоял тёплый запах дня, будто само лето притихло рядом, боясь спугнуть тишину. Элай писал. Он выводил аккуратные строчки в своей тетради, иногда рисовал — бабочек, листья, силуэты людей. Ник читал, затаив дыхание, не сдвинувшись с места. Так он узнал, что Элай с рождения не умел говорить. Он общался с помощью особого языка — языка жестов, где каждое движение пальцев, выражение лица, наклон головы были словами. Ник впервые услышал само это словосочетание — «язык жестов». Звучало странно и немного волшебно. А ещё Элай рисовал. Не просто рисовал, рисовал искусно, тонко, с вниманием к каждой линии. Также Ник узнал, что его отец — лепидоптеролог.

Запрещено для коммерческого использования

— Кто? — удивился Ник, моргнув. Элай, слегка улыбнувшись, медленно написал: «Он изучает бабочек. Коллекционирует редких. Настоящий учёный».

Ник вообразил разноцветных бабочек, порхающих над старыми книгами и стеклянными коробками, и его лицо расплылось в мечтательной улыбке. С приездом Элая, казалось, всё в деревне стало другим. Лето развернулось в другую сторону — глубже, тише, ближе к сердцу. С каждым днём Ник и Элай проводили вместе всё больше времени. Они сидели в беседке или бродили по заросшим тропинкам, прятались от солнца в тени кустов, обменивались тетрадкой или просто молчали, но молчали как-то по-доброму, будто молчание само стало языком. Ник рассказывал деревенские истории: про заколдованный колодец, про девочку, которая умела разговаривать с ветром. Элай то тихо хихикал, то записывал в тетрадь свои городские байки, смешные и странные. Однажды, когда солнце клонилось к закату, а воздух наполнился сладковатым запахом мокрой травы, Ник повернулся к нему и сказал, прищурившись:

— Слушай… я тут видел, как ты пальцами что-то показывал маме. Вы ведь так разговариваете, да? Он на миг замялся, почесал нос и добавил уже тише: — Я… тоже хочу научиться. Правда.

Элай будто бы немного растерялся. Он не привык к таким просьбам. Обычно, если кто и замечал его жесты, то только чтобы переспросить с удивлением или тихонько посмеяться. Но сейчас было иначе. Ник не смеялся. Он смотрел с интересом — живым, искренним, добрым. Улыбка расплылась по лицу Элая — настоящая, до ушей. Даже глаза его, казалось, смеялись.

* * *

С тех пор у них начались настоящие «уроки». Элай терпеливо повторял жест за жестом, а Ник с усердием старался не отставать — морщил лоб, путал движения, забывался, но каждый раз добивался своего. Иногда они хохотали так, что птицы в акации вздрагивали и перелетали выше, — особенно, когда у Ника получался какой-нибудь особенно нелепый жест. А иногда просто сидели рядышком в тишине и разучивали слова, ловя каждый знак, как хрупкую бабочку на ладони. Прошло всего несколько недель, а Ник уже уверенно проводил кулаком от груди к подбородку, говоря без слов: «искренне» — спасибо. Скручивал указательные пальцы в тонкие крючки, крепко соединяя их — это значило «дружба». Эти жесты становились привычными, почти родными, будто всегда были частью него. Иногда Элай показывал новые знаки, объясняя их движениями и короткими записями в своей тетради. Иногда они придумывали собственные. Например, быстрый щелчок пальцами по

Запрещено для коммерческого использования

воздуху означал: «встретимся завтра», а ладонь, приложенная к сердцу, — «не забывай». Порой Ник ловил себя на мысли, что уже не замечает, как разговаривает жестами, — будто они с Элаем всегда понимали друг друга именно так, без слов. Будто мир сам научился говорить с ними на новом языке — тише, мягче, но как-то глубже и честнее.

* * *

А лето тем временем незаметно сдвинулось к закату. Дни становились короче, по утрам в воздухе чувствовалась свежесть — не осенняя, а та, что говорит: «готовься прощаться». Нику не хотелось думать о том, что Элай совсем скоро уедет. Казалось, их беззаботные дни должны длиться вечно, как бесконечный полдень, полный света и смеха. Оставшиеся дни они проводили с особенным трепетом. Бродили босиком вдоль реки, чувствуя прохладную гальку под ногами, собирали крупные камни и раскрашивали их в причудливые узоры. Играли с другими ребятами в шумные командные игры — смех взлетал над полем, как птицы, пугая воробьёв и радуя солнце. Ник вырезал всё новые деревянные фигурки, придавая им характер и настроение. А Элай за лето почти исписал всю свою тетрадку, превратив её в дневник маленькой жизни, полной рисунков, заметок и жестов. Страницы шуршали, как листья в саду, а на каждой — отпечаток чего-то важного и очень личного. Но август, как ускользающая тень, подбирался всё ближе. Цифры на градуснике становились всё ниже, ветер — строже, и даже в самой яркой траве слышалось прощание. Лето уходило.

* * *

Лучи солнца только-только коснулись окон, когда Ник, наскоро натянув рубашку и босиком выбежав во двор, услышал от бабушки:

— Элай с семьёй уже собираются уезжать.

Сердце сжалось. Слишком рано. Слишком внезапно. Он бежал, не чувствуя гальки под ногами, к дому с большой крышей и маленькой калиткой. Во дворе уже стояли чемоданы, приоткрытый багажник, родители Элая торопливо переговаривались, укладывая вещи. А сам Элай стоял чуть в стороне, держа свою тетрадку и медленно перелистывая страницы — те самые, что хранили их лето. Увидев Ника, он поднял глаза. Взгляд был робкий, как утренний туман над рекой. Грусть в нём — прозрачная, едва уловимая. Они стояли друг напротив друга, будто мир вокруг на миг замер в этой почти пустой, но важной минуте. Первым жест показал Ник — их собственный: два крепко-крепко сцепленных пальца. Элай улыбнулся и повторил. Затем, достав из кармана кусочек бумаги, быстро написал: «Буду писать. Обещаю. Мы ещё увидимся».

Запрещено для коммерческого использования

Ник кивнул. Слов хотелось много сказать — про игры, про смех, про раскрашенные камни. Но вместо этого он просто прижал ладонь к груди, говоря без слов: «Не забывай». Машина вскоре уехала, оставив за собой столб пыли. А Ник стоял, сжимая клочок бумаги и ту самую тоненькую тетрадь в руке. Он всё ещё ощущал рядом невидимое присутствие: широкую улыбку, радужные глаза, белую как снег кожу и молчаливые, но всегда говорящие губы. Ник знал, что Элай ещё вернётся, а он будет его терпеливо ждать.

Эпилог

Дружба Элая и Ника осталась самой крепкой, живой и настоящей. Язык жестов только усилил эту связь — ведь не всё, что важно, можно сказать словами.

Иногда говорят жесты.

Иногда — глаза.

Иногда — сердце.

А иногда — сама душа.

И пусть страницы лета однажды перелестнутся, оно всё равно останется — в словах без звука, в смехе без причин, в тех утренних жестах, что не забываются...

Мухамедова Амина, 17 лет
Таджикистан, Согдийская область, г. Худжанд

УДИВИТЕЛЬНАЯ И НЕМНОГО ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ О НЕЧТО

Прекрасное, волшебное, чудодейственное лето. В такое время года почему-то не хочется думать о работе. Да и если хочется, то всё равно не получится. Летними вечерами я люблю мечтать. Жара спадает, появляется приятный, едва уловимый аромат зелени. И не только зелени... Впрочем, это очень увлекательная история.

Мне тогда было шесть лет. Я был совершенно взрослым и самостоятельным мужчиной. Шесть лет — это возраст, когда уже не хочется сидеть дома. В городе много друзей и с ними можно затеять игру, которая продлится с утра до позднего вечера. В момент, когда маменька вот-вот затащит меня в дом и поставит в угол, я сломя голову бежал домой, запирался в своей комнате и притворялся спящим. А утром как ни в чём не бывало бежал снова играть с ребятами.

Запрещено для коммерческого использования

За городом такой номер не пройдёт. В местечке, где мы жили, не было почти ни одного нормального компаньона для игры. Были старики, играющие в домино и читающие газеты, были взрослые, занимающиеся домашними делами, и были девчонки, хихикающие в прохладных домиках. Всё. Остальное население было представителями животных, насекомых, птиц и в отдельный класс я выделял мух. Уж очень любил их. Интересные они существа: летают сами по себе, жужжат, загадочные такие…

Не-е-ет, мухи, хоть и имеют долю тайны, но они отнюдь не имеют загадки. Эверестом загадочности для меня было ОНО.

НЕЧТО.

Это нечто росло в соседском огороде. Оно существенно отличалось от увиденных мною ранее растений. Оно было похоже на круглую тарелку с бахромой по краям. Если посмотреть под определённым углом, оно напоминало звезду. Нечто всегда улыбалось, в отличие от вечно недовольных огурцов и помидоров. Сверху от него отходит хвостик, похожий то ли на усик, то ли на шланг. Видимо по этому длинному отростку он и питался.

Его обладательница — старуха ужасной внешности. Ястребиные глаза поражали каждого, кто осмеливался дышать воздухом с её огорода. Она подобно страшному мифическому существу охраняла свой огород от посторонних. Жители деревни её недолюбливали, обходили стороной. Сухая, костлявая и сморщенная она внушала страх взрослым и детям. Такую вряд ли кто мог бы полюбить.

Нечто было её излюбленным объектом внимания. Я ощущал ту самую сильную неразрывную связь между старухой и предметом её внимания. Кажется, оно её тоже любило. Каждый день эти двое проводили по несколько часов вместе. Их досуг я тоже находил немного странным. Старуха ласкала его, поливала, приносила всевозможные удобрения, укрывала на ночь и постоянно что-то над ним пела.

Если нечто растёт на грядке, значит, оно овощ. Естественно, не простой, а космический. Съев его, мы бы стали такими же, как и пришельцы, и могли летать в космос.

А может быть это и есть космический корабль, а старуха — это его хранительница. Может, тогда, когда я был в городе, инопланетяне, совершая путешествие вокруг земли, потерпели крушение и теперь вынуждены заряжать корабль, подключив его к недрам земли. А сами они поджидают удобного случая…

А может быть ещё…

Версий было много. С первой нашей встречи с Нечто, я полюбил его всем сердцем. Подавив все страхи, я ходил на огород к ней — старой

Запрещено для коммерческого использования

страшной ведьме. Сначала я наблюдал за Нечто издалека, потом пристраивал к стенке забора лестницу и наблюдал таким образом, а потом и вовсе решился тайком прокрадываться в огород.

Естественно, моих похождений родители не заметить не могли. В один из летних вечеров маменька устроила мне допрос. Пришлось раскрыть ей тайну вселенского масштаба. Мои речи слышал и отец. Выслушав догадки, он отложил газету и расхохотался грубым басом.

— Ловко эта старушонка привлекла к себе внимание, — сквозь смех проговорил он. — Выходит, ты теперь каждый день пропадаешь у неё в огороде, наблюдая за патиссоном?

Я потупил глаза. Странно звучало это слово. ПА-ТИС-СОН. Родители знали, что из себя представляет Нечто! Меня охватила новая волна любопытства. Мои вопросы посыпались градом.

— Вы знаете про патиссон? Что это? Маменька, расскажите. Папенька, пожалуйста. Что такое патиссон? Он из космоса?

Родители отвечали на каждый мой вопрос. Так мы просидели почти до глубокой ночи. Оказалось, что патиссон — это обыкновенный овощ. Так сказала маменька. А папенька добавил: «Очень полезный овощ». Думаете я им поверил?

Моё любопытство не успокаивалось. Мне внезапно захотелось ощутить вкус патиссона на языке. И тогда для родителей наступило тяжёлое время. Каждое утро у нас в семье начиналось с моих вопросов. Заканчивалось в точности так же. Перерывы были только в жаркий солнечный полдень, когда старуха ложилась на послеобеденный сон, а я мог полюбоваться патиссоном. А потом снова поток вопросов.

Так прошли две недели. Я никак не унимался. Другие дети часто быстро теряют интерес к недосягаемому. Эта сказка не про меня. В детстве я был хуже всех ребят вместе взятых. Если мне что-то было нужно, я долго, очень долго питал к этому интерес, стремился познать тот самый объект внимания. Тем летом объектом стал патиссон — необычный, волшебный, космический овощ, который я просто обязан попробовать.

За несколько дней до отъезда, родители устроили прощальный ужин с ближайшими соседями. Это было мероприятие в «узком кругу», на которое была приглашена даже старуха. Пригласить её поручили мне, как самому важному и ответственному мужчине, которому скоро предстояло войти во взрослую жизнь и пойти в школу.

В роковой день я робко постучал в дверь старухи. Послышались торопливые шаги, спотыкания, хрип. Затем дверь открылась. Старуха тяжело дышала, но пыталась сделать непринуждённый вид. Она тщательно прятала от меня своё лицо, постоянно оборачиваясь назад или прикрывая дверь. Видимо, пыталась скрыть удивление.

Запрещено для коммерческого использования

— Тебе чего? — сухо спросила она и шмыгнула носом.

— Маменька и папенька приглашают вас на ужин, — протараторил я и протянул ей букетик полевых цветов, которые родители просили обязательно ей вручить.

Лицо старухи переменилось. На глаза выступили слёзы. Она быстро смахнула их рукой и спрятала лицо за дверью. Я воспользовался этой секундой и бросил воодушевлённый взгляд на свой излюбленный инопланетный овощ. Старуха кашлянула. Я задрожал от страха.

— Тебе нравится мой патиссон? — внезапно спросила она.

Я отпрянул. Лицо моментально побледнело. Затряслись руки. Мне захотелось бежать, бежать как можно дальше, не оглядываясь, но увидев патиссон, лежащий в паре метров от меня, я не двинулся с места. Кажется, даже Нечто смотрело на меня как-то странно.

Старуха попросила подождать меня за калиткой. То, что произошло в следующие пять минут, отпечаталось в моей памяти на всю жизнь. В тот момент она показалась мне вовсе не чудовищем, а той самой волшебницей из детских сказок, которая исполняет желания хороших ребят. Она взъерошила мне волосы, а потом… потом… вложила в руки патиссон.

Долго я смотрел в её выцветшие серые глаза. Сердце колотилось. О, неужели детское любопытство наконец будет утолено…

Последующие семь дней я не помнил себя от счастья, даже про городских ребят забыл. Я носил этот патиссон везде, спал с ним, купал, рассказывал ему сказки. Вечерами, мне казалось, что он отвечает мне той же любовью и поёт свои космические песни. Мне безумно хотелось попробовать патиссон, но за эти несколько дней я так к нему привязался, что не в силах был попросить маменьку его приготовить. Меня съедали эти два противоречивых чувства: любовь и голод. Тогда я не понимал, как может хозяин скота, так долго ухаживать за животными, зная, что они всё равно будут съедены. Это была важнейшая дилемма моего существования.

Одним прекрасным воскресным утром я проснулся очень рано. Папенька, как и всегда, читал газету и пил чай, маменька готовила завтрак. В сковородке что-то шипело и ароматно пахло. Моя маменька — мастерица на все руки. Она готовила так, что против её блюд не мог устоять даже я.

Через пару минут она поставила на стол те самые ароматные произведения искусства, которые так усердно готовила. Я набросился на них. Ел, ел, ел… В конце концов, тарелка опустела раньше, чем успел вскипеть чайник. Я был в восторге от вкуса. Маменька улыбнулась.

— Я приготовила это из твоего патиссона. Смотрю, а он начинает портиться. Вот, думаю, нужно порадовать сыночка. Ты же так хотел его попробовать. Постоянно спрашивал какой он на вкус. Ну что, понравилось?

— Да, очень, — ответил я со слезами на глазах…

Запрещено для коммерческого использования

Колесников Иван, 15 лет
Кипр, г. Лимасол

РАДИОЛЮБИТЕЛЬ

— Земля, говорит Луна, майор Колесников. Как слышно? Приём.

Я обошёл луноход со всех сторон, пытаясь найти отсек с собранным материалом для исследования. Надо было загрузить его в коробки и отнести на корабль: через час вылет и возвращение домой.

Но час — это там, на Земле. А здесь, в этой серой пустыне, время тянется, как патока. Так что для меня вылет только завтра.

— Повторяю, Земля, ответьте. Как слышно? Приём.

Рация лишь прошипела в ответ. Я мысленно махнул рукой и продолжил осматривать луноход. Двигаться в скафандре было неудобно и тяжело, несмотря на невесомость, и после долгого дня беспрерывной работы каждый шаг давался с огромным трудом. Наконец, я нашёл кнопку открытия отсека и достал драгоценные пробирки с камешками и кристаллами.

— Так… как бы вас не разбить ещё…

Аккуратно, стараясь не отрываться от поверхности, я зашагал обратно к посадочному модулю. Когда я был в паре шагов от лестницы, рация вновь зашипела, и в наушниках раздался голос.

— А оно тебе надо?

Голос был гораздо чище и отчётливее, чем у радиста с Земли. Помехи полностью исчезли. Казалось, что передатчик находится буквально в моём шлеме. «Ну, — подумал я, — может, спутник новый запустили, решили на мне испытать».

— Земля, не понимаю вас. Объясните. Приём.

— Они тебе не ответят.

Я думаю, всем известно то неприятное чувство, когда можно физически ощущать на себе чужой взгляд. Будто кто-то стоит рядом и пронзает тебя своим взором. Даже через скафандр я чувствовал, как на меня кто-то глядит.

— Это кто?

— Посмотри вокруг.

Я бережно поставил поднос с пробирками на нижнюю ступень лестницы и огляделся. Вокруг не было ничего, кроме сплошной серой каменистой пустоши и… какой-то фигуры, стоявшей неподалёку от модуля и устремившей взгляд в сторону Земли.

— Ты кто? Американец?

— Я что, по-твоему, на астронавта похож?

Запрещено для коммерческого использования

— Я не вижу, если честно.

— Так подойди, посмотри.

Осторожным шагом я подошёл к таинственному незнакомцу, и действительно: никакой это был не астронавт. На нём не было ни одного опознавательного знака. Да на нём даже скафандра никакого не было. Он был похож на человека: два глаза, два уха, седые волосы. Руки-ноги на месте. Но как? Вместо защитного костюма на нём красовался бирюзовый свитер в фиолетовый ромбик, и всем своим видом он больше походил на английского пенсионера, увлекающегося гольфом и кроссвордами, чем на астронавта.

— Знаешь фильм «Берегись автомобиля»?

— Знаю…

— Там в начале закадровый голос говорит: «Приятно смотреть картину, заранее зная, чем она кончится». Я скажу тебе так, брехня всё это.

— Я… не очень понял. Вы это о чём?

— Посмотри! — Незнакомец указал рукой в сторону Земли.

— Вон там вот Ближний Восток. Там уже почти сто лет идёт война. А за что?

— Ну, там ведь всё из-за британцев и их недальновидной политики вроде началось…

— Началось-то началось. А продолжается зачем?

— Ради земли, стало быть.

— А как может быть война ради Земли, если вы эту самую Землю и разрушаете?

— Позвольте… а «мы» — это кто?

— Ну вы, люди, кто же ещё? Не я же готов ради куска золота, бочки нефти да громких лозунгов стрелять по собственным братьям. Не я же постоянно придумываю всё новые и новые способы эффективней убивать.

— Так там же вроде всё сейчас решить стараются…

Из рации послышался громкий, разочарованный вздох.

— Кто старается? Политики? Или журналюги-стервятники? Им только лапши бы вам на уши повесить, да побольше. А по-настоящему решить, измениться самому, а не диктовать другим, что они делают не так, — вот с этим уже извините. И при всём этом вы лезете в космос, даже не научившись жить на собственной планете, как разумные существа!

Даже в невесомости стоять стало как-то тяжелее. Я вздохнул и присел на каменистый грунт, стараясь не повредить скафандр.

— А знаете? Вы правы. Мы так яростно погнались за прогрессом, что забыли про самих себя. Про душу-то человеческую.

— Вот-вот.

Запрещено для коммерческого использования

— И как бы не страшно было это осознавать, мы со стабильным ускорением катимся к чертям. И некому это остановить. Потому что всем наплевать. Какая разница, что будет с нашими детьми? А с их детьми? Не нам же пожинать плоды собственного идиотизма. А когда последствия станут заметными, это уже будет не наша проблема. Не жизнь, а рай!

Незнакомец присел на осколок камня подле меня.

— Это точно. Жалко, что только ты один это понимаешь.

Он помолчал с пару секунд, а затем добавил:

— Поэтому и неприятно смотреть картину, заранее зная, чем всё закончится.

Я посмотрел на Землю, пытаясь разыскать на ней среди белых пятен облаков и вихрей родной Донецк.

— А чем она закончится?

Ответа не последовало. Впрочем, я догадался и сам. Из наушников раздался прерывистый, до боли знакомый голос радиста.

— Луна, это Земля. Слышим вас хорошо. Колесников, с кем вы там разговариваете? Приём.

Я посмотрел вокруг. Ни души. Только луноход грустно стоит посреди пустыни и мой «пепелац» в паре десятков метров от него.

— Да ни с кем, какой-то радиолюбитель, видать, нашу частоту перехватил. Возвращаюсь к модулю и готовлю аппарат к отправке домой. Отбой.

Сергеев Кирилл, 17 лет
Молдова, г. Рыбница

ОСНОВАНО НА ВОСПОМИНАНИЯХ УЗНИКОВ ГЕТТО ГОРОДА РЫБНИЦА

История никогда не уходит в небытие. Она напоминает о себе в архивных документах, фотографиях. Она прорывается к нам, в настоящее, благодаря художественным фильмам о событиях минувших лет. Она раскрывает нам свои тайны в письмах, которые бережно хранятся в музеях. У меня в руках небольшая стопка таких писем. Их авторы — узники гетто города Рыбница, города, который стал для меня родным и с которым связаны трагические события Великой Отечественной войны.

Читаю первое письмо и словно слышу голоса из прошлого.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

«Раньше мне доводилось слышать новости о грядущей войне за рубежом. Я со страхом наблюдал за происходящим, но до последнего не верил, что война придёт на наши земли.

После ухода советских частей из Рыбницкого укреплённого района в город хлынули фашистские войска. В виде поощрения немецкие фашисты отдали наш город на растерзание румынским захватчикам, которые тут же начали грабить, насиловать, убивать. Сотнями расстреливали на берегу реки женщин, детей, стариков. Жители приднестровских сёл видели, как по волнам Днестра плыли трупы мирных граждан… И убивали их только за то, что они по национальности евреи. На улицах, в переулках Рыбницы тоже валялись трупы. Запах разложения носился в воздухе.

В том, видимо, была моя вина… Я был рождён человеком, который не вписывается в расовую теорию Гитлера и должен быть уничтожен. По приказу немецкого коменданта полевой комендатуры мне пришлось покинуть свой дом и поселиться в еврейском гетто. Сегодня мой первый день, проведённый в заключении».

Страшная реальность, увиденная глазами еврея, не просто пугает. Как можно на человеке ставить клеймо «Юде»! Разве есть право у сильного лишать жизни слабого? Жуткие картины будоражат кровь, и ты понимаешь, что порой бессилен перед бесчинствами одержимых нелюдей.

Глаза бегут по строчкам нового письма. И снова потрясение. И надежда, что даже в нечеловеческих условиях можно оставаться людьми.

* * *

«Гетто охраняется жандармами, которые устраивают облавы для отбора то стариков, то подростков. Расстреливают целыми семьями…

В гетто за выход в город — расстрел, за появление на рынке — расстрел. Десятки ослушавшихся уже убиты. Каждое утро полиция и жандармы выгоняют всех на работу: засыпать подвалы разрушенных оккупантами еврейских домов, на погрузку извести, на чистку туалетов. А плата одна: побои плетьми, прикладами…

Много жизни уносит тиф. Спасения от него нет — в одной комнате ютятся по две-три семьи. Большую помощь находящимся в лагере оказывают врачи Науменко и Григорян. Подвергаясь большой опасности, они доставляют лекарства, спасают больных, поддерживают павших духом».

Подвиг врачей неоспорим. Врач вообще по своему призванию — защитник.

Защитник жизни, веры, надежды. Врачи, помогавшие евреям, вы-

Запрещено для коммерческого использования

зывают особое уважение, потому что на весах жизни других людей и собственной смерти для них важнее чужая жизнь.

Читаешь новое письмо и словно видишь, как по деталям складывается картина дороги на Голгофу. Старики и дети, мужчины и женщины — все идут дорогой смерти. И их терпение, граничащее с мужеством, — немой упрёк каждому, кто глумился над бесправным и униженным евреем.

* * *

«Ежедневно через город гонят большие этапы евреев из Бессарабии, Буковины, Румынии. Для «профилактики» их загоняют во двор лесобазы по улице Вальченко. Доступ в лагерь «гетто» воспрещён. Люди, изнурённые длинной дорогой, голодом и жаждой, располагаются просто на земле среди отходов. Ни стоны стариков, ни мольба женщин, ни плач детей не трогают звериные сердца румынских жандармов.

Каждый из этаповцев готов отдать свою котомку за глоток воды, краюшку хлеба для своих детей.

Ежедневно со двора лесобазы выносят десятки трупов: люди умирают от голода, тифа. Оставшихся в живых гонят дальше.

Жители сёл, через которые проходят этапы обречённых, бросают в колонны куски хлеба, бутылки с водой. Румыны разгоняют собравшихся у дороги ударами прикладов, а те, кому доставались брошенные передачи, нередко падают, сражённые пулей. По пути жандармы издеваются над девушками, в упор расстреливают плачущих детей, юношей. Путь этот сплошь усеян трупами безвинных людей.

Свинофермы в селе Борщи находятся за пределами села. Они и стали местом размещения многих этапов. Согнанных не пускают за пределы ферм. Попытки местных жителей передать заключённым еду, воды жестоко пресекались. Более того, жандармы забирали у этаповцев последнее содержимое их котомок.

Свинарники настолько переполнены евреями, что там тесно стоять, приходится дышать смрадным воздухом. Отхожих мест нет. Палачи отбирают одежду у мужчин, и те остаются совершенно голыми. То в одном, то в другом месте слышатся душераздирающие крики женщин и детей, частые выстрелы… Как легко румынским фашистам воевать с безоружными людьми!

Дикое надругательство, голод, насилие приводят к тому, что люди умирают десятками. Трупы сваливают в окопы, едва прикрывая землёй. В то же время этапы через Рыбницу шли, кажется, бесконечно…»

Смерти, смерти, смерти! Они, словно вороны с картины Верещагина «Апофеоз войны», кружат над моим городом. И страшно осознавать, что какие-то 84 года назад мир был подобен открывшемуся аду.

Запрещено для коммерческого использования

* * *

«Зима 1943 года. Оккупационные румынские власти приказали евреям загрузить углём вагоны, идущие на Бухарест. Для этого румыны отобрали в гетто человек 100—150, в том числе женщин, стариков и даже детей. Когда я узнал, что мне придётся иметь дело с вагонами, то очень встревожился, так как часто «походы» на станцию под конвоем оканчивались для несчастливцев высылкой, как говорили, насмехаясь, румынские палачи, «в этап», но мы-то все в гетто понимали: наших сестёр и братьев больше не увидим, их ждёт смерть.

У всех оставшихся в гетто глаза были полны слёз, но что было делать? Мы, чьи фамилии были названы, построились в колонну — худые, оборванные, измождённые от голода и болезней — и, подчиняясь приказу, пошли. Командовал «парадом» палач гетто румын Бушерницану. Он никогда не расставался с нагайкой, которая, когда палач находился на территории гетто, не знала отдыха, свистела то тут, то там, оставляя кровавые полосы на лицах, руках и спинах «провинившихся», а по сути, ни в чём не повинных людей. Нас били только за то, что мы евреи и что мы, несмотря на старания палачей, ещё живы. На этот раз Бушерницану шёл позади колонны и подгонял своей нагайкой отстающих. На одноконной повозке ехал Титиевский, в обязанности которого входило убирать и вывозить за пределы гетто трупы умерших. На этот раз повозка была пуста. От Титиевского мы узнали, что нас ведут к сахзаводу.

Пятикилометровый путь до завода показался мне вечностью, ведь двигались мы медленно. Те, кто мог держаться на ногах, помогали совсем слабым. Наконец, добрались до завода, увидели на рельсах порожняк — десять высоких вагонов грузоподъемностью 20 тонн. Встретил нас заведующий угольным складом (фамилии не помню). Он показал нам «объект работы» — уголь лежал метрах в пятидесяти от пути. Ни носилок, ни лопат у румына, «заведовавшего складом», не оказалось. В ответ на наше недоумение он с ехидцей сказал примерно следующее: «Вы, евреи, хитрый народ, вот и схитрите, погрузите вагоны без лопат и носилок!»

После таких издевательских, унижающих человеческое достоинство слов многие в колонне заплакали от горечи, обиды и возмущения, открыто проклинали мучителей. Сапожник Иосиф Липсман попробовал воззвать к совести заведующего, убеждал, что без инструмента погрузка невозможна, на что оккупант заявил, что это его не интересует. А надсмотрщик Бушерницану пригрозил: «Если не загрузите вагоны, всех вас утопим в Днестре», — и, размахнувшись, ударил Иосифа нагайкой. Мы начали кричать и открыто наступать на палачей. Бушерницану испугался, приказал Янкелю Титиевскому ехать в еврейскую примарию за

Запрещено для коммерческого использования

жандармами: «Скажи, что евреи восстали и не желают работать, пусть шлют подмогу…»

Успокоили нас две женщины – Пася Тарнопольская и Бетя Спивак. «Дети, братья! Мы уже в могиле. Бог нам поможет. Беритесь за работу», – сказала одна из них, а вторая поддержала. И мы начали работать. Уголь переносили в найденных кусках мешковины, в платках, подолах, а те, кто совсем ослаб, выбирали куски угля покрупнее и носили в посиневших от холода ладонях. Работали до темноты. За день нам не дали ни кусочка хлеба. Когда совсем стемнело, стали собираться «домой».

Каждый взял с собой по несколько кусков угля в надежде обогреть помещения, в которых стояла минусовая температура и замерзала вода. Но когда мы, окружённые жандармами, вышли за пределы завода, Бушерницану, угрожая нагайкой, приказал весь взятый уголь свалить к себе в повозку. Приказание палача заставило колонну встрепенуться. Первым на румына с кулаками кинулся Мика Мурахвер, за ними остальные мужчины и женщины. Началась драка. Но мы были слишком слабы, чтобы устоять перед жандармами. Мика и многие другие участники драки, воспользовавшись темнотой, бежали.

Всю ночь жандармы искали зачинщиков и участников драки. Крепко побитый румынский палач Бушерницану стал лютовать пуще прежнего… Нам оставалось только ждать прихода Красной Армии».

«И мёртвые восстанут!» – так хочется сказать после прочтения этого письма. Евреи, сопротивляющиеся палачам, – урок нам, не знающим унижений. Урок силы духа и верности своим законам. Урок человечности. Урок памяти.

Шелестят страницы писем. Люди из прошлого словно материализуются, оживают в строчках пожелтевших страниц. И вот новая картинка. Не менее жуткая.

* * *

«Расстрелы в гетто продолжаются. Многих убили у насыпи железной дороги, там же присыпали землёй. Лагерников заставляют копать себе могилы, а расстрелянных засыпают землёй ждущие своей участи. Причём земля ровная – никакого следа…

Румынам невмоготу держать у себя свидетелей их преступлений. В 1943 году в один из пасмурных дней всю лагерную молодёжь согнали на площади. Отобранные сто молодых людей, все с левобережья, были под сильной охраной отправлены на железнодорожный вокзал, погружены в вагоны-теплушки для скота и без воды и пищи отправлены в концлагерь».

Поражает, насколько жестокими могут быть люди, воспринимающие евреев как скот. Разве нет у румын сердца? Разве не страшно им пред-

Запрещено для коммерческого использования

стать перед Божьим судом? Кто замолит их грехи? Вопросы отсветами молний прошлого не дают нашей совести покоя.

* * *

«А фронт приближается. Рыбницу наводнили отступающие фашистские полчища. Днём и ночью в гетто можно услышать отчаянные крики: то в одном, то в другом доме, расстреляв мужчин, издевались над женщинами, истязали юношей. Карательный отряд расстреливает в гетто всех, кого застаёт в помещениях или на улице».

Палачи обезумели. В одержимости зверя они тянут за собой в могилу новые и новые жертвы. Но существует высшая справедливость. Есть правда. Есть сила памяти. И в этой памяти евреи для нас обретают статус мучеников, а румынские фашисты – клеймо Иуды. И это им обвинение – факты о массовых расстрелах евреев в Дубоссарах, где у заранее вырытых ям было уничтожено более десяти тысяч евреев, согнанных из близлежащих сёл.

* * *

«Сегодня, 30 марта 1944 года, Рыбница была освобождена! Многие узники фашистского лагеря гетто ушли на фронт, чтобы отомстить фашистам за насилие, убийства, издевательства».

Насилие, унижение, боль – вот что пришлось испытать евреям гетто. До освобождения дожили немногие. Но они оставили нам память о тяжелейшем времени. Сохранили для нас правду. Выплакали свою боль, выстрадали своё право на то, чтобы быть евреями. Они дали нам бесценный урок: люди, оставайтесь людьми, даже если обстоятельства против вас!

Букас Дарья, 17 лет
Беларусь, Минская область, г. Минск

НА ПАСХУ

Ты Магдалена, умывающая слезами мои ступни
Я отступник
Гвозди, прикованы ладони к кедровому кресту
Я оскверняю твою чистоту
Кровь струится по бёдрам, гулко капает на песок Голгофы
Ты шепчешь поминальные строфы

Запрещено для коммерческого использования

Я не Иисус, не спутай, я не Иуда, много чести
Я тот, кого распяли из мести
Ты топчешь землю, прячешь глаза от солнца под бледной рукой
Вместо тебя должен быть другой
Ты кричишь мне: Гестас, уверуй и будешь спасён, как раб божий, как сын человечий
Горячие слёзы Господа падают мне на плечи
Дорогая К., ты ошиблась, я не тот, что был матерью вскормлен, пусть и рождён
Я Дисмас. Но я не буду спасён

Запрещено для коммерческого использования

ДРАМАТУРГИЯ

14 – 17 лет

Назарова Карина, 17 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург

БЕЗ ДАТЫ, БЕЗ ПОДПИСИ

(Трагикомедия в двух действиях, в сокращении)

Действующие лица:

Александр Тимофеевич – редактор С-кого журнала, влюблён в Ольгу.
Дмитрий Евгеньевич – редактор С-кого журнала, юное дарование.
Ольга Никитична – редактор С-кого журнала, влюблена в Диму.
Степан Александрович – главный редактор.
Илья Кондратенко – мужчина на закате лет, гробовщик-посыльный.
Директор (Смерть).
Мама.

Действие первое

Сцена 1

Маленькая рабочая комната в тёмно-коричневых оттенках.
По всему периметру носятся сотрудники, суетятся. Саша перебирает документы на столе, сортирует их по папкам.
Оля скидывает лишний мусор в ведро.
Дима судорожно двигает стулья к краю сцены.

Дима. Это какой-то адский заход. Так ведь и жить вообще нельзя.

Саша. Так жалуешься на то, что тебя поставили ответственным за уборку?

Дима. Ещё бы! Степан Александрович вообще никогда не скидывал

Запрещено для коммерческого использования

на меня столько обязанностей. Ну, он как бы просто знал, что я свинья безалаберная, поэтому и относился ко мне более-менее снисходительно. А сейчас… о времена, о нравы!

Дима заканчивает расстановку стульев, садится прямо перед зрителями. Кладёт ногу на ногу.

Оля. Если твоя квартира похожа на свинарник – это ещё не значит, что ты свинья. Просто так сложились обстоятельства. Мужская природа, все дела.

Дима. Ого-го-го! Что это? Комплимент от нашей достопочтеннейшей примадонны или вселенское провидение? Ни разу не слышал, чтобы ты так ласково обходилась с моими высказываниями.

Оля. Это, Дима, простая констатация фактов. Ты не свинья. Как минимум потому, что я с животными никогда не уживалась.

Дима. Да что ты! С Сашей же как-то в одной квартире уживаешься.

Оля. Сашенька, вообще-то, не животное.

Дима. Ну да, Сашенька просто парнокопытное. Ко-зе-рог, как ты говоришь.

Оля *(бросив в Диму степлер)*. Вот ты всегда таким был. Нет бы хоть слово приятное сказать женщине, приласкать её чисто по-мужски, а ты только бросаешь свои саркастические фразы, как в дартсе. Нахал! Мы тут не на школьном поле мячик пинаем, а тексты печатные в обороте крутим. Пора бы уже и без ребячества.

Дима. Тоска! Может быть, мне, мужчине, простое внимание было бы дороже женской ласки. А ты всё о нежности, о любви. Видно, что ты из своей беллетристики вылезла. Вас ведь только и учили, что романчики строчить.

Саша. Галёрка, а можно, пожалуйста, потише? До прихода начальства осталось пять минут, а вы тут устраиваете…

Дима. …Октябрьскую революцию. Следующий шаг – установление диктатуры рабочей партии с последующими всесоюзными присоединениями. Будет у нас свой СССР. Как там в своё время говорил Ильич? Пролетарии всех стран, объединяйтесь! Долой буржуазию!

Саша. Не революцию, а цирк. Нам бы приготовиться надо, речь повторить, а мы всё шуточки шутим.

Дима. Ну хоть бы и цирк. Зато какой сплочённый. Прямо как единое коммунистическое государство!

Саша заканчивает сортировку, садится возле Димы.

Саша. С вождём в лице меня.

Дима. А я думал меня.

Саша. У тебя кишка тонка, Митрий. Сгинет с тобой наша страна.

Запрещено для коммерческого использования

Оля задвигает ведро в стол, садится рядом с Сашей и Димой.

Оля. Вы главное перед Степаном Александровичем ничего такого не проронитe, а то у нас у всех будут огромные проблемы.

Дима. А вот и наши окна РОСТА! Как всегда, громко, бойко и понятно.

Оля. Ненавижу.

В комнату входит Степан Александрович.
Подходит к Саше, Диме и Оле со спины.

Дима. Эх ты, распрекрасная деваха! Так горда и так жестока. А я думал, будешь ты жена…

Степан Александрович *(шёпотом)*. Ольга Никитишна? Жена? И чья же?

Дима резко отодвигается на стуле, замечает Степана Александровича.

Дима. Жена-то? Чья? Да это, хе-хе, как бы тут объяснить-то…

Саша разворачивается на стуле, ласково подаёт руку Оле.

Саша. Моя. Мы просто свадьбу незадолго до вашего прихода обсуждали, вот он всё и не угомонится. Церемонию мы ещё не назначали, только планируем, но жених, как говорится, жениха, видит издалека. Даже и без брошенного букета. Теперь одна жена у него на уме, одна жена…

Дима. Саня, баран, ты чего…

Оля. Коза, Дим, ты же сам сказал.

Саша. Как и сам сказал, что Оля скоро будет моя жена.

Степан Александрович. Это всё понятно-с. Жена, жених, муж, свадьба. Новая ячейка общества. Дети. Вообще, да, семья — это дело важное. Даже, наверное, самое важное.

Оля, опираясь на руку Саши, встаёт со стула.
Довольно кивает, указывает рукой на пустое место.

Оля. Я им обоим так и сказала. Семья, мальчики, семья! Семья — и точка. Никакого гаража, никакой рыбалки, никакого футбола — только дети, жена, простота. Не городская романтика, так давно осточертевшая современным Дон Гуанам, а крепкое счастье в кругу близких. *(Пауза.)* А вы чего стоите, Степан Александрович?

Оля, бросив обиженный взгляд на Диму, берёт Степана Александровича
под руку, тянет его к стулу.

Оля. Садитесь. Садитесь-садитесь, голубчик, с меня не станется. Я уж половину рабочего дня так просидела, а вы всё пробегали. Я-то знаю.

Запрещено для коммерческого использования

Степан Александрович отмахивается, подходит к одному из столов и облокачивается на него. Оля следует за Степаном Александровичем, тоже облокачивается на стол.

Степан Александрович. Не надо, Оленька, не надо. Сама посиди — тебе, право, нужнее. *(Пауза.)* Семья — это, может быть, и хорошо-с, но всё-таки, дело. Программа… как там она?

Дима. Программа в полном порядке, Степан Саныч. Составили с опорой на последние тенденции. Там вам, пожалуйста, и новые отечественные соцсети, и собрания кружков-патриотов, и пятисекционный трамвай, что недавно завезли в Екатеринбург, и самая умная в мире нейросеть — всё-всё, словом. Мы даже включили туда квиз по самым популярным региональным статьям. В качестве интерактива.

Степан Александрович. Даже так? Очень хорошо.

Саша. Дмитрий Иванович забыл добавить, что, помимо письменной редактуры журнальной строки, мы также внесли корректировки в наш график выездных съёмок. Бонус на бонус, так сказать. Теперь вместо регулярных выездов с 7:00 до 9:00, как это предполагал регламент, мы будем заниматься сводкой информации, предоставляемой другими радиоцентрами. Займёмся коммерцией. Будем переделывать неугодный материал и публиковать его от своего лица. Чистый, красивый, новый. Заодно сэкономим время на мобилизации журналистских сил.

Оля. И деньги. Бензин в последнее время подорожал.

Степан Александрович. Подорожал так подорожал, да… а с корректировкой — это очень замечательно. Вышло просто замечательно.

Оля. А что насчёт статьи?

Степан Александрович. Какой статьи?

Оля. Ну как какой? Я ещё вчера вам присылала черновики статьи для первой полосы. Вы ответили, что просмотрите их.

Степан Александрович. Ах, черновики…

Оля. Могу перечитать их прямо сейчас. У меня где-то были распечатки.

Оля торопливо принялась разворачивать папки с документами в поиске своих черновиков.

Степан Александрович. Распечатки? Вот эти распечатки? Упаси Господи, чтобы ты ещё эти пятитомники с собой носила. Пущай лежат, не трогай. Как время подойдёт, так и просмотрю твои черновики. Не сбегут.

Оля. Черновики-то, может, и не сбегут, а вот новость…

Степан Александрович. А новость и подавно. Пока вы держите вокруг неё внимание читателей, она не умрёт.

Запрещено для коммерческого использования

Оля *(разочарованно)*. Вам виднее, Степан Александрович.

Степан Александрович. Так-то, голубушка.

Дима. Степан Саныч, мне, конечно, очень неловко спрашивать, тем более после нашего последнего разговора, но что там по будущему курсу?

Степан Александрович. Курсу? Какому курсу?

Дима. Ну, помните, вы упоминали что-то про вышку. Про смотрителей. Про курс на новую ветку журналистики, правительственные запросы. Сотрудничество, коммерция, ля-ля-ля. Новый веток ещё там…

Степан Александрович *(задумчиво)*. Помню.

Дима. И что?

Степан Александрович достаёт из кармана конверт, перебирает его в руках.

Степан Александрович. Чепуха какая-то, вот что.

Оля подходит к Степану Александровичу, пытается заглянуть в конверт.

Оля. Прям чепуха?

Степан Александрович. Чепуха несусветная.

Оля. Чепуха — письмо?

Степан Александрович. Письмо, милая, что ж ещё.

Саша встаёт со стула, присоединяется к Степану Александровичу и Оле.

Саша. Письмо серьёзное? С уведомлением?

Степан Александрович. Вроде с уведомлением, да.

Саша. И в чём нас уведомляют?

Степан Александрович. О новых формах журналистики, хотя я, честно говоря, сам не знаю. *(Пауза.)* Я это письмо получил через посыльного, товарища Кондратенко, вчера, ближе к ночи. Часу в одиннадцатом где-то меня сорвали с позднего ужина, я примчался к дому на первом же такси. И там, знаете, прямо как в Царевне-лягушке: на море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо. Ну а в яйце вместо иглы мелким таким свёрточком конверт. А в конверте письмо. *(Пауза.)* Кондратенко, понятное дело, ни сном, ни духом — ничего об отправителях не знает, только псевдоним, ну а мне-то толку? Я его вопросами облебезил, ну и конверт получил. Расписался, с формальностями, и до свидания.

Дима. Расписаться-то вы понятно расписались. А конверт почему не открыли?

Степан Александрович. Таки товарищ Кондратенко говорил в редакции его открыть. И никак иначе.

Саша. И вы просто ему поверили? На слово?

Степан Александрович. Ну а с чего бы мне ему не верить? Святой

Запрещено для коммерческого использования

человек, 40 лет уже как в посыльных работает. Ему, знаете, немудрено верить. Даже, как бы это, надобно верить.

Оля. Предположим надобно. Ну а копия расписки где? Квитанции?

Степан Александрович. Не шли.

Саша. Если сверху слали, так и не пришли бы. Это у них порядок отправления такой. Анонимный.

Оля. А ты когда успел там поработать? Откуда тебе знать?

Саша. Просто знаю. Логика.

Оля *(насмешливо)*. Логика!

Дима. А откуда вы вообще знаете, что там точно письмо, а не обманка какая-то? Сейчас многих так разыгрывают. Мол, вам письмо важное пришло, срочно получить надо. А там «бац» и пусто!

Степан Александрович. Кондратенко говорит, что письмо, значит письмо. И спорить я на эту тему не буду.

Дима. Ну хорошо. Раз письмо, то давайте прямо сейчас его и откроем. Чего ждать?

Оля. Я за. Если открывать, то без промедлений.

Саша. Вот и поймём, соврал ли Степану Александровичу Кондратенко или не соврал.

Степан Александрович. Нет, друзья мои, это всё, конечно, очень интересно, но давайте, пожалуй, без меня.

Оля. Степан Александрович., вы чего?

Степан Александрович. Приказ, Оленька, приказ. А я всю жизнь с приказами считаюсь, так и сейчас, пожалуй, считаться буду.

Дима. А чей приказ?

Степан Александрович. Как чей? Ихний.

Саша. И вы даже глазком не посмотрите?

Степан Александрович. Даже глазком не посмотрю.

Дима. Так ведь это провокация!

Оля. Они нас прямо как в «Десяти негритятах» выкуривают. Хотят, чтобы мы наедине остались, конверт открыли, а потом в дурмане перебивали друг друга.

Степан Александрович. Значит, останетесь, и ничего с вами не случится. Со мной ведь за столько лет полюбовного сотрудничества ничего не случилось.

Степан Александрович заворачивает рукав рубашки, смотрит время на наручных часах.

Степан Александрович. Ой-ц, уже третий час! Всё-таки делу время, а потехе… бежать надо. Вы с этим уведомлением разберётесь, я уверен. Уж всяко разберётесь. И не с таким разбирались. А мне бежать надо.

Запрещено для коммерческого использования

Степан Александрович отдаёт конверт в руки Оли, направляется к выходу.

Оля. А если там, с уведомлением, ещё и распоряжение будет? Как кот в мешке. Куда нам его девать?

Степан Александрович *(торопливо)*. А вы мне эсэмэсните, я и приеду, как дела закончатся. А сейчас, да, работа, работа. Дела, дела. Побежал.

Степан Александрович уходит.

Дима. Н-да… Степан Саныч всегда такой. Как закинет удочку, постоит, репу почешет, а по итогу рыбу-то не выловит. На нас оставит.

Саша. Очередная редакционная загадка. Всё, как он любит. Помнишь же, как он раз сказал: «Вот если бы журналисты были в некотором роде детективы, то всё в нашей профессии сложилось бы».

Оля. Так мы и есть первоклассные детективы. Вон как работаем с такими требованиями уже второй год.

Дима. Зато до третьего года нам как до Луны.

Саша. Не драматизируй.

Оля. Драматизируй не драматизируй, а конверт всё-таки надо открыть.

Дима. Открывай. Не мы же его в руках держим.

Саша. Резон. Не мы.

Оля. Ах, мужчины. Ни стыда ни совести.

Дима *(передразнивая)*. Ни стыда ни совести!

Оля подходит к краю сцены, оттаскивает один из центральных стульев назад. Встаёт на него, разрывает конверт. Достаёт оттуда небольшой листок с официальными печатями. Аккуратно разрывает его по углам, поднимает. Прочищает горло, прежде чем начать чтение.

Оля *(читает)*. Работники С-кого журнала уведомляются о замене главного редактора в связи с низким коэффициентом доверия. Вакансия, в настоящее время занимаемая Степаном Александровичем Вернилкиным, будет освобождена и доступна для занятия действующими сотрудниками редакции в любое время. Конкурс будет проводиться с известными вам условиями. Каждая сенсационная публикация в рамках С-кого журнала будет рассматриваться нами как ваша индивидуальная работа в ходе вакансионной гонки. Автор лучшего новостного заголовка будет исключён из гонки и представлен к должности внеочерёдно. Ваше будущее в ваших руках. До встречи на новой должности.

Оля спускается, сворачивает листочек и медленно, как бы в раздумьях, садится на стул.

Оля. И больше ничего.

Запрещено для коммерческого использования

Позади неё остаются стоять в тени Дима и Саша. В комнате воцаряется гробовая тишина. Только где-то вдалеке скрипит дверь.

Занавес.

Сцена 2

Интерьер квартиры, резко контрастирующей с интерьером комнаты редакции. Стены светлые, резные. В помещении много окон, за окнами — темнота. Посреди сцены стоит скромный диванчик и прикроватный стол. Рядом — роскошный торшер с абажуром. На диванчике сидит Оля. В руках у неё «Десять негритят» Агаты Кристи. В кресле справа сидит Саша в очках, перечитывает письмо. По комнате кругами ходит Дима.

Дима. Уведомление для С-кого журнала. Вона как они решили всех нас повыживать.

Саша. Всему должно быть логичное объяснение.

Дима. Логическое объяснение? Правда? Логическое объяснение? Печати подлинные, но подписей нет. Уведомление нелепое до жути.

Саша. Степан Александрович. уж точно должен что-то об этом знать.

Дима. Что знать, Сань? Он даже конверт не открывал, не то что само письмо. Ему такое могло только сниться. Ни один здравомыслящий главред не станет думать, что верхушка захочет втихомолку его скинуть. Ещё и посреди года!

Оля. Только, наверное, наш. Но, кажется, ему давно уже всё равно. Раньше ведь ходили слухи.

Дима. Те самые? О его увольнении?

Оля. Увольнении по собственному желанию. Это ещё безумнее.

Дима *(эмоционально вскидывая руки)*. Бред-ни!

Оля. Как знаешь, а всё-таки такие слухи были.

Дима подходит к Оле, рукой разворачивает её лицо к себе. Оля сердито смотрит Диме прямо в глаза.

Дима. И что, он типа должен был уйти? Без восклицаний, претензий, проклятий? Без нравоучений молодёжи? Ты вообще рожу его видела? Усы, складки ещё эти? Возраст почётный, стаж, профессиональные уловки? Он же как на тебя посмотрит, так взглядом и испепелит.

Оля скидывает руку Димы, отодвигается к краю дивана. Перебирает волосы, высматривая содержимое письма в руках Саши.

Оля. Как по мне, ты всех виноватыми не сделаешь. Письмо нам, по крайней мере, было написано без восклицаний и лишних сентенцией. Всё четко и по делу. Конкурс, гонка вакансий и одна должность глав-

Запрещено для коммерческого использования

ного редактора. Если бы я так не любила Агату Кристи, привела бы в пример что-то более оригинальное, но, правда, у меня в голове сейчас только одна она. Мы с вами остались одни на необитаемом острове, а посреди вода — алая-алая, как наша личина.

Саша *(проводя пальцем по листку)*. Опять «Десять негритят»?

Оля. Вообще, да, но… суть немного не та. Это не детектив. То есть «Десять негритят» — это, конечно, детектив, но не наша с вами ситуация. Мы не сыщики и не расследователи, нам вообще должно быть всё равно на эти анонимно-правительственные уведомления. Должность предлагают? Ну и ладно! Пусть. Пусть кто-то хитрый и жадный её заберёт. А потом огребёт по самое не хочу. Эта ягодка не наша, поверьте мне, наша ещё поспеет.

Дима. И ты, правда, в это веришь?

Оля. Я верю в то, что нельзя идти на поводу у собственных демонов. Даже если эти демоны на первый взгляд кажутся разумными.

Дима. Журналисту желательно ни во что не верить. Ни в демонов, ни в разум.

Саша. А ещё желательно не размениваться типичными литературными фразочками в ситуации, которая к этому не располагает. Нужно решить, как мы поступим, — только и всего.

Дима. Поступим просто. Возьмём и получим должность!

Оля. Дима, ты хотя бы слышал, что я говорила до этого?

Дима. Слышал. И слышал прекрасно. Степан Саныч, вообще-то, уже на скамье запасных. У него во время рабочего забега, считай, коленку выбило — настолько стар. *(Пауза.)* К чему лицемерие? Нужна честность. Ему уже давно не до журналистики, а вот нам… Такая возможность предоставляется раз в пять, нет, в десять лет! Я бы не стал якшаться, а просто взял и воспользовался ею.

Оля. И забил на моральные принципы?

Дима. Никто не сказал, что на них нужно забивать. Журналистика, вообще-то, не преступление. Мы никого не грабим и не убиваем. Мы работаем со словом и событием, которое его предваряет. Это филигранная работа.

Саша. Оль, мы ведь в самом деле никого не грабим и не убиваем, а значит вполне себе вписываемся в рамки законов. Быть может, это самый логичный вариант развития событий на данный момент, почему бы нам просто не попробовать?

Оля. И ты туда же, Брут?

Саша. Уж прости, Цезарь.

Оля. Невероятно!

Саша. Оль, ты воспринимаешь всё слишком близко к сердцу. В этом нет ничего страшного.

Запрещено для коммерческого использования

Оля. А то, что мы разделимся? Это тоже не страшно?

Дима. Тем лучше. Шанс один к трём.

Оля. Дима, ну как же ты не понимаешь! Дело не в шансах, не в должности, а в случае. Мы всё это время работали как команда. Шли рука об руку, делали всё слажено, быстро, чётко, а тут бац – ситуация: разделитесь, разуверьтесь. Это же нельзя так просто взять, собрать и выкинуть. Мы семья!

Саша. Никто и не говорит, что мы прекращаем быть семьёй. Мы семья. Всегда были, есть и останемся.

Оля. Но эта ситуация…

Дима *(перебивая Олю)*. Эта семья не может существовать, пока есть эта вакансия. Покончим с ней, и дело с концом. Снова сойдёмся на берегах, как три мушкетера. И заживём по-новому!

Оля. Как три мушкетера? Дима, ты, кажется, совсем выжил из ума.

Саша. Сойдёмся. А пока будем держаться порознь. Так будет правильно.

Оля. Правильно?

Саша. Ситуация странная, я согласен. Но у нас нет времени на сомнения. Нужно действовать.

Оля. И ты предлагаешь уйти? Просто взять и уйти?

Саша. Нет. По крайней мере, не сейчас. Предлагаю не разделяться сначала, но по воле случая… придётся, да.

Дима. Да, Тимофеевич, да. Это правильно. Это логично. Это надо. Я слышу умные слова впервые за долгое время!

Оля. Как это может быть правильно? Это же бесчеловечно!

Саша. Такова жизнь. Её не сложишь, как дважды два.

Оля. Бесчеловечность, эгоизм, безразличие, безнравственность – это ваша жизнь, да?

Дима. Если исключать общие экспрессивные черты, то… да.

Саша. Дима!

Оля. Значит, это не моя жизнь.

Оля встаёт с дивана и поспешно удаляется. Саша приподнимается с кресла, движется по направлению к выходу. По инерции протягивает руку вперёд, но резко останавливается. Дима тоже останавливается на месте.

Саша *(не оборачиваясь)*. Дим, поди лучше ты за ней, а?

Дима. С чего это я? Ты же уже подорвался.

Саша. Ты знаешь с чего. На улице темно, холодно, а она девушка. Беззащитная.

Дима. Боюсь, это уже давно не моя проблема.

Саша. Ты всё за старое, да?

Запрещено для коммерческого использования

Дима. А я и не переходил к новому. Жил только себе потихоньку, никого не трогал, мысли давил.

Саша. Сколько вы уже избегаете друг друга? Месяц? Два?

Дима. Достаточно, чтобы я никому об этом не отчитывался. Ты не моя мамка.

Саша. И как ты, доволен своим положением?

Дима. Больше некуда. Каждый день благодарю Господа Бога за то, что он меня от неё избавил.

Саша. Эх, Димка, Димка…

Дима. Невелика потеря. Тоже мне, тюфтя.

Дима подходит к дивану, небрежно скидывает книгу Оли на пол и садится посередине. Саша идёт по направлению к Диме. Встаёт прямо за ним, по-дружески опускает руку ему на плечо.

Саша. Ты обижен на неё. Очень.

Дима. А разве не должен?

Саша. Должен. Я знаю, что тебе было больно, но она в этом не виновата.

Дима. Виновата. Ещё как виновата. Виновата в первую очередь!

Саша. Но ты не дал ей высказаться. Думаешь, у неё не было причин?

Дима. У женщин всегда есть причины для того, чтобы разорвать любовные узы. Только мужчины почему-то догадываются об этом только тогда, когда становится понятно, что дела хуже некуда. Я слепо верил ей, и что? Что я получил взамен? Кровавую правду, второе распятие Христа. Я обнажился грудью и теперь у меня там не сердце, а дыра. Чёрная-чёрная, страшная дыра. И сквозит она хуже, чем осенний сквозняк. Да и зимний, кажись, тоже.

Саша. Ты всегда был прирождённым романтиком. И ритмика у тебя всегда такая была — философская.

Дима. Философская? Шутишь?

Саша. Может, и шучу. Но это не отменяет твоего безбашенного шарма.

Дима *(рассерженно)*. Точно, надо мной и моим шармом можно ведь только смеяться.

Дима сбрасывает руку Саши со своего плеча, встаёт и идёт к выходу.

Саша. Дима, ну постой, куда же ты, а?

Дима. Жену успокаивать! Хотя что уж там? Жена она не моя, а твоя. Так ведь вы сказали тогда, в редакции, правильно?

Саша. Дима…

Дима. И подавитесь.

Дима уходит.

Запрещено для коммерческого использования

Саша. Была бы, может, и моя, если бы не твоя дурная голова. *(Пауза.)* Это письмо, эти эмоции, этот воздух — всё здесь какое-то не своё, чужое, театрализованное. Мы словно в невидимой паутине, и всё барахтаемся, и барахтаемся — так, понарошку, как сонные мухи, чтобы пожить ещё с денёк, на мир поглядеть. А мир этот, кажется, вот-вот схлопнется — сомкнётся по краям, разделится на матрицы и задушит нас своей непропорциональностью. Он уже меня душит, я чувствую.

Саша подходит к краю сцены, поправляет воротник своей рубашки, пытаясь глубоко вздохнуть. Достаёт из кармана записку и кидает её на пол, притаптывая. Поднимает книгу Оли, аккуратно протирает ладонью и кладёт на диван.

Саша. Ещё эта должность как на зло. Предвестница кошмара. Как послание какое-то, проверка. Ну ничего… всё ещё ничего. Всё ещё можно исправить. Главное семья, дружба. И ничего. Больше ничего не надо.

Саша опускается на пол, краем рубашки протирает лицо. Тяжело вздыхает.

Саша. Ничего не надо…

Занавес.

Сцена 3

Дорога. На фоне — два светодиода, спереди, прямо напротив них сидит Оля. В руках у неё руль. Слева пустое сидение.

Оля. Так ведь и живёшь всю жизнь сама не своя. Не со своими людьми, в сплошном разочаровании. *(Пауза.)* Стала журналистом, прямо как в детстве мечтала. Как маме обещала. Статьи писала, носилась, как собака, по всему городу, удачу за хвост ловила, вдохновение ложками из омута черпала, а толку? Толку? Думала, здесь со мной будут работать не люди, а настоящие гиганты — все благородные, смелые, сильные, честные. Слову цену знающие, в правде толк видящие. А на деле-то что? Вся эта система ссохлась и начала разлагаться, прямо как люди, которые в ней были. *(Пауза.)* Я их всю жизнь знала! Этих вот, острозубых, ещё со студенчества. Добрые, честные люди — без знаков и претензий, самые подлинные и настоящие — превратились в меркантильных снобов, стоило только какому-то шутнику подбросить главреду записочку с квитанцией. И Саша, и Дима, и Степан Александрович. — все сгнили, все пропали, всех уморили в этой бездушной системе. И будто нет ничего важнее должности, денег. Будто нет этого ощущения гордости за приятельство, за теплоту близости. Будто нет семьи, будто нет любви!

Запрещено для коммерческого использования

(Пауза.) Таким предательством убивают, чего уж там говорить. А эти…

Один из светодиодов гаснет, Оля резко разворачивает руль, пытается сдвинуть его с места. Руль трясётся в руках Оли.

Оля *(кричит)*. Эти думают, что бессмертны в своей корысти и зависти. Мамочки!

Второй светодиод гаснет. Оля роняет руль, падает. Повсюду — темнота.

Лисаченко Екатерина, 15 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург

В ЦВЕТНИКЕ

(Пьеса в двух действиях)

Действующие лица:

Флориан — волшебник.
Тётушка Маргарита — владелица сада.
Тюлье — садовник.
Хризанетт — цветочница.
Лили — подруга Хризанетт.
Гиацино — учёный, сосед Тюлье.

Действие первое

Сцена 1

Раннее утро в провинциальном городке Паньер-де-Флёр. На городской площади среди низких домиков раскинулся тёмно-фиолетовый шатёр. Вокруг начинают собираться горожане.

Тюлье
День добрый всем, кого я нынче вижу!

Лили
И вам того же, господин Тюлье!

Хризанетт
Привет вам, господа!

Запрещено для коммерческого использования

Гиацино
Доброе утро!
Ах, дамы здесь! Отдельный вам поклон.

Тюлье
А ты куда так рано, Гиацино?
Ведь ты учёный, мог бы спать подольше!

Гиацино
Друзья мои, я только возвращаюсь!

Тюлье
И где ты пропадал тогда всю ночь?
Неужто наконец завёл подружку?

Гиацино
О нет, друзья, моя жена – наука!
Я с вечера в лесу остался, там
Исследовал растения ночные.
А ты, Тюлье? Спросил не потому ли,
Что сам один ещё?

Тюлье
Неважно это,
Мы молоды, и времени нам хватит
Обзавестись семьёю. Но взгляни,
Мой друг, и вы, любезнейшие дамы,
Откуда взялся здесь этот шатёр?

Гиацино
Его вчера я вечером не видел.

Хризанетт
И я, хотя домой вернулась поздно.
Зато распродала я все цветы,
И молока купить смогла и хлеба.

Лили
Ах! Хлеб и молоко! Какая важность!
Тебе бы приодеться, Хризанетт,

Запрещено для коммерческого использования

Глядишь, тогда сыскался бы жених,
И вмиг тебя от бедности избавил.

Тюлье
Ну, полно, Лили! Ты не забывай,
Что человеку свойственно питаться!

Хризанетт
Мне лучше возвращаться в бедный дом,
Чем с нелюбимым мужем жить в хоромах.

Гиацино
Так вот, к шатру… Глядите, господа!
Афиша здесь — «Известнейший волшебник
Готов исполнить все ваши мечты».
Ну что за вздор! Абсурдно! Ненаучно!

Лили
А не затем ли в мире волшебство,
Чтоб делать то, чего нельзя науке?

Гиацино
Помилуйте, сударыня! Чего
Вам не хватает, чем вы не довольны?

Лили
Не ваше это дело. Мне пора,
А то бутоны, не дай бог, завянут!

Хризанетт
И мне… До встречи, господин Тюлье!
Удачи вам в саду у Маргариты!

Девушки уходят.

Гиацино
У Маргариты? Вот не ожидал,
Что ты предпочитаешь взрослых женщин!

Тюлье
Оставь дурные мысли при себе.

Запрещено для коммерческого использования

Я нанялся ухаживать за садом,
И лучше бы и мне поторопиться –
Кустарник сам не подстрижёт себя.

Гиацино и Тюлье расходятся в разные стороны. Из шатра выглядывает Флориан.

Флориан. Ненаучно ему! Экий зануда! Можно подумать, много он видел волшебников! Но плохо твоё дело, Флориан, если такой в городе не один. Надо бы прогуляться, разведать!

Флориан уходит.

Сцена 2

Уютный одноэтажный домик, со всех сторон окружённый садом. Флориан прогуливается за оградой, внимательно оглядываясь по сторонам. Появляется Тюлье и стучит в двери домика.

Тётушка Маргарита. Кто там в такую рань?

Тюлье
Доброе утро, тётя! Я, Тюлье,
Явился, чтобы приступить к работе.

На крыльце появляется тётушка Маргарита.

Тётушка Маргарита. Ах, это ты, мой мальчик! А я тебя только к полудню ждала. Заходи-заходи! Будешь чай?

Тюлье
Спасибо, но, пожалуй, откажусь.
Что нужно сделать, лучше объясните!

Тётушка Маргарита. Будь добр, подстриги живую изгородь. Она что-то совсем разрослась! И цветочную грядку полей, вон, хризантемы совсем поникли.

Тюлье
Ах, хризантемы! Тётя, я о них
Прежде всего сегодня позабочусь!

Запрещено для коммерческого использования

Тюлье убегает за угол дома. Возвращается с лейкой, начинает поливать.

Тётушка Маргарита. Какой-то ты сегодня невесёлый.

Тюлье
Как это вы определить сумели?

Тётушка Маргарита. Привычка твоя пропала. Всегда свистел за работой, как соловей, а тут — молчишь словно рыба. Случилось что-нибудь?

Тюлье
Случилось, тётушка, причём уже давно,
А нынче утром только обострилось.

Тётушка Маргарита. Рассказывай, мой мальчик, рассказывай!

Тюлье
Я в Хризанетт влюблён не первый день,
Но не решусь никак в этом признаться.
Сегодня пошутил над Гиацино,
Что девушку никак не заведёт,
А он мне той же отплатил монетой.

Тётушка Маргарита. Вот оно как! Ранен своим же оружием. И что ты намереваешься делать?

Тюлье.
Увы, пока ещё я не решил.
Но знаю точно: никого на свете
Я не хотел бы взять вместо неё
Своей женой, пусть даже королеву!

Флориан. Ага, ну такие ко мне частенько заглядывают. На привороты спрос всегда есть!

Флориан уходит.

Сцена 3

Главная улица городка. Появляются Лили и Хризанетт.

Запрещено для коммерческого использования

Лили
Цветы! Купите свежие цветы!

Хризанетт
Потише, Лили! Люди спят, должно быть!

Лили
Так пусть проснутся! Нам с тобой кому
Продать цветы, когда здесь так пустынно?

Хризанетт
Я лучше подожду. Пускай не все,
Как господин Тюлье, встают так рано,
Но лучше пару потерпеть часов,
Чем беспардонно хрупкий сон нарушить.

Лили
Ах, господин Тюлье! Вот он – пример,
Пример для всех! Умён, хорош собою,
Весьма учтив! Я так его люблю,
А он меня совсем не замечает!

Цветочницы уходят. Появляется Флориан.

Флориан. Любовный треугольник? Нет, не похоже. Ведь бедная Хризанетт краснеет при каждом упоминании этого Тюлье! Она, сама того не подозревая, отвечает ему взаимностью.

Флориан уходит.

Сцена 4

Просторная комната, полная различных книг.
Гиацино нервно расхаживает по комнате взад и вперёд.

Гиацино
Смешно! Нелепо! Странно! Волшебство –
Оно ведь не объяснено наукой!
А посему его существовать
Никак не может здесь, в реальном мире.
И я без шуток это докажу!
Волшебник – шарлатан, определённо.

Запрещено для коммерческого использования

Его раскрою трюки, и конец
Безумной ерунде антинаучной!

В окне комнаты появляется голова Флориана.

Флориан. Вот упрямец. Ну что ж, посмотрим, кто кого! Волшебник учёного, или же учёный волшебника?

Флориан исчезает. Гиацино, в сердцах хлопнув дверью, выбегает из комнаты.

Сцена 5

Шатёр волшебника. Полутьма, повсюду расставлены колбы, развешаны пучки трав. С улицы доносится шум голосов, занавеска у входа колышется от наружного ветра. Флориан сидит за столом и полирует хрустальный шар.

Флориан. Какая мне, в сущности, разница, верит он или не верит? Одним больше — одним меньше, лишь бы других покупателей не отпугивал. А коли явится — найду, чем ему нос утереть!

Звенит колокольчик.

Флориан. Ах, явились первые наивные дурачки! *(Ставит шар на стол.)* Входите, входите! Зачем пожаловали?

В шатёр решительным шагом входит Лили.

Лили
День добрый! Вы волшебник, полагаю?

Флориан
А что же, разве здесь я не один?

Лили
Чудесно. В таком случае, скажите,
Способна ваша магия любовь
Прогнать, а не призвать из ниоткуда?

Флориан
Способна, но для этого ресурс
Ей должен быть особый предоставлен.
Такой волшебный, знаете, металл,
Он вроде бы содержится в монетах…

Лили
Держите!

Запрещено для коммерческого использования

(Отдаёт мешочек с деньгами.)
Что ж, тогда могу просить
Я вас меня избавить от проклятья
Любви неразделённой? Для меня
Один мужчина ста других дороже.
Но знаю я — в меня он не влюблён,
Другую любит, хоть и не решился
Пока признаться ей. А я хочу
Скорей забыть его, пока не поздно.

Флориан
Уверены ли вы, что нужно вам
Забыть, а не взаимности добиться?
В его я мысли с лёгкостью могу
Вмешаться и заставить полюбить вас!

Лили
Нет, что вы! Он хороший человек,
Его бы так обидеть не смогла я!
И кем бы та, другая, ни была,
Судьба его пусть сложится удачно.

Флориан
Ну ладно, коли так. Возьмите же!
(Вручает большое настенное зеркало.)
Оно вам полюбить себя поможет
Сильнее всех. Смотритесь чаще, и
Вы о других забудете и думать!

Лили
Что ж, до свиданья, добрый господин
Волшебник! Вот, прошу, возьмите розу!
Вам это благодарность от меня.
А мне пора — не то цветы завянут.

Лили уходит.

Флориан. Роза! На что она мне? Разве ж волшебники расхаживают с цветками в петлице? Вешают их на шляпы? Всё, что я могу — всучить её какому-нибудь доверчивому простофиле! Если и вторая девушка — а она, несомненно, явится вслед за первой, — принесёт сюда цветок, мне впору будет самому начать продавать их!

Запрещено для коммерческого использования

Колокольчик снова звенит.

Флориан
Ну? Что я говорил? Уже явилась!

Робко, оглядываясь, в шатёр входит Хризанетт.

Хризанетт
Ах, здравствуйте! Решалась я всю ночь
Сюда прийти. Надеюсь, вас не сильно
Моя проблема затруднит? Вот здесь
Оплата, как указано в афише.
(Отдаёт мешочек с деньгами.)

Флориан
Я ожидал вас, бедное дитя.
Рассказывайте: кажется, тревожат
Дела сердечные? Иль вы пришли просить
От бедности спасения?

Хризанетт
Вы правы!
Как это хорошо, что волшебство
Вам помогло узнать мою беду. Я
Влюбилась в человека одного.
Всё отдала бы, будь это взаимно!

Флориан
Всё? Вы в этом уверены сейчас?
Подобных слов на ветер не бросают.

Хризанетт
Да, без остатка всё! И всю себя
Могла б ему доверить без сомнений.
Но он хорош собою, добр, умён,
А я? Ведь я совсем ему не пара!
Бедна и не блистаю красотой,
На что ему избранница такая?

Флориан
Вы зря себя торопитесь судить,
Ещё посмотрим, кто кому не пара!

Запрещено для коммерческого использования

Свечу зажгите в полночь, и тогда
По огоньку любимый вас отыщет.
(Протягивает свечу.)

Хризанетт
Спасибо вам! Надеюсь, волшебство
И вправду мне поможет всё уладить!
Хватает там? В мешочке всё, что я
Сумела накопить за этот месяц.

Флориан
Хватает! Ну, идите. Счастье ждёт!
И не забудьте пригласить на свадьбу.

Хризанетт делает реверанс и уходит.

Флориан. Бедная девушка. Признаться, совестно даже брать с неё деньги. Ведь тут совсем мало! Не то что свечку, булку хлеба на них не купишь! Что ж, выходит, я здорово продешевил.

Сцена 6

Городская площадь. У входа в шатёр волшебника сталкиваются Тюлье и Хризанетт.

Тюлье.
О, Хризанетт?
Хризанетт
Ах… вы…

Тюлье
Да, я.

Хризанетт
Куда вы?

Тюлье
К волшебнику. А вы оттуда?

Хризанетт
Да…

Запрещено для коммерческого использования

Тюлье
Иду насчёт любви спросить совета.

Хризанетт
И я ходила...

Тюлье и Хризанетт резко отклоняются друг от друга.

Тюлье и Хризанетт
(Вместе.)
Что? Вы влюблены?!

Тюлье
Влюблён, признаться...

Хризанетт
Я влюбилась тоже...
Ах, извините, мне пора идти!

Хризанетт убегает, пряча лицо в ладонях от стыда.

Тюлье
(Заикаясь.)
Х-хорошего вам дня! И до свиданья!
(Шёпотом.)
Тюлье, ведь ты мужчина! Страх долой!
Иди и сделай то, что собирался!

Тюлье вздыхает, стоит пару секунд в оцепенении, после чего решительно заходит в шатёр.

Сцена 7

Шатёр волшебника. Флориан сидит за столом и листает книгу. Входит Тюлье.

Тюлье
Поклон вам, господин волшебник! Я
Прошу вас! Помогите мне скорее!

Запрещено для коммерческого использования

Флориан
Я помогу. Но только должно вам
Иметь в виду: совет мой не бесплатен!

Тюлье
Да-да, сейчас! Вот десять золотых!
(Отдаёт мешочек с деньгами.)
Теперь меня вы выслушать согласны?

Флориан
Конечно. Ваша аура чиста,
А значит, вы для магии открыты.

Тюлье
Ах, господин волшебник, я влюблён!
Влюблён уже четыре долгих года
В цветочницу прекрасную одну.
Но разве на меня она посмотрит?

Флориан
А разве есть причины у неё
Пренебрегать? Я вижу в вас немало
Добра и честности, и уйму скрытых сил
Душевных. Или что-то ей мешает?

Тюлье
Всё детство вместе мы играли с ней,
И вместе выросли. Увы, дурную службу
Мне сослужило это. Я кажусь
Ей другом, братом – только не мужчиной!

Флориан
Но это не препятствие, отнюдь –
Из детской дружбы выросшие чувства
Сердца скрепляют связью непростой,
Её всего лишь вам усилить нужно!
(Протягивает маленький стеклянный пузырёк.)

Тюлье
Спасибо, господин волшебник! Но
Она – увы! – уже кого-то любит!

Запрещено для коммерческого использования

Флориан
Вот это зелье может вас спасти!
Испейте обязательно холодным,
И всё её внимание на вас
Переключится сразу без остатка.

Тюлье
Благодарю я вас от всей души!
Клянусь, когда дойдёт до свадьбы дело,
Вы непременно будете на ней
Желанным самым и почётным гостем!

Тюлье поспешно уходит.

Флориан. Свадьба! Если она у тебя и случится, я тогда буду уже далеко! В пузырьке-то обычная вода, хоть воображение человека и приписывает ей магические силы. А моя задача — это воображение направить... Пум-пурум... *(Напевает себе под нос.)*

Колокольчик снова звенит.

Флориан. Опять посетители! Да в этом городе волшебство нарасхват. Не удивлюсь, если к вечеру здесь уже перебывает всё население!

Снаружи слышится голос Гиацино.

Гиацино
Ну что ж, пора его разоблачить!
Здесь все мои друзья перебывали,
Но заморочить голову себе,
Как им, я шарлатану не позволю!

Флориан. Глядите-ка, кто явился! Задумал, значит, меня на чистую воду вывести? Ну что ж, посмотрим, как у тебя это получится!
(Громко.)
Входите же, учёный господин!
К чему вам оставаться на пороге?

Входит Гиацино.

Гиацино
День добрый, господин — как вас назвать? —
Неважно. Вы, конечно, не волшебник?
Скажу вам сразу, изменить мои
Суждения способна лишь наука!

Запрещено для коммерческого использования

Флориан
Я Флориан. И, кстати, волшебству
Неверие такое очень вредно.
Вы, может, не заметили, но я
С порога угадал ваш род занятий!

Гиацино
Его узнать – особого труда
Не нужно: расспроси кого угодно.
А если вам под силу колдовать,
Так докажите! Сотворите чудо!

Флориан
Прошу прощенья, господин, но вы
Прочесть забыли, кажется, афишу…

Гиацино
О нет, как раз её я прочитал!
Но настоящий маг не просит платы
За помощь людям. Вы же между тем
Её вперёд берёте, как обманщик!

Флориан
Что я могу на это вам сказать?
Ингредиенты нынче дорогие
Для волшебства. К тому же там процесс
Ужасно труден: тонкие материи…

Гиацино
Звучит неубедительно, но что ж –
Держите ваши деньги, а за это
Мне сотворите чудо! Скажем… Хм…
Найдите для меня подругу сердца!
(Отдаёт мешочек с деньгами.)

Флориан
Теперь ваше желание могу
Исполнить я. Возьмите это семя
И посадите. В тот миг, клянусь,
Росток любви проклюнуться обязан!
(Вкладывает в ладонь Гиацино семечко.)

Запрещено для коммерческого использования

Гиацино
Раз так, проверим ваше волшебство!
Но если что-то прорастёт другое,
Что не любовь, а дерево, цветок –
Я, как учёный, это опознаю,
И без раздумий вас разоблачу!

Гиацино уходит.

Флориан. И тебе до свидания. Ну, можно выдохнуть! Пока прорастёт поджаренное семя, я успею не только уехать, но и умереть от старости! А учёный пускай себе ждёт. С таким характером на него ни одна девушка не польстится! Упрямый, заносчивый, не то что первый паренёк. А первого-то, ей-богу, жаль! Неловко они с той девчонкой столкнулись. Любовь так и закончиться может! *(На секунду задумывается.)* А не помочь ли мне им? Репутации на пользу будет – предсказание-то исполнится. Наверное, стоит! Но для начала узнаю, где здесь купить чернил и бумаги. Закончились как назло, а ведь без них ни один хороший план не обходится!

Флориан встаёт и выходит из шатра.

Сцена 8

Одна из городских улиц. Хризанетт торопливо идёт, не замечая ничего вокруг, и едва не сталкивается с Лили.

Лили
Эй, Хризанетт! Куда ты так спешишь?
Хризанетт вздрагивает и останавливается.

Хризанетт
Ах, Лили, это ты!

Лили
Случилось что-то?

Хризанетт
Увы, случилось! Как мне дальше жить?
Ведь господин Тюлье влюблён в другую!

Запрещено для коммерческого использования

Лили
В другую? Как?! Не может быть! В кого?!

Хризанетт
Не знаю. Я едва не проболталась
О том, что я сама его люблю,
А он…

Лили
Не знаешь? То есть… кто угодно?

Хризанетт
Да, кто угодно! Может, даже ты…
(Плачет.)

Лили
Ну-ну, не плачь! Мне зеркало волшебник
Вручил. Оно прогнать мою любовь
Должно – быть может, и твою прогонит!

Хризанетт
(Испуганно.)
Нет-нет! Пока настолько крайних мер
Я не хочу. Ведь я ходила тоже
К волшебнику, и он мне дал свечу,
Которая любимого притянет.

Лили
(Решительно.)
Тогда чего ты ждёшь? Её зажги
Сегодня же, Тюлье оставив в прошлом!
А истинная пусть твоя любовь
Придёт! Самое время ей явиться!

Хризанетт
Да, Лили, ты, наверное, права.
Я так и поступлю сегодня ночью,
Но до того момента я хочу
О нём, Тюлье, чуть-чуть ещё поплакать…

Запрещено для коммерческого использования

Сцена 9

Дом тётушки Маргариты. Тюлье подстригает живую изгородь, тётушка Маргарита сидит на крыльце.

Тётушка Маргарита. Что случилось, мой мальчик? На тебе лица нет!

Тюлье
Ах, тётя Маргарита! Хризанетт
Другого любит! Боже, как мне стыдно,
Что хоть на миг посмел я пожелать
Её своей невестою увидеть!

Тётушка Маргарита. Что значит — другого? Откуда ты это услышал? Должно быть, обычная сплетня!

Тюлье
О нет, я слышал лично от неё —
На площади мы с нею повстречались.
Я шёл тогда к волшебнику, хотел
В любви просить совета. Но, к несчастью,
Её я встретил раньше…

Тётушка Маргарита. Погоди! К волшебнику ходил, значит? И что он тебе насоветовал?

Тюлье
Он дал мне зелье. Говорят, оно
Внимание любимой привлекает.

Тётушка Маргарита. Глупости какие! Если она тебя любит, так и без зелья будет любить, а если нет — не мучай ни себя, ни её! Идём, я тебе лучше чаю налью.

Запрещено для коммерческого использования

Егоркина Мария, 17 лет
Российская Федерация, Московская область, г. Воскресенск

МАГАЗИН НОСТАЛЬГИИ

(Драма в трёх действиях)

Действующие лица:

Продавец – молодой человек 26 лет, не смог найти работу по специальности, поэтому вынужденно устроился в магазин ностальгии.

Консультант – молодой человек 23 лет, работает помощником продавца.

Директор – владелец магазина, серьёзный мужчина, бизнесмен.

Симона – девушка-студентка, симпатичная блондинка.

Бабушка Тамара – бабушка Симоны, потерявшая память.

Девочки Нина и Женя – подружки.

Вася Тучкин – выпускник литературного университета, писатель.

Действие происходит в магазине ностальгии, торгующем личными воспоминаниями.

Действие первое

На часах девять утра. С минуты на минуту магазин должен открыться. Консультант уже на рабочем месте – стоит за кассой и то и дело нервно поглядывает на часы. Распахивается входная дверь, и в магазин врывается прохладный майский ветер. Заходит Продавец, на вид сильно не выспавшийся.

Консультант *(возмущённо)*. Явился наконец-то! Уже какой день опаздываешь! Быстрее раздевайся, мы открываться должны.

Продавец *(невозмутимо)*. И тебе доброе утро. Автобус у меня позже пришёл, что я должен был сделать? Личного транспорта не имеется. *(Зевает и снимает куртку.)* Ты сам-то давно тут?

Консультант. Я сегодня ночевал здесь.

Продавец. Шутишь? Теперь и по ночам путешествуешь по прошлому?

Продавец бросает взгляд в угол комнаты, где стоит главная ценность магазина – огромная железная кабина, чем-то напоминающая телефонную будку и называющаяся аппаратом воспоминаний. Заплатив, посетители могут воспользоваться им. Аппарат способен перенести человека в прошлое, чтобы тот смог заново пережить какое-то важное для него событие, будучи полностью уверенным, что оно происходит в реальности. Вдоль отделанных деревом стен стоят длинные стеллажи с колбами, в которых блестят разноцветные жидкости. Помещение напоминает химическую лабораторию,

Запрещено для коммерческого использования

только реагенты здесь нужны не для опытов. Они применяются в качестве топлива для аппарата воспоминаний.

Консультант *(с улыбкой на лице, но со стеклянными глазами, отражающими вселенскую грусть)*. Захотелось вспомнить, как мы с Лили ходили в поход. Как лежали, обнимаясь, в поле, и смотрели на звёздное небо. А вокруг шелестела трава и пели сверчки. И мы были только вдвоём, и весь мир тогда был наш…

Продавец. Нет, директор тебя точно убьёт, когда узнает, что ты впустую тратишь реагенты. Посмотри на полку! Колбочек «Лето», «Запах травы» и «Звёзды» и так почти не осталось. А если у него сегодня плохое настроение и он решит прийти? А если захочет проверить чеки?

Консультант. Если ты ему не расскажешь, то он не сможет ничего мне предъявить.

Продавец. Может, пора перестать жить прошлым? Лили почти год нет, а ты всё никак в это не поверишь. Ты уже зависим от аппарата воспоминаний, как от наркотиков!

Консультант. Не тебе меня жизни учить! Будь другом, просто не говори ничего директору. *(Не дожидаясь ответа, встал за прилавок и надел свои старенькие наушники.)*

Продавец *(себе под нос)*. И правда, зря я, наверное, с ним так резко… Будь проклят этот аппарат воспоминаний…

В магазин заходят две смеющиеся между собой девочки, примерно лет четырнадцати – это Нина и Женя. Начинают оглядываться, с каждой секундой их зрачки становятся всё шире и шире от удивления. Женя обращает внимание на громадный аппарат и сразу же подбегает к кассе. Подруга за ней.

Женя *(продавцу)*. Здравствуйте! А что, это и есть та самая машина времени? *(Показывает пальцем.)*

Продавец. Добрый день! Ну, можно и так сказать, конечно… Только это называется аппаратом воспоминаний, и он не может перенести вас в абсолютно любую историческую эпоху. Только в рамках вашей жизни, вашей памяти.

Женя. Мне сосед рассказывал об этом магазине, а я и не поверила. Ну это же невозможно! До чего прогресс дошёл… *(Подруге.)* Нина, мы должны попробовать! А то в следующий раз ты неизвестно, когда приедешь.

Нина *(Продавцу)*. Знаете, а в моём городе ни о каких… как их там…. аппаратах воспоминаний ничего не слышали. Видимо, цивилизация только до вас дошла.

Продавец *(выдавливая из себя улыбку)*. Насчёт цивилизации не знаю, но магазинов ностальгии в стране пока что, правда, мало –

Запрещено для коммерческого использования

всего несколько штук. Оборудование инновационное, достаточно дорогое…

Женя *(прерывая Продавца)*. А аппарат может перенести нас в прошлое лето? В детский лагерь?

Нина. Точно! Как мы сидели вечерами у моря, вокруг костра…

Женя. Да, да. Песни все вместе пели… И заканчивали всегда вот этой: «Разгово-о-оры еле слышны-ы-ы».

Нина *(смеясь)*. Ага. И Дима постоянно забывал слова в куплете, мы ещё ему говорили: «Как не стыдно! Вожатый, а лагерную песню не знаешь!»

Консультант *(девочкам)*. Вы там и подружились?

Нина. Да! Правда, мы с Женей живём далеко друг от друга. Всё это время переписывались только, а сейчас я впервые до неё добралась. Уговорила всё-таки маму, вот я и здесь.

Женя *(Продавцу)*. Скажите, сколько будет стоить ностальгия по лагерю?

Продавец. Минуточку, сейчас посчитаем. *(Консультанту.)* Заправь аппарат. Залей в него «Шум моря», «Вечер», «Запах костра», «Гитару». *(Себе под нос.)* Девяносто плюс сорок плюс шестьдесят пять плюс двадцать… *(Девочкам.)* Когда, вы говорите, были в лагере?

Нина. Одиннадцать месяцев назад.

Продавец. Ага, значит ещё плюс сто десять… *(Консультанту.)* Ручку у аппарата проверни одиннадцать раз. *(Девочкам.)* С вас триста двадцать пять.

Нина. Держите, пожалуйста. *(Протягивает деньги.)*

Консультант *(улыбаясь, открывает дверь аппарата воспоминаний)*. Всё готово, можете заходить. Когда войдёте, прислонитесь спинами к задней стенке аппарата и закройте глаза. На ближайший час вы вернётесь на берег моря, где пели песни в отрядном кругу. Прекрасной вам ностальгии!

Нина. Ура, давай заходить быстрее!

Женя. Я не верю, не могу поверить…

Девочки заходят в аппарат воспоминаний.
Консультант закрывает за ними дверь и запускает аппарат.

Продавец. Мне показалось, или эти девочки сейчас отдали бешеную сумму ради… того, чтобы попеть песенки у костра? Их родители вообще знают, на какое баловство их дети деньги тратят? Я понять не могу: что изменит этот час на берегу моря?

Консультант. Что тут непонятного? Они скучают по счастливым временам, хотят ещё раз окунуться в атмосферу, которая для них дорога.

Запрещено для коммерческого использования

Продавец. Сомневаюсь, что сейчас они живут несчастно… Раньше люди справлялись как-то без путешествий по прошлому и ничего, нормально. Бессмыслица всё это.

Консультант. Эта бессмыслица приносит тебе средства к существованию.

Продавец. Только поэтому я до сих пор и остаюсь причастным к этому грязному бизнесу. В городе вообще не осталось рабочих мест! Смысл я учился столько лет, если образование моё не сдалось никому…

Консультант. Налить тебе кофе?

Продавец. Не надо, спасибо.

Действие второе

Тот же день. Около трёх часов дня. Продавец и Консультант ждут посетителей.

Консультант *(читает газету)*. Надо же! Про магазин-то наш статью на целую полосу накатали. Назвали ещё так — «Магазин ностальгии — ключ к бескрайним просторам воспоминаний!» Теперь точно народ к нам пойдёт.

Продавец. Уверен, что кто-то до сих пор читает газеты?

Консультант. Если продолжают печатать, значит, есть спрос, наверное… Хотя ты прав. Когда нормальный спрос был, хорошие газеты издавали. А сейчас будто «на отвяжись» всё делают. Взять хотя бы анекдоты на последней странице. Раньше действительно смешные попадались, некоторые я даже однокурсникам пересказывал. А теперь что? *(Смотрит в газету.)* Вот, например: «Деньги нужно тратить на впечатления, а не на вещи! Поэтому я купил впечатляющее количество пива». Как тебе?

Продавец. Нормально. Отчасти вписывается в концепцию нашего заведения.

Открывается дверь в магазин. Заходит молодой человек в слегка нетрезвом виде — это Вася Тучкин. На нём широкие брюки и клетчатая рубашка. Походка его хоть и развязная, но тонко отражает интеллигентную натуру.

Консультант. Добрый день!

Вася Тучкин *(подходит к прилавку и облокачивается не него)*. Скажите, а вы меня случайно не узнали?

Консультант *(растерянно)*. Простите… Кажется, нет.

Вася Тучкин. Что ж, я ожидал такого ответа. И правда, кто сейчас знает Васю Тучкина? А ведь Вася Тучкин когда-то был талантливым… Он когда-то писал очень недурные стихи, был первым поэтом на факультете. И людям нужны были его стихи! Да, они сами так говорили, когда встречали его на улице. Эти прекрасные люди даже просили автографы

Запрещено для коммерческого использования

и почему-то чрезмерно благодарили, порой незаслуженно благодарили… И самое главное — Вася Тучкин тогда очень верил в свои стихи. Вот они и получались такими складными. А сейчас… Другие настали времена. И уже нет у меня ничего. Теперь я самый что ни на есть заурядный гражданин, который всё по кабакам, да по кабакам… In vino veritas, это уж точно… *(Ещё сильнее облокачивается на прилавок, как будто сейчас упадёт.)*

Консультант. Извините… Если мы можем чем-то помочь, то с радостью…

Вася Тучкин. Да! Вы мне очень поможете, если… *(Достаёт из кармана маленький сборник со своими стихами и протягивает Консультанту.)* Прочитайте, прошу вас. Это первое, что способно спасти меня от горя. А второе… Точно! У вас же тут аппарат воспоминаний… Я специально взял с собой все деньги, всё, что осталось. Хочу вернуться в те времена, когда я был поэтом с большой буквы. Когда ещё умел заниматься тем, к чему душа лежит…. «Бедность не порок, это истина…» Будь что будет. Держите, шестьсот — всё, что у меня есть. *(Протягивает Продавцу купюры.)*

Продавец. Вам хватит на достаточно длинные воспоминания. Скажите, когда конкретно вы были… знаменитым Васей Тучкиным?

Вася Тучкин. Ох, это было где-то два года назад! Как давно…

Продавец *(Консультанту)*. Так, нужно залить «Чернила», «Автограф», «Книги», «Веру в себя»…

Вася Тучкин *(пока Консультант заправляет аппарат)*. Знаете, что я вам скажу? Ваш магазин — самое лучшее, что осталось в этом городе! Громко звучит… но посудите сами: всё вокруг давно превратилось в обман. Все эти витрины с одинаковой модной одеждой, один и тот же фастфуд на каждом углу… На всех столбах лозунги и рекламы. В телевизоре одни приторно улыбающиеся селебрити… Невозможно смотреть! Да, капитализм истребил поэзию. Осталось только искусство продавать и тиражировать, проникать в мозг людей и отравлять его… А вы? Вы дарите людям воспоминания! А что такое для человека воспоминания? Это жизнь, это вдохновение, это самоощущение… У вас каждый товар уникальный.

Консультант. Спасибо за такие добрые слова! А вы уже можете проходить, кстати. *(Открывает дверь в аппарат.)* Прижмитесь к задней стенке аппарата и закройте глаза. Сейчас вы перенесётесь во времена, когда вы были востребованным поэтом и писали нужные стихи. Прекрасной вам ностальгии!

Вася Тучкин заходит, Консультант закрывает дверцу аппарата.
Продавец и Консультант переглядываются между собой.

Запрещено для коммерческого использования

Продавец. Да я прямо шарлатаном себя чувствую! Улыбаясь, беру у людей последние деньги взамен на… ладно бы ещё на что-то полезное! Но нет.

Консультант. А вдруг мы сейчас сделали очень важное дело? Вдруг этот Вася Тучкин сейчас вдохновится самим собой в прошлом и у него снова появятся силы творить?

Продавец. А по-моему, он слишком много балаболит! Непризнанный гений… Чтобы быть признанным, нужно трудиться, а не «по кабакам, да по кабакам»… Ему следовало родиться в есенинские времена, а раз уж судьба распорядилась иначе, нужно учиться выживать!

Консультант. Может, почитаем его стихи?..

Продавец. Ну давай, пока других посетителей нет.

Действие третье

Следующий день выдаётся особенно жарким. Консультант пытается включить кондиционер, но у него никак не получается. Продавец сидит за прилавком, обмахиваясь какими-то бумагами.

Консультант *(копаясь в кондиционере)*. Да что же с тобой не так?

Продавец. Я ж говорю, он не работает. Впервые решили включить, называется… Чинить нужно или новый покупать.

Консультант. Ага, только сначала придётся директору об этом сказать.

Продавец. Чёрт, придётся… Только зная его, во всех неполадках вселенной виноватыми окажемся мы. Ему лишь бы сэкономить.

Обмахиваясь листами бумаги, Продавец случайно задевает стеклянную рамку с фотографией Лили. Она падает на пол и разбивается. Продавец застывает и медленно переводит взгляд на Консультанта.

Продавец. Прости… Я… я не хотел… Я тебе завтра новую принесу, такую же рамку…

Консультант *(пытаясь скрыть грусть)*. Да… Да, хорошо. Принесёшь. А сейчас… осколки надо убрать.

Консультант отправляется в коморку за веником и совком, Продавец поднимает с пола фотографию. В этот момент отворяется входная дверь. Заходят светловолосая девушка в бархатном платье и старенькая женщина в пуховом платке — это Симона и её Бабушка Тамара. Бабушке тяжело идти, поэтому Симона придерживает её за руку и сажает на банкетку.

Симона. Бабуля, посиди пока. Я сейчас быстро спрошу кое-что, и потом пойдём домой. *(Подходит к прилавку. Продавцу и Консуль-*

Запрещено для коммерческого использования

танту.) Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, а у вас можно купить воспоминания, которые… как бы сказать… исчезли?

Консультант. Добрый день… Простите, не совсем понял, что вы имеете в виду?

Симона *(полушёпотом)*. Понимаете… Моя бабушка потеряла память. В один момент она не смогла вспомнить ничего, что с ней было раньше. Не знала, где она живёт, чем обычно занимается, с кем общается. Не знала даже, кто я и как меня зовут… Это случилось месяц назад, после инсульта. Доктор сказал, это полная амнезия. Память может частично восстановиться, но… Шансов мало. Я пытаюсь объяснить бабуле какие-то базовые вещи… Что её зовут Тамара и ей 65 лет. Что всю жизнь она работала учительницей истории, а последние годы плела на заказ корзинки. Что меня зовут Симона и я её единственная внучка. Только она не может до конца поверить мне. И правда, как можно поверить в то, чего не помнишь сам? Скажите, вы можете нам помочь? Ваш аппарат воспоминаний…

Консультант *(растерянно)*. То есть вам нужно не просто перенестись в воспоминания, но и восстановить их?

Симона. Да. Если возможно.

Бабушка Тамара. Сима, о чём ты там так долго договариваешься? Умоляю, пойдём на улицу, очень здесь душно!

Симона. Да, да, бабуль, сейчас пойдём. Подожди немножко. *(Продавцу и Консультанту. Продолжает полушёпотом.)* Знаете… я, наверное, эгоистка. Я ведь делаю это всё ради себя. Бабуля ведь ничего не помнит, она не ощущает потерю… А мне очень больно, потому что я помню всё. Какие чудесные корзиночки она плела – по всему дому были расставлены. Так изящно их делать умела только она. Как искренне она всегда ко мне обращалась: «Симочка, душенька». Какие вкусные пирожки с повидлом она готовила каждую пятницу – эта традиция появилась ещё тогда, когда я в школу ходила. И сейчас со мной всё та же бабушка, но она уже не делает всего этого. Не умеет, да и не хочет, наверное… А мне очень грустно сейчас. Она у меня одна. Да и я у неё тоже.

Консультант. Мы очень надеемся, что сможем вам помочь!

Продавец. Да… Правда, подобный случай в нашей практике впервые… Не могу точно сказать, способен ли наш аппарат восстанавливать воспоминания… Но сейчас уточню это у директора. *(Тянется к телефонной трубке.)*

Неожиданно в магазин заходит высокий мужчина в чёрном костюме и шляпе – это Директор.

Директор. Добрый день!

Продавец. Добрый день!

Запрещено для коммерческого использования

Консультант. Ой, здравствуйте! А мы только собирались вам звонить… Тут вопрос возник.

Директор. Вопрос?

Симона объясняет Директору ситуацию, тот молча выслушивает, периодически поправляя на себе пиджак. Принимает задумчивый вид.

Директор. Что ж, я думаю, у нас получится вернуть воспоминания вашей бабушке! Только этот процесс будет чуть сложнее обычного… Потребуется больше времени, реагентов. И стоить это будет около десяти тысяч.

Симона *(растерянно)*. Десять тысяч?.. Я… если честно, не ожидала… У меня только шесть… я была уверена, что этого достаточно. Скажите, шести тысяч точно не хватит?

Директор. К сожалению, нет. Инновационное оборудование… Поэтому такие цены.

Симона *(с подступающими слезами на глазах)*. Жаль… Ну мы тогда пойдём… До свидания! *(Бабушке Тамаре.)* Пошли домой, бабуль.

Симона и Бабушка Тамара уходят. Консультант и Продавец тут же поворачиваются в сторону Директора.

Продавец. Но подождите! Может быть, есть возможность в данном случае сделать скидку? Десять тысяч — это огромная цена, таких денег почти ни у кого нет!

Директор. Ис-клю-че-но. Никаких скидок! Мы и так чуть ли не в убыток работаем! Нет, нет, нет. Я реагенты за границей, знаете, за сколько закупал? И чтобы сейчас я начал их чуть ли не за бесценок продавать? Нет. Хотите заниматься благотворительностью — идите в другое место.

Консультант. Но вы же слышали, какая у девушки ситуация! Неужели мы ничем не можем помочь?

Директор. Если у неё нет денег, то, увы, ничем.

Продавец. Да сколько можно? Этот магазин всегда был бесполезным! Сюда приходили те, кто любит сорить деньгами и не умеет жить настоящим! Каждый день я вижу здесь столько эгоистов, которые вместо того, чтобы строить будущее, ноют по утраченному прошлому! И сегодня у нас впервые есть шанс сделать что-то реально полезное — вернуть этой девушке её единственного родного человека. Но оказывается, мы этого не можем сделать… Мы не воплощение прогресса и не повод для восхищения, мы всего лишь очередное лицемерное заведение.

Директор. Вот уж кому читать мне мораль! А вы сделали что-нибудь стоящее для процветания этого «заведения»? Нет. Вы думаете, я не замечаю, что реагенты куда-то сами собой деваются? За такое вообще увольнять положено!

Запрещено для коммерческого использования

Продавец. Лично я уйду сам.

Консультант. Я тоже! Нечего здесь больше делать.

Директор. Ну и пожалуйста! Никого не держу! Найдутся более ответственные работники.

Консультант. Только прежде чем будете их трудоустраивать, купите для них нормальный кондиционер!

Продавец и Консультант покидают магазин, стараясь как можно сильнее хлопнуть дверью. Впереди видят Симону и Бабушку Тамару. Консультант бежит за ними.

Консультант. Симона! Подождите!

Симона *(оборачиваясь, в слезах)*. Да, что такое?

Консультант. Извините, что так вышло… Мы сделали всё, что было в наших силах.

Симона. Что вы, мы очень вам благодарны, правда…

Консультант. Знаете, раз уж не получилось вернуть вашей бабушке воспоминания… Попробуйте начать всё с чистого листа. Ведь главное, что бабушка жива и рядом с вами. Да, она уже не та, к кому вы так привыкли… Но мне кажется, она любит вас не меньше, чем раньше. А вы её – тем более.

Симона. Я думаю, вы правы. Я долго не могла смириться с тем, что произошло… но это неправильно. Нужно ведь двигаться вперёд, да?

Консультант. Да. Я тоже очень хочу этому научиться… Меня, кстати, Матвей зовут. Может, будем дружить?

Конец.

Сибилева Эмилия, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ТЕАТРАЛЫ

(Комедия, фрагмент)

Действующие лица:

Розов Эдуард Васильевич – заместитель мэра по молодёжной политике.

Евгения Викторовна – директор школы.

Людмила Борисовна – завуч.

Светлана Анатольевна – учитель литературы.

Запрещено для коммерческого использования

Екатерина Ивановна — учитель английского.

Джон — сын Екатерины Ивановны, 14 лет.

Амалия Сергеевна Воробьёва — новый учитель истории.

Вера Ковалевская — восьмиклассница.

Толя — восьмиклассник.

Коля — восьмиклассник.

Школьники 12–13 лет.

Роман Романович — директор технического колледжа.

Марк Смирнов — студент колледжа.

Гордей Чижиков — студент колледжа.

Маленький город. Школа, класс, обшарпанные парты, учительский стол. На доске написано: «Каникулы!» За партой сидит Вера, облокотившись на руку, смотрит по сторонам. В классе тихо, слышен только стук каблуков Людмилы Борисовны, которая ходит кругами с журналом в руках.

Картина первая.

Людмила Борисовна. Нет, так больше невозможно!

Вера закрывает глаза.

Людмила Борисовна. Сижу с тобой второй день! Хоть бы блеск был в глазах, ну, конечно! Верочка, у тебя круглые двойки по математике! А в следующем году ОГЭ!

Вера безразлично смотрит журнал.

Вера *(выкидывая журнал)*. Да пошло оно ваше ОГЭ!

Людмила Борисовна. Ах, так! Противная девчонка!

Вера *(спокойно)*. Я тогда пойду?

Людмила Борисовна *(в истерике усаживает Веру)*. Никуда ты не пойдёшь! Остаёшься на второй год. Это моё последнее…

Раздаётся телефонный звонок. Звонит директор школы Евгения Викторовна. Людмила Борисовна нервно ищет в кармане телефон.

Людмила Борисовна. Алло! Я занята!

Евгения Викторовна. Людмила Борисовна, это срочно!

Людмила Борисовна *(пятится)*. Да, Евгения Викторовна, я полностью во внимании.

Вера усмехается.

Евгения Викторовна. Людмила Борисовна, театральный кружок не сформирован! Ребята не пришли! *(Людмила Борисовна медленно тянет руки к небу.)* У них видите ли каникулы! А у нас распоряжение от Министерства образования. *(Пауза.)* На кону грант, вы забыли? Я вам говорила, мотивировать детей?!

Запрещено для коммерческого использования

Людмила Борисовна. Я мотивировала.

Евгения Викторовна. Значит, плохо мотивировали, ещё завучем называетесь! Я вам говорила, что нужно и по-плохому, и по-хорошему?!

Людмила Борисовна. Говорили…

Евгения Викторовна *(повышая голос)*. И через родителей, и через запугивание!

Людмила Борисовна *(еле слышно)*. Пробовала.

Евгения Викторовна. А настаивали, что без театра мы все умрём?

Людмила Борисовна падает, Вера подставляет стул.
Людмила Борисовна садится.
Вера обмахивает её журналом.

Людмила Борисовна. Чего-о?

Евгения Викторовна *(трагично)*. Спектакль как показывать будем? Семь балбесов с горем пополам набрали и ни одной девчонки! Отлично боремся с бескультурьем, перевыполним план!

Людмила Борисовна *(сползая со стула)*. Перевыполним… Видите ли, театр нынче не в моде.

Евгения Викторовна *(смеётся)*. Вот открытие! Найдите хоть кого-нибудь!

Людмила Борисовна *(растерянно смотрит по сторонам, Вера жестом показывает, что уходит)*. Да только Ковалевская тут, но…

Евгения Викторовна. Ковалевская? Вот и замечательно! Бегом отправляйте её на репетицию.

Людмила Борисовна. А математика?

Евгения Викторовна и Вера *(одновременно)*. А математика подождёт!

Людмила Борисовна роняет телефон. Вера уходит.

Людмила Борисовна *(подбегая к Вере)*. Стой! Бегом в колледж. В актовый зал!

Вера *(удивлённо)*. Я вам дура, что ли?! *(Пытается уйти, Людмила Борисовна хватает её за руку)*.

Людмила Борисовна. Прошу тебя, Вера!

Вера *(пытаясь высвободить руку)*. Не-е, со мной такой номер не прокатит, вы нашу «гордость школы» уговорить не смогли, а меня и подавно.

Людмила Борисовна наступает на неё. Вера пятится.

Людмила Борисовна *(грозно)*. Ты идёшь в студию, а я закрываю глаза на твою неуспеваемость.

Вера. Испугали! Можете не закрывать! *(Спотыкается и падает, начинает отползать.)*

Запрещено для коммерческого использования

Людмила Борисовна. Иначе вылетишь со школы даже без справки.

Вера закрывает лицо. Людмила Борисовна стоит над ней.

Вера *(в сторону)*. А это уже риски. *(Голос показательно дрожит.)* Договорились, я, значит, пошла *(боком обходит Людмилу Борисовна, убегает со сцены)*.

Картина вторая

Технический колледж. Актовый зал. По бокам сцены висят пёстрые занавески. Разбросаны табуретки и лавочки. У задника возвышается метровая обшарпанная стремянка. На лавочке сидит Джон и играет в телефон. Марк отбивает баскетбольный мяч, рядом с ним стоит большая музыкальная колонка. Гордей монотонно ходит по сцене. Коля и Толя кувыркаются. Несколько других ребят скучающе разошлись по сцене. Розов Эдуард Васильевич эмоционально размахивает бумажными документами перед Евгенией Викторовной. Роман Романович держит в руках старый руль и слушает Розова. Светлана Анатольевна и Екатерина Ивановна держат в руках табуретку. На сцене напряжённая, тяжёлая атмосфера.

Розов *(раздражённо)*. А у меня распоряжение!!! Нужен спектакль! Грант сам себя не получит!

Евгения Викторовна *(устало)*. Будет спектакль…

На сцену выходит Вера.

Розов. Где дети?!

Вера. Вот дети! *(Но никто не обращает на неё внимания, пару секунд она стоит в удивлении, затем садится на лавку.)*

Роман Романович *(вращая руль)*. Руль может понадобится…

Светлана Анатольевна *(Екатерине Ивановне)*. Надо ставить «Ревизора»…

Екатерина Ивановна *(пытается забрать у Светланы Анатольевны табурет)*. Какой может быть «Ревизор»!!!

Светлана Анатольевна. Самый обыкновенный!

Екатерина Ивановна. Ваш энтузиазм и в благое русло бы!

Светлана Анатольевна. Педагогический коллапс!

Екатерина Ивановна. Что-о?! *(Толкаясь, уходят за кулисы.)*

Розов *(хватаясь за голову)*. Кто бы мог подумать… Мы и театр — это наше будущее! *(Садится на табурет, на два соседних пристраиваются Роман Романович и Евгения Викторовна.)*

Роман Романович. Уже по всей стране есть театральные студии…

Розов *(качая головой)*. А мы отстали… Позор!

Евгения Викторовна *(вставая)*. А знаете, давайте «Мёртвые души»!

Запрещено для коммерческого использования

Розов *(берёт Евгению Викторовну за руку)*. Милочка, вы обезумели? Какие «Мёртвые души»?

Роман Романович. Гоголя, наверное.

Евгения Викторовна *(поправляя очки)*. В документах напишем, что детей пришло, как полагается, например, тридцать! Вот и мёртвые души! Одни делали костюмы, другие грим, третьи…

За кулисами крики. Из-за кулис выходит растрёпанная Светлана Анатольевна.
Екатерина Ивановна идёт за ней с синяком под глазом.

Екатерина Ивановна *(удручённо)*. Нет, а если «Ревизор», то?

Розов и компания оглядываются на них.

Розов. Вот именно! А если ревизор? Обычная проверка из Москвы, то?

Евгения Викторовна снова садится и начинает говорить. На середину сцены выходит Марк с колонкой в руках.

Марк *(громко)*. Достали!

Марк нажимает на выключатель колонки. Играет тяжёлый рок, перекрывающий споры взрослых, но они продолжают общаться, не обращая внимания. Вера подходит к Марку.

Вера *(улыбаясь)*. А ты хорош!

Марк. А чего они, пригнали нас, а сами разобраться не могут.

Вера. Тебя за какие заслуги?

Марк. Ну… это… Да, мяч не туда попал. *(Вера удивленно смотрит на него.)* Разбил окно в отделении полиции… Вот теперь приходится.

Вера. А я из-за математики! Будь она неладна!

Марк *(с серьёзным видом)*. У нас без математики никуда…

Вера. У нас и так некуда, поэтому не страшно!

Марк смотрит на Веру и улыбается. Вера смотрит вперёд.

Марк *(протягивая руку)*. Марк Смирнов.

Вера *(глядя на Марка)*. Какой-то ты не особо смирный! *(Протягивает руку в ответ.)* Вера Ковалевская.

Марк. Тебе-то фамилия великой Софьи тоже не помогает!

Вера. Природа иногда отдыхает. *(Вскакивает на лавочку.)* А знаешь, я отсюда обязательно уеду! Далеко-далеко, где мне ни за что не понадобится математика! *(Оступается, но её ловит Марк).*

Запрещено для коммерческого использования

Картина третья

Обстановка та же. Дверь в зрительный зал открывается, и появляется Амалия Сергеевна Воробьёва, осторожно заходит и смотрит по сторонам. Музыка выключается. Взрослые громко эмоционально ругаются, располагаясь по кругу, все слова смешиваются, слышны только обрывки фраз.

Розов. Я последний раз в театре в классе третьем был…

Светлана Анатольевна. Тогда ставим «Гамлета»!

Евгения Викторовна. Вы сумасшедший!

Роман Романович. Не верю!

Екатерина Ивановна. To be, or not to be, that is the question!

Амалия *(громко)*. Извините, я Амалия Сергеевна Воробьёва. Пришла на собеседование на должность учителя истории.

Все взгляды направляются на неё.

Наверное, я запуталась, школа, колледж, и не разберёшь… не подскажите, куда пройти мне к директору.

Светлана Анатольевна *(злорадно)*. У нас тут запутаешься!

Евгения Викторовна *(взмахивая руками и щурясь)*. Собеседование?

Амалия. Я увидела вакансию и решила сразу приехать…

Роман Романович. Поймите, нам сейчас не до истории.

Амалия хочет уйти.

Евгения Викторовна *(взволнованно)*. Как же не до истории! Пройдите, пожалуйста.

Амалия поднимается на сцену. Евгения Викторовна подходит к ней. Светлана Анатольевна и Екатерина Ивановна, перешёптываясь, уходят со сцены.

Евгения Викторовна *(прищуриваясь)*. Здравствуй… *(Пауза. Поправляет очки.)* Как вы молоды… Какими судьбами в нашу деревню…

Амалия *(беспокойно)*. С желанием преподавать!

Евгения Викторовна *(в сторону)*. Все от нас едут, а не к нам… *(Амалии.)* Это, конечно поразительно и не поспоришь…

Розов. Евгения Викторовна, по-моему, ваши школьные вопросы сейчас не первостепенны, давайте будем правильно выставлять приоритеты!

Евгения Викторовна. Конечно…

Амалия. А я…

Евгения Викторовна хочет что-то сказать, но Розов перебивает её.

Розов. Подождите, и до вас очередь дойдёт, а пока присядьте *(протягивает табуретку)*.

Амалия садится. Евгения Викторовна и Розов отходят в сторону.

Запрещено для коммерческого использования

Роман Романович. Коллеги, предлагаю начать действовать.
Евгения Викторовна. Вот открытие!

Из-за кулис появляются Светлана Анатольевна с книгой в руках и Екатерина Борисовна.

Светлана Анатольевна *(торжественно)*. Мы всё придумали!
Екатерина Борисовна *(сквозь слёзы)*. Будем ставить «Недоросля».

Розов смотрит на Евгению Викторовну.

Евгения Викторовна. Это который не хочет учиться, а хочет жениться…
Розов. А-а-а!

Дети, переглядываясь, тихо уходят за кулисы. Марк тянет за собой Джона.

Марк *(шёпотом)*. Я говорю тебе, пойдём…
Джон. Меня ма прибьёт.

Марк закрывает ему рот. И они уходят.

Светлана Анатольевна *(забираясь на табурет)*. «Недоросль»! Комедия в пяти действиях!

Роман Романович смеётся.

Светлана Анатольевна *(грозно)*. Оставьте! Вы только представьте, у нас есть идеальный артист на роль *(оглядывается назад)*. А где дети?!

Все в недоумении смотрят. Пауза.

Екатерина Ивановна *(оглушительно кричит)*. Джо-о-он!!!

Шорох за кулисами и приглушённые крики. На сцене появляется Джон, и за ним все ребята с видом дерзким, но пристыженным.

Джон *(уныло)*. Да, ма-а-а…
Екатерина Ивановна *(в слезах)*. Дурак!
Джон. Я тут ваще ни при чём.
Екатерина Ивановна. Но повёлся на провокацию!
Марк. У вас отлично и без нас получается…
Роман Романович. А ты молчи! Хулиган и подстрекатель!

Ребята протестуют.

Светлана Анатольевна *(громко)*. Хватит балаган разводить! Лучше садитесь и слушайте.

Ребята недовольно садятся.

Будем ставить «Недоросля»! Чудная пьеса. Великого… *(неловкая пауза)* великого…

Запрещено для коммерческого использования

Вера *(смеясь)*. Достоевского!

Светлана Анатольевна. Очень смешно, Ковалевская *(смотрит на обложку книги, читает)* Д.И. Фонвизина. Комедия замечательная. Очень поучительная и правильная.

Екатерина Ивановна *(перебивая её)*. Произведение закладывает истинные ценности. Так сказать, Knowledge is power!

Светлана Анатольевна *(перебивая)*. Вот именно! Я, пожалуй, продолжу на родном. Сейчас распределим роли.

Гордей *(задумчиво)*. А вам не кажется, что нас слишком мало…

Светлана Анатольевна. А не закрыть бы вам рот?

Евгения Викторовна. Вот именно, Чижиков, не дави на больное!

Светлана Анатольевна. Так вот. Митрофанушка – Джон. Простаков – Чижиков. Госпожа Простакова *(обводит взглядом)* – Ковалевская. Скотинин – Смирнов, даже чем-то похожи. Кутейкин и Цыфиркин – Коля и Толя… *(Показывает рукой.)* Так, ты будешь Тришкой, а ты слугой. Играем!

Джон *(смотрит на Катерину Ивановну)*. Мы на такое не договаривались!

Екатерина Ивановна. Тише!

Гордей *(картаво)*. А мы только антагонистов иглать будем? Кто с ними болоться тогда будет… А Плавдин? Или тьма востолжествовала…

Светлана Анатольевна. Какой ты проницательный всё же! *(Смотрит в книгу.)* Ну…

Розов. Пусть правда восторжествует.

Евгения Викторовна. Восторжествует…

Розов *(детям)*. Ладно, чего сидим?! Давайте, начинаем, или как это ещё работает!

Дети нехотя встают, отодвигают табуреты,
имитируя зрительный зал, учителя суетятся.
Взрослые садятся, дети встают по краям.
Светлана Анатольевна протягивает Коле книгу.

Светлана Анатольевна. Ну, с богом! *(Уходит ко взрослым.)*

Коля. И что делать-то?..

Толя. Хороший вопрос.

Коля. Кто такой этот Тришка… узнать бы.

Толя. Я вот играть хочу! Но боюсь жутко…

Ребята в непонимании стоят и смотрят по сторонам. Гордей подходит к Коле и забирает у него книгу, выходит в центр сцены.

Гордей. Значит так… Действие пелвое, явление пелвое.

Все хихикают.

Запрещено для коммерческого использования

Гордей. Не нлавится, сами делайте! *(Хочет уйти.)*

Евгения Викторовна. Нет-нет, нам очень нравится.

Гордей. Госпожа Плостакова, осматливая кафтан на Митлофане… (Через паузу, громче.) Госпожа Плостакова… Вела!

Вера *(ошеломлённо)*. А? Я, что ли?

Рассеянно выходит в центр, случайно спотыкается о табуретку. Смотрит по сторонам.

Гордей *(шёпотом Вере)*. Кафтан весь испорчен…

Вера. Что-о?

Гордей. Каф-тан весь ис-пор-чен…

Вера *(неуверенно)*. Богдан здесь замучен?

Ребята хихикают. Вера враждебно показывает язык.

Гордей *(шёпотом)*. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку.

Вера. И кто у нас Еремеевна?

Пауза.

Марк *(дурачась, старческим голосом)*. Кто Еремеевну звал? Я в вашем распоряжении *(встаёт на колени)*.

Розов *(раздражённо)*. Нет, так нельзя!

Ребята останавливаются.

Евгения Викторовна *(закрывая лицо)*. Это безобразие.

Светлана Анатольевна *(вставая)*. Ну что вы творите? Так сложно нормально сыграть?! У нас серьёзное мероприятие! А вы…

Толя. Мы вам тут не артисты!

Коля. Вот-вот!

Роман Романович. Грубияны!

Вера. Сами не лучше!

Все встают. Неразборчиво кричат друг на друга. Кто-то встаёт на табурет, Светлана Анатольевна отнимает у Гордея книгу. Екатерина Ивановна кричит на Джона. Коля и Толя бегают, раскрывая и закрывая занавески. Всё превращается в безумный гул.

Занавес.

Картина четвёртая

Кабинет Евгении Викторовны. Посередине стоит стол, домашний телефон, принтер, компьютер и несколько стульев. Евгения Викторовна, Людмила Борисовна, Амалия появляются на сцене. Евгения Викторовна проходит к столу, Людмила Борисовна с журналами в руках следует за ней, Амалия протягивает документы. Евгения Викторовна некоторое время внимательно их изучает.

Запрещено для коммерческого использования

Евгения Викторовна. К нам на должность учителя истории?

Амалия кивает.

Евгения Викторовна *(вытаскивая из папки диплом)*. С красным дипломом из столицы?!

Людмила Борисовна *(наклоняясь)*. Зачем?

Амалия *(неуверенно)*. Зов сердца… Программа трудоустройства «Культурный десант». …Начать жизнь с чистого листа!

Евгения Викторовна. Когда же вы успели его замарать?

Людмила Борисовна. Сейчас взрослеют раньше.

Евгения Викторовна. А по-моему, наоборот позже…

Амалия. Не переживайте, я со всем справлюсь, да преподавательского опыта у меня ещё нет.

Евгения Викторовна. Где же вы работали?

Амалия *(неловкая пауза)*. Ну… э-э… в архиве.

Евгения Викторовна. В архиве, значит…

Амалия. Да.

Людмила Борисовна. Ну раз так, мы вас берём! Приезжайте в двадцатых числах августа.

Амалия *(запинаясь)*. Понимаете, я хочу начать новую жизнь — это нельзя откладывать до августа, нужно начинать прямо сейчас… У вас в городе найдётся место?

Пауза. Людмила Борисовна случайно роняет папки. Амалия помогает их собрать.

Людмила Борисовна *(в смятении)*. Более чем…

Амалия. Вот и отлично. До встречи.

Амалия уходит. Людмила Борисовна и Евгения Викторовна удивлённо смотрят ей вслед.

Евгения Викторовна. Что-то здесь нечистое. То-то ещё будет…

Людмила Борисовна. Может, новый тренд? А мы и не в курсе!

Картина пятая

Школьный двор. На заднике картонная надпись: «Школа», в скобках приписка «нет». Посередине сцены стоит лавка. Вера, Марк, Гордей, Толя, Коля и Джон молча сидят на ней.

Марк. Театр — это полный вздор!

Вера. Кто по своей воле вообще этим занимается?

Коля. Безумцы.

Марк. А по-нашенски…

Гордей. Молчи!

Запрещено для коммерческого использования

Ребята печально вздыхают. Из школы выходит Амалия, видит ребят и идёт к ним.

Амалия. Чего носы повесили?

Гордей. Да так…

Все кивают.

Амалия. А я ваша новая учительница истории!

Марк. Учтите, историю у нас тут никто не любит.

Гордей. Как и театл.

Вера. Скажите, что в столице уже давно никто этой заразой не страдает!

Амалия. Почему же? *(Забывшись, встаёт и крутит пируэт.)* Театр – это настоящее счастье. Однажды мы играли «Гамлета»!

Ребята вскакивают и кричат в один голос: «Вы играли в театре?!»

Амалия *(опомнившись)*. Нет… А может, да… Но всё это давно в прошлом.

Толя *(обрадовавшись)*. Ещё как играли! Как у вас элегантно получилось! *(Пытается повторить пируэт.)* А давайте вы нам спектакль поставите!

Амалия. Я?

Толя кивает. Амалия задумывается, сначала порывается отказаться, но останавливается.

Амалия. А почему бы и нет…

Марк. Ну нет. Я больше этого цирка не вынесу!

Амалия. Настоящий театр совсем не похож на то, что ты видел сегодня. Сегодня ты лицезрел не театр, а сумасшедший дом!

Ребята хихикают.

Вера. Что же такое настоящий театр?

Амалия. Театр имеет одну страшную тайну. Сцена – это единственное место на земле, где можно говорить правду. В жизни-то мы все играем роли: наглый хулиган, строгий учитель или послушная дочь *(усмехается)*.

Ребята заинтересованно смотрят на неё. Джон продолжает играть в телефон.

А вот, когда на сцене прячешься за маской персонажа, вдруг находишь своё истинное лицо. Театр – это зеркало, открывающие то, что скрывается внутри. Джон, лови! *(Кидает в него мяч, тот его пропускает, но ловит Марк.)*

Театр боятся, потому что он заставляет задуматься, в какой пьесе живём в реальности? И знаем ли режиссера в лицо? *(Играет шля-*

Запрещено для коммерческого использования

пой.) В мире лжи — театр остаётся островком веры, надежды и помогает укрыться от безобразия существования... *(Смотрит на Веру.)* А сцена — в первую очередь, про действие, а не про слова. *(Включает колонку Марка и начинает танцевать.)* Репетиция завтра в шесть после вашей основной. И помните, это наш с вами секрет! Театралы должны уметь держать тайны, ну и паузу, конечно...

Занавес.

Картина шестая

Кабинет Евгении Викторовны. Вечер. Евгения Викторовна сидит за столом и смотрит в одну точку, Розов ходит из угла в угол, Людмила Борисовна набирает что-то в компьютере.

Розов. С каждым днём репетируют всё хуже и хуже. А завтра показ! И грант улетучился! Три недели пролетели! И кто-нибудь ответьте, куда они вечно убегают после репетиций? Вы тоже слышали, что они всё время говорят о каком-то побеге и алые ленты на руки повязали, а спросишь — смеются...

В кабинет, запыхавшись, врывается Роман Романович.

Роман Романович. Нет, когда они попросили красное полотно из подсобки, я понять мог! И не такое бывает! Затем стремянка... Уже без спроса! Я заметил, они говорят, что котёнка доставали! А теперь смотрю — руль пропал! Помните, тот самый! Всё обыскал, как не было. *(Хватается за волосы.)* Ну зачем, зачем же им руль! Секта!

Розов. Правда, молодёжная группировка какая-то. Театр! Жили себе не тужили...

За сценой крики. В кабинет забегают Светлана Анатольевна и Катерина Ивановна с белым ватманом в руках.

Светлана Анатольевна. Вы только посмотрите!

Екатерина Ивановна. Боже! О боже!

Они открывают лист, на котором схематично изображён корабль и череп.

Роман Романович. Сатанисты...

Светлана Анатольевна. В классе нашли! А они туда сегодня приходили с этой...

Екатерина Ивановна. Господи! И мой мальчик с ними!

Розов. Так узнайте всё у него.

Екатерина Ивановна *(садится на пол посреди сцены)*. Да что вы! Он стал таким скрытным! *(Заливаясь слезами.)* Я и так и сяк пыталась узнать. Он отнекивался, а потом отвёл меня в угол и серьёзным голо-

Запрещено для коммерческого использования

сом говорит: «Ма, не задавай лишних вопросов, я дал слово и не вправе, что-либо разглашать. Рано или поздно ты всё узнаешь. Я, наконец, полноправный член общества!» «Не переживай, театр – это круто», – добавил он и снова убежал. При чём тут театр?!

Роман Романович. Точнее, секта… О таком в телевизоре рассказывали!

Екатерина Ивановна ещё сильнее рыдает.

Людмила Борисовна *(вскакивая)*. Конечно, ну конечно! Вы только посмотрите!

Все подбегают к ней и смотрят на экран компьютера. Евгения Викторовна продолжает безучастно смотреть в одну точку.

Людмила Борисовна *(истерически улыбаясь)*. Нуль без палочки. Никакой информации о Воробьёвой Амалии Сергеевне. Даже странички Вконтакте нет! Человек-призрак, что сказать!

Розов. Не может быть…

Людмила Борисовна. Мы укрыли у себя преступницу!

Розов. Гранту не быть! Евгения Викторовна! *(Она не откликается.)* Евгения Викторовна!

Евгения Викторовна, опомнившись, смотрит на всех со злобой и бежит на авансцену.

Евгения Викторовна. Что, Евгения Викторовна! Так я ещё и крайняя! Поразительно!!! А кто мне утверждал, что «Амалия – чудесная девушка!»? Приехавшая непонятно зачем из столицы к нам! И что её «доверительное общение с учениками – это нормально!», а «удивительная забота о них – это современный метод». Если уж на то пошло, на работу её взяла Людмила Борисовна! Пригрели змею! Уверена, её разыскивают!!!

Розов *(хватая её за плечи)*. Не горячитесь, Евгения Викторовна! Мы же даже не видели, чем они там занимаются…

Евгения Викторовна. Сомневаюсь, что читают Шекспира!

Роман Романович. Они ходят в сторону пустыря.

Евгения Викторовна. Там самое место для Шекспира!

Розов *(приобнимая Евгению Викторовну)*. В путь!

Картина седьмая

Пустырь. По сторонам деревья, за ними многоквартирные дома. Посреди сцены на стремянке возвышаются Марк и Вера. Марк держит руль. Вера раскрыла руки в сторону. Джон, Гордей и Толя держат алую ткань, растянув её над головами и то отдаляются, то приближаются, имитируя

Запрещено для коммерческого использования

паруса. Коля и несколько других ребят и отдаляются от Марка и Веры, плавно перебирая синюю ткань.

Вера *(кричит)*. Э-ге-гей!

Гордей. Верь мечте своей, и час наступит твой!

Пауза. Ребята выходят на авансцену. Марк спускается со стремянки и на руках доносит Веру.
Кланяются, затем подходят к Амалии.

Амалия *(улыбаясь)*. У меня нет слов. Это чудесно… Поздравляю! Удивительно, не правда ли, что мы смогли поставить спектакль? И я надеюсь, что он принёс вам гораздо больше, чем просто повторение фраз. *(Берёт за руки Марка и Веру, а они за руки рядом стоящих и образуют круг.)* А театр теперь не равноценен каторге? Знали бы, чему я только не научилась у вас! Остался последний рывок! Завтра мы покажем, кто такие театралы! Наберитесь сил! А теперь этюд на сплочение.

Из-за кулис появляются взрослые, толкаясь,
пытаются рассмотреть происходящие.
Театралы закрывают глаза и начинают круговое шествие.

Амалия. Сцена — место, где нет места для лжи. *(Все повторяют за ней.)*

Евгения Викторовна. Конечно, что и требовалось доказать! Ещё и чёерные плащи! Прекрасно!

Светлана Анатольевна. Крамола!

Роман Романович *(кричит)*. А вот и стремянка, и полотно! А где руль?!

Розов. Да не кричите вы!

Роман Романович. Не волнуйтесь, они вошли в транс перед обрядом!

Екатерина Ивановна падает в обморок. Светлана Анатольевна ловит её.

Людмила Борисовна *(порываясь идти)*. Нужно скорее покончить с этим безобразием! *(Розов удерживает ее.)*

Розов. Подождите, не нужно рисковать так отчаянно.

Евгения Викторовна. Именно, нужно действовать тише и не нам с этим разбираться…

Роман Романович. Сектанты бывают очень агрессивными!

Екатерина Ивановна *(снова падает в обморок)*. А как же мой мальчик?!

Светлана Анатольевна. Держите себя на ногах!

Евгения Викторовна. Необходимо сообщить в высшие инстанции!

Светлана Анатольевна. Как же завтрашний показ «Недоросля»?

Запрещено для коммерческого использования

Евгения Викторовна. Разоблачение — превыше всего. Вот и увидят, до чего театр доводит!

Людмила Борисовна. Его давно нужно было запретить!

Екатерина Ивановна. Порочит душу!

Розов *(выталкивая всех)*. Грант! Уходим… Стать жертвой жертвоприношения не самый удачный вариант закончить вечер…

Взрослые уходят.

Амалия *(распуская круг)*. Театралы, дерзайте! Завтра у нас важный день! Завтра всё случится!

Занавес.

Шинкарёва Екатерина, 15 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Нижняя Салда

ШАРИК В ЛИМПУПУЗИ

Действующие лица:

Павлуша — обычный людь, 15 лет.
Мамуни — 38 лет.
Папуни — 43 года.
Вовуши — приятель Павлуши, 15 лет.
Психонони — обычный психонони, такой же, как и все, 26 лет.
Квинтули — одноклассник Павлуши, 15 лет.
Бабуни — 65 лет.
Администратор 1.
Администратор 2.
Администратор 3.
Автоответчик.

Сцена 1

Просторный зал ЗАГЗИЗИ, играет трагичная музыка, из окон светит солнце. Павлуша щурится, Мамуни и Папуни держатся за руки и плачут. В зал входит Администратор 3 и закрывает окно простынёй. Павлуша перестаёт щуриться.

Администратор 3. Объявляю вас мужини и женини!

Мамуни. Да мы уж были мужини и женини… Развод!

Запрещено для коммерческого использования

Папуни. Да, развод… развод.

Администратор 3. Так-с, тогда обьявляю вас свободными человеками с одним ребёнком на руках.

Павлуша вытирает слёзы и обнимает Мамуни. Папуни выходит из зала с Администратором 3.

Мамуни. Ну всё, прекрати, Павлуша! Разве так я тебя воспитывала?

Павлуша. Нет-нет, но как же так…

Мамуни. Ты должен порадоваться за мамуни. *(Улыбается.)*

Павлуша *(хмурится.)* С чего бы мне радоваться?

Мамуни. Ах, Павлуша!.. Твоя мамуни теперь абсолютно свободна! Ты не представляешь, как же мне теперь хо-ро-шо!

Павлуша. Ну раз тебе хорошо…

Мамуни *(отходит к двери)*. Ну вот и славно! Ты самый замечательный сынуля, Павлуша! *(Машет сумочкой из стороны в сторону.)*

Мамуни выходит из зала ЗАГЗИЗИ, в помещении остаётся один Павлуша.

Павлуша. Жизнь моя — тушёнка на обе-е-е-ед…

Павлуша замечает блестящую бумажку около двери и замолкает.

Павлуша. Мамуни! Так это же из твоей сумочки выпало. Мамуни!

Тишина.

Павлуша. Нет, моя жизнь теперь даже хуже, чем тушёнка на обед…

Кладёт блестящую бумажку в карман. Уходит.

Сцена 2

Просторный коридор шкокони. Тишина. На лавочке сидит Вовуши, перед ним стоит Павлуша и собирает рюкзачини.

Вовуши. Ну чё, всё в силе?

Павлуша. Что?

Вовуши. Ну блин, ты забыл, что ли? Мы же договорились, что сегодня пойдём покупать гитарини!

Павлуша. Да?.. Тогда извини, я забыл.

Вовуши. Звучит, как сарказм.

Павлуша. Какой сарказм?! Я просто забыл. Уяснил?

Вовуши. Да уяснил я, уяснил… Ты вообще в норме? Чё у тебя случилось?

Павлуша. Да родакини вчера развелись, мамуни сказала за неё порадоваться, ведь она теперь свободна, все дела. А я как только смотрю на фотки в мобилини… сразу плакать хочется.

Запрещено для коммерческого использования

Вовуши. Вот это у вас там мелодрама! А папуни чё? Или он типа не при делах?

Павлуша. Ты на что это намекаешь?

Вовуши. Да ни на чё я не намекаю! Просто интересно, кто куда сходил. Ну скажи честно, папуни на работе труля-ля?

Павлуша. Да прекрати! Никто никуда не ходил, и труля-ля у папуни не было! Вот просто они пришли в ЗАГЗИЗИ и говорят: «Развод!»

Пауза.

Вовуши. М-да… И чё теперь?

Павлуша. Да не знаю, сегодня они ночевали вместе, ну, как всегда. Так зачем тогда развод?

Вовуши. Ну, знаешь, могут быть кризисы в семейной жизни. Вот ты потом, когда замуж выйдешь, ты ведь тоже труля-ля захочешь.

Павлуша. Ну, во-первых, я могу только жениться, а во-вторых, я тебе ещё раз говорю — не было никакого труля-ля!

Вовуши. Да ладно, всё. Что за лев этот тигр? *(Смеется.)*

Павлуша. Заткнись.

Вовуши. Да ладно тебе, ну поговори с ними.

Павлуша. Так я даже не знаю, как и что…

Вовуши. Они, что ли, ничего не говорили про развод?

Павлуша. Ну нет, просто вчера мы выехали на ламбарджини в десять утра и остановились у ЗАГЗИЗИ. А потом уже всё и так ясно.

Вовуши. Тогда вообще не знаю, чё тебе делать.

Пауза.

Павлуша. Ладно, пойду я, может быть, поговорю с ними.

Вовуши. Давай, покеда!

Павлуша уходит. Из кармана его брюк выпадает блестящая бумажка. Вовуши замечает её и поднимает.

Вовуши *(кричит)*. У тебя какая-то фиговина выпала! Стой!

Павлуша подбегает к лавочке и пытается забрать бумажку.

Павлуша. Отдай! Это мамуни!

Вовуши *(читает)*. Талон на приём к психонони… Это чё?

Павлуша. Ну какая разница? Это мамуни, отдай!

Вовуши. Да ну? На фига твоей мамуни такая блестящая штучка, а?

Павлуша. Ну чё ты ведёшь себя, как сорока тупоголовая? Отдай!

Вовуши убегает. Павлуша бежит за ним. Мальчинини вступают в бой.

Пауза.

Запрещено для коммерческого использования

Вовуши. Да иди ты уже! Разбираться же хотел с труля-ля, которого не было. Или было?

Павлуша. Заткнись! Отдай уже, и я пойду!

Вовуши. Не, Павлуша, ты реально башкой тронулся. Посмотри на себя, ты из-за какого-то куска бумаги меня убить готов!

Павлуша *(наносит удар в нос Вовуши)*. Не убить, а просто побить.

Раздаётся вибрация мобилини.

Вовуши. Да слезь ты с меня! Тебя вон уже разведёнки твои потеряли!

Павлуша вновь наносит удар в нос Вовуши, забирает вещи и уходит.

Сцена 3

В раздевалке мальчинини пусто.
На полу лежит Павлуша и тыкает в мобилини.
Раздаются долгие гудки.

Папуни. Ну наконец-то! Где тебя носит?

Павлуша. Я сижу в раздевалке.

Папуни. Прекрасно! Просто замечательно, Павлуша! Когда домой собираешься?

Павлуша. А у меня ведь теперь нет дома, так что никогда!

Папуни. Это что ещё такое?! Как это у тебя нет дома?

Павлуша. Ну вот так, у меня вчера же родакини развелись, так что у меня теперь не только дома нет… У меня даже семьи нет!

Папуни. Знаешь, могу тебя даже поздравить! Домой ты всё равно не попадёшь, твоя глупая мамуни сменила замкилини в двери, так что можешь спокойно идти на вокзулини!

Долгие гудки.

Павлуша. И что это? Какие блин замкилини?

Вновь раздаются долгие гудки.

Автоответчик. Абонент не отвечает, оставьте сообщение после сигнала.

Павлуша. Ну и где мамуни? Что за бред?!

Павлуша встаёт, забирает рюкзачини и уходит.

Запрещено для коммерческого использования

Сцена 4

В коридоре подъездини темнота. Павлуша поднимается по лестнице и напевает песенку, останавливается у двери, достаёт ключини и пытается открыть дверь.

Павлуша. Ну и как мне зайти домой?!

Павлуша тыкает в мобилини. Раздаются долгие гудки.

Автоответчик. Абонент не отвечает, оставьте сообщение после сигнала.

Павлуша. Да что это такое? Всемирный пранкарини какой-то?

Павлуша вновь тыкает в мобилини. Раздаются долгие гудки.

Администратор 2. Добрый день!

Павлуша. Добрый… У меня к вам просьба. Это же номер полицини?

Администратор 2. Да, слушаю.

Павлуша. Дело в том, что моя мамуни сменила замкилини и куда-то пропала! Она не отвечает на звонкини весь день…

Администратор 2. То есть ваша мамуни пропала сегодня?

Павлуша. Ну получается, что сегодня…

Администратор 2. Значит, с момента пропажи вашей мамуни прошло только девять неделини, а у нас такие заявления принимаются только на тридцать девятой неделини. Извините, но я ничем не могу вам помочь.

Раздаются долгие гудки. Павлуша кидает мобилини в дверь, садится на пол и начинает петь.

Павлуша *(поёт)*. Меня не пугают ни волны, ни ветер, плыву я к единственной мамуни на свете. Плыву я сквозь волны и ветер, к единственной мамуни на свете…

К Павлуше подходит Папуни и начинает петь вместе с ним.

Павлуша и Папуни *(поют)*. Скорей до земли я добраться хочу, «Я здесь, я приехал!» – я ей закричу. Я мамуни своей закричу, я мамуни своей закричу…

Павлуша и Папуни замолкают. Пауза.

Папуни. Ну что? Мамуни даже тебе не ответила?

Павлуша. Нет… И в полицини отказали принять заявление о пропаже…

Папуни. Тяжело… Очень тяжело.

Павлуша встаёт, его рюкзачини падает, из брюк выпадает блестящая бумажка.

Запрещено для коммерческого использования

Папуни *(замечает бумажку)*. Это что у тебя? Сигаретини?!

Павлуша. Нет! Похоже, это единственная вещь, которая осталась у нас от мамуни…

Папуни. И что это?

Папуни поднимает блестящую бумажку, внимательно рассматривает, пытается прочитать.

Павлуша. Я вспомнил! Вовуши сегодня говорил, что там написано о каком-то талоне на приём к психонони…

Папуни. Удивительно! Зачем ей этот талон…

Павлуша. Вот и я не знаю.

Пауза.

Папуни. Ладно, пошли к бабуни, с этим талоном потом разберёмся.

Павлуша. Ты иди, а мне нужно ещё в одно место сходить.

Папуни. Куда это ты ещё собрался?

Павлуша. Да я это… я обещал Вовуши сходить с ним в магазини за гитарини.

Папуни. Ужас, Павлуша!

Павлуша и Папуни спускаются по лестнице, уходят.

Сцена 5

Темнота. В квартире Бабуни на каждом шагу валяются вещи. В комнате на диванини лежит Бабуни. В комнату входит Павлуша. Шатается.

Бабуни. Вот на кой ты припёрся? Шатался бы дальше! Весь в мамуни-тугодуми!

Павлуша молчит. В комнату заходит сонный Папуни и закуривает сигаретини.

Папуни. Павлуша, что случилось? Где ты снова пропадал?

Бабуни. Да ты посмотри на него! На ногах не стоит, воняет, как свинья в сарае! Что это такое? А я говрила! Я ведь говорила, что эта дуралини его погубит!

Павлуша *(декларирует)*. Н-никто меня не губил!

Бабуни. Ой, ну всё! Приехал наш ламборджини на остановку алкашини!

Папуни смеётся.

Бабуни. Вот что ты смеёшься? От него пахнет хуже, чем от мертвеца! И ты ещё можешь смеяться?!

Запрещено для коммерческого использования

Павлуша. М-мне… м-мне всё можно! *(Капается в карманах брюк.)* У меня вот, от м-мамуни… талончик остался! Я пойду к психонони и найду мамуни! Вы же не хотите мне помочь… Ни семьи, ни мамуни…

Павлуша плачет.

Бабуни. Ты видишь, из него уже бред лезет! Бред!

Папуни берёт Павлушу за руку и уводит в туалетини.

Бабуни *(перекрещивается)*. Господи, помоги ты нам спастись от этого несчастья!..

Сцена 6

Белые стены, белые стулья и белый стол размещаются в кабинете. Около окна сидит Психонони и курит сигаретини. Павлуша ходит из одного угла в другой.

Павлуша. Ну вот и что вы можете мне предложить?

Психонони. Знаете ли… ваш рассказ был очень и очень эмоционалини, но прошу прощения… Я ничего не понял!

Павлуша. Ну как же так?! Я же вам всё по полочкам разложил! Родакини развелись, а я не знаю почему! Потом ещё и мамуни пропала, ладно бы она просто пропала… Так она ещё и замкилини сменила! Вы не представляете, как мне теперь сложно жить с бабуни в одной комнате!

Психонони. Вот теперь всё понятно.

Павлуша. Что понятно?

Психонони. Вы шизофренини.

Павлуша. Чего?! Какой шизофренини? Я всего лишь хочу понять, где моя мамуни! Мне даже не важно знать, что произошло между папуни и мамуни, раз они решили развестись… Но мамуни… Как я, единственный сынуля, могу жить без мамуни?

Психонони. Ну если вы не шизофренини, то просто мамунини сынулини!

Павлуша. Так, давайте вы такие оскорбления оставите на потом! Для меня сейчас каждая минута… Нет, даже секунда очень важна!

Психонони. Раз уж вы утверждаете, что ваша мамуни пропала, то советую обратиться к полицини, а не ко мне.

Павлуша. Я совсем забыл сказать… Полицини ещё вчера мне отказали! Я настолько отчаялся, что решил прийти к вам…

Психонони. Тогда предлагаю вам свою помощь, но не обещаю, что мои советы вам помогут, но раз уж вы….

Павлуша *(перебивает)*. Я на всё согласен! На всё!

Запрещено для коммерческого использования

Психонони. Знаете, я всё же не работник полицини и не совсем понимаю, зачем вы ко мне пришли, но могу предложить самые эффективные методы, чтобы найти вашу мамуни как можно быстрее.

Павлуша. Какие?

Психонони. Вообще вы можете обратиться в местную газету и сделать заметку хотя бы там… или же дождитесь дня, когда полицини примет ваше заявление.

Павлуша. И всё?..

Психонони. Впрочем, нет… Вы поколение, выращенное в пространстве этих мобилини, так что можете запустить горизонтальную трапецию в социальных сетях и, возможно, такие же, как вы, помогут в поисках мамуни.

Павлуша. Спасибо! Спасибо, спасибо! *(Прыгает на месте.)*

Психонони. Я рад, что хоть чем-то вам помог, но не забывайте приходить ко мне по назначению. *(Улыбается.)*

Павлуша. Знаете, вот эта бумажка… *(Достаёт из кармана талон.)* Это единственная вещь, которая осталась от мамуни. Она вышла из ЗАГЗИЗИ и видимо оставила мне вашу помощь…

Пауза.

Павлуша. А откуда у мамуни этот талон? Я сначала подумал, что ей просто сунули листовку на улице…

Психонони *(перебивает)*. Павлуша, я не знаю, как у вашей мамуни оказался этот замечательный талон. Листовки мы не раздаём, на приёмах я её не видел… Впрочем, я могу забывать клиентов…

Павлуша. Она к вам приходила?

Психонони. Я же сказал, что могу забывать клиентов! Особенно, когда ко мне обращаются такие, как вы!..

Павлуша сминает бумажку, отходит к двери, выходит.

Психонони. Павлуша! Постойте…

Тишина.

Сцена 7

Ночь. В комнате горит свет. На диванини спит Бабуни. Храпит. Павлуша сидит на столе, болтает ногами и делает записи в тетради. В комнату входит Вовуши.

Вовуши. Ну чё ты расселся?

Павлуша *(смотрит на Бабуни)*. Тс-с-с!

Запрещено для коммерческого использования

Вовуши закрывает рот рукой, смеётся. Павлуша спрыгивает со стола, хватает Вовуши за рукав кофтанини и тащит к двери.

Вовуши *(шепчет)*. Да ты чё, мне больно!

Вовуши выходит в коридор, за ним Павлуша.

Павлуша. Ты зачем пришёл?! Бабуни уже спит, я делами занят. И как ты вообще зашёл?

Вовуши. Да блин, ну пришёл и пришёл. Выгонять будешь?

Павлуша. Нет, тебе просто повезло, что папуни сегодня задерживается.

Вовуши и Павлуша входят в кухунини, садятся за стол. Павлуша наливает чай в чашкинини.

Павлуша. И всё же, как ты зашёл?

Вовуши *(улыбается)*. Обычно у вас дверь нараспашку открыта, как говорится, заходи, кто хочет! *(Отхлёбывает чай.)*

Павлуша. Папуни похоже не закрыл…

Вовуши. Да твой папуни вообще ни фига не закрыл!

Павлуша. В смысле?

Вовуши. Так я из-за него и пришёл. Он там на лавке около дубини сидит и орёт, что ваша мамуни самое отсталое создание на свете.

Павлуша. Ты врёшь!

Вовуши. Да ты совсем уже! Чё мне врать? Если ты так не веришь, то выгляни в окошко, может, увидишь, если он ещё не уехал с полицини за свои ночные крикичини!

Павлуша подходит к окну. Перед ним появляется папуни. Павлуша слушает как он поёт грустную песню.

Вовуши. Ну чё? Прикольное зрелище?

Павлуша молчит.

Вовуши. Ты давай его забери, а то потом только в полицини увидишь.

Пауза.

Вовуши. Павлуша, ну чё ты там встал? Хватит тупо пялить! Либо иди и забирай его, либо выгоняй меня и иди спать.

Павлуша *(тихо)*. Я сегодня ходил к психонони, и он предложил мне один метод, как найти мамуни… Похоже, пришло время воспользоваться его советом. Он предложил запустить горизонтальную трапецию, чтобы хоть кто-то помог мне в поисках.

Вовуши. Так а чё ты раньше этого не сделал? Позвал бы меня, я же всегда помогу!

Запрещено для коммерческого использования

Павлуша *(поворачивается к Вовуши)*. Я не хотел пользоваться его советом, потому что… Потому что мамуни ходила к нему на приёмы…

Вовуши. Ну и чё? Ходила и ходила, сейчас то она вообще никуда не ходит.

Павлуша отворачивается к окну.

Вовуши. Ну блин, вот чё ты обижаешься. Я же помочь хочу!

Павлуша. Ладно, спасибо тебе… Допивай чай и можешь уходить, я пойду спать.

Вовуши. А папуни?

Павлуша. Если бы он хотел вернуться в квартиру, то не сидел бы сейчас на лавочке. Он придёт, просто позже.

Сцена 8

В комнате пусто. Тишина. Павлуша сидит за столом, тыкает в мобилини.

Павлуша. Ну что ж… горизонтальная трапеция настроилась… Кто-то уже подключился?

В комнату заходит Бабуни, начинает протирать стол.

Бабуни *(бормочет)*. Вот по кой ты тут расселся?!

Павлуша. Бабуни! Ну будь тише!

Квинтули. Я уже тут.

Павлуша. О! Квинтули здесь…

Квинтули. Да, но мне кажется, что больше никто и не подключится.

Бабуни. Вот видишь, он правильно говорит, твои вопли про эту тупоголовую курицу никто и слушать не будет!

Павлуша. Да замолчи уже! Квинтули, почему никто не подключится?

Квинтули. Ну ты, по ходу, случайно только со мной трапецию запустил.

Павлуша. Ой… А как же так…

Бабуни. Да потому что у тебя мозгов меньше, чем у носорога рогов!

Павлуша. Квинтули, прости, пожалуйста, я сейчас эту мадам выведу и вернусь!

Павлуша встаёт из-за стола, берёт Бабуни под руку, уводит в коридор. Бабуни бормочет под нос.

Павлуша *(кричит из коридора)*. Квинтули, ты прости, что вот так всё! Я думал, что сейчас с толпой говорить буду.

Квинтули. Мне Вовуши ещё с утра всё рассказал и, в принципе, мне есть что тебе рассказать.

Павлуша возвращается в комнату, садится за стол.

Запрещено для коммерческого использования

Павлуша. Вовуши как обычно… А что ты можешь мне рассказать? Ну, по моей теме.

Квинтули. Да короче, мы на самом деле с Вовуши и хотели, чтобы ты просто эту трапецию со мной запустил, потому что я знаю, что случилось с твоей мамуни. Просто я чёт испугался сразу всё рассказывать, подумал, что всё это бред, и я вообще ошибся…

Павлуша. Что произошло?

Квинтули. Ну я же в один день не пошёл в шкокони и вот как раз просто гулял, короче ни фига весь день не делал. Был вечер. Нет… почти ночь, я вышел просто в магазини и всё, а тут смотрю, у нас на парковке место моего папуни занял такой классный лимпупузи! Ещё и с московскими номерами… А я по натуре своей слишком любопытный и вот решил рассмотреть поближе…

Павлуша. И что? Где история про мою мамуни?

Квинтули. Да ты блин слушай дальше! Скоро уже конец этой истории. Ну вот, короче, решил я поближе это чудо-техники рассмотреть, подхожу к правой двери и вижу: левую дверь кто-то открывает, я сразу испугался, что вот, хозяева пришли… Но ни фига это не хозяева были, а твоя мамуни!

Павлуша. Моя мамуни?

Квинтули. Да! Я подхожу к лобовому стеклу и в открытую смотрю, что там и как. В лимпупузи сидела только твоя мамуни, но не на водительском кресле, видимо, ждала водителя… Но знаешь, что самое интересное?

Павлуша. Что?..

Квинтули. Твоя мамуни потом вышла из лимпупузи, какие-то вещи в салоне поправляла, а потом снова обратно села и лопнула! Просто лопнула!

Павлуша. Как лопнула? В смысле?!

Квинтули. Пока она поправляла вещи, на её сиденье появился непонятный шарик красного цвета, такой большой. Ну она как села на него — и всё! А самое интересное, что потом на кресле остался этот шарик — и всё. Типа мамуни твоей нет, а шарик остался!

Павлуша. Что это за бред?!

Квинтули. Я просто говорю то, что я видел! Я сначала подумал, что вот, просто обознался, но как только Вовуши сказал, что у тебя такой ужас произошёл, я и решил рассказать.

Павлуша. Спасибо тебе… Правда спасибо, я не очень в это верю, но других версий о её пропаже у меня тоже нет. Ну теперь мне нужно отблагодарить ещё одного помощника…

Павлуша отключает горизонтальную трапецию, подходит к окну, плачет.

Запрещено для коммерческого использования

Сцена 9

Огромное здание. Павлуша открывает массивные двери, заходит. При входе никого нет. Только Администратор 1 сидит за маленьким столиком и читает.

Павлуша. Добрый день… А психонони сегодня принимает?

Администратор 1. Его уже как два дня нет. Так что можете даже не приходить, никто не знает, куда он подевался.

Павлуша. Но как же так?..

Администратор 1. Ну вот так, пропал он, мне ничего не говорил.

Павлуша кашляет в рукав кофтанини, отходит к дверям. Разворачивается, снова подходит к Администратору 1.

Администратор 1. Что-то ещё?

Павлуша. На самом деле, да… Знаете, мне кажется, я забыл в прошлый раз свой талон. Он скорее всего в кабинете. Могу ли я его забрать?

Администратор 1. Ой, боже мой, вот надают талонов, а потом такие растяпы ходят и ищут… Иди давай, ищи свой талон. Только на глаза никому не попадайся.

Павлуша. Я мигом!

Администратор 1. Эй, а зачем тебе талон-то? Если психонони всё равно пропал?

Павлуша. Понимаете, это единственная вещь, которая осталась у меня от моей мамуни… Мне очень нужен этот талон! Очень!

Администратор 1. Ой всё, иди уже!

Павлуша поднимается по лестнице. Останавливается около кабинета психонони, достаёт заветную бумажку из кармана, сминает её и кидает на пол, заходит в кабинет. Помещение окружают белые стены, белые стулья и белый стол. Павлуша осматривает кабинет внимательным взглядом, проверяет каждый шкаф и штору. В помещении никого нет. Павлуша останавливается посередине кабинета и замечает на столе непонятный шарик красного цвета.

Павлуша. Снова шарик?..

Сцена 10

Улица. Ночь. На лавочке у дубини сидит Папуни. Курит сигаретини.

Папуни. Мой сын, мой маленький мальчилини… Пропал! Тяжёлой жизни захотел? Но не готов он, не готов! Зачем пошёл искать её? Она пропала… Теперь вот мне страдать! Куда пропала и зачем? Зачем вообще развод?.. Вопросов слишком много! Мне легче умереть, хотя мне только сорок три! Всего-то сорок три, а я уже остался без семьи… Павлуша, сын

Запрещено для коммерческого использования

мой, ну зачем искать её пошёл? Она ушла, закрыла дом, и нам туда закрыты двери. Я буду жить один на этой лавке у дубини, без сына… Без семьи.

Папуни ложится на лавочку, спит.

Сцена 11

В кабинете Психонони тишина. На столе лежит Павлуша, а рядом с ним красный шарик. В кабинет входят Администратор 3, Администратор 2 и Администратор 1, осматривают Павлушу со всех сторон.

Администратор 3. Ну и что нам сейчас делать?

Администратор 2. Подождите! Уберите шарик, нужно найти талон…

Администратор 1. Он искал талон здесь. Разве вы его не забирали?

Администратор 3. Как?! Значит, талон был у него?

Администратор 2. Но мы же хотели забрать талон ещё вчера вечером?

Администратор 1. Ну не забрали! Я забыла… Теперь нужно его обыскать!

Администратор 3. Я уже всё осмотрела, ни в карманах, ни в штанах ничего нет!

Администратор 2. И что нам делать?

Администратор 1. Искать талон! Без него мы ничего не сделаем.

Через окно залетает огромная связка надувных шаров красного цвета, связка держит Мамуни с ещё одной связкой шаров. Администратор 3 пытается закрыть окно. Мамуни и шары проникают в кабинет и висят у потолка.

Мамуни *(эхом)*. Мой Павлуша! Я здесь, сынок!

Администратор 3. Так, где его шар? Он же лежал рядом с ним!

Администратор 2. Не знаю… Может, он перевернулся во сне?

Администратор 1. Шар пропал! А Павлуша остался. Что произошло?!

Мамуни *(эхом)*. Сынок, просыпайся, мамуни рядом!..

Мамуни отпускает ещё одну связку шаров и направляет её к Павлуше. Руки мальчилини захватывают связку шаров. Павлуша поднимается к потолку, просыпается. Администратор 3, Администратор 2 и Администратор 1 выходят из кабинета.

Павлуша. Я спал? Что произошло? Где я?

Мамуни *(эхом)*. Павлуша, сынок, я рядом!

Павлуша. Мамуни?! Это сон?

Мамуни *(эхом)*. Нет, это вовсе не сон, Павлуша! Прости, что я сра-

Запрещено для коммерческого использования

зу не смогла забрать тебя с собой… Но знаешь, теперь у нас с тобой всё будет хорошо. Очень хорошо!

Павлуша. Но где же ты была?

Мамуни *(эхом)*. Я же сразу тебе сказала, что я теперь свободна, и знаешь, я стала очень счастливой! *(Улыбается.)*

Павлуша. А что с нами происходит сейчас? *(Осматривает свои руки.)* Почему мы висим на шарах?.. Это же, как тот красный шар из лимпупузи…

Мамуни *(эхом)*. Знаешь, после того шарика в лимпупузи я и обрела настоящее счастье на облаке «счастьерини»!

Павлуша. Такое облако существует?

Мамуни *(в воздухе появляется блестящая бумажка)*. Да, а вот и твой заветный билетик на это облако, который ты зачем-то помял…

Павлуша. Туда нужен билетик?..

Мамуни *(эхом)*. Конечно, а сейчас, Павлуша, нам пора лететь далеко!.. На этом облаке нас ждёт настоящее счастье…

Павлуша открывает окно, Мамуни вылетает наружу, Павлуша летит за ней. Раздаются весёлые голоса и смех. В небе развиваются две связки красных шаров.

Конец.

Нечаева Дарья, 14 лет
Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп

Я НЕ ВОЛШЕБНИК. Я ТОЛЬКО УЧУСЬ

(Пьеса)

Действующие лица:

Даша – 15 лет, современная девушка.
Женя – 15 лет, юный Евгений Шварц.
Маргарита Ефимовна – библиотекарь.
Христофор Георгиевич Шапошников – натуралист.

Запрещено для коммерческого использования

Акт 1

Сцена 1

Парк. Городская набережная Майкопа. Даша в наушниках медленно идёт по аллее. Останавливается возле памятника туфельке Золушки, читает надпись: «Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу – большой, а сердце – справедливым». Е.Л. Шварц». Всё начинает мерцать. Она не понимает, где находится. Фотография парка начала XX века.

Женя. Вам плохо? Чем-то помочь?

Даша *(растерянно)*. Да, что-то не пойму, где я.

Женя. Набережная Майкопа. Заблудились? Вы, наверное, из цирка, который к нам приехал?

Даша. Похоже на то. Только цирк уехал, а клоуны остались.

Женя. Я Женя Шварц.

Даша *(удивлённо)*. Ага, Шварц. Наверное, я сошла с ума… *(Вздыхает.)* Даша! Это может показаться странным, но, похоже, я из будущего.

Женя. Да-да, верю. Каждый день встречаю людей из будущего.

Даша. А я каждый день в прошлое возвращаюсь – то к А.С. Пушкину, то к Ж. Верну. Вот сегодня к тебе решила заскочить.

Женя. Ты видела Жюля Верна? Это один из моих любимых писателей.

Даша. Да я пошутила. Ладно. Сейчас я тебе докажу. *(Достаёт телефон из сумочки.)* Жесть, телефон сел.

Женя. Куда сел? Где телефон? Этот чёрный прямоугольник?

Даша. Ну, хорошо, а откуда я знаю, что у тебя есть воображаемый конь и куча солдатиков под одеялом, тебе не нравятся книги, где главный герой умирает, и мне, кстати, тоже. А ещё ты влюблён в Милочку.

Женя *(удивлённо)*. Стой. Я даже маме про это не рассказывал. Откуда ты…

Даша *(перебивает)*. Ну, знаю – и точка. И раз так получилось, что я здесь, не мог бы ты показать мне Майкоп? Мне очень интересно его увидеть в прошлом.

Женя. Хорошо, покажу. Ты точно не из цирка? Фокусница или предсказательница?

Даша. Нет, конечно.

Женя. А ты сможешь мне помочь, если встретим Милочку, подаришь ей мой букет, а то я стесняюсь.

Даша. Ладно, но ты бы уже признался ей в своих чувствах. Тянешь кота за хвост.

Женя. Знаешь, что, ты так странно одета, на тебя будут все обра-

Запрещено для коммерческого использования

щать внимание. Давай зайдем в Пушкинский дом, там много костюмов в театре, выберем тебе что-нибудь.

Даша. Ну, в наше время футболка и джинсы — это норм, нормально. *(Идут по саду.)*

Женя. А что ты ещё обо мне расскажешь? Если это, конечно, правда и это не выдумки, что ты из будущего.

Даша. Знаешь, я читала, что нельзя рассказывать о том, что ждёт тебя впереди, потому что любое наше действие здесь может изменить то, что должно произойти. Как бабочка, которая взмахнула крыльями, может вызвать ураган на другом конце света. Слышал про эффект бабочки?

Женя. Нет.

Даша. Но я могу рассказать, что Майкоп станет особенным для тебя. Ну, можно сказать поэтично — «родиной твоей души».

Женя. А как выглядит Майкоп в твоём времени?

Даша. Он совсем другой. Здесь построили новую набережную, установили много арт-объектов, то есть что-то вроде небольших памятников, например, туфельку Золушки…

Женя. Памятник туфельке? Забавно. А сейчас мы идём в волшебное место — Пушкинский народный дом. Там одно крыло — театр, а другое — библиотека.

Сцена 2

Входят в театр. Идёт репетиция. Фотография Пушкинского дома.

Женя. Даша, ты видела, какой потрясающий занавес в этом театре? Копия картины Айвазовского и Репина — просто волшебство! Пушкин на скале, и эти брызги прибоя…

Даша *(перебивает)*. Словно крупные капли винограда. Да знаю я.

Женя. Откуда? Прости, всё время забываю. Смотри, на сцене мои родители. Отец играет Солона из «Благо народа» Теодора Герцля. Представляешь, когда папа возвращается домой из больницы, он надевает тунику, тогу красного цвета, сандалии, чтобы привыкнуть носить античную одежду естественно, и репетирует перед зеркалом. *(Шёпотом.)* Сейчас Креза поднесёт чашку с ядом. Каждый раз хочется крикнуть: «Не пей!» Ой, мы же в костюмерную. Идём.

Заходят в костюмерную. Даша выбирает платье, переодевается за ширмой. Выходит.

Женя *(восторженно)*. Ты выглядишь потрясающе.

Даша *(смущённо)*. Спасибо. Мне очень приятно.

Запрещено для коммерческого использования

Женя. Ты знаешь, в театре ещё показывают синематограф, движущие картины.

Даша. У нас это кино называют. Ты даже будешь сценаристом известных… *(Прикрывает рот рукой.)* Забудь. Кстати, в моё время не надо ходить в театр на синематограф, можно фильм посмотреть и дома. И я мечтаю стать сценаристом таких движущихся картин. Это очень круто – писать истории, которые оживают на экране!

Сцена 3

Заходят в библиотеку.

Женя *(шёпотом)*. Сейчас увидишь заведующую библиотекой Маргариту Ефимовну Грум-Гржимайло, сестру известного путешественника. Представляешь, она зимой купается в проруби. И посоветуй, какую книгу мне взять.

Даша. Почитай Г. Уэллса, это фантастика.

Женя. Маргарита Ефимовна, дайте, пожалуйста, книгу Г. Уэллса.

Маргарита Ефимовна. Тебе какую? «Война миров» или «Машина времени»?

Женя. Давайте вторую. А ты случайно не на такой машине сюда попала?

Даша. Нет, конечно. Я не знаю, как здесь очутилась и когда вернусь обратно.

Маргарита Ефимовна *(отдаёт книгу)*. А это кто с тобой?

Женя. Это моя… подруга из другого города.

Даша. А что вы посоветуете почитать?

Маргарита Ефимовна. Барышня, если интересуетесь приключениями, рекомендую Жюля Верна, а если хотите что-то серьёзное – Льва Николаевича Толстого.

Даша. Спасибо, обязательно возьму в следующий раз.

Прощаются и выходят из библиотеки.

Сцена 4

Женя. Знаешь, Даша, я так люблю читать! Иногда мне кажется, что книги – это мои самые близкие друзья.

Даша. А ты сам когда-нибудь пробовал писать?

Женя. Ещё нет, но с детства мечтаю стать писателем. Это так удивительно, когда через свои истории ты можешь достучаться до сердец других людей.

Даша. Уверена, у тебя получится!

Запрещено для коммерческого использования

Женя. А я вот сомневаюсь. Мне так тяжело… Все вокруг думают, что у меня ничего не выйдет. Особенно папа. А мама… Иногда от её слов хочется просто исчезнуть. Она говорит такие страшные вещи: «Такие люди, как ты, вырастают неудачниками». Как можно такое говорить родному человеку? Наши разговоры с ней всегда заканчиваются ссорой. А с папой — почти всегда слезами.

Знаешь? Мне так одиноко! Раньше мама была со мной каждую минуту, мы были как одно целое. Её забота, её понимание было естественным, как дыхание. Я мог рассказать ей обо всём. А потом всё изменилось… Появился маленький брат. Я вдруг осознал, что больше не центр маминого внимания. Я стал чужим в собственном доме.

А ещё мама хочет, чтобы я выбрал «серьёзную» профессию, стал инженером. Но как я могу быть серьёзным, когда вокруг столько чудес? Как я могу не замечать их? *(Пауза.)*

Пусть я неуклюжий и не такой, как все. Я всё равно буду писать. И пусть они считают меня неудачником. Пусть смеются, пусть говорят что угодно. Я буду писать. Буду мечтать. Потому что это — моё. Это — я.

Акт 2

Сцена 1

Фотографии реального училища, пожарной каланчи, собора.

Женя. А вот и реальное училище. Я здесь учусь. Это самое большое здание в городе. Сейчас каникулы, но мы можем заглянуть в окно рисовального класса. Смотри, там стоят пюпитры и фигура Аполлона в полный рост. А рядом физический кабинет, там столько всего интересного!

Звучит голос сторожа: «Дети, не шалите тут!»

Женя. Бежим, сторож! *(Убегают.)* Смотри, пожарная каланча!

Даша. Оказывается, её красно-белая расцветка не менялась с момента постройки.

Женя. Это одно из самых высоких зданий города. Целых двадцать метров. Посмотри на неё внимательно: первые два этажа квадратные, а дальше, как по волшебству, она превращается в восьмигранник, словно её закрутили кверху.

Даша. Да, она похожа на сказочный шпиль. А эта арка внизу — как портал в прошлое или будущее. А ещё мне кажется, что это настоящий страж Майкопа, который стоит на посту много лет и охраняет наш город.

Звонит колокол, они смотрят на другую сторону улицы.

Запрещено для коммерческого использования

Даша. Какой собор, словно корабль с белыми парусами!

Женя. Знаешь, когда я вижу наш Успенский собор, у меня сердце начинает биться чаще. Он – душа нашего города. А посмотри на колокольню – она такая высокая, что кажется, достаёт до облаков. С её вершины виден весь наш город.

Сцена 2

Мимо проходит Х.Г. Шапошников. Фотография дома Христофора Георгиевича. Коллекции бабочек и других насекомых, экзотические растения.

Христофор Георгиевич. Здравствуйте, ребята.

Женя *(радостно)*. Здравствуйте, Христофор Георгиевич! Даша в нашем городе проездом. Покажете ей свои коллекции? *(Шёпотом Даше.)* Х.Г. Шапошников натуралист и путешественник, и у него дома настоящая сокровищница.

Даша. Сокровищница? Круто!

Христофор Георгиевич. Заходите в мой дом, юные гости.

Фотография дома Х.Г. Шапошникова. Коллекции бабочек и других насекомых, экзотические растения.

Даша *(с интересом)*. А когда вы стали собирать коллекцию?

Христофор Георгиевич. Всё началось ещё в детстве, когда я впервые увидел удивительную бабочку в саду нашего дома. С тех пор я посвятил свою жизнь изучению природы. Этих красавиц я собирал в разных странах, даже есть из Африки.

Даша. А как Вы попали в Африку?

Христофор Георгиевич. Я учился в Берлинском университете, оттуда меня и направили в научную командировку на целых восемь месяцев.

Даша *(восхищённо)*. Они просто волшебные!

Христофор Георгиевич. Каждая бабочка уникальна, как маленькая драгоценность. Эта из долины Нила, а та, с необычными узорами, – из горных районов Кавказа.

Даша. Как вы их собираете?

Христофор Георгиевич *(с энтузиазмом)*. Это целая наука! Нужно знать, когда и где искать, как правильно ловить и сохранять. Вот мой энтомологический сачок. Он сделан из особого материала, который не повреждает крылья насекомых. А это баночки с формальдегидом для сохранения образцов.

Женя. Спасибо вам за всё, Христофор Георгиевич!

Христофор Георгиевич *(прощаясь)*. Всегда рад показать чудеса природы.

Запрещено для коммерческого использования

Даша *(с восхищением)*. Представляешь, я видела часть его коллекции в Санкт-Петербурге в зоологическом музее. Даже не представляла, что такой удивительный человек жил в нашем городе. Может быть, это путешествие во времени — не просто случайность? Может быть, это знак?

Сцена 3

Фотографии аптеки, дома Д.И. Зиньковецкого, Офицерской улицы, базарной площади.

Женя. Смотри, а это самое красивое здание города — аптека Альтшуллера. Говорят, она похожа на столичную московскую или петербургскую. Раньше у аптекаря был передвижной ларёк с лекарствами. А потом он выкупил старый дом, надстроил ещё два этажа. Теперь внизу аптека, второй этаж сдаёт, а на третьем живёт с семьёй. (Вдохнув воздух.) Чувствуешь этот аромат? Здесь всегда так пахнет свежими травами. А знаешь, как этот район называется? Брехаловка.

Даша. Странное название. Интересно, почему?

Женя *(показывает на асфальт)*. Смотри, что здесь есть.

Даша *(не понимает)*. Что?

Женя *(с восхищением)*. Асфальт! У нас нигде его в городе нет! Только перед домом купца Д.И. Зиньковецкого. Тут все ходят туда-сюда, языками чешут да сплетни собирают, поэтому и Брехаловка. А этот дом был построен первым городским главой Майкопа. Дмитрий Иванович в нем не живёт. Особняк используется для нужд города. Здесь на втором этаже проходят заседания Майкопской городской думы, балы, а на первом — магазины.

Даша. Слушай, здесь так вкусно пахнет. Кажется, я проголодалась.

Женя. Сейчас поедим. Здесь на Офицерской улице столько лавок с продуктами. Смотри: апельсины, финики в длинных овальных коробочках с изображением верблюда на крышке, блестящие маслины, настоящие кокосовые орехи, разноцветные конфеты и швейцарский шоколад.

Даша. Ага, редкость-то какая.

Женя покупает в лавке два расстегая.

Женя. Вот, держи расстегай. Это лакомство с рыбой, попробуй.

Даша *(откусывает)*. М-м-м, вкусно, никогда такое не пробовала.

Женя. А сейчас перед нами базарная площадь, самое шумное и многолюдное место в нашем городе.

Даша. Смотри, смотри, Женя, верблюды!

Женя. Ну, верблюды, кто их не видел.

Запрещено для коммерческого использования

Даша *(роняет кусочек расстегая на платье)*. Ой, как неловко! Его же нужно вернуть в театр! Какая я неуклюжая!

Женя. Ничего страшного, идём ко мне домой, постираешь. *(Идут по городу.)* Это Доходный дом Каплановых, а это их торговый дом. А здесь живут наши добрые приятели Соловьёвы.

Сцена 4

Женя *(остановился у дома В.Ф. Соловьёва)*. Идём, я познакомлю тебя с Наташей, Лёлей, Варей, они очень милые. А знаешь, какие пирожки печёт Вера Константиновна? Они такие вкусные, особенно с вишней.

Даша. Я тоже люблю пирожки с вишней... *(Начинает всё мерцать.)* Ой, опять... Прощай, Женя. Не забывай дарить цветы тем, кого любишь. Не бойся мечтать, не бойся любить, не бойся быть собой. Помни: «Человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет». Не теряй время на сомнения. Следуй за своей мечтой. А мама поймёт. Она обязательно поймёт...

Женя стоит один с букетом цветов и книгой Г. Уэллса.

Женя *(про себя)*. Неужели это было на самом деле? Или это просто сон? Может, я придумал Дашу, как волшебного коня, или она действительно была из будущего. *(Уходит.)*

Сцена 5

Даша в парке возле туфельки Золушки. Фото современного Майкопа. Звук из наушников: «А теперь продолжим экскурсию по набережной Майкопа. Отправляемся на аллею Е.Л. Шварца. Евгений Львович всегда верил, что волшебство живёт не только в сказке, но и в жизни, если мы умеем мечтать и верить в чудеса».

Конец.

Запрещено для коммерческого использования

Ахметзянова Сафира, 17 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань

ПОЗДНО...

ИНТ. САЛОН АВТО – НОЧЬ
НОЧНАЯ АВТОСТРАДА. ДОЖДЬ. ЗВУК МАШИН.

Выход из темноты, крупный план лица девушки. – Лицо ЕЛЕНЫ (22) в полумраке. Красный свет светофора заливает её кожу, делая глаза воспалёнными. Слёзы уже не текут, но блестят в отблесках фар.

Плавная смена фокуса на руки на руле. – Она стискивает зубы, пальцы побелели, сжимая руль.

ИНТ. КВАРТИРА ОТЦА ЕЛЕНЫ. КУХНЯ – ВЕЧЕР

Полумрак. Открытое окно. Дым от сигарет. ОТЕЦ стоит у окна, курит, не глядя на неё, в руке зажигалка.

ОТЕЦ
(глухо, раздражённо, вполоборота)
Да лучше бы у меня не было дочери.

ЕЛЕНА
Ты сам не лучше.

ИНТ. САЛОН АВТО – НОЧЬ

Крупный план лица. – Резкий возврат в машину. Жёлтый свет светофора освещает растерянное лицо. Дворники скрипят, размазывая дождевые капли по стеклу.

НАТ. ГЛУХАЯ ТРАССА – ВЕЧЕР

Машина, припаркованая на обочине, вокруг темнота. Отдалённый шум машин.

Елена тяжело дышит, с силой бьёт по рулю. Откидывается назад, достаёт из кармана старую потёртую зажигалку, проводит пальцем по крышке. Телефон резко вибрирует в тишине. Она вскидывается, зажимая зажигалку в кулак, и ищет телефон глазами, видит незнакомый номер, вздыхает и берёт трубку.

ГОЛОС В ТРУБКЕ
Здравствуйте, Иванова Елена?

ЕЛЕНА
Да... Простите, вы кто?

Запрещено для коммерческого использования

ГОЛОС В ТРУБКЕ
Медсестра… Больницы. Ваш отец попал в аварию сегодня в восемь вечера.
Сейчас он в тяжёлом состоянии… в реанимации.

Телефон выскальзывает из её руки, падает под сиденье.

ГОЛОС В ТРУБКЕ
(приглушённо, с помехами)
Простите, вас не слышно… Вы сможете подъехать?

ИНТ. САЛОН АВТО – НОЧЬ

Лицо Елены, в кадре руль, съёмка с приборной панели. Её руки снова на руле. Светофор сменяется на зелёный, кто-то сзади сигналит. Героиня вздрагивает, вытирает лицо рукой, глубоко вдыхает.

ИНТ. КУХНЯ – ВЕЧЕР

Отец стоит у окна. Звук открывания двери. Входит Елена в чёрной кожаной куртке, с распущенными короткие волосами.

ЕЛЕНА
(холодно)
Папа, ты хотел поговорить?

ОТЕЦ
Садись.

Но Елена продолжает стоять, недоверчиво глядя на него.

ЕЛЕНА
(холодно)
Ты пьян?

ОТЕЦ
Завязал.

Елена закатывает глаза.

ЕЛЕНА
Так, давай на чистоту. Опять проблема с деньгами?

ОТЕЦ
Думаешь, я не могу позвать тебя по другому поводу?

Запрещено для коммерческого использования

ЕЛЕНА
Тогда в чём проблема?

ОТЕЦ
Раньше ты такой не была.

ЕЛЕНА
(вскидывает голову, раздражённо)
Какой?

ОТЕЦ
Отстранённой.

ЕЛЕНА
Ну прости, хоть кто-то из нас должен продолжать жить.

ИНТ. САЛОН АВТО – НОЧЬ
Елена в профиль. – Едет по городу, лицо освещено уличными фонарями. Вытирает лицо, задумавшись. Фокус на зажигалку. – Взгляд падает на зажигалку на приборной панели.

ГОЛОС НАВИГАТОРА
«Вы пропустили поворот, через 10 минут развернитесь».

Елена бросает отчаянный взгляд. Фокус на время. – Смотрит на время: 20:32.
ИНТ. КВАРТИРА ОТЦА – ВЕЧЕР
Кадр на отца у подоконника, смотрящего на дочь.

ОТЕЦ
Я потерял любовь всей своей жизни.

ЕЛЕНА
(на грани срыва)
А я потеряла мать. Мне было 14. Я ждала поддержки…
(срывается)
Я была одна! Одна против этого грёбаного мира!
(бьёт рукой по столу, облокачиваясь на него)
И после этого ты говоришь мне о проблемах?!

Запрещено для коммерческого использования

ОТЕЦ
(повышая голос)
Хочешь помериться, у кого больше проблем?!
(закуривает сигарету, достав зажигалку)
Ты всегда была несносной, а после её смерти с тобой было совсем сложно.
Пьянки, драки, полиция… Ты была сущим наказанием!
(хлопает по столу рукой, там остаётся зажигалка)

ЕЛЕНА
Я завязала. Я смирилась с её смертью…
(тихо, под нос)
Не то что некоторые.

ОТЕЦ
(отворачивается и смотрит в окно)
Да лучше бы у меня не было дочери.

Елена отстраняется, ошарашенная, сжимает кулаки.

ЕЛЕНА
(тихо)
Ты сам не лучше.

НАТ. ПАРКОВКА У БОЛЬНИЦЫ – НОЧЬ
Елена выглядывает свободное место, оставляет машину на краю парковки.
НАТ. КРЫЛЬЦО БОЛЬНИЦЫ – НОЧЬ
Кадр с крыльца на улицу. – Елена выходит из машины и, пригнув голову, бежит. Забегает в больницу, мокрая и заплаканная, с округлёнными от страха глазами.
ИНТ. ХОЛЛ БОЛЬНИЦЫ – НОЧЬ
На администратора, видео немного размыто, камера дёргается, как от движения головы. –Елена подходит к АДМИНИСТРАТОРУ, администратор натянуто улыбается.
Со стороны на стойку.

ЕЛЕНА
Где он?

АДМИНИСТРАТОР
(с выученной улыбкой)

Запрещено для коммерческого использования

Простите, о ком вы говорите?

ЕЛЕНА
Мой отец, где мой отец?!

АДМИНИСТРАТОР
Извините, я попрошу вас надеть бахилы и уточнить его имя.

ЕЛЕНА
Иванов Александр. Авария. Мне позвонили.

АДМИНИСТРАТОР
Я попрошу вас сначала успокоиться. Я позову врача.

Елена с трудом держится за стойку, её ведут к стулу.

ИНТ. КУХНЯ – ВЕЧЕР. 4 ГОДА НАЗАД
Елена (18) стоит на кухне, грязный пол, стол завален бутылками.

ЕЛЕНА
Папа, ты же обещал не пить!

Кадр на отца со стола. – Пьяный отец сидит за столом.

ОТЕЦ
Да ладно, совсем же чуть-чуть,
(ухмыляется)
вся в мать, когда вырастешь, будешь ещё краше.
(достаёт сигарету)
Будешь?

ЕЛЕНА всё ещё стоит на том же месте. Мотает головой.

ЕЛЕНА
Завязала.

ОТЕЦ
Как хочешь, я, пожалуй, прикурю.
(достаёт сигарету и зажигалку, пытается закурить, зажигалка не работает)
Чёртова техника.

Запрещено для коммерческого использования

В кадре перед отцом появляется рука Елены. – Елена молча кладёт на стол новую зажигалку с гравировкой.

ОТЕЦ
Хоу!
(улыбается)
А говорила, бросила,
(закуривает)
вся в отца!

Переход от зажигалки на Елену.

ЕЛЕНА
Позвонишь, когда решишь измениться.
(поворачивается, уходит)

Отец всё ещё сидит, открывая и закрывая колпачок зажигалки.

ИНТ. ЛИФТ – НОЧЬ

Рука Елены на поручне, наезд на зеркало с её отражением. Отражение немного размытое из-за слёз. Фокус на руку с зажатой зажигалкой.

ИНТ. КОРИДОР – НОЧЬ

Елена смотрит в пол, в руках смятый стаканчик воды.

На ноги от лица Елены. – Возле грязных ботинок Елены появляются чистые белые кеды ВРАЧА.

ВРАЧ
Иванова Елена?

Наплыв с пола на лицо врача. Елена вскидывает голову.

ВРАЧ
Я вынужден сообщить вам печальную новость.
Ваш отец скончался в реанимации, не приходя в себя.

Елена в шоке, только тихонько кивает.

ВРАЧ
Вы можете пройти к нему попрощаться.

РАЗМЫТОЕ ВОСПРИЯТИЕ. ОТРЫВКИ СЦЕН

Койка с синей простынёй.

Лицо матери.

Запрещено для коммерческого использования

Морщинистая рука, касание её пальцев рукой девушки.

Рука матери, касание к ней детских пальцев, поверх ложится рука отца.

Размытое от слёз лицо отца с красными следами.

Сочувствующее лицо отца, его уверения, что всё будет хорошо.

Белый халат медсестры.

Отец закрывает лицо руками от горя.

Бланк для подписи, дрожащая подпись.

Детские ботинки раскачиваются возле стула, маленькие руки на коленях, ботинки отца рядом, отец лежит, руки на них, что-то говорит

Машина, руль.

Лицо отца в отражении зеркала заднего вида.

Дверь квартиры.

ИНТ. КВАРТИРА ЕЛЕНЫ. ПРИХОЖАЯ – НОЧЬ

Темнота. Тишина. Открывается дверь, пропуская свет.

Елена входит, бросает ключи на пол. Прислоняется спиной к двери и медленно сползает вниз.

Кадр на уже сухое, заплаканное лицо героини.

Елена достаёт зажигалку, подносит к лицу и поджигает, глядя на небольшой огонёк.

Долгий пустой взгляд.

Елена закрывает зажигалку, уронив голову на колени, зажигалка с звонким стуком падает на пол.

Тишина пустой квартиры. Звук дождя и проезжающих машин за окном.

Камера медленно отъезжает, задерживаясь на упавшей зажигалке, её металлическая поверхность чуть блестит в темноте, а потом гаснет вместе со светом.

Киселёв Владислав, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург

ЦВЕТ НАДЕЖДЫ

ИНТ. КОМНАТА ЭМИЛИИ – ДЕНЬ

ЭМИЛИЯ (17) лежит на кровати, зависая в социальных сетях. Она вяло листает ленту, взгляд безразличный и потерянный. Музыка тихая, грустная фортепианная мелодия. В комнате минимализм, но бардак.

Запрещено для коммерческого использования

(ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МОНТАЖ)

ИНТ. ШКОЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ, АКТОВЫЙ ЗАЛ, КАБИНЕТ МУЗЫКИ – ДЕНЬ

Сверстники Эмилии увлечённо работают. Два одноклассника, АНТОН и САША, в защитных очках, склонились над колбами и пробирками. Антон с сосредоточенным видом, добавляет реагент, но жидкость в колбе неожиданно вырывается наружу, обрызгивая его лицо и стол. Саша с удивлением и лёгким смешком одёргивается. Грязное лицо Антона, на котором читается разочарование, но тут же он решительно берёт тряпку и начинает вытирать пролитое, параллельно бросая взгляд на записи в тетради.

Девочка ЛИЗА сидит за роялем, пытаясь исполнить сложный пассаж. Пальцы неуверенно скользят по клавишам, сбиваясь с ритма, мелодия звучит неровно и фальшиво. Лиза раздражённо ударяет по клавишам, закрывает лицо руками. Лиза, глубоко вздохнув, берёт ноты, внимательно изучает их и медленно начинает разучивать пассаж заново, делая паузы и повторяя сложные места. На лице появляется лёгкая улыбка, когда мелодия начинает звучать чище.

Четвёртый одноклассник, ТИМУР, репетирует монолог. Он вживается в роль, его голос звучит громко и эмоционально. Но в какой-то момент он забывает текст, запинается, растерянно смотрит на преподавателя.

Тимур с досадой опускает голову, но тут же берёт себя в руки и заглядывает в сценарий. Он повторяет реплику, добавляя в неё новые интонации, и репетирует монолог снова.

Все эти сцены перемежаются с короткими кадрами Эмилии, по-прежнему безразлично смотрящей в экран телефона.

ИНТ. КОМНАТА ЭМИЛИИ – ДЕНЬ

Эмилия пьёт чай. Вздыхает. Подходит к окну, смотрит на улицу. На её лице тоска.

(ПЕРЕХОД) ВОЗМОЖНО КАДРЫ – Эмилия пробует что-то.

НАТ. УЛИЦА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА – ДЕНЬ

Эмилия медленно бредёт по улице в наушниках, уныло опустив го-

Запрещено для коммерческого использования

лову. Её взгляд случайно цепляется за уличного художника ВЛАДИМИРА, сидящего за мольбертом. Владимир, увлечённо пишет пейзаж города. Эмилия стоит, словно заворожённая, неотрывно глядя на работу художника. В её глазах восхищение, зависть. Владимир замечает Эмилию, улыбается ей. Он, продолжая творить, обращается к ней.

ВЛАДИМИР
(мягко, но с чувством)
Видите ли, эта улица, этот камень, этот свет — они всё расскажут, если прислушаться. Петербург — не просто город, а громадный, живой организм, в котором каждый из нас — частица. Каждая мелочь, каждый поворот — это история, которую нужно найти. Вот здесь, под этим окном, на этом стуле, где-то в этом взгляде живёт невидимая красота, и задача художника — её увидеть и передать. Не важно, двойка это у вас или пятёрка, что на бумаге, или на душе. Важнее то, что в глазах. Важнее то, что внутри.

(Эмилия смотрит на него, её глаза отражают недоумение)

ВЛАДИМИР
(продолжая)
А знаете, Тарковский говорил: «Кино — это поиск... поиск и исследование жизни. Поиск и исследование не только внешнего, но и внутреннего мира, души человека». Искусство — это тот же поиск. Поиск самого себя. Нельзя найти формулу. Не бойтесь заглянуть внутрь себя, внутрь этого города. Что вы ищете?
(снова берёт кисть и начинает рисовать)

ВЛАДИМИР
(продолжая, уже тише, обращаясь к себе)
Я пытаюсь запечатлеть не просто пейзаж, а жизнь, что течёт по этим улицам. Каждый штрих — это капля из реки времени, каждый мазок — ответ на вопрос: зачем я живу? Наверное, только когда найдёшь свой ответ, ты найдёшь свой цвет. Не тот, что задают тебе, а тот, что внутри тебя.
(делает паузу, смотрит на Эмилию. В его взгляде — понимание и поддержка)

(ПЕРЕХОД) ВОЗМОЖНО через крупный план Эмилии, взгляд.

ИНТ. ШКОЛЬНЫЙ КЛАСС — ДЕНЬ

Запрещено для коммерческого использования

Урок литературы. ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА рассказывает биографию Достоевского, но Эмилия снова погружена в свои мысли. Её взгляд бегает по классу, но ни на чём не задерживается. Лариса Ильинична замечает состояние Эмилии, смотрит на неё с тревогой. Звенит звонок.

ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА
(доброжелательно)
Эмилия, останься, пожалуйста. На пару минут.

ИНТ. ШКОЛЬНЫЙ КЛАСС – ПОСЛЕ УРОКОВ

Лариса Ильинична и Эмилия остаются в пустом классе. Музыка становится тише, тревожнее.

ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА
(садится напротив Эмилии)
Я вижу, ты чем-то встревожена. Что случилось, Эмилия?

(Эмилия молчит, опустив голову)

ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА
(мягко)
Понимаю, сейчас сложное время… Выпускной класс, экзамены, поступление…
Давление со всех сторон. Но знаешь, самое важное – не поддаваться этому давлению,
а слушать себя. Чего хочет твоя душа?

(Эмилия поднимает на неё взгляд, полные растерянности)

ЭМИЛИЯ
(тихо)
Я не знаю… Я пробую… но ничего не получается. Ничего не нравится. Как будто не моё…

ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА
(с мудрой улыбкой)
Иногда, чтобы найти свой путь, нужно не идти вперёд, а заглянуть вглубь себя. Вспомнить то, что делало тебя счастливой в детстве. Чего хотела твоя душа, когда ты была маленькой девочкой?

(Эмилия задумывается)

Запрещено для коммерческого использования

ЛАРИСА ИЛЬИНИЧНА
(задумчиво)
Порой, мы так сильно стараемся быть кем-то, что забываем, кто мы есть на самом деле. Попробуй услышать этот тихий внутренний голос. Может, он подскажет тебе верное направление.

(ПЕРЕХОД) по фазе движения

ИНТ. КВАРТИРА В АГАЛАТОВО – ВЕЧЕР

Эмилия сидит в своей комнате, в полной растерянности. Она смотрит на свои руки, словно они ей чужие. Закадровая тревожная музыка. В кадре начинают мелькать старые, детские рисунки, разбросанные на полу, в беспорядке.

(ФЛЕШБЕКИ – РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ МОНТАЖ)

ИНТ. ДЕТСТВО ЭМИЛИИ – ДЕНЬ

Маленькая Эмилия сидит за столиком, увлечённо рисует. На её лице радость. Яркие, насыщенные цвета.

ДЕТСТВО ЭМИЛИИ – ДЕНЬ

Эмилия, рисует на стене, мама ругает её, отбирает карандаши. На её лице обида.

(ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ)

ИНТ. КВАРТИРА В АГАЛАТОВО – ВЕЧЕР

Эмилия, как будто очнувшись от сна, пристально смотрит на детские рисунки. Она встаёт, начинает бережно их поднимать. В её глазах появляется огонёк надежды.

КРУПНЫЙ ПЛАН: Эмилия берёт в руки карандаш, начинает рисовать. Сначала неуверенно, затем более решительно. На её лице появляется улыбка. Музыка становится более энергичной, вдохновляющей, звучат импрессионистические аккорды.

(ПЕРЕХОД)

Запрещено для коммерческого использования

ИНТ. КОМНАТА ЭМИЛИИ – ДЕНЬ

Монтаж: Эмилия увлечённо пишет картины, оттачивает своё мастерство, собирает портфолио. Лицо сосредоточено и в то же время светится счастьем. Время летит. На столе горы красок, бумаги, кистей.

ИНТ. КВАРТИРА В ГОРОДЕ (ГАЛЕРЕЯ) – ДЕНЬ

Эмилия, красиво одетая, стоит на открытии своей первой выставки. Картины на стенах – это её работы. Звучит приятная музыка.

Эмилия замечает в толпе людей Владимира. Его взгляд полон одобрения и тепла. Она смотрит на него с благодарностью и улыбается. Владимир, как будто нематериальный, словно образ, кивает ей в ответ и улыбается.

Эмилия вновь обращает взгляд на свои картины, на её лице улыбка.

ЗТМ

ИНТ. ПОЛЕ – ДЕНЬ

Эмилия, сидя под деревом, пишет картину. Она спокойна и сосредоточена.

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ЭМИЛИИ (ЗАКАДР)

Найти себя… Это не просто. Это целый путь, полный сомнений и поисков. Но как только ты услышишь голос своей души, мир вокруг обретёт новый смысл, а в сердце зажжётся цвет надежды.

Анимация на титры. Цитата о поиске себя. «Единственный способ быть по-настоящему счастливым – это найти своё место в этом мире и жить в гармонии с самим собой».

Конец фильма.

Запрещено для коммерческого использования

Ролле Алиса, 14 лет
Франция, г. Париж

НОЧЬ. УЛИЦА. ФОНАРЬ. КИНО

(Посвящается Эмили)

Лучше страшный конец,
чем бесконечный страх.

Иоганн Фридрих Шиллер

Действующие лица:

Элеонор — преданная подруга Лин.

Лин — подруга Элеонор.

Грегуар — очередная возлюбленная Лин.

Таксист — человек сухой, но вроде бы неплохой, по крайней мере, довёз Лин, Грегуара и Элеонор без приключений.

Диктор — голос спокойный и нейтральный, как и положено дикторам, о героях знает больше, чем они сами знают о себе.

Посетитель кинотеатра — с красным шарфом и оранжевой шапкой в жёлтую полоску.

Водитель автомобиля — выглядит озабоченно.

Сцена 1

Поздняя осень, сумерки. У входа в кинотеатр зажигается фонарь, мигает пару мгновений, затухает и тут же зажигается вновь. У кинотеатра останавливается такси. Из машины выходит Грегуар и элегантно подаёт руку Лин. Следом выходят Элеонор и Таксист.

Таксист *(сухо)*. Погодите, вы кое-что забыли. Картой или чеком?

Грегуар *(учтиво, но с ноткой лёгкого пренебрежения)*. Наличными, если вы не имеете ничего против. Предпочитаю иметь в кошельке бумажки, чем какой-то кусок пластика, который называют деньгами. *(Достаёт кошелёк и, отсчитав несколько купюр, протягивает их таксисту.)*

Таксист *(лениво перебирает бумажки, удовлетворённо кивает и кладёт в карман. Садится в машину)*. Всего хорошего.

Такси отъезжает от кинотеатра и скрывается из виду. Элеонор внимательно глядит ему вслед.

Элеонор *(тихо)*. Странно. Как будто и не желал ничего хорошего вовсе...

Запрещено для коммерческого использования

Лин *(хмыкает и прижимает Элеонор к себе)*. Расслабься. Подумай лучше о том, что нас ждёт. *(Восторженно.)* Надо же, ты ведь сама жаловалась мне, что ни разу в кино не ходила, а теперь, представляешь, такой хорошей компанией на премьеру крутого триллера! Ленор, ты ведь любишь такие фильмы? Мы с Грегом любим!

Лин хитро улыбается Грегуару, и тот отвечает ей заискивающей улыбкой. Лин смеётся и крепко обнимает Грегуара.

Лин. Ну что же мы стоим?! Сеанс через пятнадцать минут, стоит поторопиться. Грег, доставай билеты!

Грегуар открывает кошелёк и медленно достаёт оттуда два билета.

Лин *(непонимающе)*. Грег, а где же ещё один? *(Возмущённо.)* Мы же договаривались сходить втроём! Грег, как же так?!

Грегуар задумчиво разглядывает кошелёк со всех сторон. Поворачивается к Лин, не обращая внимания на Элеонор, и отрицательно качает головой.

Грегуар *(равнодушно)*. Не нахожу. Придётся идти вдвоём.

Лин. Нет, ну не можем же мы так! Надо купить третий билет.

Грегуар. Не удастся. Все билеты уже раскупили, я смотрел. Получится только вдвоём.

Лин. Но я не могу остаться без сеанса. Как и лишить сеанса тебя. Что уж говорить о том, чтобы бросить Ленор!

Элеонор. Лин, я не обижусь, если вы пойдёте вдвоём. Вы вполне заслужили отдых вместе. А я… а я пока подожду вас здесь.

Лин. Ни в коем случае! Мы что-нибудь непременно придумаем и пойдём на сеанс все вместе. Да, Грег?

Грегуар. Она согласна не ходить. В чём проблема?

Элеонор. Я пока вещи покараулю.

Лин *(рассеянно)*. Да, да. Так много воровства развелось в этих раздевалках!.. Так ты точно не обидишься, если мы…

Элеонор. Совсем нет. Я подожду вас тут, у входа.

Лин *(шутливо)*. В таком случае наши сумки под твою ответственность! Можешь оттуда брать, что хочешь. У меня там как раз шоколадка валяется, съешь.

Лин и Грегуар протягивают Элеонор сумки и скрываются в дверях кинотеатра.

Диктор. Итак, теперь, когда Элеонор осталась одна, можно расставить все точки над «и». Элеонор – обычная «серая мышка», подобных ей найти можно в каждой школе и каждом классе.

Элеонор. Как холодно-то…

Запрещено для коммерческого использования

Диктор. Лин же — порой легкомысленная девушка со взрывным характером и открытым сердцем.

Элеонор. И дождь моросит. Интересно, Лин взяла с собой зонтик? *(Роется в сумке.)* Всё никак не отыщу… Зачем Лин таскать с собой щипцы для волос? *(Достаёт выпрямитель.)* А вот и шоколадка. *(Берёт шоколад и откусывает.)*

Диктор. А вся эта история началась в один из дней, когда поезд из Лиона в Париж задержали на два часа — дело, надо сказать, привычное для поездов из Лиона в Париж…

Сцена 2

Вагон остановившегося поезда. За окном темно, только и увидишь, что барабанящие по стеклу капли дождя. Встревоженные пассажиры галдят и суетятся. Элеонор сидит, прижавшись к грязному от пыли окну, и проводит пальцем по утекающим вниз капелькам. Напротив неё сидит Лин и громко разговаривает по телефону.

Лин. Мама, но я же говорю, что поезд приедет, по крайней мере, через три часа! Нет. Нет, оно того не стоит! Вовсе не опасно! Не нужна я никаким бандитам! Ты знаешь, как я умею драться, отобьюсь. Что, прости? Да. Только не надо бронировать такси, сама доберусь! *(Капризно.)* Я не маленькая… Ну, мама!

Телефон на столике вибрирует, привлекая внимание.
Элеонор берёт телефон в руки.
Зритель видит номер, подписанный «Мамуля», и сообщение:
«Вернёшься — не шуми, Тимео завтра рано вставать».

Лин *(угукает пару раз в трубку)*. Ладно… До скорого. *(Убирает телефон от уха и с расстроенным выражением лица кладёт его на столик. Обращается к Элеонор.)* Скажи, а тебе тоже далеко пилить домой от вокзала? Ты как добираешься? Тебя тоже встречают, да? *(С плохо скрываемой надеждой в голосе.)*

Элеонор. Да нет, сама. На метро.

Лин *(раздосадованно)*. Ну вот! Тебе разрешают! А за мной глаз да глаз! Никакой свободы. В школу — на машине, хотя на автобусе было бы всего лишь три остановки. А в самой школе задерживаться нельзя, потому что на выходе тоже ждут с машиной, а на пару минут опоздаешь — чёрт знаешь, что подумают! Обзвонят весь город в поисках меня. Поезд приходит к одиннадцати — тоже встречают, как будто в каждом вагоне метро поджидают маньяки, чтобы только успеть меня схватить… Детский сад какой-то! Надоело! Тебе вот сколько лет?

Элеонор. Пятнадцать.

Запрещено для коммерческого использования

Лин. Пятнадцать лет! А меня в мои шестнадцать разве что в магазин за углом без охраны пускают. Меня, кстати, Лин зовут. А тебя?..

Элеонор *(нервно барабанит пальцами по столику)*. Меня-то? Элеонор.

Лин. Будем знакомы! Тебе ведь тоже на конечную, да?

Элеонор кивает.

А тебе не страшно одной так поздно?..

Элеонор *(морщится)*. Немного... Но я уже привыкла.

Лин. Ух ты... А ты где живёшь? Далеко от вокзала, раз на метро?

Элеонор кивает, и у девушек завязывается неслышимая для зрителя беседа.

Диктор. Так, слово за слово, Элеонор и Лин выяснили, что живут в одном районе, ходят в одну и ту же школу и уже слышали друг о друге. Лин об Элеонор — как о художнике-инкогнито, рисующем забавные карикатуры на учителей и оставляющем их по всей школе...

Элеонор проводит пальцем по грязному окну, рисуя рожицу с длинным носом, и Лин хихикает в ладошку.

Диктор. ...А Элеонор о Лин — как об известной в школе шахматистке, не раз победившей физрука-гроссмейстера на турнирах по шахматам.

Лин хлопает себя по лбу, достаёт из сумки шахматную доску с уже прикреплёнными на ней фигурами. Они начинают партию, и Лин тут же ставит Элеонор детский мат.
Обе заливаются смехом.

Диктор. Ни та, ни другая, впрочем, не сообщили друг другу о своём открытии. Привычная к всеобщему равнодушию Элеонор не переставала удивляться тому, что кому-то интересно общаться с ней. Лин же просто наслаждалась приятной компанией на полную катушку.

Поезд трогается с места, но болтающие девочки даже не замечают этого.

Сцена 3

Снова вход в кинотеатр. Элеонор стоит под мигающим фонарём и ёжится. Слышатся завывания ветра. Элеонор зябко переступает с ноги на ногу и обнимает себя руками.

Элеонор. Зайти внутрь, что ли... Нет. Не могу. На воздухе лучше.

Откуда-то издалека доносятся чей-то возглас, плач ребёнка и хриплый гогот.

Элеонор. А вдруг сюда кто-нибудь придёт? Что он обо мне подумает? Стоит девушка с сумками в руках, на улице погода так себе, а она даже в помещение не зайдёт... И какое это создаёт впечатление? Ужас какой-то!

Запрещено для коммерческого использования

Диктор. Уж чего-чего, а чужого мнения Элеонор боялась.

Элеонор *(сурово)*. Впрочем, какое это имеет значение, кто обо мне что подумает? Тоже мне, испугалась, Ленор! Да людям всё равно, какое я создаю впечатление. А я себя центром мира возомнила! Вот возьму и войду в кинотеатр, раз это мне кажется не таким странным, как стоять на улице!

Элеонор оглядывается на кинотеатр. В окнах зажигается свет, и зрителю становятся видны снующие туда-сюда силуэты людей. Элеонор испуганно отходит от окон ко входу.

Хотя нет. Пожалуй, останусь здесь.

Диктор. Больше чужого мнения Элеонор боялась разве что большого скопления людей в одном месте.

Входная дверь открывается. Из кинотеатра выходит мужчина, прячет нос в красном шарфе, натягивает потуже оранжевую шапку в жёлтую полоску и проходит мимо. Элеонор отшатывается от входа обратно к окнам.

Элеонор. А вдруг этот человек — маньяк? Правда, выглядит он довольно мило… Но разве настоящие маньяки выглядят как те, которых показывают в фильмах?..

Диктор. Но одним из самых главных страхов у Элеонор был встретить на улице маньяка, каких, бывало, описывала Лин.

Элеонор. И у таксиста этого взгляд был такой нехороший…

Диктор. Будучи чуткой натурой, Элеонор точно улавливала перемену чужого настроения. Но почему-то чудились ей именно люди с недобрыми намерениями. Может быть, потому что люди неблагонастроенные попадались ей чаще, чем люди добрые и честные.

Сцена 4

Школьный класс. Повсюду раскиданы портфели, сумки, тетради и учебники. В класс на цыпочках заходят Лин и Элеонор. Следующий диалог происходит приглушённым голосом.

Лин. Ленор, ты что, забыла? Нам запрещено входить в классы во время перемены!

Элеонор. Вот уже два года, как я хожу сюда во время перемены, и ещё ни разу меня здесь не ловили. *(Проигнорировав стул, садится прямо на парту.)* Если что, у нас обеих хорошая репутация. Отпустят с миром, не волнуйся.

Элеонор приглашающе похлопывает по парте, и Лин садится рядом с ней.

Лин. А ты не так уж и послушна, как хочешь казаться!

Элеонор. Глупости. Ты лучше расскажи про серийных убийц. Ты

Запрещено для коммерческого использования

так и не дорассказала про Сивого Джона. Так его двадцать девятая жертва успела подставить ему подножку, прежде чем тот схватил её за грудки́?

Лин *(чуть громче положенного)*. Нет, Ленор, тебя определённо стоит бояться! *(Смеётся.)* Так спокойно говорить о величайшем душегубе столетия – такое присуще только тебе, честное слово!

Элеонор. Ну, я просто думаю, что говорить об этом – лучший способ пояснить тебе наконец, что гулять одной по городу бывает небезопасно.

Лин. Зануда ты! Как будто это не ты гуляешь допоздна в местах, которые люди окрестили злачными! Ты прямо, как мама, – «жить на свете опасно, не бывает на улицах добрых людей, одни злоумышленники...» Нет, поговорим лучше... *(Мешкается.)* ...О девчачьем. Ты знаешь Диего? Что ты о нём думаешь?

Элеонор в испуге отстраняется от Лин.

Элеонор *(неуверенно)*. Честно? Не мой типаж.

Лин. Да? А мне кажется он таким забавным! Мы вчера с ним в баскетбол играли, так он так смешно дулся, когда я отбивала у него мяч! Представляешь, да? Он такой ловкий, вёрткий, так просто мяч не отнимешь. Но отнимала же! Думаешь, он оценил?

Элеонор. Наверное...

Лин. Что с тобой? Тебе он не нравится, да?

Элеонор. Не особо... *(Откашливается.)* Ну так что там с Сивым Джоном?

Разговор Лин и Элеонор становится неразборчивым для зрителя.

Диктор. Элеонор не стала говорить Лин, что Диего был её кошмаром с начала прошлого года после того, как опозорил её при всём классе клеветой, о которой Элеонор даже вспоминать не хотелось. Не стала говорить она и о том, как Диего при всякой встрече с ней не упускал случая толкнуть её или обозвать. Во-первых, потому что Элеонор была уверена, что с Лин он себе такого не позволит. А во-вторых... ну разве вправе она была разрушить те чувства, которые появлялись в груди у Лин при взгляде на Диего? Элеонор не могла разочаровать Лин.

Сцена 5

Опять вход в кинотеатр. Сеанс закончился,
люди начинают выходить из зала на улицу.
Элеонор отходит к стене и ожидает своих приятелей.

Элеонор. Ну вот сейчас они выйдут, и мы пойдём домой.

Запрещено для коммерческого использования

Время проходит, людей становится всё меньше и меньше.

Элеонор. Ну вот сейчас, сейчас…

Наконец Элеонор снова остаётся на улице совсем одна.

Элеонор. И где же они?..

Свет в окнах выключается, и из кинотеатра выходит последний человек. Элеонор встаёт под фонарь — под единственный источник света.

Элеонор. Может, с ними что-нибудь случилось?

Фонарь мигает несколько секунд и окончательно отключается.

Теперь Элеонор в кромешной тьме.

Элеонор. С ними точно что-то случилось.

Вдалеке кто-то пьяно хохочет. Постепенно звук приближается.

Слышится чей-то крик и звон бутылок.

Элеонор *(испуганно)*. Встретить группу пьяных дебоширов ни чем не лучше, чем встретить маньяка.

У невидимой для зрителя машины включается сирена.

Элеонор. Почему так рано закрыли кинотеатр? По ощущениям прошло несколько часов, но сеанс столько не длится. Что же делать? У меня нет часов. И телефон я так неудачно разбила!.. Может быть, у них в рюкзаках есть часы? *(Роется в доверенных ей сумках. Нервно.)* Нет… А они всё не приходят. Что мне делать? Бежать в полицию и подавать в розыск? Да я даже фамилии Грегуара не знаю!

Сигнализация пикает ещё пару раз и замолкает.

Элеонор. Какая я трусиха! Боюсь оставаться в одиночестве как, как…

Диктор. Несмотря на своё тихое и стеснительное поведение, одиночество Элеонор очень не любила. Можно сказать, до такой степени, что в школу она шла с нетерпением, даже будучи уверенной, что её там не ждут.

Сцена 6

Начало лета, школьный двор. Лин и Элеонор сидят на лавочке и хрустят чипсами. Лин что-то увлечённо рассказывает Элеонор, та слушает с неподдельным интересом.

Лин. И вот, значит, я говорю Тиму: «Не пойду я ни в какой математический клуб! Я математики боюсь как огня, даром что шахматистка!»

Элеонор *(с робкой улыбкой)*. А разве ещё пару недель назад ты не была увлечена Диего?

Запрещено для коммерческого использования

Лин. Да нет! Им-то? Он полный дурак. Не знаю, что я в нём нашла тогда. А вот Тим, вот Тим!..

Элеонор грустнеет и опускает голову.

Лин *(удивлённо)*. Ленор, что с тобой? Ты его терпеть не можешь, да? Как Диего?

Элеонор. Нет, я его не знаю…

Лин. Ну так что тогда?

Элеонор *(тихо)*. Понимаешь… когда ты так увлекаешься кем-то, у меня появляется такое невыносимое чувство, такое… будто я теряю тебя.

Воцаряется недолгое молчание. Лин ошарашенно смотрит на Элеонор, а затем заключает её в крепкие объятия.

Лин. Ленор, милая моя! Ничто не разлучит нас с тобой, слышишь? Слышишь, что говорю? Ни один человек на планете, каким бы классным он ни был! Если хочешь… если хочешь, то я на него и смотреть не стану, на Тима-то! И ни на кого не стану. Хочешь?

Элеонор *(тепло улыбается)*. Не надо. Спасибо, Лин.

Лин. Да не за что! Давай лучше поговорим о Безумной Джилл. Ты о ней когда-нибудь слышала?

Между девушками завязывается разговор, неслышимый для зрителя.

Диктор. В этот момент Элеонор действительно любила Лин. Ей было очень непривычно осознавать, что кто-то совершенно серьёзно собирался пожертвовать чем-то очень важным ради неё. Это обескураживало, сбивало с толку… и вызывало в Элеонор глубокую благодарность.

СЦЕНА 7

Снова вход в кинотеатр. Элеонор стоит под выключенным фонарём ровно, словно солдатик, и ожидает. Весь шум стих, оставив Элеонор не только в полной темноте, но и в полной тишине.

Элеонор *(тихо)*. Не паниковать. Не двигаться. Просто ждать. Они придут. Непременно.

Подъезжает машина и освещает фарами Элеонор. Элеонор морщится от яркого света.

Не нервничать. Только не нервничать.

Из машины выходит водитель и подходит к Элеонор. Та пятится от него и натыкается на стену.

Водитель автомобиля. Простите, вы не видели тут девушку в шубке и голубом шарфике?

Запрещено для коммерческого использования

Элеонор *(испуганно)*. Не видела, только маньяка с красным шарфом и оранжевой шапкой в жёлтую полоску!

Водитель автомобиля *(возмущённо)*. Что за шутки?! Какой такой маньяк? Нет, подходят к человеку с важным вопросом, а он шутки шутит!

Элеонор сжимается. Водитель оглядывается в поисках человека посерьёзнее, но, не обнаружив никого, садится обратно в машину и уезжает. Элеонор выпрямляется. Машина фырчит вдали, а затем смолкает. Вновь становится темно и тихо.

Элеонор. У Лин проблемы. Я чувствую. Сколько я уже тут?..

Проходят несколько томительных для зрителя секунд, во время которых ничего не происходит. Вдруг издалека доносятся чьи-то шаги. Элеонор подпрыгивает от неожиданности.

(Испуганно.) Маньяк!

Тёмная фигура стремительно приближается ко входу в кинотеатр. Элеонор бежит от неё и уже поворачивает за угол, когда фигура хватает её за плечо. Элеонор с расширенными от ужаса глазами оборачивается. Фонарь резко зажигается, и Элеонор видит перед собой Лин.

Лин. Прости, пожалуйста, Ленор! Мы просто через другой выход прошли. Там была куча народу, и мы подумали, что было бы проще выйти через другие двери… Эй, ты чего?!

Элеонор прижимается лицом к груди Лин и начинает безудержно плакать. К кинотеатру неторопливо подходит Грегуар и патетически вздыхает.

Лин. Ленор, миленькая, ты обиделась, да?..

Элеонор отрывает голову от груди Лин.

Лин. Испугалась? Расстроилась? Кто-то тебя тронул? Что?

Элеонор *(отстраняется от Лин и вытирает рукавом лицо. Всхлипывает)*. Никогда… ни при каких обстоятельствах… я больше не пойду в кино!

Запрещено для коммерческого использования

Поэзия на русском языке

14 – 17 лет

Гудим-Левкович Елизавета, 15 лет
Российская Федерация, Архангельская область, г. Архангельск
КОРОНА ИМЕЕТ ВЕС 5

Лимаренко Богдан, 15 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
НА ВЫСОКИХ ВИБРАЦИЯХ 5
(НЕДОЛГО) ВЕЧНОСТЬ 6
ПЕРВАЯ СТРЕЛА 7
НЕЧАЯННО 7
РЕВЕРСЫ ЗАРИ 8

Устинкова Анна, 16 лет
Российская Федерация, г. Москва
ПОДБОРКА СТИХОТВОРЕНИЙ 8

Пищина Эрика, 17 лет
Российская Федерация, Астраханская область, г. Астрахань
РЫБЫ И ПТИЦЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 11

Ануфриева Елена, 17 лет
Российская Федерация, Архангельская область, г. Северодвинск
СНЕЖНЫЙ ШАР 13

Голодюк Юлия, 15 лет
Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск
ПРОИЗВОДСТВО ТЕРНОВЫХ ВЕНКОВ 14
КАК РОЖДАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ 15

Бутусова Анастасия, 14 лет
Российская Федерация, г. Москва
«ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР?» 16

Половинский Кирилл, 15 лет
Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар
ЛУННОЕ МОРЕ 17
НЕВЕРОЯТНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, СЛУЧИВШЕЕСЯ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ 18

Семенихина Алиса, 15 лет
Российская Федерация, г. Москва
ВСЕ МЫ В МАЕ МАЛОВМЕНЯЕМЫ 19

Запрещено для коммерческого использования

Содержание

Татар шигърияте

14 – 17 яшь

Ильясова Энҗе, 16 яшь
Татарстан, Актаныш авылы
СУЛА, СУГАРЫЛЫП, ЯҢГЫР ИСЕН!.. 23
АК ХЫЯЛЛАР – АП-АК ШОМЫРТЛАР УЛ 24
БҮГЕНГЕМНЕ ЮГАЛТУЫМ АҢЛЫЙМ 24

Хәсәнова Диләрә, 16 яшь
Татарстан, Чистай районы, Татар Гаделшасы авылы
ӨМЕТ КУЛЪЯУЛЫГЫ 25
УКЫТУЧЫМ 26
ӘГӘР РӘССАМ БУЛСАМ 28

Мөхәммәтова Зәлинә, 15 яшь
Татарстан, Байлар Сабасы ш.т.б.
НИК?.. 29
ТАТАР ТЕЛЕМ – ТУКАЙ ТЕЛЕ 29

Абдуллина Рәмзилә, 16 яшь
Татарстан, Әтнә районы, Иске Мәңгәр авылы
ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ МОҢЫ 30

Гарифҗанов Илдан, 15 яшь
Татарстан, Казан шәһәре
ӘБИЕМ КИҢӘШЛӘРЕ 31

Фатыйхова Мәликә, 14 яшь
Татарстан, Казан шәһәре
СОРАУ 32
МИНЕМ БИК БЕЛӘСЕМ КИЛӘ... 32

Гатиятова Динә, 17 яшь
Татарстан, Балык Бистәсе ш.т.б.
ТУКТАТЫГЫЗ, ЗИНҺАР, СУГЫШНЫ! 33

Проза на русском языке

14 – 17 лет

Нагайлик Ольга, 16 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
КИРА 35

Пчелина Ярослава, 16 лет
Российская Федерация, Краснодарский край, г. Краснодар
ПРОЦЕССОР 45

Трифонова Ариана, 17 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
ПРИСТАНЬ БЕЛОЙ ЛУНЫ 56

Прохоров Богдан, 17 лет
Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Сарапул
ЧЕХОЛ СУПЕРХИЩНИКА 69

Запрещено для коммерческого использования

Содержание

Гевлич Мария, 17 лет
Российская Федерация, г. Одинцово
ИНИЦИАТИВА 77

Свежинцева Анастасия, 16 лет
Российская Федерация, г. Москва
ШЕРШЕНЬ НА АРЕНЕ 79

Власова Мирослава, 14 лет
Российская Федерация, Республика Коми, г. Вуктыл
МИР БЕЗ СИЛЫ ТЯЖЕСТИ 88

Габрийчук Александра, 17 лет
Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Югорск
НЕПОЛНОЦЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК 93

Мартынова Станислава, 16 лет
Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Новочебоксарск
ЛЕСТНИЦА 102

Невежина Мария, 17 лет
Российская Федерация, г. Красноярск
БОЙСЯ ВЯЗГУ 107

Татар прозасы
14 – 17 яшь

Шакирова Лиана, 17 яшь
Татарстан, Актаныш авылы
БӘХЕТ БӘРӘҢГЕСЕ 113

Якупова Алия, 15 яшь
Татарстан, Чирмешән авылы
ЯЛГАН ДУСЛЫК 117

Фатыйхова Энҗе, 16 яшь
Татарстан, Казан шәһәре
ТӘРӘЗӘ 120

Семенеева Ангелина, 16 яшь
Саратов өлкәсе, Саратов шәһәре
КАРАҢГЫДА ЯШЕРЕРГӘ 121

Шәрәфиева Зилә, 14 яшь
Татарстан, Байлар Сабасы ш.т.б.
ХЫЯЛЛАР ЧЫНГА АШСА ИКӘН УЛ... 125

Яруллин Рәмзил, 15 яшь
Татарстан, Казан шәһәре
ТУКАЙГА СӘЯХӘТ 126

Әхмәтҗанов Ранис, 14 яшь
Татарстан, Казан шәһәре
СУГЫШ ӘЛЕ ЕРАКТА ИДЕ... 129

Запрещено для коммерческого использования

Гарипова Йолдыз, 14 лет
Татарстан, Балтач ш.т.б.
РӘХМӘТ, БАБАЙ! 131

Художественные переводы с английского языка на русский язык

14 – 17 лет

Полицковая Лада, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
“MY EVIL MOTHER” BY MARGARET ATWOOD 134
МАРГАРЕТ ЭТВУД «МОЯ МАМА – ВЕДЬМА» 135

Гилязова Камилла, 14 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Зеленодольск
“POETRY AND THE MICROPHONE” BY GEORGE ORWELL 150
ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ «ПОЭЗИЯ И МИКРОФОН» 151

Воронина Влада, 15 лет
Российская Федерация, г. Выборг
“PAY ATTENTION, CARTER JONES” BY GARY SCHMIDT 164
ГЭРИ ШМИДТ «БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ, КАРТЕР ДЖОНС» 165

Жданова Анна, 16 лет
Российская Федерация, Донецкая Народная Республика, г. Донецк
“TIMBUKTU” BY PAUL AUSTER 172
ПОЛ ОСТЕР «ТИМБУКТУ» 173

Краснов Дамир, 15 лет
Российская Федерация, Чувашская Республика, г. Вурнары
“THE GOLD BUG” BY EDGAR ALLAN POE 184
ЭДГАР ПО «ЗОЛОТОЙ ЖУК» 185

Исаева Надежда, 16 лет
Российская Федерация, Брянская область, г. Брянск
“LOVE CONTEST” BY RAY BRADBURY 190
РЭЙ БРЭДБЕРИ «НАУЧНЫЙ ПОДХОД» 191

Менькова Алёна, 17 лет
Российская Федерация, г. Москва
“FRANKENSTEIN” BY MARY SHELLEY 204
МЭРИ ШЕЛЛИ «ФРАНКЕНШТЕЙН» 205

Туишева Альфия, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
“SHOOTING AN ELEPHANT” BY GEORGE ORWELL 214
ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ «СТРЕЛЬБА В СЛОНА» 215

Ласковская Дарина, 16 лет
Российская Федерация, Республика Крым, г. Гурзуф
“MINA’S MATCHBOX” BY YOKO OGAWA 226
ЁКО ОГАВА «СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК МИНЫ» 227

Драница Юлия, 16 лет
Российская Федерация, Самарская область, г. Тольятти
“LITTLE WOMEN” BY LOUISA MAY ALCOTT 234
ЛУИЗА ОЛКОТТ «МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ» 235

Запрещено для коммерческого использования

Кычанова Полина, 16 лет
Российская Федерация, Калининградская область, г. Гурьевск
"I HAVE NOTHING TO WEAR" BY TINA BENCIK 236
ТИНА БЕНЧИК «АБСОЛЮТНО НЕЧЕГО НАДЕТЬ!» 237

Фазлетдинова София, 16 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
"ORIENTATION" BY DANIEL OROZCO 244
ДАНИЭЛЬ ОРОСКО "ОРИЕНТАЦИЯ" 245

Эссеистика на русском языке

14 – 17 лет

Курсова Юлия, 15 лет
Российская Федерация, Республика Марий Эл, п.г.т. Медведево
МОИ РАЗДУМЬЯ О БУЛЛИНГЕ 256

Логиновских Павел, 17 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург
ЧЕЛОВЕК ГЛАЗЕЮЩИЙ: ВЛИЯНИЕ ВИДЕОКОНТЕНТА НА СОЗНАНИЕ 260

Алексеенко Никита, 15 лет
Российская Федерация, г. Москва
КАПЛЯ 262

Руденкова Валерия, 17 лет
Российская Федерация, г. Москва
БУДУЩЕЕ СОВСЕМ СКОРО 262

Тищенко Катерина, 15 лет
Российская Федерация, г. Озёры
ЭХ, ДЕРЁВНЯ! ИЛИ КАК ЖИВЁТСЯ В ПРОВИНЦИИ 264

Нагорнова Ульяна, 18 лет
Российская Федерация, Самарская область, г. Самара
ЭКСПРЕСС В МЕДИАМИР БУДУЩЕГО 266

Тесля Вероника, 14 лет
Российская Федерация, Луганская Народная Республика, г. Луганск
FIGNYA MELKAYA, ИЛИ КРИЗИС ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА 269

Плесовских Анна, 17 лет
Российская Федерация, Тюменская область, г. Тобольск
ЗАЧЕМ НАМ ОБ ЭТОМ ЗНАТЬ? 273

Зоирова Дарья, 14 лет
Российская Федерация, Республика Марий Эл, п.г.т. Медведево
КОЕ-ЧТО О КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ... 279

Медведенко Артём, 16 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
ИСТОРИЯ ПРО БЛОКАДУ ЛЕНИНГРАДА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА 282

Запрещено для коммерческого использования

Содержание

Билингвы

14 – 17 лет

Басков Ярослав, 17 лет
Болгария, г. Варна
СТИХИ 285
ЗАКАТ 285
ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ 286
КРУГОВОРОТ ВОДЫ В ПРИРОДЕ 286
АСТРОНОМИЧЕСКИЕ СУМЕРКИ 287

Хангай Маргад Сартуул, 14 лет
Монголия, г. Улан-Батор
НА БЕРЕГУ ХАЛХИН-ГОЛА 288

Гуджар Мухаммад-Сулейман Манзурович, 15 лет
Пакистан, г. Исламабад
ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ, ЛЕТИТЕ... 300

Гао Михаил-Акила Сергеевич, 16 лет
Китай, Гуандун, г. Чжухай
СКАЗ О ТОМ, КАК КИТАЕЦ К АРАБУ В ПИТЕР ЕЗДИЛ 302

Воробьёва Ярослава, 17 лет
Казахстан, Восточно-Казахстанская область, г. Усть-Каменогорск
ЛЕТАВИЦЫ 312

Степанова Валерия, 15 лет
Казахстан, Актюбинская область, г. Актобе
ДРУЖБА БЕЗ СЛОВ 320

Мухамедова Амина, 17 лет
Таджикистан, Согдийская область, г. Худжанд
УДИВИТЕЛЬНАЯ И НЕМНОГО ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ О НЕЧТО 325

Колесников Иван, 15 лет
Кипр, г. Лимасол
РАДИОЛЮБИТЕЛЬ 329

Сергеев Кирилл, 17 лет
Молдова, г. Рыбница
ОСНОВАНО НА ВОСПОМИНАНИЯХ УЗНИКОВ ГЕТТО ГОРОДА РЫБНИЦА 331

Букас Дарья, 17 лет
Беларусь, Минская область, г. Минск
НА ПАСХУ 336

Запрещено для коммерческого использования

Драматургия

14 – 17 лет

Назарова Карина, 17 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург
БЕЗ ДАТЫ, БЕЗ ПОДПИСИ 338

Лисаченко Екатерина, 15 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург
В ЦВЕТНИКЕ 350

Егоркина Мария, 17 лет
Российская Федерация, Московская область, г. Воскресенск
МАГАЗИН НОСТАЛЬГИИ 367

Сибилева Эмилия, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
ТЕАТРАЛЫ 375

Шинкарёва Екатерина, 15 лет
Российская Федерация, Свердловская область, г. Нижняя Салда
ШАРИК В ЛИМПУПУЗИ 389

Нечаева Дарья, 14 лет
Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп
Я НЕ ВОЛШЕБНИК. Я ТОЛЬКО УЧУСЬ 402

Ахметзянова Сафира, 17 лет
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
ПОЗДНО... 410

Киселёв Владислав, 17 лет
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
ЦВЕТ НАДЕЖДЫ 416

Ролле Алиса, 14 лет
Франция, г. Париж
НОЧЬ. УЛИЦА. ФОНАРЬ. КИНО 422

Запрещено для коммерческого использования

Благотворительный фонд «Счастливые истории»
420081, г. Казань, ул. Тулпар, д. 7
+7 (843) 5 - 610 - 612
fond-happystories@mail.ru
glagolitsa-rt@yandex.ru
www.glagolitsa-rt.ru
vk:@glagolitsa_rt

Альманах № 12
Глаголица-2025

Сборник произведений

Редактор и корректор татарской части – *Рифат Салахов*
Редактор и корректор русской части – *Елена Исламова*
Редактор и корректор английской части – *Ольга Варшавер*
Дизайн обложки – *Юлия Прохорова*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Рамили Мансуровой*

Подписано в печать 31.07.2025 г. Формат 70×108 1/16.
Объём 38,5 усл. печ. л. Бумага офсетная.
Заказ № 367. Тираж 120 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфической компании «Бриг»
420097, г. Казань, ул. Академическая, д. 2.
тел./факс: +7 (843) 537-91-63

Запрещено для коммерческого использования

ЧИТАЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОИХ ЮНЫХ КОЛЛЕГ, Я ЗАБЫВАЮ ОБ ИХ ВОЗРАСТЕ. И С УДОВОЛЬСТВИЕМ ОТМЕЧАЮ СВЕЖУЮ МЕТАФОРУ, ТОНКИЙ СЛОВЕСНЫЙ КАЛАМБУР, ПОЛНЫЙ ЮМОРА ДИАЛОГ, ЗЛОБОДНЕВНОСТЬ И ОСТРОТУ СЮЖЕТА. ВСЕГО ЭТОГО ДОВОЛЬНО В ТЕКСТАХ ДАННОГО СБОРНИКА. РАЗУМЕЕТСЯ, ВСЕ УЧАСТНИКИ ОЧЕРЕДНОЙ «ГЛАГОЛИЦЫ» ДОСТОЙНЫ ВСЯЧЕСКИХ ПОХВАЛ. ОДНАКО, МНЕ КАЖЕТСЯ, ГЛАВНОЕ НЕ В ЗАСЛУЖЕННОМ ОДОБРЕНИИ НАСТАВНИКОВ, А В УНИКАЛЬНОЙ АТМОСФЕРЕ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ, ИСКРЕННОСТИ, ЧЕСТНОСТИ, КОТОРАЯ ТАК НЕОБХОДИМА ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА. ПОЭТОМУ ХОЧУ ПОЖЕЛАТЬ ЮНЫМ АВТОРАМ: БЕРЕГИТЕ ЭТУ АТМОСФЕРУ. ПОМНИТЕ, ЧТО ВЫ НЕ ОДИНОКИ, ВЫ СРЕДИ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ, КОТОРЫЕ В ВАС ВЕРЯТ. ВЕРЬТЕ И ВЫ В СЕБЯ, В СВОЙ ТАЛАНТ, ТАК ЖЕ, КАК ВЕРЮ В ВАС Я.

Сергей Махотин,

поэт, прозаик, лауреат премии «Алые паруса», лауреат премий им. С. Маршака и К. Чуковского, обладатель Почётного диплома Международного совета по детской книге

ПО-МОЕМУ, ПРЕМИЯ «ГЛАГОЛИЦА», ОТМЕТИВШАЯ В ПРОШЛОМ ГОДУ СВОЁ ДЕСЯТИЛЕТИЕ, ПЕРЕШЛА НА НОВЫЙ КАЧЕСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ И СТАЛА ОБРАЗОМ ЖИЗНИ МНОГИХ РЕБЯТ, С МАЛЫХ ЛЕТ ПОСВЯТИВШИХ СЕБЯ ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ. ОНА СТАЛА ОБРАЗОМ ЖИЗНИ И ДЛЯ ОРГАНИЗАТОРОВ ЭТОГО ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО КОНКУРСА, А ТАКЖЕ ДЛЯ ЧЛЕНОВ ЖЮРИ И ДРУЗЕЙ-ЭКСПЕРТОВ, АКТИВНО УЧАСТВУЮЩИХ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПРЕМИИ. В МОЁМ РАБОЧЕМ ГРАФИКЕ ЭТОТ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ОТМЕЧЕН КРАСНЫМ ЦВЕТОМ, И Я ТЩАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ГОТОВЛЮСЬ К НОВЫМ ОТКРЫТИЯМИ. ОТКРЫТИЯ НАЧИНАЮТСЯ ИМЕННО С ЭТОГО ЕЖЕГОДНОГО СБОРНИКА, В КОТОРОМ СОБРАНЫ ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ АВТОРОВ. МНЕ ОСОБЕННО ИНТЕРЕСЕН ТОТ АВТОР, КОТОРЫЙ В ПРОШЛОМ УДИВИЛ НЕОБЫЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ОПЫТОМ И ДАЛ НАДЕЖДУ НА ТО, ЧТО СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА СТАНЕТ ЕЩЁ БОГАЧЕ И ИНТЕРЕСНЕЕ. МЫСЛЕННО ЖЕЛАЮ ВСЕМ АВТОРАМ УСПЕХОВ И ПРИНЯТЬ В СВОЁ МОЛОДОЕ СЕРДЦЕ И МНОГООБЕЩАЮЩУЮ СУДЬБУ НЕПОВТОРИМЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ «ГЛАГОЛИЦУ».

Галимзян Гильманов

писатель, поэт, Лауреат премий имени А.Алиша и Ф.Хусни, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан

МИНЕМЧӘ, УЗГАН ЕЛ УН ЯШЕН БИЛГЕЛӘП ҮТКӘН «ГЛАГОЛИЦА» ПРЕМИЯСЕ БҮГЕНГЕ КӨНДӘ ЯҢА СЫЙФАТ ҮСЕШЕНӘ ИРЕШТЕ, ҮЗЛӘРЕН ӘДӘБИ ИҖАТКА БАГЫШЛАГАН ЯШЬ ИҖАТЧЫЛАР ӨЧЕН ЯШӘҮ РӘВЕШЕНӘ ӘВЕРЕЛДЕ. УЛ ШУЛАЙ УК БУ ПРЕМИЯНЕ ГАМӘЛГӘ КУЙГАН ҖИТӘКЧЕЛӘР ҺӘМ ОЕШТЫРУЧЫЛАР, КОНКУРС ЧАРАЛАРЫН ҮТКӘРҮДӘ АКТИВ КАТНАШКАН ЖЮРИ ӘГЪЗАЛАРЫ, ЭКСПЕРТ ДУСЛАР ӨЧЕН ДӘ ЯШӘҮ РӘВЕШЕ БУЛЫП КИТТЕ. МИНЕМ ЭШ ГРАФИГЫНДА БУ ТАРИХИ КӨННӘР КЫЗЫЛ ТӨС БЕЛӘН БИЛГЕЛӘНГӘН: ҺӘМ МИН ЯҢА АЧЫШЛАРГА ҮТӘ ДӘ ҖЕНТЕКЛӘП ӘЗЕРЛӘНӘМ. БУ АЧЫШЛАР НӘКЪ МЕНӘ ӘЛЕГЕ КОНКУРСТА КАТНАШУЧЫЛАРНЫҢ ИҢ ЯХШЫ ӘСӘРЛӘРЕ ТУПЛАНГАН ТРАДИЦИОН ҖЫЕНТЫКТАН БАШЛАНА. МИҢА БИГРӘК ТӘ УЗГАН ЕЛДА ҮЗЕНЧӘЛЕКЛЕ ӘДӘБИ ТӘҖРИБӘЛӘРЕ БЕЛӘН КҮҢЕЛГӘ КЕРЕП КАЛГАН ЯШЬ АВТОРЛАР КЫЗЫК.

Галимҗан Гыйльманов

Язучы, шагыйрь, А.Алиш, Ф. Хөсни исемендәге әдәби премияләр лауреаты, Татарстанның атказанган сәнгать эшлеклесе

КАЗАНЬ, 2025